

О ТОМ,
ПОЧЕМУ С НАМИ
ПРОИСХОДЯТ
«СЛУЧАЙНЫЕ»
СОБЫТИЯ

О ТОМ, ПОЧЕМУ С НАМИ ПРОИСХОДЯТ «СЛУЧАЙНЫЕ» СОБЫТИЯ

**Таинственное
и непостижимое действие
Промысла Божия
в окружающем нас мире
и в жизни
каждого человека**

**НОВАЯ МЫСЛЬ
МОСКВА
2011**

ББК 86.37
Ф-76

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

ИС 11-113-1421

Фомин А. В. Составитель.

О том, почему с нами происходят «случайные» события. — М.: 2011. — 576 с.

ISBN 978-5-902716-24-2

Едва ли не у каждого из нас есть в прошлом факты, говорящие о связи с духовным миром, материалистически необъяснимые, ясно свидетельствующие, что над нами есть Недреmlющее Око. Только многие люди закрывают глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать. Но чаще бывает, что люди помнят такие факты, да не в силах согласовать с их голосом свою жизнь. В минуты раздумья или задушевной беседы всплывает наверх это таинственное, чтобы потом снова уйти в тайники памяти. О том, почему с нами происходят «случайные» события, о таинственном и непостижимом действии Промысла Божия в окружающем нас мире и в жизни каждого человека расскажет эта книга.

© Фомин А. В. Составитель,
2008.

© ООО «Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2008.

ISBN 978-5-902716-24-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни каждого из нас есть множество событий, которые или остаются незамеченными, или бессмысленно приписываются случаю, но которые, при сколько-нибудь внимательном взгляде, носят на себе явную печать особенного Промысла и всецело принадлежат к разряду таких явлений, которые у верующих называются чудесами, а у неверующих — необъяснимыми случаями.

Высокомерие отрицает все, что считается непостижимым и что выступает за пределы естественного закона бессознательной природы. Между тем налицо имеется множество фактов, свидетельствующих о совершившихся, совершающихся и поныне событиях в судьбах народов, которыми невидимо управляет только один Всеведущий, Всеправеднейший и Всесвятой Владыка Вселенной.

«Человеку невнимательному и ведущему рассеянный образ жизни представляется, что все течет своим чередом, что все события являются результатом случайного стечения об-

стоятельств. Такому несерьезному человеку кажется, что Бог, если Он и есть, находится где-то далеко на небе, что Он не интересуется нашим миром, так как этот мир слишком мал и ничтожен в очах Божьих. Люди, думающие так, относятся к так называемым деистам. Деистическое учение о Боге получило особенно широкое распространение на Западе в последние столетия, когда люди стали терять живой контакт с Богом в Церкви, таинствах и молитве. Такие люди обычно бывают в то же время суеверными. Большое значение придают влиянию звезд на человеческую жизнь, следят за всякими глупыми предметами, например, чтобы кошка не перебежала дорогу, чтобы не рассыпать соль на столе, не здороваться через порог, не спать ногами к дверям и так далее. У некоторых суеверных людей количество таких примет достигает огромного числа. Но напрасно эти люди только усложняют свою жизнь. Если на все эти глупые суеверные приметы не обращать внимания, то будет лучше всего, ибо всем миром вообще и жизнью каждого человека, в частности, управляет Бог.

Мы молимся: «Отче наш, Иже еси на небесех», но в то же время знаем, что Бог есть всюду, ибо Он есть чистейший Дух, везде сый, то есть вездесущий. Потому Псалмопевец Давид восклицает: «Куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду

ли на небо — Ты там, сойду ли в преисподнюю — и Ты там. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя. Скажу ли: может быть, тьма сокроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью, но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет».

Некоторые люди согласны с тем, что миром, взятым в целом, управляет не случай, но Бог. Однако же думают, что Бог не заботится о каждом человеке в частности, так как он слишком мал и ничтожен, и где там Богу заботиться о таком огромном количестве существ, когда их всех и не пересчитаешь. Но такие рассуждения неправильны и греховны. Если Бог, выражаясь по человеческим понятиям, удостоил бытия такие ничтожные существа, как микробы, и каждому из них дал особый состав, форму и устройство, то почему эти существа недостойны заботы Божией в дальнейшем? Бог позаботился дать им жизнь, Он же заботится и дальше об их жизни. Говорят, что живых существ чересчур много. Но какое право мы имеем нашу ограниченность приписывать Богу? Ведь Он бесконечен в Своих совершенствах.

Спаситель сказал, что даже самая малая птичка не упадет без воли Божией (Мф. 10, 29), тем более ничто в нашей жизни не может произойти помимо Его воли. Все доброе

и хорошее посылается Господом, ибо Он есть вечный источник всех благ. Все же злое не посылается непосредственно Богом, ибо у Бога нет и тени зла. Но Господь попускает злу иногда вредить нам ради нашей пользы и спасения. В данном случае разные неприятности имеют то же действие, какое имеют горькие, неприятные, но в то же время спасительные лекарства. Почти все лекарства и медицинские операции являются для нас неприятными, но мы все равно к ним прибегаем, ибо знаем их пользу и необходимость.

Обо всем промышляет Господь, всему дает жизнь, все ведет к определенным целям водворения правды и добра»¹.

¹ Епископ Александр (Милеант). Миссионерский Листок № 84. Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы.

Глава 1

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖИЯ В МИРЕ

СЛУЧАЙНЫ ЛИ «СЛУЧАЙНЫЕ» СОБЫТИЯ?

В 1982 году газета «Правда» поместила беседу Галины Кожуховой с известным всем Юрием Никулиным. Вот что, в частности, поведал популярный артист многочисленным читателям газеты. Однажды к нему зашел сосед, и они почему-то заговорили о песнях. Юрий Владимирович сказал ему, что очень любит песни Булата Окуджавы, особенно про войну. И сказал еще, что Б. Окуджава обещал написать ему песню о клоунах. «Но пока такой песни нет, — добавил Ю. Никулин, — я довольствуюсь старой шуточкой про Ваньку Морозова, полюбившего циркачку». Когда сосед ушел, Никулин отправился по своим

делам. Проезжая мимо Красных Ворот, он обратил внимание на то, что двое сотрудников ГАИ остановили автомобиль «Жигули» и ведут беседу с его владельцем. Перед светофором, высунувшись из окна машины, артист обратился к ним со словами из песни: «За что ж вы Ваньку-то Морозова? Ведь он ни в чем не виноват...» Только Никулин это произнес, как дали зеленый свет, и его машина тронулась. Через два квартала водитель «Жигулей» догнал артиста и сделал ему знак остановиться, Никулин останавливается, подходит к нему незнакомый мужчина и говорит: «Спасибо. Уважили Вашу просьбу. Хотя я действительно почти не виноват... Только вот никак не пойму: откуда вы меня знаете?» Оказалось, что хозяина «Жигулей» зовут Иван Морозов.

История, несомненно, неординарная. Как могла выстроиться такая закономерность? Юрий Владимирович сначала рассказывает соседу о том, что ему нравится песня про Ваньку Морозова, а спустя некоторое время обращается к постовым, чтобы отпустили задержанного, так как он, Ванька Морозов, ни в чем не виноват. Впоследствии оказывается, что неизвестный ему гражданин и в самом деле Иван Морозов.

По теории вероятностей такого не должно было бы произойти, тем более в многомиллионной Москве. Но случай реальный, произо-
8

шел. Не верить знаменитому артисту нет никаких оснований.

А то, что любопытные, не укладывающиеся в рамки наших обычных представлений всевозможного рода истории есть, подтверждают и другие факты. Вот некоторые из них.

В плане наших рассуждений заслуживает внимания статья Ярослава Голованова, опубликованная в июле 1989 года в «Комсомольской правде».

Она так и называется «Судьба». А рассказывается в ней о гибели космонавта Владимира Михайловича Комарова.

Произошло это трагическое событие весной 1967 года. В это время был назначен пилотируемый испытательный полет космического аппарата по достаточно сложной программе. Смысл ее заключался в том, что первым на трехместном «Союзе» стартует Комаров. А на следующий день должен был выйти на орбиту другой «Союз» с экипажем, в который входили Валерий Быковский, Алексей Елисеев, Евгений Хрунов. Далее предполагалось, что первый «Союз» приблизится ко второму, состыкуется с ним, и из него перейдут к Комарову через открытый космос Елисеев и Хрунов. Затем космические аппараты должны расстыковаться и подготовиться к посадке.

Старт управляемого Комаровым «Союза» прошел успешно, корабль вышел на космическую орбиту, однако дальше начались непо-

ладки. Одна из панелей солнечных батарей корабля никак не могла раскрыться. Что-то в ней заклинило, хотя, по мнению специалистов, этого как раз и не должно было случиться. Принцип ее работы был максимально прост. Но, может быть, простота как раз и подвела? Факт тот, что «Союз» оказался лишен энергетического ресурса, без которого невозможно было выполнение намеченной программы.

Государственная комиссия постановила: ввиду возникших осложнений второй «Союз» с тремя космонавтами не запускать, а Комарову подготовиться на подходящем витке к посадке. На том и порешили.

Где-то над Африкой была включена тормозная система «Союза», и через некоторое время на нашей территории корабль вошел в зону радиоконтроля наземных станций. По последним докладам Владимира Михайловича, все складывалось лучшим образом. Голос его был спокоен, что указывало на уверенность космонавта. Затем связь с Землей прекратилась, а через некоторое время поступило сообщение экипажа поискового самолета: «Вижу «Союз». Рядом люди. К кораблю идут машины...»

Приземлившись около корабля, группа спасателей увидела, что он разбился. Как потом оказалось, несовершенство конструкций парашютного блока привело к тому, что па-

10

рашюты не раскрылись вовремя. Столкнувшись с землей на большой скорости, «Союз» раскололся на части и загорелся. Остаться в живых в таких условиях не представлялось возможным.

А теперь представим себе на мгновение, что панель солнечных батарей космического аппарата, управляемого Комаровым, раскрылась бы, как требовалось по условиям полета. В этом случае, естественно, запустился бы второй корабль, из него перешли бы в первый еще два космонавта, а затем... А затем была бы неминуема гибель троих, так как роковая ошибка в конструкции «Союза» уже воплотилась в металл.

Известны и другие удивительные истории, которые трудно объяснить.

Математик Уильям Кокс (США) задался целью проанализировать статистический материал, связанный с числом пассажиров в поездах и самолетах, потерпевших крушение. Оказалось, что всякий раз при катастрофе пассажиров было меньше нормы. То есть опоздавших, сдавших билеты и просто отказавшихся от поездки было больше, чем обычно. Странную закономерность можно объяснить лишь тем, что в катастрофы попадают люди несчастные.

Представляющееся нам случайным в действительности происходит по воле Божией. Если мы рассматриваем какие бы то ни было

происшествия и явления, не вникая в их причины и последствия, то нам многое кажется случайным. Если же посмотрим на них с истинной точки зрения, т. е. по разуму Божию судить будем о явлениях, происходящих в мире, то увидим, что в мире нет ничего случайного, что происходило бы без воли и без Провидения Божия. Разум Божий (Промысл, попечение Божие) безграничен и обнимает все, подлежащее нашему пониманию. Всемогуший Бог в одно мгновение проникает и видит все места: высоту неба и широту земли, глубину моря и неведомое в преисподних местах.

Во всех делах Божественного правления дивно сияет Его Провидение и попечение, которое не только распоряжается по Своей власти всеми созданиями, но присуще им и пребывает в них. Мы, слепые, думаем, что многое в мире бывает по слепому случаю, тогда как все без исключения происходит по предвечному совету Божию, по благоволению и Провидению Его.

Справедливо сказал Августин: «Все то, что, не понимая, считаем мы происходящим случайно, неразумно и без всякого Божия распоряжения, совершается по Божьему устройению». Объясним это примером. Господин посылает двоих слуг в одно и то же место, но различными дорогами, не сказав об этом ни тому, ни другому. Встреча их в том месте

есть случайная по отношению к слугам: они не думали встретиться друг с другом, но не случайная по отношению к господину. Таким же образом нищий находит клад (закопанное сокровище, деньги) случайно, но для Бога, благоволившего, чтобы сокровище было там закопано, чтобы этот нищий нашел его и обогатился, — это уже не случайность, но Божие отеческое Провидение, обогащающее бедняка. У Бога не бывает случайностей.

Часто мы обманываемся, называя случайностью то, в чем открывается высочайшая Божия Премудрость и Провидение.

«Многие не видят милости Божией. Бывали разные случаи. Один человек все роптал, что Мать Божия, Господь не помогают ему ни в чем. Однажды явился к нему Ангел и сказал: «Вспомни, вот когда вы на лодке плыли с друзьями, лодка перевернулась, и твой друг утонул, а ты жив остался. Тебя тогда Мать Божия спасла; Она слышала и внимала молитвам твоей матери. А теперь вспомни, когда вы ехали на бричке и конь рванул в сторону — бричка перевернулась. Друг с тобой сидел; он был убит, а ты остался жив». И стал Ангел приводить столько случаев, которые были с этим человеком в его жизни, сколько раз грозила ему смерть или неприятность и все проносило мимо него... Просто мы слепы и думаем, что все это случайно, поэтому не благодарны Госпо-

ду за спасение нас от бед». (Из книги архимандрита Амвросия «Вопросы о Боге, вере, душе и спасении».)

Люди неверия смотрят по-своему. Они всеми силами стараются уверить нас о невмешательстве Промысла Божия в судьбу человека и все приписывают естественным и случайным законам природы.

Если есть Бог, то Он что-нибудь делает, хранит, ведет, управляет, значит, есть Промысл, есть путь, есть цель для Земли, для вселенной.

Создавший ухо неужели не слышит? И устроивший глаз неужто не смотрит? Сознательная сила творящая — это Бог. Сознательную управляющую силу мы называем Его Божественным Промыслом, Провидением. Не в этом ли смысле сказано, что ни одна птица не упадет на землю без воли Отца Небесного, у вас же и волосы все на голове сочтены?

Все говорят: от семени. А кто произвел семя? Кто образует из него сродное ему тело? Кто устраивает органы чувств и пищеварения? Кто превращает пищу в плоть? Кто сохраняет и передает это семя из рода в род? Кто, кто, кто, да этим «кто?» не может быть и конца, и ни на один из них разум человеческий ответить не в состоянии. Одно слово Божие указывает нам действующую силу во всемогущем, однажды навсегда изреченном слове Творца «да будет!».

Да ведь это более чем чудесно, а чудесам отрицатели не верят.

Здесь вполне видна вся печальная несостоятельность логики людей отрицания и их ложного учения.

Эти близорукие и слепые скептики зашли в настоящее время за пределы всякого здравого смысла. Веря в одну только слепую силу природы и выдавая ее за Бога, они не видят, что этим голословным учением создают самую дикую и всеразрушающую анархию (беспорядок) не в одной только религии, но и в священном очаге семьи, обществе и государстве.

Вот до какого прискорбного и жалкого положения могут прийти люди по своему безбожному заблуждению.

О, несчастное и гибельное время! Время сумасбродного неверия. Нет, говорят, Промысла. Самосущая природа сама и управляет собой. Все произошло само собой.

Отчего же ныне ничто не происходит само собой? Отчего не только ни один человек, но и ни одно животное не явились на свет сами собой? Почему не только ничего не происходит нового, но и старое не подвергается ни малейшему изменению?

Какая, значит, умная это управительница, сама неизвестно как и откуда получившая свое бытие. Как премудро она сотворила и образовала человека, как позаботилась

о распространении рода человеческого, да ведь не забыла и того, чем должен питаться человек. Сколько и каких разнообразных плодов ежегодно является на земле, которыми род человеческий, состоящий из многих миллионов человек, обильно насыщается! Что, если бы природа, сотворив человека, оставила его без пищи вовсе? А ведь этого и можно было ожидать от природы, лишенной разума. О, слепота ума человеческого!

Все люди должны твердо знать, что только Бог есть источник счастья, мира и блаженства. Утешения и радости видимого мира Господь создал для нашей телесной природы. Но человек, пользуясь всем с умеренностью и обладая разумной душой, не должен забывать Бога. Ведь душа ничем земным и вещественным удовлетвориться не может. В большинстве же случаев так получается, что мы с какой-то ненасытностью удовлетворяем наши телесные пожелания, о душе же и о ее духовных нуждах совсем забываем. Поэтому Господь, который не хочет, чтобы мы от нашего призвания быть сынами Божиими снисходили на степень неразумных животных, посылает нам различные скорби. Таким образом мы, будучи биты в том, чего неразумно ищем, понемногу начинаем понимать суетность нашей деятельности и обращаемся к Богу.

Мы все должны твердо знать, что Бог бесконечно благ, что Он хочет только нашего

счастья и спасения, потому должны с благодарностью принимать от Него различные скорби. Ведь и дети не перестают любить родителей, когда эти их справедливо наказывают, ибо знают, что родители им хотят только добра. Господь, как сказано в Писании, кого любит, того наказывает.

Если Господь постоянно промышляет о нас, то есть заботится о нашей жизни и спасении, то и мы должны научиться следить за действиями Промысла Божия в нашей жизни. Иногда мы замечаем, что у нас что-нибудь происходит вопреки нашим желаниям. Мы тогда сердимся, негодуем, ропщем на судьбу, и только потом, спустя много лет, мы понимаем, что лучше было, что сложилось так, ибо в противном случае было бы нам гораздо хуже. Мы, христиане, не должны столько радоваться удачам, сколько благодарить Бога за скорби, ибо скорби нас очищают от страстей, а земные успехи ведут к забвению Бога и цели нашей земной жизни.

ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА ЖИЗНИ

Пред мыслью человеческой стоит великая загадка жизни мира и жизни человеческой, с неотразимой силой требующая себе разрешения. Эта загадка — вопрос о том, кто, какая сила управляет миром и нашей жизнью?

Самые сильные и лучшие умы древности стремились разрешить эту загадку и при всех своих усилиях не могли пролить полного света на этот вопрос и дать на него ответ. Одно Божественное Откровение, как ясный луч с неба, развеяло мглу, облежавшую великий предмет, стоящий пред нашим мысленным взором. Но и после того, как воссиял этот луч, многие не хотят пользоваться его светом и, отвращая от него мысленный взор свой, колеблющейся мыслью ищут во тьме руководящую нить, ведущую к разрешению великой загадки. И блуждания слабой, но гордой самонадеянной мысли, которой многие соблазняются, делают не лишним разъяснение для нашей веры вопроса, прекрасно решенного Откровением.

Вопрос, нами поставленный, чрезвычайно широк. В ответ на него написаны многие тома, и мы не думаем исследовать его во всей полноте. Мы хотим наметить только главные пункты, которые могут послужить к уяснению предмета, своим величием подавляющего естественную мысль.

Главный пункт в этом вопросе, который тревожит нашу мысль и, как острое жало, уязвляет нашу душу, в том, что жизнь наша полна противоречий. В нас вложено неудержимое стремление к счастью. Мы ждем от жизни и ищем в ней радостей и наслаждений. А что дает она нам? Нас окружают беды и

страдания; мы видим слезы, которые не перестают орошать наши глаза; слышим тяжелые вздохания и плач, которому не умолкнуть на земле. Плачем встречает человек свое явление на свет; бежит от горя-злосчастия в течение своей краткой жизни, а оно обгоняет его и находит не только в хижине бедной вдовы, но и в раззолоченных палатах богача. И когда в смертельной болезни растает он с жизнью и в изнеможении уже не может плакать, то плачут над ним и за него другие, близкие ему и окружающие его. Когда мы расширим горизонт и посмотрим на судьбу царств и народов на свитке дел человеческих, увидим крупными буквами написанное рыдание и жалость. История окружает славой иные царства и народы, достигающие, по-видимому, верха могущества и благоденствия. Но эта слава и это могущество нелегко достаются. На костях сотен и тысяч строится величие царств, и обильной кровью орошен путь, ведущий к славе. И эта крепость и это могущество царств и народов подвержены тяжелой, неотразимой судьбе всего конечного. Были сильные державы, поработительницы соседних народов, властительницы мира. А где их всесветное могущество?

В себе и вокруг себя мы ищем нравственного совершенства. Добро, как и счастье, стоит перед нами, как заветная цель, к которой влечет нас внутреннее чувство. Но это

желанное добро, как и счастье, не дается нам. Гнездится грех в нас, и дикие поросли злого начала заглушают добрые семена, посеянные на почве наших душ творческой рукой. Мы желаем видеть всюду светлые картины добродетелей, а наш взор поражается оргиями порока и безобразиями разных видов зла.

Спору нет, исполнена печалей жизнь наша. Но да не дерзаем возносить за них хулу и ропот на всеблагото Творца — Правителя вселенной. Не Он, а мы сами посеяли на земле семя болезней, скорбей, вражды и беспокойства. Вы знаете, что Господь, создавший все добрым, ввел нас или наших прародителей в рай сладости, и в этом раю сладости они не чувствовали ни нужды, ни печали, не испытывали ни болезни, ни стыда, ни страха, ни беспокойства. Но мы сами лишили себя этого рая сладости, отступив от повиновения Богу и Его закону и отторгшись от единого источника всякого блаженства. Мы стали тогда точно ветвь, оторвавшаяся от корня и ствола дерева и лишившаяся живительных соков. Нам ясно раскрыло причину этого несчастного переворота Божественное Откровение, и отголоски этого откровенного слова слышатся в темных воспоминаниях о золотом веке, какие встречаются у всех народов. Но Господь не оставил нас в нашем печальном состоянии — и после падения взыскал нас своей милостью

20

и любовью. С велением Божиим мерцал свыше луч надежды на спасение, одушевлявший наших праотцев, а для нас воссиял уже полный свет, разогнавший прежнюю тьму, и мы можем предвкушать блаженство, нас ожидающее. Мы живем в чаянии откровения славы будущего века (Рим. 8, 18, 20), и это сладкое чаяние способно ослабить горечь страданий, нами испытываемых.

Но, может быть, обетованное славное будущее не дает вам наглядного доказательства Промышления Божия... Внимательным взором посмотрим на мир и жизнь в их настоящем состоянии: всюду увидим мы следы великой силы, премудрости и благости Божией.

Не приковывайте только взора к одним тням. Тучи ходят под небом; но не они одни видны здесь. Солнце светит и своими лучами разгоняет сгущающиеся облака. Это солнце — всевидящее око Промыслителя, призирающее на наш грешный мир, поддерживающее и укрепляющее его. Картина вселенной широка и всеобъемлюща, и если поблекла ее красота в круге свободно-разумных существ, то каким блеском сияет она в мире неразумном, свидетельствуя о премудрой Руке, правящей во вселенной?

Смотрите на круги небесные, возвышающиеся над нами. Один вид их громко возвещал чистой душе Псалмопевца о величии и славе Божией (Пс. 18, 1), и он, пораженный

зрелищем их, восклицал: Господи, господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли, яко высится великолепие Твое превыше небес (Пс. 8, 1). Бесчисленные миры носятся в необозримом нами пространстве, и какой несокрушимый строй в их движении! Как жених, выходит из чертога великое светило солнца и влечет за собой множество планет, и путь его ознаменован щедрым разливанием повсюду света и теплоты. Вокруг него неизменно движется Земля наша, держащаяся ни на чем, и на ней находят жилище и пищу многие тысячи разных существ во главе с человеком, как бы царем их. И как везде все строго размерено, и нет ни малейшего замешательства в исполнении предначертанных законов — творческих велений Премудрого Правителя вселенной! Вы удивляетесь устройству и действию каких-либо машин, которые разумная воля человека заставляет служить нашему благу для облегчения труда, улавливая малую частицу силы, разлитой в природе Премудрым ее Зиждителем. Но что значит эта малость перед величием необъятных сил, действующих во вселенной? Это то же, что капли в море или песчинка в огромном теле земного шара. Машина действует потому, что разумная сила, ее устроившая, привела в известное целесообразное соотношение разные элементы и части, из которых она составлена, и направила их на закономерное

движение, ведущее к предполагаемой цели. Малейшее отступление от закономерного движения, указанного разумом, — и все испорчено; машина перестает служить своему назначению. Не так ли, не в неизмеримо ли большем виде высшая разумная Сила дала начало правильного движения необъятным мирам, носящимся во вселенной?

Если отступит от них их создавшая и их направляющая Божественная сила, превышающая всякое понимание, — все в природе придет в расстройство и исчезнет. Но все стоит, все прекрасно и стройно действует. Значит, бдит над мирами великая, правящая Сила Божия. «Спроси того, кто говорит, что в мире все существует само собой, — говорит св. Иоанн Златоуст, — спроси: если наше малое тело и при помощи лекарств и врачебного искусства, при внутреннем управлении им со стороны души, при великом любомудрии и других бесчисленных пособиях не может оставаться в благосостоянии, но часто от происходящих в нем расстройств гибнет и разрушается, — то как бы столь великий мир, имеющий в себе такие массы тел, как бы он был столько времени не расстроенным, если бы не был храним Провидением?» Нельзя и подумать, чтобы, если даже наше тело, оберегаемое извне и изнутри, с трудом поддерживает свое существование, то столь великий мир, будучи оставлен без всякого промысления,

во столько лет не потерпел бы ничего такого, что терпит наше тело. Как это, скажи мне, ни одна из стихий не вышла из своих пределов и не истребила все прочие? Кто соединил их в начале? Кто обуздал? Кто удерживает их столько времени? Когда такая борьба стихий была от начала, то кто так безумен, что станет думать, будто они сошлись сами собой и никто не соединил их, и, сошедшись, так и остаются. Представьте, что мир есть корабль, киль его — земля, паруса — небо, плаватели — люди, лежащая внизу бездна — море. Как же в течение столь долгого времени не произошло кораблекрушения? Пусты корабль хотя бы на один день без кормчего и матросов — и увидишь, что он тотчас потонет; а мир ничего такого не потерпел, хотя существует уже пять тысяч лет и даже гораздо более? Да что говорить о корабле? Небольшой шалаш не простоит зачастую и двух дней, а скоро разрушится и упадет. Если же и шалаш не может стоять, когда его никто не оберегает, то как бы могло столько времени стоять невредимо без Промысла столь великое, прекрасное и удивительное создание. И какое разнообразное и многообразное течение природы на земле, и на море, и в воздухе, и на небе, и в растениях, и в животных, и в превосходнейшем из всех их — роде человеческом... Вместе с тем представьте себе луга, сады, разные цветы, всякие травы, их упо-

24

требление, благоухание, виды, положение, деревья плодовые и бесплодные, свойство металлов, животных морских, земных, плавающих, летающих, горы, холмы, различные звезды; внизу розы, вверху радуга... подумайте о красоте неба: сколько оно времени существует и не постарело, но так сияет и блестит, как будто только сегодня создано; подумай о силе земли, как утроба ее столько времени рождает и не истощается. Подумайте об источниках, как они изобилуют водой и не иссякли, хотя непрерывно, день и ночь, текут с тех пор, как созданы; подумайте о море, как оно, принимая в себя столько рек, не выступило за пределы. О каждом из вышеупомянутых творений нужно сказать: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих» (Пс. 103, 24).

Если неизмеримые мировые пространства, наполненные бесчисленными чудесами — немолчными свидетелями беспредельной премудрости и силы Творца, громко возвещают славу Божию, то с другой стороны не менее слышен звук славы Божией в движении времени, данного в распоряжение живущих на земле. Представьте, какая здесь стройность, какой мудрый порядок и какая целесообразность в изменении времени! Как брат и сестра, день и ночь разделили между собой всю длину времени в полной равномерности

и хранят свои пределы, не вытесняя друг друга. И какая благая и разумная распорядительность в этом делении времени! Какая великая польза для нас и для всех, живущих на земле! Воссияет солнце, настанет день — «выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера» (Пс. 103, 23). Настанет мрак ночи — и силы, утомленные дневным трудом, предаются покою и отдохновению и в благотворном сне находят обновление и освежение для новой дневной работы. И заметьте — когда расцветающая и плодоносящая природа, дающая пищу нам, зовет нас на усиленный труд, тогда день берет больше часов у ночи (времени покоя), чтобы мы могли дольше работать над снисканием всего необходимого. А когда природа скрывается под зимний покров и не расточает своих сокровищ, запасая их для будущего в недрах своих, тогда день уступает ночи большую часть протяжения, чтобы вместе с природой и человек в длинном покое имел больше возможности запастись силами для будущей деятельности. «А что сказать, — говорит св. Златоуст, — о стройном порядке годовичных времен, когда они, подобно девам в хороводе, весьма стройно идут одно за другим и не перестают постепенно и тихо переходить через средние к противоположным? Лето принимает нас не от зимы, а зима не тотчас от лета, но в середине поставлена весна, чтобы, переводя нас неприметно

и мало-помалу, безвредно приводить к лету уплотнившиеся тела наши. Так как внезапные переходы к противоположному состоянию причиняют болезнь и крайний вред, то Бог и устроил, чтобы от зимы принимала нас весна, от весны — лето, от лета — осень и потом передавала зиме, чтобы для нас были безвредны и постепенны переходы из противоположных времен года через средние. Кто же будет столько жалок и несчастен, чтобы, видя такое точное благорасположение годовичных времен и неизменный порядок дня и ночи, будет думать, что это произошло само собой, а не поклонится Тому, кто устроил все это с надлежащей премудростью?

Мы указали великие горизонты, на которых поразительными и неизменными чертами изображены мудрость и сила Правителя вселенной, возбуждающие в живой душе удивление и благоговение перед Ним. Но если мы от этого широкого кругозора спустимся к рассмотрению разнообразных тварей, наполняющих нашу землю, — повсюду увидим такое обилие чудесных проявлений разума и благодати Промыслителя, что вместе с Псалмопевцем воскликнем: «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?» (Пс. 105, 2)? Я теряюсь и не знаю, что сказать и о чем умолчать. Все дивно, все повергает в изумление перед мудростью Создателя. «Одна травка или одна былинка, — говорит св. Ва-

сий Великий, — может занять всю мысль нашу рассмотрением искусства, с каким она произведена. Вот, например, стебель пшеницы: он опоясывается коленцами, чтобы они, подобно связкам, удобно удерживали тяжесть колосьев, когда, наполненные плодами, они клонятся к земле; зерно же природа заключила во влагалище, чтобы оно не могло быть похищено птицами, и длинными остями, подобно иглам, предотвратила вред от мелких животных».

Или обратите внимание на мудрое устройство нашего тела. Да что тела. Нам не пересказать всех чудес премудрости Божией, видимых в нашем, из глины созданном, телесном организме. Возьмем один какой-либо член, например, глаз, и можно бесконечно удивляться его чудному устройству и величю силы, ему данной. Небольшой, едва заметный зрачок в нем, но что он делает, какую услугу доставляет нам? Поставленный в верхней части нашего тела, он обнимает и обозревает обширные пространства, перед ним раскрывающиеся, и, пользуясь подвижностью головы, без затруднения может смотреть в разные стороны. Он собирает и передает нашему уму разные виды, перед ним открывающиеся, и, обнимая его представлениями, непрестанно доставляет ему множество капитала, каким он распоряжается. Он делает видными для нас красоты природы,

28

на которые нельзя смотреть без услаждения и по которым мы познаем Рододелателя. Он дает нам возможность и помогает совершать самые трудные и сложные работы. Он предохраняет нас от тех опасностей и преткновений, какие встречаются на путях наших. И будучи одним из самых необходимых для нас членов, он постоянно действует и при том никогда не утомляется, никогда не чувствует никакого изнеможения. Смотрите далее, как мудро обставлен и защищен этот чудный орган. Первую внешнюю защиту дает ему лобная кость, под которой он углублен. Как крепкая верная стража, она не допускает до него вредных прикосновений. Другой защитой для него служат ресницы, которые образуют как бы внутреннюю стражу для охранения глаза. Волоски ресниц на глазах, выдаваясь наподобие копий, отражают от глаз пыль, сор и все, что может беспокоить их. Далее, глаза Господь оградил веками, как покровами: закрываясь по нашему желанию, эти покровы защищают нежный орган, когда встречается что-либо, могущее повредить ему. «Увидишь и в бровях, — говорит св. Иоанн Златоуст, — не меньше того премудрости». Кто не изумится их положению? Они не слишком выставляются вперед, чтобы не затмевать глаза, и не углублены внутрь более надлежащего, но, выдаваясь сверху, наподобие кровельного навеса на доме, при-

нимают на себя стекающий с головы пот и не дают вредить глазам. Поэтому и волосы у них уплотнились между собой: этой плотностью они удерживают стекающую влагу и, весьма искусно прикрывая глаза, придают им и великое благообразие. И не только этому удивляться можно, но и другому, что не меньше того. Для чего, скажи мне, волосы на голове растут и стригутся, а на бровях нет? Ведь и это сделано не без причины и не случайно, но для того, чтобы они, опустившись вниз, не затмевали глаз, как это бывает иногда у людей в глубокой старости.

Люди, овладеваемые мрачными чувствами при мысли о мире, нас окружающем, слышат в нем только стенания и плач. Но разве один этот печальный звук раздается в нем? Несмотря на повреждение его вследствие нашего грехопадения, еще остались в нем и ясно видны следы красоты, первоначально ему данной; и не одни стоны оглашают слух внимательного зрителя его, но и радостные ликования жизни и громкая песнь хвалы Подателю всех благ тварям Своим. Представьте себе ясный весенний день. Солнце разливает повсюду живительную силу, пробуждая к бодрой работе заключенные в земле и проснувшиеся силы. Вновь юная природа, как прекрасная невеста, облекается в пышный наряд, каким не облекался и Соломон во всей славе своей. Деревья покрываются ро-

30

скошной зеленью, луга пестреют самыми разнообразными и причудливыми цветами. Над ними и вокруг них разносится благоухание, немой свидетель наслаждения, испытываемого неодушевленной природой. Приятное веяние тихого ветра дает прохладу и умеряет зной солнца. Мерное движение воздуха, как будто легкое и свободное дыхание природы, спокойной и жизнерадостной, и глас хлада тонко при этом разносящийся, внушительно говорят чуткому сердцу о присутствии здесь силы всеблагого Творца и Промыслителя вселенной, всему дающего необходимое для жизни. Над землей носятся разные птицы и поют песнь радости и любви, которая вместе с тем есть песнь хвалы Творцу, дающему им все обильно в наслаждение. Довольные ходят по лугам и полям животные, нам служащие, а в лесах и дубравах сытые ходят звери, уклоняющиеся от служения человеку. При этом общем ликовании оживляющейся природы не чувствовали ли вы сами жизнерадостного настроения, и над всеми помышлениями вашими не брала ли верх сладостная надежда на богатую дань, какую готовит природа человеку, по праву властелина земли ждущему плодов ее? В такие минуты счастья, еще не исчезнувшего на земле, как бы сам Господь веселится о делах своих, и слава Его осеняет всю поднебесную. В такие минуты благоговейная душа невольно обращает мысленный

взор на небо, к Престолу Вседержителя, и в радостном изумлении восклицает: «Чудны дела Твои, Господи» (Пс. 138, 14), и общий глас хвалы и благодарения всеблаговому Промыслителю несется далеко, далеко и, пробегая незримые пространства, сливается с песней Серафимов, стоящих вокруг Престола Божия и взывающих: «Свят, свят, свят Господь Саваоф: исполнена вся земля славы Его!» (Ис. 6, 3).

Благ Господь всяческим, и щедроты его на всех делах Его (Пс. 144, 9). Не Он ли утоляет жажду земли и размягчает ее каплями дождя? Не от Него ли долины покрываются хлебом и вся земля украшается растениями и цветами? Кто, как не Он, Всеблагодой, питает, одевает, хранит бесчисленные роды животных и дает им жилище? Они не пахут земли, не пересекают морей, не строят житниц и домов и не запасают для себя пищи. Но у всех у них всегда готова пища; все одеты, лишь выйдут из материнской утробы. Камень, пещера, ветви деревьев дают им приют или жилище. Крылья быстро носят пернатых по воздуху, и они скорее перелетают огромные пространства, чем переносят нас быстролетные машины, изобретенные гением человеческим. А звери лишь явились — и уже на ногах, и без затруднения находят пищу себе. И можно ли заметить у них что-либо, напоминающее нам печальный ропот, какой так

часто слышится из уст людей, недовольных своим жребием?

А ты, человек, так часто ропщущий на судьбу свою и своим ропотом оскорбляющий Всеблаготворителя, пекущегося о всех тварях своих и о тебе более, чем о других, устыдись множества благодеяний, какими, велением твоего Промыслителя, окружает тебя вся природа, — устыдись той богатой дани, какую несут тебе все твари. Тебе служат моря и реки, перевозя на хребтах своих ладьи твои, несущие тебя от одного берега к другому и наполненные предметами купли и продажи, и делясь с тобой сокровищами, в них сокрытыми. Тебе служит земля, с покорностью принимая от тебя в свои недра семена, какие тебе угодно сеять на ней, и в обилии предлагая тебе плоды, ею возвращаемые. Она открывает тебе и глубокие внутренности свои, и ты властной рукой берешь оттуда дорогие металлы, служащие к украшению твоей жизни, и другие хранящиеся там вещи, необходимые для удовлетворения твоих нужд. Тебе служит крылатый воздух, постоянно движущийся вокруг земли, — этот, по выражению блаженного Феодорита, содейственник нашей жизни, — это общее сокровище бедных и богатых, слуг и господ, простолюдинов и царей: ты постоянно вдыхаешь его, и он не истощается. Он собирает для тебя облака, сгущающиеся в тучи и дождем оро-

шающие землю; крылами ветряными ты заставляешь его двигать мельничные жернова и производить другие полезные работы. Тебе служит огонь, освещая тебя во тьме ночной, согревая тебя во время зимней стужи и служа тебе к изготовлению снеди твоей. Ты заставляешь его служить тебе при изготовлении и обработке разных изделий, тебе нужных, и он, повинувшись тебе, посредством пара движет громоздкими машинами и тем облегчает для тебя работу рук твоих; далее он по твоему мановению быстрее быстроногих коней мчит по указанным тобой пространствам целый ряд колесниц, на которых с удобством с одного места на другое переносятся люди и перевозятся товары. Ты уловил и подчинил себе неуловимую молнию, и ты можешь видеть на улицах города, какую службу несет для тебя эта молния, и с течением грядущих лет эта служба будет все более расширяться и разнообразиться. А какую дань несут тебе разнообразные животные, поставленные подле тебя! Одних ты заставляешь нести для тебя тяжелую работу — возделывать землю или перевозить тяжести, и эти животные большей частью и умирают на службе тебе; у других берешь нужное или для твоего питания, или для твоего одеяния, третьих убиваешь для того, чтобы не скудна была твоя трапеза. Самые дикие звери, не прирученные тебе, и пернатые, летающие в воздуш-

34

ных пространствах, не могут уклониться от служения тебе, и с них ты берешь дань, как победитель с непокорных народов.

Много сказали мы и, может быть, очень наскучили вам, указывая следы премудрости и благодати Промыслителя — Бога, ясно запечатленные в видимом и окружающем нас мире. Но мы далеко не исчерпали всех благодеяний Божиих, а коснулись только, если можно так выразиться, верхушки их, поражающей и невнимательный глаз. «Судьбы Божии — бездна великая» (Пс. 35, 7), и от земли до небес простирается милость Его. Мы не добрались даже до самого зерна в вопросе, нами затронутом, — до тех несчастий и страданий, какие наполняют жизнь нашу, которые во многих подрывают веру в благое Провидение, пекущееся о нас.

Но посмотрим на эти несчастия и страдания при свете Божественного Откровения. Не увидим ли мы и здесь, на этих темных и печальных страницах нашей истории, явных следов Божественной попечительности о нас?

Да, именно здесь и видна превосходящая наше понимание любовь Божия к нам, грешным, глубоко оскорбившим своего Творца и Благодетеля. Несчастья, нас преследующие, — неизбежное следствие нашего грехопадения, наказание за грех. Но Бог и это наказание, нами самими навлеченное на себя, обращает к благу нашему и наши бедствия

делает лекарством для нас, подпавших неисцелимой болезни, так что наказания, на нас посылаемые, служат важнейшим видом промысления Божия о нас. Врача мы не осуждаем, когда он больному предписывает горькие лекарства, подвергает его сечению и жжению и заставляет лежать в постели, напротив, хвалим и благодарим его. Можем ли хулить Премудрого Промыслителя вселенной, если Он, для нашего блага, насылает на нас и допускает какую-либо неприятность, нами испытываемую? Нас, беспечно идущих путем погибельным, своими ударами, как голосом грома, Господь обращает к Себе и возвращает на путь, ведущий к миру и блаженству. Так было в Израиле. «Когда Он убивал их, — говорит Псалмопевец, — они искали Его и обращались, и с раннего утра прибежали к Богу, и вспоминали, что Бог — их прибежище, и Бог Всевышний — Избавитель их (Пс. 77, 34–35). А проходил гром, они снова огорчали и искушали Бога и забывали руку, их милующую и спасающую. «Да будет у вас, — говорит св. Златоуст, — всегда твердой и непоколебимой мысль, что Бог благ и человеколюбив, не только когда благоденствует, но и когда наказывает; потому что и наказания Его и кары составляют величайший удел благоденствия, важнейший вид промысления». Итак, когда увидишь, что случились неурожай, и язвы, и засухи, и наводнения, и беспорядочные пе-

36

ремены в воздухе или другой подобный бич человеческой природы, то не изъявляй досады и негодования, но поклонись Творцу, удивишься Его попечительности. Он делает это и наказывает тело, чтобы спасти душу. И это, скажешь ты, Бог делает? Да, Бог делает это, и пусть предстанет здесь весь город, пусть вся вселенная, я не побоюсь сказать это. О, если бы у меня был голос сильнее трубы, и мог я стать на высоком месте и пред всеми воскликнуть и засвидетельствовать, что Бог делает это. Не по безумию говорю это, но имею на своей стороне пророка, который со мной восклицает и говорит: «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Ам. 3, 6). Но это, — голод, язва, болезнь, — собственно не зло, по толкованию Златоуста, а только называется злом. Действительное зло то, которое подвергает нас осуждению, наказанию, навлекает на нас гнев Божий и лишает нас вечного блаженства, как то: блуд, прелюбодеяние, любостяжание и бесчисленное множество пороков. А то, что от Бога, — вовсе не зло. Почему? Потому что, если бы было злом, то не делалось бы для нас причиной благ, не обуздывало бы гордости, не искоренило бы бесконечности, не возбуждало бы нас к рачительности и не делало бы более внимательными к себе.

Но бедам и злоключениям подвергаются не одни нечестивые, которых ударами нужно

обратить на путь спасения, но часто вместе с ними и люди добродетельные. Даже более, мы видим: люди, которых не был достоин и весь мир, жили в лишениях, скорбях, озлоблениях, а люди недостойные, преданные порокам, пользовались всеми удобствами жизни, жили в неге и роскоши. Эта неравномерность жребиев человеческих, эта несоразмерность внешнего счастья людей с их внутренним достоинством смущает душу многих и колеблет в них веру во всеблагий и праведный Промысл Божий. Где же Бог, где Его мудрое распределение судеб наших, спрашивают они, когда такой непорядок в нашей жизни?

Напрасно соблазняет это малодушных. Чтобы не поднимать виновного ропота на Всеблагого Промыслителя за страдания благочестивых и благоденствие нечестивых, припомним, во-первых, что из земнородных нет никого чистого пред Богом, хоть и один день он жил на земле (Иов 6, 17; 9, 2); нет никого, кто бы не навлекал на себя праведной кары и гнева Божия. «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?» — говорит Псалмопевец (Пс. 129, 3). Все мы «рабы ничего не стоящие» перед Богом. Даже праведник семижды на день падает. Вы не обидитесь, если я попрошу вас обратиться к своей совести. Если у вас нет грехов тяжких, явных, то не наполнена ли душа нечистыми помыслами, не грешите ли

38

вы чувствами недружелюбия, не наносите ли оскорбления ближнему словами осуждения или укоризны? А Господь сказал, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной (Мф. 5, 22). Что ж? Если требовать правды Божией для себя, то всех нас нужно бы подвергнуть наказанию Божию — ударам бед и злоключений. Но Господь наш так благ и человеколюбив, что не всех нас подвергает каре гнева Божия, видя, что тяжки для нас страдания, им посылаемые, а только некоторых. Бедствиями, какие обрушиваются на немногих, Он говорит всем нам: «если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13, 2–3). Как не видеть в этом особенного попечения Божия о нас и Его милосердия к грешному роду человеческому?

Припомним, во-вторых — и это главное, что нужно иметь в виду при суждении о действиях Промысла Божия в роде человеческом, — что наше существование не ограничивается пределами нашей земной жизни. Ныне у нас время сеяния, а жатва будет после, за пределами гроба; ныне время труда и подвига, а вознаграждение и венец ждут нас в будущем веке. Там уготовал нам Человеколюбец Бог великое воздаяние за подвиг, какой мы несем во время земной жизни своей. И земледелец в поте лица возделывает свое поле, одушевляемый надеждой получить более или

менее обильную жатву с обрабатываемого поля, он терпеливо переносит зной и непогоду и не жалуется на изнурение и усталость, какие испытывает в трудовые дни свои. Не то же самое ли и с нами? Тяжелый подвиг, выпадающий на нашу долю, то же, что работа земледельца; страдания и злоключения — то же, что зной и непогода, какие терпит он при своей работе. Выпадет нам тяжелая доля; в пути нашем нас постигнут бедствия, лишения, болезни, страдания — все претерпим в сладостной надежде на будущее воздаяние. Беды и страдания — это средства очищения нашего. Бог посылает их нам, чтобы удостоить нас большей награды в день воздаяния. Не жалуйтесь на них. Апостол говорит: «думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим. 8, 17). Страдания наши, конечно, бремя, нами несомое, но оно, по апостолу, не слишком тяжелое и облегчается непродолжительностью времени. А что впереди у несущего это бремя? Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, говорит святой апостол (2 Кор. 4, 17). Вас соблазняет то, что порочные и нечестивые люди часто живут в неге и роскоши? Но если благодеяния Божии, на них изливаемые, не обращают их на путь спасения, то не завидовать им нужно, а сожалеть о них. Кратковременные

блага, какими они наслаждаются в здешней жизни, послужат к отягчению их участи в будущем веке. Говорим это не мы, но сам Господь в известной притче о богатом и Лазаре. Чадо, вспомяни, — влагает Он в уста Авраама богачу, веселившемуся все дни, а по смерти оказавшемуся в муках, — что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь (Лк. 16, 25).

Одушевляемые надеждой на праведное воздаяние Божие и на получение венцов, уготованных добрым подвижникам веры, святые Божии с полным благодушием встречали и переносили ниспосылаемые им испытания, и не только с благодушием, но даже с радостью и хвалой Богу. Великий ветхозаветный праведник Иов еще не имел перед глазами такого света веры, каким пользуемся мы, чада новозаветной благодатной Церкви. Но смотрите, как отнесся он к тем поразительным бедствиям и лишениям, каким подвергся он в короткое время по попущению Божию. При всех великих несчастьях, внезапно обрушившихся на него, он благословлял Имя Господне и не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге (Иов 1, 22). Апостолы подверглись бесчестию и бичеванию за проповедование имени Христова и не сетовали на то, напротив, они пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса

удостоились принять бесчестье (Деян. 5, 41). Апостол Павел не раз выражает не скорбное, а радостное чувство по поводу злоключений, какие ему приходилось претерпевать во имя благовестия Христова. Благодушествую, — говорит он, — в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа (2 Кор. 12, 10). Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых (Кол. 1, 24). Другие апостолы всем верным внушали не скорбеть, не роптать, а радоваться, когда их постигнут те или иные бедствия.

С великой радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак. 1, 2–4). Возлюбленные! — говорит св. апостол Петр, — огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Пет. 4, 12–16). Господь блаженными называет не

42

тех, которые проводят жизнь в довольстве и веселии, а плачущих, алчущих и жаждущих правды, изгнанных за правду, подвергающихся поношениям и гонениям. «Радуйтесь и веселитесь, — говорит таковым Господь, — ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 3–12).

Но надежда на будущие блага как бы ни была сильна, она в нас не может совершенно подавить и умалить то чувство боли, какое причиняют нам временные страдания. Как острием меча, поражается бедой наше сердце, и слеза, невольный свидетель внутренней тучи, орошает наш глаз, когда скорбь, при виде несчастья, терзает нашу душу. Но мы отнюдь не оспариваем этого. Страдание, на нас посылаемое, не имело бы цены пред Богом, если бы оно ничего не стоило нам и не отзывалось в нас никаким чувством боли. Страдание неразлучно с терпением, и чем больше страдание, тем больше терпения от нас требуется. Но замечайте и здесь, среди страданий, нами испытываемых, попечительность о нас милосердного нашего Отца Небесного и Промыслителя. Когда посещает Он скорбями нас, Он тогда особенно «Бог вблизи, а не Бог вдали» (Иер. 23, 23). Он видит слезы наши и принимает их как фимиам кадильный, как жертву для Него благоприятную. Милостивым оком, как Отец, призывает Он на нас во дни искушений, нас постигаю-

щих, и не посылает нам страданий, которых бы мы не могли понести. Ангелам своим Он заповедует хранить нас, когда жизненный путь наш становится тяжелым и трудно выносимым для нас. И когда, по-видимому, совершенная гибель угрожает нам, тогда внезапно приходит к нам избавление. Сами несчастья растворяются утешениями, посылаемыми свыше, и чем сильнее искушение, тем тверже и правдивее утешение, умеряющее боль душевную. Недаром святые Божии во время страданий сохраняли благодушие и не переставали воздавать хвалу Богу. Если хотите видеть разительное свидетельство скорой помощи Божией людям, подвергшимся тяжкому искушению, припомните пророка Даниила и трех отроков еврейских. Один был брошен в ров ко львам, свирепым и голодным; а те ввержены были в раскаленную печь, которая опалила возгревающих ее. Но праведники обратились с горячей молитвой к Богу, защитнику всех обуреваемых, и смотрите — голодные и свирепые львы не смеют прикоснуться к пророку, Богом хранимому, а отроки, вместо палящего огня, нашли в печи прохлаждающую росу и вышли из нее невредимыми, и мучителю виден был в пылающей печи вместе с тремя отроками Ангел Божий, ниспосланный с Неба для сохранения их. Положим, это случай чудесный, служащий проявлением чрезвычайной силы Божией, кото-

44

рая дала спасение обреченным на тяжкую смерть для поражения неверия. А мы, заурядные люди, не дерзаем ожидать для себя такого величия благодати спасающей. Но если мы будем внимательны к себе, если благоговейной мыслью будем обсуждать разные обстоятельства, с нами приключающиеся, то не можем не увидеть над собой простертой руки Божией. Она управляет той утлой ладьей, на которой мы плывем по бурному житейскому морю, и спасает нас от потопления, когда волны бедствий ревут и бушуют вокруг нас и грозят нам полной гибелью. Вот признание одного мужа веры (игумена Парфения), которое изложено в его автобиографии, помещаемой в одном из наших духовных журналов. «Благодать Божия, — говорит он, — хранила меня во всех путях моих и даже обильно изливалась на меня, ибо сколько раз чудесным образом был я спасен от болезней, даже от самых смертей, от разбойников и от потопления, и исчислить не могу, сколько раз я был Богом спасен от душевных бед и опасностей, и много раз выхватывал Он меня уже из самого пламени и печи; ибо, бывало, где уже никакой помощи человеческой нет и не предвидится, то я, как дитя, поднимаю свои руки ко Господу Богу, и тот же час или самую ту же минуту получаю Его святую помощь; удивления было достойно, да и только. Это не только было одному мне заметно и известно, но

и всем ближним моим и знакомым моим... ни одного порока так не прошло, чтобы Бог меня не наказал, но миловал, щадил и беспрестанно наказывал, любя...» Подобно этому мужу веры, не каждый ли из нас должен говорить, если только внимательным оком посмотрит на пройденный путь жизни?

Видите безмерное милосердие и неизреченную попечительность Божию о всех нас. Что такое пред Лицом Божиим един от малых в бесчисленном роде человеческом и в необозримой системе мироздания? Праведный Иов говорит, что Господь каждое утро посещает его и каждое мгновение испытывает его (Иов 7, 18), и ни один волос без воли Его не падет с головы нашей (Лк. 12, 7). Ангелам Своим Он заповедует хранить в особенности тех, которые, при своей беспомощности, нуждаются в покровительстве высшей силы.

Но зачем нам представлять частные следы Божественного Промышления, которые, пожалуй, и не видны для незоркого и невнимательного глаза, когда пред оком нашей веры светлее солнца блистает такое поразительное явление неизреченной, превышающей и ожидания, и понимание наше любви Божией к грешному роду человеческому? Это ниспослание Единородного Сына Божия на землю для совершения дела нашего спасения и та великая жертва, какую принес Он за нас, чтобы возвратить нам то, что мы по-

46

теряли, и снискать нам еще большие блага. Мы были отвержены; мы были пленниками врага нашего спасения; как заблудшие овцы, мы делались добычей хищника... Но вот мы оправданы и очищены; разорваны оковы рабства, нас державшие, — нам даны Божественные силы для борьбы с врагом и для преуспевания в добродетели, нас, как заблудших овец, отыскал, поднял на плечи Свои и к Отцу принес наш Искупитель, наше естество вознес на престол царский и «посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2, 6). Не видят этого неверующие; но в веках грядущих, когда придет Господь, окруженный Небесными Силами, и для верующих и для неверующих откроется это преизобильное богатство благодати Божией, нам дарованной. И вы знаете, какой ценой, — ценой Крови куплено наше искупление и наше возвышение. Стоит только вспомнить об этом (а кто из носящих имя христианина не помнит этого?), одна мысль об этом гонит далеко от нас все сомнения в попечительности о нас Господа, преисполняет нас чувствами благодарения и изумления пред неизреченным даром Божиим, каким наградил нас Бог, богатый милостью Своей. После этого чуда любви Божией, превышающего все возможные чудеса, нужно ли еще указывать на что-либо в доказательство промысления Божия о нас.

Чувствуем, впрочем, что многое, и очень многое, не досказано нами, что можно привести в оправдание премудрого и всеблагого Промысла Божия. Не переплываемо море Промысла Божия, говорит один блаженный исследователь путей Провидения. Нам не исчерпать всей глубины богатства и премудрости и разума Божия, потому что, по апостолу, «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33). Сколько бы мы ни старались постигнуть непостижимое, мы не можем с полной очевидностью представить все то, что заключается в бесконечном разуме Божиим, распоряжающемся нашими судьбами. «Те, которые более надлежащего усиливаются смотреть на солнце, — говорит тот же блаженный отец, — не достигают, чего желали, но портят зрение и не только не привлекают солнечного света, но даже навлекают на себя тьму. Этому же самому подвергается и ум человеческий, когда хочет постигнуть непостижимую премудрость Божию». Потому не будем отваживаться разуживать и исследовать все нити, из которых сплетается судьба наша и которые держит и направляет всеблагая и премудрая десница Божия. Будем довольствоваться тем, что видно для нас и доступно нам. Но и то, что видно нам, заставляет нас удивляться неизреченной мудрости Мироправителя, восхвалять и благодарить всеблагого Промыслителя, дающего нам все обильно в наслаждение и му-

дро устраивающего все ко благу и спасению нашему. Слава и благодарение Богу, благодателю нашему, во веки веков!

Проф. В.Ф. Певницкий. О промысле Божиим.
Киев, 1899.

ПОНЯТИЕ О ПРОМЫСЛЕ БОЖИЕМ

Определение Промысла Божия

Само слово «Промысл» встречается в Св. Писании. Латинское соответствующее ему слово — *providentia*, поэтому говорят, что все в мире провиденциально, т. е. промыслительно. В славянском тексте Промысл называется «Божественным смотрением» (Прем. 14, 3). Святые отцы называли Божественный Промысл словом «попечение». Св. Иоанн Дамаскин («Точное изложение...», кн. 2, гл. 29): «Промысл есть Божие попечение о существах».

Определение Промысла Божия (Катехизис, глава 1): «Промысл Божий есть непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы твари, направляет их к благим целям, всякому добру вспомоществует, а возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям».

В понятии о Промысле Божиим дается указание, что Промысл Божий открывается пре-

имущественно в двух действиях: сохранении и управлении. Сохранением мира называется то действие Промысла Божия, которым как весь мир и все существа, в нем находящиеся, так и силы всех существ с их деятельностью поддерживаются в бытии. Управление Божие состоит в том, что Бог все действия и события как в мире вещественном, так и в мире нравственном направляет к предположенной Им цели творения.

Действия Промысла Божия обнимают не только великие предметы мира, не только роды и виды существ, равно общие силы и законы природы, но простираются и на малые вещи, на все неделимые и частные явления природы. Бог от малого до великого знает все в точности и о всяком творении в особенности промышляет. Отсюда разделяют Промысл Божий на два вида: общий и частный. Общий Промысл — тот, который объемлет мир весь вообще, как совокупность всех родов существ с действующими в них силами и законами, частный — тот, который простирается на частные предметы и явления, на частные существа и на каждое из неделимых, как бы они малыми ни казались.

Действительность Промысла Божия

Христианское учение о Промысле Божием, как и другие разделы православной догматики, основывается на Божественном

Откровении. Во второй главе Книги Бытия говорится: «И сотворил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 2, 2).

Эти слова, конечно, не нужно понимать в том смысле, что Бог после окончания творения не принимает в жизни мира никакого участия (деизм). Бог почил от дел творения, но не от Своей промыслительной деятельности, поэтому Господь Иисус Христос после исцеления расслабленного при Силоамской купальне в ответ на вопрос иудеев: «Какой властью Ты это делаешь?» отвечает: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5, 17). В первой главе Послания к Евреям говорится, что Сын Божий содержит все «словом силы Своей». Та же самая мысль содержится в Послании к Колоссянам, где сказано, что «все Им стоит». Апостол Павел в своей речи в Афинском ареопаге говорит, что Бог дает «всему жизнь и дыхание и все... мы им живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 25, 28). Христианское представление о тварном мире основывается на убеждении в том, что мир имеет основание и цель своего бытия в Боге. Бог, невидимо присутствуя в мире в Своих энергиях, удерживает мир в бытии и сохраняет его порядок, однако не сливаясь при этом с миром, как учат пантеисты, но «пребывая над всеми» (Еф. 4, 6).

Для христианского миропонимания представление о Промысле, о промыслительной деятельности Бога совершенно естественно, оно вытекает из самих христианских представлений о Боге и Его отношении к человеку.

Первое, что убеждает нас в существовании Божественного Промысла, есть молитва. Молитва как живое общение человека с Богом невозможна и бессмысленна без уверенности в попечительных действиях Бога в мире. Второе — это представление о Боге как абсолютной Личности. Личный Бог Откровения тем и отличается от безличных абсолютов философских систем и восточных религий, что Он не только все знает, но еще любит и выражает Свое отношение к тому, что находится вне Его. Личность не может быть безучастна к соприкасающемуся с Ней миру. Бог не может быть безучастным к жизни творения, к миру, который Он Сам сотворил. У св. Иоанна Дамаскина («Точное изложение...», кн. 2, гл. 25) сказано:

«Один только Бог в природе благ и мудр, и как благой Он промышляет, ибо кто не промышляет, тот не благ. Ибо и люди, и неразумные животные по природе пекутся о своих детях, и кто не печется, тот порицается, а как мудрый, Он заботится о сущем наилучшим образом».

Учение о Промысле есть естественное следствие учения о благодати и премудрости Божией.

Третий момент, который убеждает нас в существовании Промысла, — это ограниченность мира. Тварное бытие как несамобытное не является бытием необходимым, поэтому оно не могло бы существовать без производшей его причины. Оно существует только потому, что сохраняется в бытии той же силой, которая дала ему бытие. Кроме того, в существовании Божественного Промысла убеждает само устройство мира, его сложность, целесообразность, красота, гармония, которые очевидны даже в падшем состоянии. Это также говорит о благом и разумном начале, лежащем в основе мира.

Ложные учения о Промысле

В язычестве — например, у древних греков и римлян, — было распространено представление о судьбе (*лат. fatum*), бессознательной силе, которой подчинены все живущие, которая полностью предопределяет судьбу человека.

Другое ложное представление, также характерное для язычества, состоит в том, что Промысл распространяется только на великие, достойные предметы. Таких предметов очень мало, большая же часть мироздания находится вне попечительного действия Высшего Начала.

На христианской почве были следующие извращения учения о Промысле.

Во-первых, учение, где единому благому Богу противопоставляется некое паритетное Ему злое начало. В рамках такого учения не остается места для учения о Промысле вообще. Развитие мира здесь определяется не промыслительной деятельностью Бога, а борьбой двух враждебных начал (дуалистический гностицизм).

Во-вторых, в христианстве возникали заблуждения, связанные с отрицанием частных сторон Промысла. Например, учение о несовместимости Божественного Промысла со свободной волей человека и, как следствие, учение о полном предопределении человека или ко спасению, или к гибели, что имело место в некоторых протестантских общинах, в частности у реформаторов (кальвинистов).

На нехристианской почве такое воззрение характерно для ислама. Традиционный ислам в своем учении о мире и человеке придерживается фаталистических представлений.

Полное отрицание Божественного Промысла характерно для деизма, пантеизма и материализма. Деизм учит, что мир столь совершенен, что вообще не нуждается в Промысле, т. к. в замыслах Творца не может быть недосмотра. Это мнение основано на недооценке свободы духовно-разумных существ. В пантеизме нет места для учения о Промысле, поскольку мир здесь воспринимается как саморазвитие Бога.

Действия Промысла Божия

В Промысле Божиим мы различаем два действия: мирохранение — поддержание всего существующего в бытии, и мироправление — направление всех событий, имеющих место в мире, к предназначенным Творцом целям. Следует иметь в виду, что такое различие двух действий имеет методологический характер. В действительности действие Божие едино, единым действием Бог и сохраняет мир, и управляет им, но нами, в силу нашей ограниченности, это единое Божественное действие воспринимается как два различных действия.

а) Мирохранение

В Священном Писании Нового Завета говорится о мирохранении (Евр. 1, 3 и Кол. 1, 17). Здесь речь идет о Сыне Божиим как о зиждительной силе мироздания.

Примеры из Ветхого Завета:

«По определениям Твоим все стоит доныне, ибо все служит Тебе» (Пс. 118, 91);

«В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти» (Иов 12, 10).

Святые отцы также говорят о мирохранении как действию Божественного Промысла. Свт. Василий Великий («Письмо о Святом Духе к Амфилохию», 8 гл.): «Всякое сотворенное существо — и видимое, и представляемое умом — для поддержания своего име-

ет нужду в Божием попечении». Ту же мысль высказывает свт. Кирилл Александрийский (Толкование на Евангелие от Иоанна, кн. 9):

«Бог неизъяснимым образом простирает на все Свою силу, иначе все, что произошло из не-сущего, не могло бы держаться и сохранить свое бытие, тотчас бы все вернулось к своему состоянию, к ничтожеству».

б) Мироправление

Приведя мир в бытие, Бог назначил каждому существу свои цели.

«Через Него все успешно достигает своего назначения, и все держится словом Его» (Сир. 43, 28).

Св. Иоанн Дамаскин говорит: «Промысл есть воля Божия, по которой все целесообразным образом управляется» («Точное изложение...», 2 кн., 29 гл.).

О Промысле Божиим как единстве мироправления и мироправления говорит свт. Афанасий Александрийский: «Как какой-нибудь виртуоз, настраивая лиру и искусно совокупляя звуки высокие, средние и низкие, производит одну стройную песнь, так и Бог, содержа мудростию Своею вселенную, точно лиру, и совокупляя воздушные с земным и небесные с воздушным и всем управляя, Своей волей и мановением чудно и прекрасно соблюдает единый мир и единый порядок».

Виды Промысла Божия

Предметами Божественного Промысла являются как весь мир в совокупности, так и каждая его мельчайшая частица. Афинагор Афинский (середина II века) писал: «Надобно знать, что ни на земле, ни на небе ничто не остается без попечения и без промысла; но попечение Творца равно простирается на все невидимое и видимое, малое и великое...»

Таким образом, различают общий Промысл, который объемлет весь мир, как совокупность всех родов существ с действующими в них силами и законами, и частный Промысл, который распространяется на частные предметы, явления и отдельные существа.

Образы Божественного Промысла

Различают два образа Божественного промысления о мире:

а) естественный, когда бытие и силы тварей поддерживаются в бытии Богом посредством дарованных сил и законов, и судьбы Божии приходят в исполнение по естественному течению вещей, от Бога установленному, но под промыслительным надзором Божиим.

«Ты поставил землю, и она стоит» (Пс. 118, 90). В Св. Писании о всех родах существ сказано, что Бог «поставил их на веки и веки; дал устав, который не прейдет» (Пс. 148, 6).

б) сверхъестественный, когда управление миром совершается посредством чудес, т. е. действий или событий, имеющих истинную причину вне естественных сил и законов природы, в сверхъестественном действии Божиим, совершаемых Богом для достижения важных религиозных целей.

Давыденков О., свящ. Догматическое богословие: Курс Лекций. ч. I и II. М.: Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997.

Глава 2

В МИРЕ НЕТ НИЧЕГО СЛУЧАЙНОГО

ВСЕ ПРОИСХОДИТ ПО ВОЛЕ БОЖИЕЙ

Что есть Провидение? Это есть одно из коренных свойств Божиих — видеть все действующее, действовавшее и имеющее действовать в будущем времени, как настоящее, и иметь всемогущую заботливость о сохранении творений и разумном управлении явлений, ими производимых. Св. Иоанн Дамаскин об этом говорит так: «Провидение есть воля Божественная, которую все содержится и все разумно управляется».

Библейские примеры

Не случайно разбойники бросили со страху труп убитого ими человека в гроб Елисея,

где брошенный, коснувшись костей Елисеевых, тотчас ожил.

Не случайно Моисей был положен в осмоленную тростниковую корзину и пущен на воду, где нашла его дочь фараона — и усыновила.

Не случайно Ахав, царь израильский, был поражен стрелой, пролетевшей между швов панциря, а случилось это действительно по неведению пустившего стрелу воина (2 Пар. 18, 33). Истинно эта стрела направлена была рукою Божией, как и та, которая поразила Иулиана Отступника; только для пустившего ее было это случайностью.

Не случайно ласточки влетали в дом Товита и добродетельного мужа лишили зрения, испустив на глаза помет (Тов. 2, 10). Это последовало по распоряжению Божию с тем, чтобы показать образ его терпения в пример последующим родам, что видно из слов Ангела, спутника Товии. По случаю ничего не бывает.

Не случайно было повеление Кесаря Августа сделать перепись народа во время Рождества Христова (Лк. 2, 1 и проч.).

Не случайно встретился Христос при источнике Сихарском с самарянкою и беседовал с ней.

Все это было предусмотрено и записано в книгах Божественного Провидения еще прежде всех веков.

«Случайное» избавление Давида из рук Саула

Царь Саул постоянно преследовал Давида, стараясь лишить его здоровья и жизни; но поиски были тщетны: ибо покровительствовал Давиду Бог. Когда Давид скрывался в пустыне Маон, туда подоспел Саул со множеством своих воинов; они окружили Давида со всех сторон, отняв всякую надежду на избавление. Всем казалось, что Давид, подобно зверю, окружен отовсюду сетями и псами, и все думали, что он находится в отчаянном положении. Саул же, едва не победитель уже (когда он окружил Давида со своим войском), казался всем львом, имевшим уже в зубах добычу. Но тщетно: Бог укрыл и защитил Давида, ибо внезапно прискакал к Саулу вестник с известием о нашествии филистимлян, говоря: «Поспеши, беги спасать отечество; ибо иноплеменники уже вступили в землю твою; не медля отрази врагов и выгони из земли твоей». Этот «случай», устроенный Богом, спас жизнь и свободу Давида: злохитростные же замыслы его врагов были разрушены чудным Божиим Провидением.

Непрестанное промышление Божие о каждом из нас

Часто Бог, мудро промышляющий о нас, ведет нас по бедственным, едва проходимым жизненным дорогам, но Он хорошо знает, ка-

кой дорогой ведет нас в небесные райские сады. Зачем же поднимать нам жалобные вопли против мудрейшего и весьма надежно-го Путеводителя в нашей жизни? Зачем говорить, если мы идем по пути, определенному нам Богом: «Куда Ты нас ведешь? Кажется, мы давно уже сообразились с правильного пути». «Не печалься, мой друг! — таинственно говорит нам Бог. — Верь только Мне. Я проведу тебя благополучно, ты нимало не поскорбишь, когда окончишь путешествие». Так каждого из нас сопровождает Божие Провидение на жизненном пути со дня рождения и до дня исхода в жизнь вечную, если только останемся верными водительству Божию, указанному нашим Спасителем в Святом Его Евангелии.

Обстоятельства поставления в цари Саула

Говоря о Провидении Божиим, нельзя не вспомнить истории израильского царя Саула, который, будучи послан своим отцом отыскивать пропавших ослиц, нашел себе царство. Рассмотрим здесь Провидение Божие об этом муже. Бог сказал пророку Самуилу: «Завтра в это время (это было в полдень) Я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и ты помажь его на царство народу Моему — Израилю». Прислал же Бог Саула к Самуилу таким образом: у отца Саулова забежали куда-то

62

ослицы, и он послал своего сына искать их. Саул, взяв с собой одного из слуг, отправился разыскивать ослиц. Прошли они гору Ефремову и землю Шалишу, но ослиц не нашли; и прошли чрез землю Шалим и чрез землю Вениаминову и не нашли. И когда они пришли в землю Цуф, Саул сказал слуге, своему спутнику: «Пойдем назад, чтобы отец, забыв об ослицах, не стал беспокоиться о нас и не был бы принужден искать нас самих». На это слуга сказал: «Здесь, в этом городе, есть человек Божий, человек уважаемый; все, что он ни скажет, сбывается; не расспросить ли нам у него об ослицах?» Этот совет слуги нашел Саул разумным и полезным. Вот каким путем послал Бог Саула к Самуилу (1 Цар. 9, 1–7). Но прежде чем они увидели один другого и начали вести разговор, Господь открыл Самуилу, что пришедший к нему Саул и есть тот, которого должно миропомазать на царство для управления еврейским народом. Все произошло по непостижимому распоряжению Божию, обыкновенным, по-видимому, порядком: Саул и ослиц нашел, и вместе с тем получил царство, о котором никогда не думал. О, какая непостижимая бездна Провидения Божия! Какая величайшая тайна! Как отличны судьбы Божии от мыслей человеческих: Саул нисколько не думал о венце и скипетре царском, но благоволением Божиим возведен на престол. Итак, не случайно забе-

жали ослицы, не случайно послан был Саул для отыскания их, не случайно также долго не находил их, и не случайно дал слуга совет господину сходить к прозорливцу Самуилу: все это произошло по Божиему Провидению и тайному внушению исполнителям Его воли для того, чтобы поставить Саула царем израильским.

Недоумение о Сауле

При этом сам собой рождается вопрос: для чего было угодно Богу помазать на царство Саула, о котором Бог предвидел, что он впоследствии впадет в нечестие и бедственно окончит жизнь свою?

Вместо прямого ответа я предложу свои вопросы. Зачем Бог создал в благодати Своей Ангелов, о которых Ему было известно наперед, что они воспротивятся Богу и будут на веки вечные отвержены Им за грех и будут мучиться в геенне? Зачем поселил Бог Адама в райском жилище, когда знал Бог, что Адам недолго проживет в раю и будет изгнан из него? Ради чего Христос причислил к апостольскому лику Иуду Искариотского, о котором наперед знал, что он сделается Его предателем? Для чего предпослал Христос Своих апостолов в самарянское селение, зная наперед, что они там не будут приняты? Какая причина таких перемен в Божиих определениях? Но таких дел найдешь тысячи.

Разъяснение блаженного Иеронима

Блаженный Иероним так отвечает на подобные вопросы: «Хочешь узнать причину таких перемен? Вот она: Бог судит не будущие поступки, но настоящие, и никого не осуждает по Своему предвидению, хотя и знает, что хороший человек в настоящее время впоследствии переменится в негодного и злого; при всем этом, по Своему милосердию, поставляет его в положение такое, какого он заслуживает в настоящее время, и таким образом дает ему силу, на случай его падения, к обращению на истинный путь чрез покаяние. Не потому согрешил Адам, что Бог предвидел его согрешение, но потому и предвидел Бог это, что Адам по своей свободной воле имеет согрешить».

Рассуждение св. Амвросия

Подобно этому рассуждает св. Амвросий. «Не потому Адам согрешил, что получил заповедь, или Иуда, что был избран в апостолы, ибо не возложил Бог на них необходимости: одному — преступить заповедь, а другому — сделаться предателем. Оба они, если бы сохранили свято свои обязанности, могли бы удержать себя от греха. Те, о которых знает Бог, что станут вести жизнь добродетельную, вначале часто бывают злыми; а те, о которых Он знает, что будут грешить и сделаются злыми, сначала бывают добрыми. Стоишь ты

теперь, берегись, чтобы не упасть. Святой апостол Петр упал: ты же будь осторожен; Иуда упал, чтобы предостеречь тебя от падения».

Помощь Божия и желание человека должны совпадать

Никакое старание и усердие наше не может сохранить нас без помощи Божией; но и помощь Божия без человеческого желания (воли) не принесет пользы: примеры тому видим в Петре и Иуде. Нам следует избегать односторонностей: мы не должны оставаться в лени, возложив все на Бога, а равно не должны думать мы, что сами собой, без Божией помощи и Его благоволения, можем совершить что-либо доброе. Ибо и Сам Бог всего не совершает, чтобы не оставить нас праздными, и нам не предоставил все вершить, чтобы мы не превозносились тщеславно: от всего, что может вредить нам, Бог отводит нас, а что для нас полезно, к тому Он побуждает нас и помогает нам.

Никто не укроется от Бога

Опять привожу на память Саула: сколь дивное было во всем Провидение Божие о нем! Ибо тот, который в злобе старался многократно погубить Давида мечом филистимлян, был сам окружен многочисленным их войском, был отвержен Богом и обратился

66

к волшебнице против заповеди Божией. Она вызвала душу умершего уже пророка Самуила (в живом его образе), который возвестил Саулу скорую и неизбежную его гибель. Не имея мужества ни избежать, ни перенести ее, Саул воткнул свой меч в землю рукояткою, упал на его острие и таким образом сам лишил себя жизни (см. подробности этих событий в 1-й Книге Царств, гл. 18–31). Наказание и месть нарушителям закона Божия неизбежны. Саул сам себя предал смерти, чтоб избегнуть вражеского посмеяния, бесчестия, поругания и укоризн; но не избежал и этого. Ибо филистимляне отрубили голову от мертвого тела его, тело бросили зверям и птицам в пищу, а голову носили с поруганием и насмешками по всей Палестине! О Боже! Никто не укроется от Твоего Провидения и не избежит твоих судеб. Как на верных весах все измеряется равновесием и перевесом, так у Бога все — правдою (Притч. 16, 11).

Мудрые суды Божии

Провидение Божие обнаруживается с величайшей мудростью. Обыкновенно не каждое преступление наказывается тотчас же, но, с другой стороны, и не оставляется без наказания вовсе. Если бы не подвергал Бог ни одного злодеяния наказанию, то многие подумали бы, что никакого Провидения нет.

Если бы за каждым преступлением непременно следовало наказание, в таком случае верили бы, что после смерти нет ни наград, ни наказаний. А потому Бог, наказывая только некоторых, обнаруживает Свое Провидение; когда же других не наказывает тотчас по преступлению, то грозит им наказанием после смерти в будущей жизни, если не покаются в нынешней.

Бог все обращает к благу — даже наши грехи

Все житейские бедствия обращает Бог к нашей пользе и ко благу нашему; попускает самые грехопадения для достижения и приведения к концу высочайших, непостижимых, таинственных дел Своего Богоуправления. Ибо и совершать добрые дела, и попускать злодеяние есть свойство, исключительно принадлежащее одному Божественному Провидению. Истинно, никогда Бог не допустил бы зла, если бы Он не был столь силен и добр, чтобы из всякого злого дела производить доброе последствие. Скажи по совести: когда в мире появлялось лютейшее и большее зло, чем преступление Адамово и убиение Христа Спасителя? Однако перво-родный грех низвел Бога с неба на землю для восприятия на Себя тела человеческого; смерть Христова отворила нам Небо и возвратила все потерянное нами в Адаме.

Высочайший Бог есть вместе и мудрейший художник, превращающий всякое злое действие в причину к произведению наилучших последствий, подобно тому, как из грубой массы добывается золото. «Любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8, 28): согрешения Магдалины послужили для многих поводом к исправлению себя; падение Петрово — бесчисленному множеству людей примером истинного покаяния; неверие Фомы многих утвердило в истине воскресения Христова. Отсюда обнаруживается величайшая Божественная слава: «жнешь, где не сеял» (Мф. 25, 24). Бог не посеял грехов, однако же от них собирает богатую жатву добродетелей. Воистину Бог мед из камня и елей от твердого камня источает, когда из величайших злодеяний производит благодетельнейшие последствия.

Как следует думать о болезнях и несчастиях

Таким же образом Провидение Божие бодрствует и о нас, и бодрствует попустительно, так что и малейшие наши телесные стеснения не оставляет незамеченными у Себя. Вследствие этого каждому из нас, при телесной невзгоде, следует рассуждать так: болезнь эта или другая невзгода произошла ли от моей неосторожности, или по злобе

человеческой, или от чего-либо другого? Во всяком случае, приключилась не без Божия Провидения, которое определило ее соответственно моим силам, так что ее начало, ее тяжесть (ослабление или усиление) зависит от Него. Равным образом от Провидения Божия зависит способ врачевания и исцеления оной. Оно вразумляет врача и указывает на средства или же противодействует всему, ибо и доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от Господа (Сир. 11, 14). Равным образом, нужно во всех приключениях, бывающих с нами, рассуждать, что они предвидены и допущены Богом. Враг ли злословит и проклинает тебя — знай, что все его хуления и слова, произносимые злобными устами, положены от века на весы Божия Провидения: сколько ему дозволено, столько и выскажет, и больше ни одного слова. Что же ты напрасно противишься и тщетно гневаешься? Так точно размышляй и обо всех других твоих бедствиях, которых происхождение, число, тяжесть, продолжение и окончание предусмотрены Богом. Потому Промыслу Божию покорись, говоря с Псалмопевцем: «я нем — и не открываю уст моих» (Пс. 37, 14). Да будет воля Твоя, Боже мой! По Твоему Провидению и попущению все это устроилось. А поскольку Ты это сотворил, то я был бы нечестивым беззаконником, если бы вознегодовал против Тебя. Итак, святой

70

воле Твоей, Боже мой, во всем повинуюсь и с благодарностью приемлю все от Тебя ниспосылаемое и терпеливо потерплю.

Недоумение о благоденствии нечестивых и страданиях праведных

Блаженный Августин говорит: «Волнуется море мирское, и Ты, Господи, видишь злых процветающими, добрых же — угнетаемыми: вот, искушение, вот, буря. Господи Боже! В этом ли состоит Твоя правда, чтобы злые благоденствовали, а добрые страдали? И Бог отвечает тебе: это ли твоя вера? Это ли Я обещал тебе (т. е. цветущее состояние)? Или ты потому называешься христианином, чтобы наслаждаться мирскими успехами?» Смиримся пред Богом. И успокоим наши сердца верою в Божие Провидение, когда мы видим нечестивых — господствующими, благочестивых — озлобляемыми и притесняемыми, благочестие — искореняемым, правду — разоряемой. Ничего этого не было бы, если бы не Бог допустил это, и истинно не допустил бы Он, если бы не имел на то достаточных причин, ради которых признал Он за лучшее допустить, чем воспретить. Скажешь: от этого допущения возникают многообразные бедствия и величайшие смуты. Можно сожалеть об этом, но сожалеть рассудительно: ибо по весьма справедливым причинам так угодно было

Богу, Который из величайшего зла может производить дивное добро так легко, как легко вынуть меч из ножен.

В будущей жизни все разъяснится

Не удивляйся тому, что суды Божии — таинственны и непостижимы: во Второе пришествие Христово, в страшный день судный, вся жизнь каждого человека явится как в зеркале; выяснится и каждая причина, по которой Провидение Божие устроило то или другое происшествие и для чего устроило, повсюду: во всех царствах, городах, семействах и с каждым человеком. Все откроется. Откроется, как милостив Господь к согрешающим, и каждый из них более или менее будет безответен. А также и то обнаружится, в какой степени был сообразен образ Божьего мироправления с Его славою и правдою и насколько приличен и благодетелен для всех тварей.

Бог из зла творит добро

Не забудем того, что Бог из каждого зла творит некоторое добро. Что печальнее было грехопадения Адама и Евы со всем родом человеческим? Однако же Бог так восстановил их, что теперешнее положение христианина выше Адамова райского положения. Христова крестная смерть — для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие; однако же она содела-

лась спасением всего мира, всем «званным честью и славою и приобретением вечной блаженной жизни» (1 Кор. 1, 23).

Свт. Иоанн Максимович, архиепископ Черниговский (1697–1712) и митрополит Тобольский и всей Сибири (1712–1715 гг.).
Божественный Промысл. М., 1916.

ПРОМЫШЛЕНИЕ БОЖИЕ О НАШИХ НУЖДАХ

Бог — попечительнейший хозяин. Он в Своих руках держит все великие и богатые жизненные сокровища, и от Него одного должно просить их усердными молитвами. Пустынножитель Марк обыкновенно говорил: кто не имеет упования на Бога в получении от него временно потребного, тот тем менее может полагать на Бога надежду получить от Него то, что ведет человека в жизнь вечную, например, веру, надежду и любовь. Если Бог дал тело, то неужели не оденет его? Жизнь (т. е. душа) не больше ли пищи, и тело одежды? (Мф. 6, 25). Когда Он даровал нам (без наших заслуг, когда и не существовали мы еще) жизнь, которая дороже пищи, и тело, которое важнее одежды, то, несомненно, даст и все способствующее к сохранению жизни и к пропитанию плоти. Тем более не откажет Он нам во всем том, что Сам Он восхотел,

по величайшей Своей благодати, — даровать нам бытие и жизнь. И если даром охотно дал Он важнейшее для нас, то и может, и желает дать, и всегда посылает и менее важное. Но пошлет с условием, чтобы и мы не оставались праздными: ибо Он создал и призвал нас на землю, чтобы возделывать ее и содержать в порядке (Быт. 2, 15), а не для праздности. Уповать же на Него — Единого, Всемогущего и Всещедрого, а не на самих себя. Иов, вопрошая о приготовителе пищи для воронов, о себе не пекущихся, говорит: «кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?» (Иов 38, 41).

Учение Иисуса Христа

И Сам Христос, взяв подобие от птиц, учит нас, говоря: «взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6, 26). Тот же Учитель Небесный говорит: «не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф. 10, 29–31). Этот первый довод против нашего маловерия представляют нам животные. Кормящиеся без всякого о себе попечения, чтобы хотя бы от них поняли мы и научились познавать всемогущество Провидения Божия, в Коем

только мы и можем найти себе успокоение и мир душевный.

Второй довод представляют нам дикорастущие цветы, полевые лилии. Христос Господь, указав на Провидение Божие о маленьких птицах и о волосах на голове, говорит: «посмотрите на полевые лилии (крины сельные), как они растут? Не трудятся, ни прядут: но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6, 28–29). И отсюда Христос выводит заключение: «если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!» (Мф. 6, 30). К этому присовокупляет Спаситель Господь наш и третье наставление о тщетности нашего о себе самопопечения, говоря: «да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (Там же, 6, 27). Всякая заботливость наша о себе самих, не соединенная с упованием на Бога, — тщетна, напрасна, о чем Господь и говорит: «да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту... итак если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?» (Лк. 12, 25–26). Суетен, празден и не полезен весь труд ваш, если Бог не поспешит и не благословит его. Во всяком начинании и деле своем возлагай на Бога все упование, и Он (без твоего старания) все устроит к лучшему по Своей неизреченной милости: «Он

открывает руку Свою и насыщает все живущее благоволением» (Пс. 144, 16).

Почему много бедных среди нас?

Итак, если Господь Бог заботится об удовлетворении жизненных потребностей всех вообще: ибо Он сотворил и малого и великого и одинаково промышляет о всех (Прем. 6, 7), то почему везде находится множество нищих и весьма оскудевших людей? Чудно, братья, Провидение Божие о нищих. Истинно сказал о том св. Златоуст, что не только нищие имеют нужду в богатых, но и богатые еще более нуждаются в нищих. Все, что было и есть в мире доброго и Богу угодного, устроено старанием и деятельностью бедных, но трудолюбивых и богобоязненных людей. Будучи лишены довольства и денег, они трудились в поте лица, продавали свои труды богатым; они не забывали Бога, молились своему Творцу и Промыслителю, Который в самой нищете их покровительствовал им. Многие святые угодники Божии, пребывая в крайней нищете, ее одну больше всех богатств любили и имели величайшее о себе Божие Промышление. Не имея ничего, но как бы всем обладая, они свободно, в великой душевной радости возглашали: «Отче наш, Иже еси на небесех...», имея при этом в устах и сердце слова Псалмопевца: «Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя».

Попечение Божие о тех, которые предались Ему всем сердцем

Истинно Отец Небесный столь великое имеет Провидение и попечение о предавшихся Ему сердечно людям, что, когда они лишены человеческой помощи, посылает им Свою небесную помощь. Например, такую помощь оказал Бог пророку Илии. Во-первых, Он повелел воронам, чтобы они носили ему пищу; и вороны приносили ему хлеб и мясо по утрам и по вечерам, а из потока он пил воду. Во-вторых, когда этот поток высох, то Бог повелел Илии идти в Сарепту Сидонскую к убогой вдове на прокормление. Все имущество этой вдовы состояло из горсти муки в кадке и из небольшого количества масла в кувшине, но, по Божию Промыслу, во все время пребывания в ее доме пророка мука в кадке не истощалась, и масло в кувшине не уменьшалось. В-третьих, когда Илия облегчал сном свою скудость, явился к нему с неба Ангел Господень и разбудил Илию своим к нему прикосновением, говоря: «встань, ешь и пей». Илия пробудился и видит: вот у его изголовья печеная лепешка и кувшин воды. Он поел и напился и опять заснул. Ангел Божий повторил то же самое во второй раз. Такую же преславную благодать являл Всещедрый Бог и многим другим угодникам Своим, когда они находились в многообразных нуждах.

Наше маловерие

Хотя и мы часто получаем от Бога такую же благодать в своих нуждах и недостатках, однако же везде встречается между нами большое маловерие у многих, боящихся, чтобы не лишиться приличного и необходимого для поддержания здешней жизни. Мы и ныне говорим с иудеями: «может ли Бог приготовить трапезу (пищу) в пустыне?» (Пс. 77, 19) и с апостолами Филиппом и Андреем: «им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому досталось хлеба хотя понемногу», пять же хлебов и две рыбки — «что это для такого множества?» (Ин. 6, 7–9). О, маловерные мы люди! Отец Небесный знает, что все это нам необходимо: неужели же благодать Божия теперь оскудела по сравнению с прежними временами?

Примеры из церковной истории

Св. Павлу, первому пустынножителю, ворон в продолжение шестидесяти лет приносил по половине хлеба; но когда пришел к нему Антоний Великий, то вороном принесен был целый хлеб. Иоанн-пустынножитель четырнадцать лет, в продолжение которых он никого из людей не видел, питался молоком самки оленя. Многие из пустынников имели и пищу, и одежду от финикового дерева: оно служило для них и портным, и хлебопек-ком. В лето от Рождества Христова шестьсот

78

пятьдесят третье Иудок, сын царя Британцев, отрекшись от царского престола, поступил в монахи и сделался отшельником. Он на острове, окруженном водой, построил церковь и основал монастырь. Он был так щедролюбив к убогим, что однажды случилось так, что в монастыре оставался один только хлеб для трудящейся братии, но он велел разделить и этот хлеб на четыре части и отдать первую часть просящему нищему. Этот нищий, переменяя свою одежду, приходил в один день четыре раза просить подаяния и получил все четыре части, так что ничего не осталось для прокормления братии. А потому один из них начал роптать и укорять игумена за излишнее щедролюбие его. Иудок, утешая его, велел ожидать помощи свыше. Спустя несколько часов приплыли под обитель четыре ладьи с полным грузом съестных припасов, которыми изобильно удовлетворилась голодавшая братия. Справедливо выразился Августин: «Думаешь ли, что тот, кто кормит Христа (т. е. нищих), не будет сам накормлен Христом?»

Настоятель одного монастыря отпустил двоих братьев по делам обители. Когда путешествующих застиг вечер, они, истомленные трудом, измороженные голодом и печальными, начали вздыхать о том, что придут они в убогое селение и, не имея там никаких знакомых, не получат себе ни отдыха, ни подкре-

пленяя пищей. Некий незнакомец встретил их и спрашивает о причине их печали, и когда они открыли ему свою невзгоду, сказал им: «Вы все оставили ради Бога с величайшим на Него упованием, теперь же печалитесь, как бы лишенные всякой надежды. Бог насыщает скотов, неужели Он оставит сынов изнемогать от голода?» Сказав это, он сделался невидим. Когда они вошли в город и совершили молитву в церкви, градоначальник пригласил их к себе на ужин. Но к ним подошел другой из обывателей и просил их прийти к себе в дом. Третий, подойдя и видя двух спорящих, решил спор тем, что первый, муж уважаемый всеми и почтенный, должен иметь в этом преимущество. Таким решением все остались довольны, пошли к нему в дом, и тот всех изобильно угостил. Однако же подобные примеры не искореняют нашего маловерия: несмотря на все, что Бог посылает нам, мы ужасаемся оскудения и, если не во всем изобилуем до излишка, всегда печалимся.

Рассказывают об одном нищем, который, осмотрев свою торбу, увидел, что она полна кусков хлеба, собранного им у многих даятелей, и сказал: теперь я благонадежен. На этого нищего очень похожи мы сами: мы тогда только благонадежно уповаем на Бога, когда хранилища наши полны всяким добром, которого будет достаточно для нас на многие годы.

Поучительный пример св. Иоанна Милостивого

Не таков был св. Иоанн, патриарх Александрийский. Потерпев огромнейшие убытки — когда буря морская уничтожила тринадцать церковных кораблей с пшеницей, которой на каждом корабле было по десять тысяч мер, — возложил он все упование свое на единого Бога, и в Нем одном нашел себе величайшую отраду. В то же время такую же потерю понесла едва не половина александрийских граждан, а потому все мореплаватели и все спасшиеся пассажиры собрались в Александрию, как в тихое пристанище. Ко всем им св. Иоанн послал тотчас же письмо для утешения их, в котором написал единственное утешение для всех: «Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1, 21). «Потерпите, дети, и ничего не бойтесь!» На другой день собрались у него много почетнейших граждан для утешения его в скорби. Но он, предваряя их, возложил всю вину на себя, говоря: «Бог предохранил меня от большого греха: не случись этого, я превознесся бы умом, возгордился бы тем, что подаю много милостыни бедным, и имел бы о себе высокое мнение, что я щедролюбив; а потому справедливо любящий Отец наказал тщеславного сына, чтобы он не превозносился. Бог милостиво нас увещевает, на-

несши нам несколько ран, чтобы мы пришли в чувство и скорее бы обратились к Нему. Но Он есть Тот же Самый Бог, Который был и во время Иова, столь же всемогущий и столь же милосердный, — Он не оставит нас». Этими словами патриарх развеселил пришедших для его утешения. В скором времени Господь Бог вознаграждал потерю Иоанна, а он подавал нищим обильнейшую милостыню. Иметь сомнение или малодушие в подобных случаях значит то же самое, что и утверждать: Бог или скуп, или забывчив; но такие суждения принадлежат нечестивцам, безбожникам; они должны быть отрицаемы нами.

Упование на Бога пустытника Аматия

Аматий-пустынножитель, святой муж, был в свое время живым зеркалом. В него обязаны всматриваться все, кто Провидение Божие понимает неправильно или отрицает и предаёт тайно хулению. Аматий, потрудясь тридцать лет в монастыре, удалился в пустыню, где на избранном им камне жил в великом воздержании. Один из братьев монастыря чрез каждые три дня приносил ему часть хлеба и кружку воды — это было единственным его пропитанием. Таковое воздержание не было приятно диаволу. И вот, прилетел ворон, кружку с водой опрокинул ногами, а кусок хлеба схватил клювом и унес. Таким образом, труженик лишен был трехдневного

пропитания. Как же посмотрел на это добродетельный муж? Быть может, проклял ворона, или произнес нелепые слова на Божие Провидение, или начал порицать бесовские козни? Ничего этого он не сделал. Это мы поступаем так в подобных случаях, а он, воздев руки и вознеся ум к Небу, возгласил: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, за то, что Тебе угодно было оставить меня в более продолжительном посту по Твоей святой воле. Я знаю, что это будет мне весьма полезно на будущее время, ибо ничего не бывает в мире без Твоего Провидения, без него ни один листочек не упадет с дерева». А мы, грешные, думаем, что истребление домов пожаром, потопление кораблей, отнятие имений, личные обиды совершаются, когда Провидение Божие спит или не видит. Словом, не верим в Божие Провидение. Лучше нас понимали это даже идолопоклонники (язычники); ибо здравомыслящие из них рассуждали, что все в мире происходит не по воле человеческой и не по слепому случаю. Действительно, все происходит от Бога, по Его Провидению праведному: зачем же мы негодуем и часто даже ропщем?

Бесчисленные факты Божественной помощи

На размышление о Провидении Божиим наводят нас бесчисленные примеры и обра-

зы. Один благоговейный муж, пройдя девять миль от города, но не завершив предпринятого пути, измученный жаром, голодом и жаждой, изнемог и со стоном повалился под грушевым деревом. Он, лежа, стал читать молитвы и во время чтения их увидел наверху дерева один фрукт. В это самое время проходил мимо дерева незнакомец, приблизился к лежащему в изнеможении под грушей и, узнав причину его изнеможения от голода и усталости, вынул чистый хлеб и часть его отдал изнемогшему для подкрепления его сил.

Это верно, имеются и тысячи подобных примеров и действий, и самим нам приходилось их видеть. Несмотря на это, мы так мало надеемся на Божие Провидение! Если наши сосуды, ящики, сундуки и житницы не наполнены до верха всяческим добром, то мы падаем духом; но когда мешок наш полон, карман набит деньгами, тогда мы имеем надежду. О, слепые мы! Истинное упование на Бога есть то, когда мы, находясь в большом стеснении, в величайшей нужде и бедности, не падаем духом, но терпением побеждаем все наши невзгоды: ибо чем более переносим страданий, тем больше предназначается нам славы и венцов. У древних было достопамятное изречение: «если бы мы творили, что должны, Бог бы нам сотворил, что мы хотим». Блаженный Иероним, поучая об этом, сказал: «Да будет человек тем, чем он должен быть, и

84

тотчас же пошлет ему все Тот, Которым все совершилось». Справедливо восклицает блаженный Августин: «О Боже мой! Ты имеешь о всяком человеке столько попечения, как будто бы о нем одном Ты и заботился: так и о всех, как о каждом». Святой же Григорий говорит: «Бог печется о каждом так, как обо всех, и обо всех промышляет так же, как бы об одном». Так о тебе, читатель, печется и имеет Промышление Бог, как бы Он не имел ни о чем другом заботиться. Многочисленность народа, о котором печется Бог, не смущает Божьего Промышления, не отягощает: для Него попечение об одном человеке такое же, как и о бесчисленных тысячах людей. Как прежде о Ное с семьей членами семейства или об одном Адаме в раю, так и теперь обо всех равное имеет Бог попечение и Промысл.

Свт. Иоанн Максимович. Божественный Промысл.
М., 1916.

О ТОМ, ПОЧЕМУ ПРОИСХОДЯТ НЕСЧАСТЬЯ И БЕДСТВИЯ

Все в мире, даже по виду злое (кроме греха), происходит по воле Божией. Богословы объясняют это таким способом. Начало зла (в собственном смысле) есть грех. В каждом грехе заключается причина, его производя-

щая, и ее неизбежные последствия — исправление наказанием. Причина греха есть лживость или своеволие горделивого грешника; наказания же вообще (как исправительные, так и казни), будучи горькими последствиями своей причины, происходят по воле Божией. Итак, если мы из понятия греха отбросим его причину — лживость и своеволие, — то не будет ни одного из горьких или злых его последствий, которое бы не происходило по воле Божией или было бы Ему не угодно. Как горести греховные каждого человека, так и в мире, обыкновенно называемые естественными, бедствия (голод, засухи, моровые поветрия и тому подобные, часто не имеющие непосредственного отношения ко греху частного лица) происходят по воле Божией. А потому все бедствия и горести человеческие положительно происходят по воле Божией ради достижения праведных целей Промысла Божия. Один только грех противен Богу (подобно тому, как зло противно добру или ложь противна истине), но попускается Богом ради не нарушения личной человеческой воли или его свободы.

Зло, причиняемое нам людьми, не вне воли Божией

Многие обманываются, по своему крайнему невежеству думая, что только зло, протекающее от естественных причин (наводне-

ния, землетрясения, неурожаи, неблагоприятные атмосферные явления, повальные болезни, внезапная смерть и т. п.), происходит по воле Божией; ибо по большей части такие несчастья не имеют прямого отношения ко грехам. Но злостные деяния, происходящие от противозаконного умысла человеческого, от неправды (ругательные слова, насмешки, обманы, подлоги, хищения, обиды действием, грабежи, разбои, убийства и т. п.), приключаются, по мнению названных выше людей, независимо от воли Божией и Его Промысла, но единственно по человеческой злобе и развращенной людской воле, которая сама причиняет и наносит ближним своим всякое зло. А потому не только в минувшее, давно прошедшее время, но и в настоящие времена нередко слышны жалобы: «оскудение в пропитании и необходимых средствах для жизни произошло не от Бога, а от лихоимцев». Жалобы эти — жалобы людей, не ведающих Бога: они недостойны христианина.

Предмет, о котором сейчас говорили мы, поясним на примере. Некто, вознамерившись лишить ближнего всего имущества его и желая исполнить свое злое намерение втайне, прокрадывается никем не замеченный в его дом, подкладывает зажженные горючие вещества под строение и так же незаметно выходит из дома. Вскоре после этого начинается пожар; пламя увеличивается, огонь

перебрасывается ветром на другие строения; люди отовсюду сбегаются гасить огонь и защищать от пожара смежные дома. Поджигатель также бежит с другими людьми как бы для тушения пожара, но он имеет другое намерение: он, пользуясь пожарной суматохой, уносит из горящего помещения вещи будто бы для спасения от огня; на самом же деле похищает их и прячет. Хотя все эти действия поджигателя служат непосредственной причиной понесенного хозяином дома разорения и лишения всего имущества, но рассматриваемые исключительно в себе самих, т. е. без отношения их к злему умыслу зажигателя, не будут ничем отличаться от так называемых физических бедствий. Они от Бога: подобно тому, как по изволению Божьему гром убивает человека, молния зажигает дом или растущее дерево, ураган разносит скошенное сено, так и зажигатель: он не может ни войти в дом, ни выйти из него, ни огонь подложить без попущения Божия. Да и сами эти действия безразличны — ни злы, ни добры, потому что могут послужить как ко злу, так равно и к добру. Но злая воля, лукавое намерение, которыми руководствовался поджигатель и причиной которых является уже не Бог, а свободная воля поджигателя, — это его грех, хотя ему Бог и попустил выполнить на деле свой злой умысел; ибо мог бы и возбранить Бог совершение его, если бы

это было Ему угодно. Не возбранил же Господь совершения злого умысла, но попустил выполнить его по праведному суду Своему. О причинах такого пощужения сказано будет впоследствии.

Если Бог не есть начало нравственного нашего падения (которое одно и есть истинное зло) и быть им не может: «Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния» (Авв. 1, 13) и «возлюби правду, и возненавидь беззаконие» (Пс. 44, 8), то вполне истинно, что всякие бедствия, проистекающие от вторичных причин, разумных или разума не имеющих, каким бы образом ни произошли, происходят все по воле Божией, ниспосылаются Его крепкой десницей, по Его смотрению и Промыслу. Возлюбленный! Бог направил руку на ударение тебя; Бог подвинул язык обидящего или клеветника на поругание или оклеветание тебя; Бог дал нечестивому силу на твое низложение. Сам Бог устами пророка Исаии подтверждает это, говоря: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня; Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня... Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Ис. 45, 5, 7), Ясно подтверждает это пророк Амос: «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы» (Ам. 3, 6)? Как бы говоря: нет ни одного бедствия, которое было бы не по воле Божией, которое злой умысел

попускает, а к приведению его в исполнение указывает способ и подает силу.

Так, Бог, имея в виду наказать царя Давида за грех прелюбодеяния его с женою Урии и за убийство самого Урии, грехом кровосмешения собственного его сына с его женою говорит Давиду чрез пророка Нафана: «Вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих пред глазами твоими, и отдам ближнему твоему (Авессалому), и будет он спать с женами твоими пред этим солнцем. Ты сделал тайно (т. е. прелюбодеяние и убийство), а Я сделаю это (т. е. Авессаломово кровосмешение) пред всем Израилем и пред солнцем» (2 Цар. 12, 11–12). Весьма хорошо выразил эту мысль Блаж. Августин, говоря: «Таким образом Бог исправляет добрых людей чрез злых».

Нечестивые цари как орудия Божии

Нередко также Божие правосудие употребляет нечестивых царей и злых князей как свои орудия для научения праведных терпению и для наказания нечестивых за их преступления и проступки. Вот примеры: Бог через пророка Исаию угрожает развращенному народу израильскому погублением его и опустошением Палестины от ассириян, говоря: «Горе ассириянам, жезлу гнева и бичу негодования Моего (на израильтян), который пущу Я на народ нечестивый, на людей, про-
90

гневавших Меня. Я дал ему повеление ограбить их, забрать все их богатства и самих их в плен, разорить города их и потоптать их, как грязь на улицах. Но ассириянин не так подумает, и не так помыслит сердце его: у него будет на сердце разорить и истребить немало народов» (Ис. 10, 5–7). Здесь ясно показывает Бог, что не воля царя ассирийского, но Его святая воля исполняется ассириянами. Он называет их орудием гнева и бичом негодования Своего на беззакония израильтян и, следовательно, Себе Самому приписывает их наказание. «Я послал их, — как бы говорит Он, — взять у них добычу и усмирить непокорных Мне и сильно надмевающихся в уме своем: они отвергли веру в Единого Бога и почтили идолов языческих безумными и жестокими обрядами и жертвами. Сам же царь ассирийский (приводя в исполнение волю Божию) иначе будет думать, именно, что это совершает он по собственной своей воле, и не образумится, но устремится на убийство и конечное истребление народов, однако же послужит он Моей воле. Когда же войною ассириян накажу людей Моих, исправлю их — о! — тогда горе жезлу тому, горе ассириянам, всех их, как ненужное орудие, брошу в огонь на сожжение. Равным образом смотреть должно и на другие праведные наказания, попускаемые на нас от Бога за наши неправды.

Римский император Тит при осаде Иерусалима, сам лично обходя его стены и видя рвы, наполненные трупами мертвых людей, льющуюся кровь изувеченных и растерзанных тел, тяжело вздохнул и, возведя глаза и руки к небу, сказал: «Боже милостивый! Не мое это дело!»

Почему можно «противиться» Богу в бедствиях?

Нас кто-либо спросит: если верно, что все бедствия постигают нас по воле Божией, то напрасно нам противиться Его святой воле? Тщетно употреблять лекарства в болезнях? Зачем вести вооруженные полки против нападающего неприятеля? Почто добровольно не подносим ему ключей от крепостей наших и не пускаем его охотно в нашу отчизну для нашей гибели? Зачем не подражаем блаженнейшему архиерею Лупу, который приветствовал Аттилу¹ такими словами: «Приветствую тебя, Аттила, бич Божий»?! Отвечаю вопрошающим. То, что разорительные войны и прочие беды происходят не без воли Божией, дело ясное (как указали мы рань-

¹ Аттила — царь гуннов, в 433 году по Р.Х., после смерти дяди Ругиласа, совместно с братом принял верховную власть над гуннами, но уже в 445 году, убив брата, сделался их единоличным предводителем. Вслед за тем завоевательными набегами Аттила расширил свое государство до громадных размеров (Примеч. составителя).

ше); но отсюда не следует еще, что не нужно ни вооружаться против врагов, ни прибегать к врачеванию наших болезней, считая это противодействием воле Божией. Объясним это на примере болезни: по какой бы непосредственной причине ни началась она, нет никакого сомнения (как замечено уже выше), что на то была воля Божия. Однако же больному неизвестно намерение Божие о времени продолжения его болезни, а потому не воспрещается больному прибегать к различным средствам исцеления себя от болезни. И когда он уже, после употребления многих врачующих средств, не получит выздоровления, то может быть уверенным, что на то есть воля Божия, чтобы ему терпеть продолжительнейшую и тягчайшую болезнь. Так смиренно рассуждай каждый болезненный брат, что Богу угодно продержать тебя еще в болезни. Но так как ты не знаешь, имеет ли Бог намерение, чтобы ты страдал до смерти, то безгрешно можешь прибегать к средствам врачевания для получения здоровья или хотя бы для облегчения болезни. Безгрешность врачевания доказывается и тем еще, что если Богу не угодно возратить тебе здоровье, то Он может лишить всякое средство врачевной его силы. Таким же образом нужно рассуждать о врагах и войнах. Бог многократно допускал неприятелям поработать израильский народ, с тем чтобы народ этот

не бесчинствовал, не забывал о Боге своем; и израильтяне, пока не сознавали на то воли Божией, сопротивлялись своим врагам. Но они иначе поступили, когда пророк Иеремия возвестил им волю Божию покориться царю Навуходоносору. Равным образом, если начавшийся пожар, при всем старании народа и пожарной команды, не мог быть потушен, то явно, что суд Божий решил, чтобы дом не только был подожден, но и сгорел совершенно для испытания терпения друзей Божиих и в наказание врагов. Подобным образом нужно рассуждать и при всех других событиях нашей жизни.

Наставление блаженного Августина

«Смотрите, любезные братья, — поучает блаж. Августин, — никогда не говорите: это мне диавол сделал (это несчастье нанес коварный враг), но все, что делается с тобою, и доброе и злое, приписывай Богу своему, зная, что диавол не может ничего тебе сделать, если Вышний Бог, имеющий власть над жизнью и смертью, не попустит ему чего-либо учинить тебе для твоей казни или исправления твоего. Казни попускает Бог для нечестивых, сознательно поступающих против своей совести, явно отвергающих истину и т. п., исправление же попускает для погрешивших в чем-либо сыновей: «бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 6). И ты не

94

надейся остаться без наказания, если только не думаешь быть отчужденным от небесного наследства: «бьет же всякого сына, которого принимает» (признает наследником). Так ли? Всякого ли? Где ты хотел скрыть себя от наказания? Всякого бьет непременно; никто не изъят от наказания: да будет тебе известно, что Сам Единородный Сын Божий, не совершивший никакого греха, не был изъят от наказания». Превосходно это наставление, действительно достойно оно блаженного Августина.

История Иосифа

Вспомним Иосифа Прекрасного, первого вельможу после царя в Египте. Какие терпел он беды и злые приключения до того времени, пока достиг высочайшей чести и власти! Началом приключений с ним была братняя зависть; она была причиной семейной нелюбви к нему, которая до такой степени возросла и усилилась, что он был продан как пленник израильтянам и уведен в Египет. Не лучшее благополучие встретило его и там: любовь к нему госпожи его оказалась более вредной и пагубной для него, чем братняя ненависть. Ибо когда этот красивый юноша, возлюбивший нравственную чистоту и целомудрие, не внял соблазнительным предложениям своей госпожи иметь с ним прелюбодейную связь, то был оклеветан ею пред ее мужем и без

вины заключен в тюрьму, где и просидел в течение трех лет. Действительно, он не тотчас после прибытия своего в Египет с честью посажен был на торжественную колесницу, но взошел на нее по терновым ступеням величайших скорбей и невзгод. Все же это было по непостижимому Провидению Божию, в чем удостоверяет нас сам Иосиф, говоривший впоследствии своим братьям: «Не вы послали меня сюда (в Египет), но Бог» (Быт. 45, 8). «Не бойтесь (воле Божией невозможно противиться); вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей» (Быт. 50, 20). О том св. Златоуст так рассуждает: «Об этом не довольно только слышать, но надобно и самим поступать таким же образом. Итак, успокоим и утешим тех, которые сделали нам зло, не вменяя его им в вину, но все перенося терпеливо и благодушно. Ибо мудрый промыслитель Бог бедственные приключения друзей Своих обращает в радостные события. Часто нанесенная нам обида доставляет нам великое благополучие; многие падали и через свое падение восходили на лучшее для себя. Провидение Божие, для осуществления предустановленных Им целей, употребляет не одни добрые поступки, но и грехопадения. Узнал ты судьбы Иосифовы? — уничтожь злобу его братьев, удали их зависть, истреби со-

96

вещание, сделанное ими на его убийство, — и ты истребишь все то, что содействовало сохранению в целости всего Египта...

Желаешь ли проследить непостижимую тайну искупления Христом всего рода человеческого? — уничтожь в сердце Иуды Искариота сребролюбие, у иудеев — зависть ко Христу Спасителю: вместе с этим удалил бы ты спасение всего мира, кровь и смерть Христову. Искорени диаволов — тотчас же сильно уменьшатся благочестивые подвиги, победы и получаемые за них воздания. Истреби мучителей — откуда возьмутся святые мученики? Таковы уставы Провидения Божия: достигать добра не только чрез добродетельных, но и через злобных людей и даже через самих диаволов. Продажа Иосифа его братьями была действительно устроена Богом, но само совершение ее, покрытое злобой братьев, было делом злобной их воли!»

Отношение Давида к обидчику своему, Семейю

Когда царь Давид убегал от восставшего против него непокорного сына Авессалома, некто Семей, из рода дома Саулова, забежал вперед Давида и стал поносить его жесточайшими словами: «Уходи, уходи, убийца, беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома,

сына твоего, и вот, ты в беде; ибо ты — кро-
вопийца» (2 Цар. 16, 5–8). Вот поражающий
образец человеческой злобы! Авесса, брат
Иоава-военачальника, видя такое поругание
над Давидом, говорит: «Зачем этот мертвый
пес злословит господина моего, царя? Пойду я
и сниму с него голову». Но царь, усматривая в
этом поношении себя изволение Божие, явля-
ется защитником своего гонителя, говоря сво-
им спутникам: «Оставьте его, пусть он злос-
ловит, ибо Господь повелел ему злословить
Давида: кто же может сказать — зачем ты это
делаешь?» Семей тяжко согрешил, проклиная
Давида, потому что, хотя Бог и употребил его
как орудие для поношения царя, но не был
причиной его злобной воли: Он лишь мудро
употребил ее в наказание Давиду.

Подобно Давиду, каждый из нас должен
смотреть на наносимые ему нападения и
озлобления злыми людьми, которых самово-
лие всемилостивый Бог употребляет или для
вразумления неповинных, или для наказания
виновных.

Кротость старца

Святой Дорофей повествует, что один ста-
рец богоугодной жизни в течение нескольких
дней не мог принимать пищи из-за болезни
своего желудка. Служитель, желая подкре-
пить старца пищей, задумал приготовить для
него более приятное и питательное кушанье.

Он из двух сосудов, похожих друг на друга, взял по ошибке для приготовления пищи тот, в котором хранилось старое, прогоркшее масло. Таким образом, при всем своем добром желании угодить старику он, влив изобильно в его кушанье не мед, но едва ли не самую смерть, приготовил ему такое кушанье, которого не ела бы и голодная собака. Большой едва попробовал принесенной ему пищи, тотчас узнал ошибку приготовившего ее, но промолчал и ел через силу. Потом, когда желудок его не позволял принимать ему больше этого кушанья, положил ложку, не говоря ни слова о непригодности пищи. Но служитель стал его упрашивать, чтобы больше покушал такого прекрасного кушанья, говоря: «Я приготовил его старательно, со всем усердием; оно подкрепит твое здоровье». Добрый старик не только не произнес гневного слова на служителя, но даже мысленно не рассердился на него и отговаривался от еды только тем, что уже сыт и не может больше съесть. Тогда служитель, едва попробовал сам этого кушанья, тотчас же бросился к ногам старца и с горестью сказал ему: «Убил я тебя, честный отче, зачем ты скрыл своим молчанием мою непоправимую ошибку?» — «Не смущайся, сын мой; если бы Богу было угодно, чтобы я покушал сладкого, то ты и принес бы мне сладкое». При этом св. Дорофей замечает: старик сказал правду, что если бы было неу-

годно кушанье, то Бог не попустил бы ошибки служащего или превратил бы прогорклое масло в свежее. Так, подобно старику, поступает тот, кто во всем признает Провидение Божие: он ни в ком не хочет видеть злонамеренности, никого не подозревает, но истинно признает, что все случающееся с ним бывает по Провидению и воле Божией.

Благодарственная молитва царицы Ирины

Греческая царица Ирина в Царьграде, низверженная с царского престола презренным рабом, обратилась к Богу со словами: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты меня, сироту недостойную, возвел на престол царский; но поелику Ты же попустил, чтобы лишена была я престола, считаю это последствием грехов моих; да будет со мною воля Твоя! Во всем же злом и добром да будет имя Господне благословенно». Истинно то, что никто не может вредить нам, разве в том, в чем мы сами вредим себе. А потому справедливо сказал блаж. Августин: «Веруй Господу Богу без всякого сомнения и поручи Ему всего себя, насколько станет твоей силы: тогда Он не отвергнет тебя, не перестанет возвышать тебя к Себе и ничего не попустит злого для тебя, хотя бы ты был и убог, и незнатен». Это наставление каждый должен знать в совершенстве и должен крепко содержать в уме следующее: ничего про-

100

тивного нам не может приключиться с нами без воли или попущения Божия: ни диавол и никто из людей не может повредить нам, если Бог не попустит. Должно верить крепко, что хотя и самые тяжкие бедствия постигают нас по распоряжению Бога, как верховного Царя, но посылаются они на нас от милостивейшего Отца в нашу же пользу, для вразумления и исправления нашего, за наши неправды и грехи. Следовательно, никто другой, кроме нас самих, не может нам вредить.

Свт. Иоанн Максимович. Божественный Промысл.
М., 1916.

ПОЧЕМУ БОГ ПОПУСКАЕТ БЕДСТВИЯ И ГРЕХИ?

Бог попускает бедствия и грехи для блага людей.

Так как ни диавол и никто из людей один другому не может нанести никакого зла без попущения Божия, то рассмотрим, что попускает Бог, каким образом попускает и для чего, по какой причине совершается попущение Божие?

Что попускает Бог?

Необходимо различать два рода попускаемых зол. Первый род зол, охватывающий

разные огорчения, тяготы, болезни, нанесение обид или бесчестия (приведение в нищету, заключение в тюрьме, изгнание, ссылка, смерть), — все это не может быть даже названо в тесном смысле злом, а только горьким лекарством, посылаемым нам от Бога для душевного уврачевания нас. Второй род зол, называемый в собственном смысле злом, — это наши грехи, преступления Божиих заповедей. Первого рода зло попускает Бог по желанию Своему или как казнь для нечестивых, или как меру исправления для сынов и дочерей. О зле второго рода, т. е. о грехах, нельзя сказать, что совершения их желает Бог, но только попускает. Все, что действительно существует в мире, пребывает в нем по желанию и слову Господа, по воле Которого «все существует и произошло, и без него ничто не получило бытия, или действительного существования» (Ин. 1, 3).

Природа греха

Но грех не есть нечто реальное, а есть только призрачная противоположность истинному бытию. Грех существует по несовершенству, лжи и лукавству неповинующихся Богу сотворенных Им разумно-свободных существ; потому грех и произошел первоначально и ныне происходит против желания Божия, не от Бога, по Его, однако, попущению. Причина попущения греха скрывается до времени в

102

тайне совершенного и непогрешимого Божия мироправления, или Его Промысла. Богу совершенно известно все будущее, и Он может легко не допустить ненавидимого Им греха, но допускает его, желая из зла произвести добро, из неправого — правое для вразумления и исправления людей, дабы они видели, какие последствия влечет грех и по отношению к согрешившему, и по отношению к его ближним, к обществу. В этом состоит отличие попуска Божия от попуска человеческого, которое не может предупредить и пресечь в начале зло мерами человеческими, хотя бы было нежелательно совершение допущенного. Напротив, в Боге видим и могущество Его не допустить, пресечь исполнение злого намерения, и вместе с тем волю, попускающую совершиться тому или другому из зол. При этом рождается вопрос: зачем благоволит Бог попускать совершение греха или какая побудительная причина у Бога к попуску людям на грех?

Почему Бог попускает грех?

Бесконечная благодать Божия никогда бы не пустила быть на земле таким злым беззакониям, если бы отсюда она не производила величайших благ и сделанное по злобе не обращала бы во спасение. Бог пустил умножиться братней зависти против неповинного Иосифа, но пустил для какого благодея-

ния? Не для спасения ли от голодной смерти не только его родителей, братьев и родственников, но и всего Египта? Попустил Бог нечестивому Саулу всячески озлоблять кроткого, незлобивого Давида, но не для пользы ли самого Давида и всего царства еврейского? Да, для величайшей пользы не только их, но и всего рода человеческого, чрез потомка Давидова, Христа Спасителя нашего. Попустил Бог бросить в ров к разъяренным львам безвинно оклеветанного Даниила пророка: но для чего? Для возведения его самого и друзей его на высшую степень величия и славы. Но зачем мне рассказывать о многочисленных фактах ветхозаветной истории, когда чрез поущение Божие завистливые первосвященники, фарисеи и старейшины еврейские по зависти предали на распятие Единородного Сына Божия, Иисуса Христа, и это поущение обратилось во спасение всего рода человеческого? Таким образом, от каждого поущения происходят и открываются нам величайшие богатства славы Божией и Его благодеяний каждому человеку и всему роду человеческому. Отсюда открываются нам: благость Божия и милосердие Его, щедроты, всемогущество и величество, предведение и Промысл Его. Отсюда высочайшая мудрость и правда Его неведомыми нам путями освещают нас и тем самым возбуждают весьма многих внимательных людей к возвращению

добродетели, к умножению многотрудных, но славных подвигов.

Превращение зла в добро

О, как дивно и величественно проявляет себя Промышление Божественное в повседневных своих попущениях! Немудрено от добра произвести добро, но весьма удивительное дело — зло обратить в добро. Есть поговорка: «на спокойном море всяк может быть кормчим». Невелика мудрость направить к пристани корабль, если она видна, ветер попутный, корабль крепок, море не волнуется, а матросы корабля знают свое дело. Но иное дело, когда буря бушует на море, корабль поврежден, волны с шумом вливаются на палубу и внутрь корабля или когда ночь темная, ничего не видно, пираты окружили корабль, экипаж малочислен и плохо вооружен, и при всем этом капитан корабля так искусно отдавал приказания, что безбедно избежал опасности, — вот это удивительное дело. Капитан корабля делом доказал свою мудрость и свою опытность править кораблем. Подобное замечаем мы и в мироправлении Божиим: иное, что попускается волей Божией и представляется нам не ведущим к добру, Бог приводит к наилучшему концу по Своей неизреченной премудрости и правде. Чрез допущение противозаконных деяний и горестных приключений Бог иногда безза-

конников превращает в честнейших друзей Своих. По Божию Промыслу, направляющему все к наилучшему концу, злохитрые замыслы против кого-нибудь часто обращаются ему в пользу и честь; делаемые на кого-либо нападения и обиды нередко умножают его силы. Величайшие беззакония нечестивых утверждают многих в благочестии и добродетели и предохраняют от гибели. Многие люди, по видимому, уже совершенно погружены в бездну гибели, но на деле оказывается, что они через то самое спасены.

Доказательства из Библии

Иосифу узы и темница служат к почестям и к его величайшей славе; братняя к нему зависть доставила ему больше пользы, чем благоволение всего мира; Саулова злоба доставила Давиду царский венец; львиный ров ввел Даниила в честь и славу, каких не достигали и цари земные; Христос со креста вошел в рай вместе с покаявшимся разбойником, а с горы Елеонской вознесся на Небеса и сел одесную Бога Отца.

В поущениях Божиих и добрая, и злая воли работают Богу, и с каким бы намерением они ни работали, однако в конце концов все совершается для достижения наилучших целей.

Действительно, все святые все то, что случилось с ними в жизни, приятное или неприятное, приписывали воле, действию Бо-

жиему, потому что они не обращали своего внимания на чужие грехи, но все поступки людские рассматривали как Божий дар или Божие пощущение за свои грехи. Святые рассуждали так: Всеблагой Бог никогда бы не попустил ничего злого, если бы Он не знал, что оттуда Он произведет многочисленные и великие благодеяния.

Свидетельства отцов Церкви

Подобную мысль высказал и блаж. Августин: «Бог признал лучшим зло обращать в добро, нежели вовсе не допускать зла, потому что, будучи Всеблагим, Он никаким образом не допустил бы зла в делах Своих, если бы не был столь всемогущ и благ, чтобы не мог от зла произвести благое, доброе». И опять, справедливо говорил учитель Феофил: «Непостижимо Бог вмешивается в наши заблуждения и в наши грехи, не для похвалы их или принятия соучастия в них, но гнушаясь ими, ненавидя и исправляя их; Бог производит из зла много доброго, подобно тому, как бы Он огонь превратил в воду». Здесь нужно упомянуть и о другом его наставлении: «Все оскорбляющие нас каким бы то ни было образом, каждый из них совмещает в себе как бы два действующих лица — одно сознательно, другое бессознательно. Во-первых, он желает, по злему расположению к нам, действовать против нас враждебно: с намерением оскор-

бить нашу личность, лишит нас имущества и т. д., хотя в этом намерении своем и не всегда успевает. При успехе же своем, чрез поущение Божие, делается он бессознательно вторым лицом, действующим в качестве орудия в руках Божиих, наказующего или исправляющего наше поведение, и тем самым он бессознательно служит Богу».

Примеры истории

Такими бессознательными служителями Божиими были известные в истории: Навуходоносор, Аттила, Тотила¹, Тамерлан и другие бичи Божии; таковы же Веспасиан и сын его Тит, которые ради славы и распространения Римской империи старались уничтожить евреев, но обманулись в том.

От человека зависит только желание, но не действие

Позволь спросить тебя, возлюбленный брат-христианин, оглашающий весьма часто небо и землю своими скорбными жалобами. Скажи мне: что тебя столько оскорбляет — воля ли, умысел оскорбителя, или только его власть, возможность осуществить умысел, или и то, и другое? Ты отвечаешь: «Меня оскорбляет и то, и другое вместе». В ответ на это скажу тебе, что ни воля злонамеренная,

¹ Тотила — король остготов (541–552 гг.), отнял у византийцев Италию.

ни приведение ее в исполнение (власть) не могут нанести тебе оскорбление: злое намерение (воля) без власти ничтожно и никакого вреда тебе не делает, а приведение намерения в исполнение зависит от попущения, т. е. от воли Божией, которая справедлива и свята. Тебе известно, что всякая власть от Бога, зачем же ты печалишься и жалуешься на оскорбителя за то, что он сделал тебе не другое что, как только попущенное ему Богом? Иначе, без Божия попущения, он не мог бы тебя оскорбить. Скажешь: «противник мой нанес мне величайшую обиду». Скажи: «какую?» — ибо за грехи твои тебя наказывает Бог, или учит тебя терпению, или умножает твою награду за невинное оскорбление тебя — и ты считаешь себя обиженным? «Этого лукавого человека, — скажешь, — и его злобную волю я ненавижу». Но ты всегда обращаешь свое внимание на деяния других людей, а я тебе советую лучше обратить взор свой к Богу и к своей совести. Воля человеческая, хотя она и зла и нечестива, что же она могла тебе сделать? В чем ее успех? Ты не столько сожалеешь о том, что хотел тебе вредить твой противник, сколько о том, что он повредил и что мог повредить. От кого же это произошло и почему он мог тебе вредить? Не по власти ли и воле Божией? А если по власти и воле Божией, то всегда по судьбам праведным, достохвальным и святым. Следо-

вательно, ты или умолкни, или обрати свои жалобы к Божественному попущению — и твердо запечатлей в душе своей, что никогда Бог не попустит, чтобы чужая злая воля могла причинить тебе какое бы то ни было зло, которое не послужило бы тебе в пользу, если только ты сам себе не повредишь.

Наставление блаженного Августина

И кто может сделать нам зло, если мы будем ревнителями всего доброго? Прекрасно сказал блаж. Августин: «Не бойся врага: он настолько силен повредить, насколько получил для того власти от Бога. Того же бойся, Который силен столько сделать, сколько захочет, и Который ничего несправедливого не делает, но что Он делает, то все — справедливо; а если что-нибудь, по мнению нашему, казалось бы несправедливым, то, если несомненно, что оно произошло по воле Божией, веруй, что оно справедливо и истинно». Спросишь: «Если кто убил невинного человека, справедливо он поступил или несправедливо?» — «Нет сомненья, что это несправедливо и достойно казни». — «Почему же Бог, — спросишь опять, — попустил такую несправедливость?» — «Ты хочешь вести спор с Богом прежде, чем сделался достойным вопрошать Бога: по какой причине, Боже, Ты попустил это? Намерения Божие о том или причины Его попущения не могу тебе, лю-

безный мой, прямо объяснить, ибо необъятна Премудрость Божия для ума человеческого, но утверждаю только, что, с одной стороны, убивший неповинного человека действовал несправедливо, с другой — этого убийства не было бы, если бы Бог не попустил его по неведомой нам, праведной причине. Говоря другими словами: убийца совершил дело несправедное, требующее казни; но попущение Божие — праведно и премудро по причине праведной, но сокрытой от нас до времени».

Подобным образом рассматривает блаж. Августин дело об убиении Христа, нашего Спасителя. «Иуда, беззаконный предатель Христов, — говорит Августин, — и гонители Христовы — все беззаконники, все нечестивцы, все неправедники, все погибшие; однако же Отец Сына Своего не пощадил, но предал Его (пустил убить Его) за спасение всех нас». Вот таинственная причина попущения Божия на убиение Единородного Своего Сына законопреступниками, причина, в то время необъяснимая. Не удивляйся же, что Бог попускает совершаться злу: Он попускает это по праведнейшему Своему суду, попускает мерою, числом и весом. У него нет неправды, ты сам только всецело предайся Ему.

Отношение к обидам

Для успокоения себя при нанесении нам обид известно одно только верное средство:

когда тебя кто обидел или оскорбил, ты не обращай своего внимания на злость оскорбителя, но обратись к правосудному Богу, попустившему обидеть тебя твоему противнику, и не воздавай ему злом за сделанное тебе зло: ибо оно попущено Богом для достижения целей добрых и справедливых, хотя и неизвестных тебе до времени. Этого обычая держались все святые угодники Божии: они не отыскивали, кто и за что их оскорбил, но всегда обращали сердца свои к Богу, смиренно признавая справедливость Божьего пощущения; и потому они считали нанесенные им обиды за благодеяния для себя, а своих противников — за благодетелей, говоря: вот наши истинные благодетели, ибо они не льстят нам; те же, которые хвалят и величают нас в глаза, льстят нам и вредят нашему внутреннему усовершенствованию. Поэтому святые всегда мысленный взор свой обращали к Богу, во всяком деле полагались на Промысл Божий и всего доброго ожидали от Бога.

Грех против ближнего остается грехом, хотя бы от него произошло добро

С другой стороны, из сказанного выше видно, что человек, согрешивший против ближнего через Божие пощущение, не заслуживает ни малейшего смягчения вины за то, что его противозаконное деяние дало Богу

повод произвести от зла большее добро. Ибо к произведению последнего подан только повод согрешившим, и не от себя, но по богатству Божественной благодати, намерение же у согрешившего было злое и осталось злым. Так, например, если бы кто из злодеев, подложив огонь под хижину бедняка по злобе на него, сжег ее, а другой, добрый и достаточный человек, из сожаления к бедняку выстроил ему на месте истребленной пожаром хижины лучший домик, то и в таком случае не могли бы служить уменьшающими вину поджигателя ни малоценность подоженной хижины, ни добро, сделанное бедняку по поводу поджога и потери им хижины.

Свт. Иоанн Максимович. Божественный Промысл.
М., 1916.

НЕПОСТИЖИМОСТЬ СУДОВ БОЖИИХ

В течение всей жизни нашей мы должны часто повторять изречение царственного пророка: «Правда Твоя, Господи, как горы Божии; суды Твои — бездна великая» (Пс. 35, 7). На эту бездну как бы перстом указывают два библейских почетных служителя египетского фараона: виночерпий и хлебодар. Оба — служители одного царя, оба впали в

немильность его, оба отданы под арест и посажены в тюрьму за тяжкую вину, на обоих положил царь свой гнев, и об обоих вспомнил он во время придворного пиршества, обоим мог бы он и помиловать, если бы то угодно было правде Божией, или же обоим осудил бы на смертную казнь при равной их вине; однако же одного осудил на бесчестную казнь, а другому возвратил свою милость и поставил его на прежнее место служения: хлебодача велел повесить, отдав в пищу хищным воронам, а виночерпию велел быть в прежней его должности — предстоять царскому столу. Таковы судьбы Божии: одних Он, по праведному Своему суду, удаляет от Своего лица, других удостоивает Своего лицезрения по великой Своей милости. «И кто может исследовать великие дела Его? Кто может измерить силу величия Его? И кто может изречь милость Его?» — говорит сын Сирахов (Сир. 18, 3–4).

Сколько сокровенны и непостижимы судьбы Божии о Навуходоносоре, царе Вавилонском, и о фараоне, который не знал Иосифа (Исх. 1, 18)! О них справедливо сказал блаж. Августин: «Один (Навуходоносор) за бесчисленные свои нечестия был наказан Богом. И чрез то был приведен к спасительному и весьма полезному покаянию (исправлению себя). Напротив, фараон ожесточился, не смотря на казни Божии, пренебрег ими, по-

114

гиб в Красном море со всем своим воинством; оба они были люди: оба цари языческие, оба были наказаны». Почему же неодинаковый конец получили? Один понял карающую руку Божию, раскаялся и исправил свое поведение; другой не повиновался возвещенной ему воле Божией, остался в своем греховном упорстве и погиб.

Вот другой пример непостижимости суда Божия: одним из лучших царей иудейских был Аса, который делал добро пред Богом и укрепил свое царство, ниспроверг идолов во всей земле иудейской, истребил идолопоклонство — эту скверну первых царей в коленах Иудовом и Вениаминовом, уничтожил поклонение высотам и дубравам. Однако же этот славный царь, долгое время похвально царствовавший, бывший тридцать лет примером благочестивого царя, в конце своего царствования потерял первую славу свою, изменившись к худшему. Он заключил в тюрьму пророка Ананию, обличавшего его в дурных поступках, казнил многих невинных граждан и, наконец, получив страшное заболевание ног, не обратился к Богу с покаянием в своих согрешениях и с молитвою о своем исцелении, а прибег лишь к врачам. О, как переменялся он к худшему, как не похожи последние его деяния на первые! Первоначально бывший царем правды сделался самонадеянным послушником воли Божией, объявленной

ему чрез пророка (2 Пар., 15–16). Напротив, беззаконнейший и нечестивейший в течение всей своей жизни Манассия, доведший народ иудейский до той степени нечестия, что он сделался уже тем народом, который Богом истреблен от лица сынов Израилевых, познал в несчастьи своем тяготеющую на нем руку Божию, обратился к Богу, раскаялся в своем нечестии и получил прощение и милость Божию (2 Пар. 33, 9). О Боже! Суды Твои — бездна великая, бездна без меры глубокая!

Саул и Давид (первые цари народа израильского) — как они удивительны для нас по различию над ними суда Божия! Оба они были вначале достойны похвалы, оба тяжко согрешали с соблазном для всего царства, оба подверглись тяжким наказаниям, но как противоположно подействовали на них эти наказания! Саул отвердел в своем нечестии и бедственно скончался; Давид обратил наказание во врачевство для себя и оказался возлюбленным избранником Божиим. Здесь могут возникнуть вопросы: почему это? и для чего? Такие вопросы происходят по наваждению духа злобы и многих погубили бедственно. «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» — спросил некогда хитрейший из всех зверей жену (Еву) (Быт. 3, 1). На вопрос этот Ева должна бы была отвечать лукавому зверю: «Мы знаем, что Бог заповедал нам не есть плодов с одного толь-

ко дерева познания добра и зла, но почему и для чего Он заповедал это — того мы не должны спрашивать у Бога». Его святой воле так было угодно, причины же такой Его воли испытывать нам нельзя: «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11, 34–36). Думаю, найдутся утверждающие, что не запрещается иногда спросить о причине той или другой заповеди. У кого? Неужели у Бога, Которому одному известно, что хорошо или что только позволительно? Если слуга у своего господина или подчиненный у своего начальника требует объяснить ему причину какого-либо приказа или распоряжения, то первый почтет это за оскорбление себе, а второй — за бунт и неповиновение себе, ты же осмеливаешься на большую дерзость против Бога. Кроме Его святой воли, нет другой причины у Промысла Божия.

Святой Антоний Великий

Св. Афанасий, архиепископ Александрийский, описывает в деяниях Антония Великого такое происшествие. Два монаха предприняли путешествие, чтобы посетить св. Антония в его пустыне. Но, идя по безводной жаркой пустыне, совершенно изнемогли от жажды, и один из них уже умер, другой же был при смерти. Св. Антоний находился от них дале-

ко, за несколько миль. Сидя в своем монастыре на камне, он призывает поспешно двух своих монахов и говорит им: «Как можно скорее бегите туда-то, в пустыню, захватив с собою сосуд воды, ибо один из двух идущих к нам братьев уже умер от жажды, а другой еще дышит, но весьма страдает и ослабел; если помедлите, то и другого не застанете в живых: это открыл мне Бог, когда я стоял на молитве». Получив повеление, посланные немедленно и охотно пустились в путь: найдя странников, тело умершего предали земле, а другого, освежив его водой и подкрепив пищей, привели с собой к св. Антонию. При этом описании Афанасий благоразумно замечает, что кто-нибудь может спросить: «А зачем св. Антоний не послал своих монахов раньше для спасения странников, еще до смерти одного из них?» Такой вопрос поистине неприличен для христианина, потому что это не было делом св. Антония, но это был суд Божий: Сам Бог изрек Свой праведный приговор над умирающим и о жаждущем — живом. Он же открыл Свою волю св. Антонию о спасении странника.

Антоний Великий, размышляя сам в себе, удивлялся сокровенным и неведомым тайнам Божиим и воззвал смиренно к Богу: «О Господи, Боже мой! Тебе бывает благоугодно иногда даровать долголетнюю жизнь людям, по-видимому, бесполезным и погруженным

118

в бездну беззаконий, а иногда преждевременно лишаешь жизни сей людей весьма полезных для блага общества. Одни, мало погрешившие, казнятся Тобою тяжко; другие — напротив, живут себе без всяких скорбей, счастливо и чрез это получают дерзость совершать преступления: «исходит как бы из тучности неправда их» (Пс. 72, 7). Во время этого размышления Антоний слышит голос: «Внимай самому себе: то, о чем ты размышляешь, есть суд Божий, и ты его не исследуй и не испытывай».

«Как велики дела Твои, Господи! дивно глубоки помышления Твои! Человек несмысленный не знает, и невежда не понимает того» (Пс. 91, 6–7). Поистине, Ты — Бог сокровенный.

Чудесное спасение при землетрясении

В 1117 году, когда во всей Италии было землетрясение, некоторые из жителей города Медиолана собрались в одном доме по делу об исправлении нужд общественных. Вдруг слышится со двора голос, зовущий по имени одного из числа бывших в том доме, чтобы он вышел. Тот, кого вызывали, недоумевал, кто зовет и кого, а потому медлил выходить, ожидая повторения зова. Неожиданно какой-то незнакомец, приблизившись к двери, просит, чтобы позванный поскорее вышел; едва последний отошел на несколько шагов

от дома, как падает дом и губит под своими развалинами всех, бывших внутри его. Спрашивается: почему один только из бывших в доме спасен от смерти, а все прочие погибли? Суды Господа — великая бездна! Кто не видит ясно в этом происшествии повторения древних чудес? Так вывел Ангел Господень Лота с его детьми из Содома, а всех прочих жителей оставил в жертву огню. Таким же чудесным образом сохранены были невредимыми и многие другие люди, находившиеся вместе со множеством людей, которые погибли от какой-либо причины, произведшей общее бедствие, общую пагубу.

Неожиданное исправление беззаконника

В 1597 году жил в Сицилии, на месте, называвшемся Царской Горой, человек, упорно проводивший распутную жизнь. Знакомый ему благочестивый монах много раз увещевал его, чтобы он исправился и отстал от мерзкой, богопротивной жизни, разврата с непотребными женщинами, но он пребывал в своем ожесточении (а быть может, и в вольнодумстве и безветрии) и оставался неисправимым. Прошло немного дней после последнего увещания, и он погиб в объятиях непотребной женщины, на ее постели, будучи нечаянно проколот штыком. Там же другой, подобный первому, беззаконник, много

120

лет проживший в непотребстве с бесчестной женщиной, услышал о гибели своего друга и оставил незаконное сожитие. Сделавшись целомудренным чрез наказание и гибель первого беззаконника, он остальные шестьдесят лет своей жизни пребывал в сердечном раскаянии о своих грехах. Что сказать обо всем этом, кроме справедливого изречения: «Суды Твои, Господи, бездна великая и неизмеримая!»

Дивное определение Божие о детях Исаака

Для Божественного апостола Павла было весьма дивно определение Божие о двух близнецах Ревекки — Исаве и Иакове. Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого, вследствие чего можно было бы предпочесть одного из них другому, Бог наперед уже сказал: Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел. Что же скажем об этом? Неужели неправда у Бога? Никак! О человек, кто же ты, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой — для низкого (Рим. 9, 11–13; 14, 20–21)?

Неужели между горшечником и глиной меньше различия, чем между Богом и чело-

веком, ничтожным червем? Кто же дерзнет сказать Богу: «Зачем Ты, Господи, так делаешь?»

Рассказ аввы Дорофея о двух девочках

Св. Дорофей рассказывает, что в один город пришел корабль с невольниками, а в городе том жила одна святая дева. Она, услышав, что пришел корабль, очень обрадовалась, ибо желала купить себе маленькую девочку, и думала: возьму и воспитаю ее, как хочу, чтобы она вовсе не знала пороков мира сего. Она послала за хозяином корабля того и, призвав его к себе, узнала, что у него есть две маленькие девочки, именно такие, каких она желала, и тотчас с радостью отдала она за одну из них цену и взяла ее к себе. Когда же хозяин корабля удалился из того места, где пребывала эта святая, и едва отошел немного, встретила его одна блудница, весьма развратная, и, увидев с ним другую девочку, захотела взять ее. Договорившись с ним, отдала цену, взяла девочку и ушла с ней. Видите ли тайну Божию? Видите ли суд Божий? Кто может объяснить это? В самом деле, святая дева взяла ту малютку, воспитала ее в страхе Божиим, наставляя ее на всякое благое дело, обучая ее иноческому житию во всяком благоухании святых заповедей. Блудница же, взяв ту несчастную, сделала ее

122

орудием диавола. Ибо чему могла такая женщина научить ее, как не смерти души своей? Итак, что мы можем сказать о страшной такой судьбе? Обе были малы, обе проданы, не зная сами, куда идут, и одна оказалась в руках Божиих, а другая впала в руки диавола. Кто в этом событии исследует глубину и таинственность судеб Божиих? Судьбы Твои, Боже, бездна великая!

Различная судьба теток св. Григория Великого

Нечто подобное нашел и узнал Григорий Великий в кругу своих родственников. Этот святейший муж имел трех теток: Емельяну, Тарсину и Гордиану, которые все три посвятили свою жизнь Христу, поступив в женский монастырь. Две из них, нерушимо храня свои обеты, до конца жизни с честью пребыли в девстве. Третья, Гордиана, не вникая никаким наставлениям и не повинаясь монастырской власти, расторгла свое общение со святыми сестрами и удалилась от них, отдавшись светской жизни. Суды Твои, Боже, бездна великая!

Исповедания Иова и пророка Давида

«Бог высок могуществом Своим, и кто такой, как Он, наставник? Кто укажет Ему путь Его; кто может сказать: Ты поступаешь несправедливо?» (Иов 36, 22–23)? Благораз-

умно и весьма осторожно в этом отношении выразился царственный пророк, говоря о себе Богу: «Я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою» (Пс. 72, 22). Другими словами: «Твоих судеб не испытываю я, Боже, я, ничтожный пред Тобою, подобно существам: мое дело слушать твой голос и повиноваться своему Господу, но не исследовать Твоих дел и предначертаний».

Смирение Серафимов

Это еще не диво, что Давид, с детства пасший скот и не занимавшийся высшими науками, понимал себя и судил о себе так скромно по доброте своего сердца и по внушению Божию. Но сами Серафимы, высшие духи — служители Божии, так же поступают пред Богом; ибо когда Слово Господне огласило небеса и землю об отвержении Богом иудеев, тогда Серафимы (у каждого из них по шести крыльев) двумя крылами закрывали каждый лицо свое, двумя закрывали ноги свои и двумя летали, обнаруживая тем, что они своим разумом не могут воспарить до той высоты, на которой совершаются чудные и непостижимые дела Божии, потому что никакой разум твари не постигает Божественных судеб Всемогущего Творца своего: для них достаточно знать и быть убежденными, что Трисвятой Бог Свят, и исповедовать друг перед другом неизреченные Его Божественные

совершенства, взывая к Нему: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис. 6, 3). Если небесные разумные духи так смиряются и исповедуют непостижимость Божественной тайны, тем более нам, слабой персти земной, хотя и получившим по дару Божию «дыхание жизни и слово разума», прилично исповедоваться пред Богом, взывая: «Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих» (Пс. 144, 17).

Неясность для нас не только будущего, но и настоящего

Часто видим мы во вселенной чудные перевероты и перемены, неожиданные события, есть у нас довольно предметов, о каждом из которых можем вопросительно сказать: «Увидим, чем это кончится?» Порой случается с нами самими что-нибудь, удивляющее нас своей неожиданностью, и мы бесполезно ропщем и говорим: «Не думал и не гадал я, чтобы это так случилось». Бедные мы невежды в предусматривании будущих событий! Да и в происходящих теперь событиях мы не легко можем понять истинные причины их, кроме одной, действующей во всех событиях, и притом причины истинной и несомненной. Случилось это или что другое потому, что так было Богу угодно устроить или допустить по Его премудрому, неведомому для нас, но всегда праведному и благому промыслу. «Мои

мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55, 8–9). Св. Григорий сказал: исследовать сокровенные причины судеб Божиих значит противопоставлять нашу греховную гордость советам или определениям Его. Наша обязанность, наше дело — при всяком необычном событии повторить слова св. Павла: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33).

Многое раскроется только в будущей жизни

В земной нашей жизни мы многого никогда не постигнем разумом. Довольно для нас знать, убедиться и несомненно верить, что Бог не несправедлив, и в последний день судный не найдется никого из подсудимых, который бы сказал что-либо иное Господу, кроме слов: «Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои» (Пс. 118, 137). Некогда царь Давид, видя нечестивых счастливых мира, увлекающих за собою своим примером некоторых из народа Божия, желал понять судьбы Божии о них. Долго и безуспешно размышляя об этом, он смиренно сознался: «И думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих, доколе не вошел я во

126

святилище Божие и не уразумел конца их» (Пс. 72, 16–17). Надлежит нам до будущей жизни отложить более полное понимание непостижимых судеб и целей высочайшей премудрости Божией!

Итак, перестанем и мы расширять крылья любопытствующего нашего суждения о предметах нам неведомых. Волны безграничного океана Высочайшего Ума, непрестанно приливающие и отливающие, восходящие и нисходящие, превосходят быстроумие всякой мудрости. Не только человеческой, но и ангельской. И как же могли бы мы постигнуть конечные причины глубочайших Божественных судеб? Кто может постигнуть Божие предопределение: зачем этот родился в язычестве, другой в христианстве? Почему Евангельская проповедь во многих странах огласилась довольно поздно, тогда как в других распространилась рано? Почему одно государство наполнено еретиками, другое свободно от всех пороков неправоверия, и в нем сильно укоренилось благочестие? Зачем наказание Божие за грехи одних минует до времени, а других постигает? Зачем иногда невинные в преступлении предаются суду, обвиняются и погибают, а грехи некоторых людей отзываются на их детях и дальнейших их потомках? Зачем один умирает во младенчестве, другой доживает до глубокой старости? Зачем один, мало погрешив в чем-либо,

погибает без покаяния; другой же, долгое время пребывая погрязшим в тяжких беззакониях, наконец исправляется и получает кончину, достойную христианина? Зачем один утопает в богатстве и роскоши, другой не имеет ни куска хлеба, ни копейки денег?

Беспокойный и чрезмерно любопытный ум! Зачем тебе разыскивать это? Бог попустил, Бог восхотел, Бог сотворил все. Для нас совершеннейшей правдой должна быть воля Божия, высочайшею мудростью — доброхотное и спокойное последование Ей.

Свт. Иоанн Максимович. Божественный Промысл.
М., 1916.

Глава 3

ДЕЙСТВИЕ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

НЕОБЫЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Едва ли не у каждого из нас есть в прошлом, в памяти о прошлом факты, говорящие о связи с духовным миром, факты, материалистически необъяснимые, ясно свидетельствующие, что над нами есть Недремлющее Око. Только многие люди закрывают глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать. Но чаще бывает, что люди помнят такие факты, да не в силах согласовать с их голосом свою жизнь. В минуты раздумья или задушевной беседы всплывает наверх это таинственное, чтобы потом снова уйти в тайники памяти. Редко люди предаются гласности такие переживания.

Здесь может быть и скромность, и нежелание фигурировать своим именем в печати, и сомнение — поверят ли, не сочтут ли выдумкой или даже плодом душевного расстройства. Однако некоторая часть таких фактов становится достоянием печати. Если бы даже собрать такого рода сообщения за последние годы, то получилась бы целая книга.

В газете «Труд» № 59 за 7 апреля 2007 года опубликована беседа с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, в которой Святейший Патриарх приводит такой случай.

«Однажды чудесное избавление от неминуемой гибели случилось со мной еще до рождения. Тогда мама, уже носившая меня в себе, должна была из Литвы, куда она ненадолго ездила, вернуться домой, в Эстонию. Она пришла к автобусу, и оказалось, что мест уже нет. Мама должна была обязательно вернуться домой в этот день. Но, несмотря на ее долгие упрашивания, ей отказали. Она смогла поехать только на следующий день. А вернувшись, она узнала, что тот автобус сорвался с дороги и утонул. Никто не выжил.

Мистический смысл можно обнаружить и во многих других ситуациях, встречах, событиях, которые бывали в моей жизни, начиная с детства, — во время посещений с родителями Валаамского монастыря, или в годы фашистской оккупации, или впоследствии, когда непреодолимые, казалось, препятствия

преодолевались благодаря очевидной помощи свыше...»

В газете «Комсомольская правда» от 24 июня 2006 года приведены необычные происшествия, случившиеся в жизни обычных людей.

Владимир Андрианов, генерал-лейтенант:

— Однажды во время афганской войны мой начштаба увидел неподалеку черную птицу и засек по часам, что она просидела на месте семь минут. Упросил меня ускорить начало операции именно на этот срок... Я двинул колонну раньше. А ровно через семь минут в том месте, где стоял наш БТР, рванул мощный душманский снаряд.

Наталья Емельянова, дизайнер, Волгоград:

— Мы с мужем долго мечтали о ребенке, но ничего не получалось. Я пришла в церковь молиться о материнстве. Когда вышла из храма, услышала легкий шепот: «У тебя уже есть ребенок!» Через несколько дней я поняла, что это действительно так!

В Спасо-Преображенском храме Дмитровграда есть старинная икона Казанской Божией Матери. Ее зимой 2003 года нашли послушники на месте прежнего храма, разрушенного при Сталине. Как только икона появилась в церкви, там сразу начались чудеса — стали светлеть лики на иконах, люди исцелялись от болезней.

Эту икону решил украсть один грабитель. Вор пробрался в храм через узкое слуховое окно под куполом храма, там не было сигнализации. Убедившись, что все тихо, по веревке спустился к алтарю. Надел перчатки и ножом попытался поддеть стекло, закрывающее икону с ликом Богоматери. Никто, казалось, уже не мог помешать ему скрыться с дорогим «трофеем». Но тут вдруг сработала пожарная (!) сигнализация: самое удивительное, что ничего не горело, да и система не была заведена на икону! Сработала сама.

Еще одно совпадение — наряд вневедомственной охраны в это время проезжал мимо церкви. Бойцы, получив сигнал по рации, рванули к храму. Разбудили охранника, который мирно спал в сторожке, и вместе вошли в храм. «Ночного гостя» обнаружили в алтаре, там и повязали.

— Это Божий Промысл, — говорили наутро старушки в храме. — Он защитил лик Богородицы и покарал преступника. (Станислав Иконников, «Комсомольская правда» от 22 июня 2004, Ульяновск.)

Наместник Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов) рассказывает:

«Непостижимые, поразительные силы, которые нам невозможно представить, приводит в действие истинная молитва. Об этом может рассказать каждый православный че-

ловец, живущий христианской жизнью. Вот одна недавняя история. Поступивший в семинарию при нашем монастыре молодой человек (из алтайских немцев, ставший гражданином Германии) украл в монастыре из сейфа 180 тысяч долларов. Эти деньги мы долго копили, издавая книги. Мы хотели купить два зерноуборочных комбайна для того, чтобы поднять взятое нашим монастырем разрушенное хозяйство в Рязанской области. Так вот он украл эти деньги и уехал в Германию. Уголовное дело в Генпрокуратуре завели, но сказали: «Батюшка, забудьте. Вора не найдут никогда. Он уже как гражданин Германии уехал через зеленый коридор. А если даже найдут через Интерпол, Германия его России все равно не выдаст и деньги не отдаст. Таких прецедентов в истории не было». Мы сказали: «Тогда мы будем молиться». И стали молиться Матери Божией, покровительнице нашего монастыря. Мы же не для себя просим вернуть эти деньги, не дачи себе строить, а чтобы людям помочь. Через две недели нам сообщают: воришку арестовали на немецкой границе! Его обыскали только потому, что он пересекал границу через три дня после 11 сентября 2001 года, после нападения на Нью-Йорк. Тогда немцы обыскивали всех подряд — и своих, и чужих, и в красном коридоре, и в зеленом. Деньги он не смог декларировать, и их отобрали до суда.

Но от суда вор скрылся. Мне говорят: «Пока не будет суда, вам деньги не вернут, а суда не будет, пока он не явится в суд, а он не явится никогда». Мы опять говорим: «Будем молиться!»

В связи с диалогом с Зарубежной Церковью я через год полетел в Мюнхен. В Германии 68 миллионов человек. Знаете, кого я первого там встретил?! Этого субчика! Я его схватил за руку и запер в местном православном монастыре. Звоню в Москву прокурору: «Я его поймал!» Он долго не мог поверить, но когда понял, что все серьезно, говорит: «Срочно отпустите его! Вы задержали гражданина Германии, вас сейчас посадят в соответствии с немецкими законами!» Я ему отвечаю: «Не знаю насчет немецких законов, но мне его Господь в руки послал. Какие тут еще законы?» Созвонились с немецкой прокуратурой, с Интерполом. Полиция приехала. Все допытывались, как я его нашел. А я его не искал, это Промысл Божий. Состоялся суд, и произошло так, что деньги нам вернули в наш престольный праздник — Пресвятой Богородицы, Которой мы и молились. Работники прокуратуры и Интерпола были тогда под сильным впечатлением от всего случившегося и очень нам помогли.

В Печорах у нас был примечательный случай. Приезжала семья, где восьмилетний мальчик привел родителей в Церковь. Сам

пришел в храм, попросил, чтобы его крестили. Женечка — был такой. За ним пришли в храм совершенно этим потрясенные все его старшие — родители, бабушка, — интеллигенты такие, с высшим образованием. И это тоже феномены нашего времени...» (Из статьи «Отец Тихон: «Без Православия Россия невозможна», газета «Труд» № 169 за 14 сентября 2006 года.)

А вот еще один случай, изложенный о. Тихоном (Шевкуновым) в газете «Аргументы и факты» в № 51 за 2004 год: «Если в человеке нет сознательного противления истине и он живет физически вне Церкви в силу обстоятельств, как было в советское время, то Господь управит его жизнь, и смерть, и спасение. У меня был старший друг, человек необыкновенной духовной жизни — епископ Василий (Родзянко). Он всю жизнь прожил в эмиграции, и вот как-то раз, в самом начале девяностых годов, когда он в очередной раз приехал в Россию, священник из деревни в Костромской области попросил его послужить в сельском храме. Владыка был бесконечно добрый человек и согласился. В пути, в глуши Костромской области, прямо перед ним на шоссе произошла авария: мотоцикл, на котором ехали отец и сын, столкнулся с грузовиком. Отец разбился насмерть. Сын в шоке стоял над погибшим. Владыка обнял молодого человека: «Я священник. Если ваш

отец был верующим, я могу совершить отпевание». Молодой человек отвечает: «Да, он был верующим, только в церковь не ходил, храмы все закрыты вокруг. Но у него был духовник». Владыка удивился: «Как это — церкви закрыты, а духовник был?» — «А он каждую неделю много лет слушал по Би-би-си религиозные передачи отца Владимира Родзянко и считал его своим духовным отцом». Владыку Василия (Родзянко) до монашеского пострига звали отцом Владимиром. Владыка заплакал и опустился на колени перед своим духовным сыном, к которому Господь привел его по неисповедимым Своим путям, чтобы от имени Церкви проводить его в последний путь».

Известный в 80-х годах украинский певец Николай Гнатюк — ныне глубоко верующий человек и видит Промысл Божий во всех событиях своей жизни.

— Однажды, — рассказывает он, — я был приглашен на концерт в итальянском городе Бари, где находятся мощи святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца. Мне предстояло петь в основном с оперными певцами на итальянском языке, которого я не знаю. А в песне, посвященной житию святителя, было 12 куплетов. Я учил ее в поезде на пути из Мюнхена в Рим. Учил долго, пока в конце концов не понял, что это бесполезно. Но дело в том, что, насколько мне это было известно,

136

заглядывать в бумажку во время исполнения песен на этом концерте запрещалось. Так что меня могли просто снять с программы из-за незнания текста. И я здесь же, в поезде, написал песню о святителе Николае. Хотел сказать организаторам концерта, что это старинная украинская песня...

В Бари с Николаем Васильевичем происходили поистине удивительные вещи. Перед самым выступлением его охватило беспокойство: как он будет петь без микрофона и как его голос будет звучать рядом с голосами оперных знаменитостей мирового уровня? Он так разволновался, что готов был отказаться от выступления. Певец уже шел, чтобы сообщить об этом ведущему. Но тут его взгляд упал на большую икону святителя Николая, которая висела на стене.

— Мне показалось, что святой смотрит на меня с укором, как бы говоря: «Разве это ты должен решать, что делать, а чего не делать? Иди и пой. А все остальное — не твое дело». И я пошел. Когда объявили мою фамилию, вышел на сцену... И увидел в руках у ведущего микрофон. Оказалось, что я был единственным исполнителем, которому разрешили петь с микрофоном. Более того: мне как иностранцу, не знающему языка, позволили заглядывать в шпаргалку. А песню о святителе Николае, написанную в поезде, я с тех пор часто исполняю на своих концертах.

Но на этом чудеса не закончились. На оставшиеся у него лиры Гнатюк хотел купить в базилике святого Николая масло, миро, медальоны и еще кое-какие предметы, связанные с именем святителя. Так называемый «здравый смысл» тут же стал подсказывать причины, по которым нельзя было этого делать.

Во-первых, поезд на Мюнхен уходил вечером, а в течение целого дня надо было что-то есть. Во-вторых, певец собирался купить подарки — несколько маек и роскошный рождественский кекс. В-третьих, у Николая Васильевича была тяжелая сумка, и нужно было брать такси.

— Я все-таки махнул рукой на здравый смысл и потратил все деньги в базилике. А выйдя на площадь, увидел машины, с которых бесплатно раздавали... майки. Оказывается, в Бари в это время проходил рождественский марафон, и всем, кто желал в нем участвовать, дарили майки. Я взял три штуки, повязал одну из них поверх куртки и побежал... Немного позже настоятель местного православного храма сказал мне, что нас приглашает на обед богатая итальянка русского происхождения. Войдя в дом, я увидел на столе тот самый рождественский кекс. Там же я познакомился с земляком-украинцем. Он довез меня до вокзала на своей машине и даже не дал прикоснуться к сумке — сам

138

занес ее в купе. (Олег Маркелов, из книги «Между светом и тьмой».)

Отец Лазарь, иконописец Киево-Печерской Лавры: «На все есть Промысл Божий. Мы живем, не осознавая, что рядом с нами по жизни неотступно идет Господь. Наблюдает, сопереживает, помогает, оберегает, если ты искренне веруешь».

«Нет слепого случая! Бог управляет миром, и все, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду Премудрого и Всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем.

Бог управляет миром: разумные твари Его да покоряются Ему, и слуги Его да созерцают благоговейно, да славословят в удивлении и недоумении превышающее разум их, величественное управление Его!

Бог управляет миром. Слепотствующие грешники не видят этого управления. Они сочинили чуждый разуму случай: отсутствие правильности во взгляде своем, тупости своего взгляда, взгляда омраченного, взгляда извращенного они не сознают; они приписывают управлению Божию отсутствие правильности и смысла; они хулят управление Божие и действие премудрое признают и называют действием безумным» (святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты).

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА — ЦЕПЬ РАЗЛИЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ

Промышление Господа о Земле

Планета, на которой мы живем, называется Землей. Нам кажется она очень большой, многие из нас думают, что она во много раз превосходит по величине те ясные точки, которые мы видим вечером на небе и которые мы называем звездами. Но это неправда. Она сравнительно очень невелика, одна из самых маленьких планет. Земля очень небольшая планета. Кроме Земли, существуют еще миллионы звезд и планет, которые вертятся и крутятся вместе с нашим Солнцем. А там еще есть миллионы таких же звезд и планет, у которых свое солнце. И таких миров с солнцами бесчисленное множество. Только немногие из них можно видеть в зрительные трубы, т. е. телескопы, которыми пользуются ученые. Чем дольше живут люди, тем более совершенствуют они свои зрительные трубы и видят все больше планет. А тех звезд и планет, которых мы не видим, может быть во много миллионов раз больше тех, которые мы видим. Так обширен и величественен мир Божий, вполне достойный великого и всемогущего Творца вселенной.

Все это мы говорим для того, чтобы показать, что Земля есть ничтожная пылинка во вселенной. И на эту-то пылинку благоволил снизойти Творец мира, воплотившийся «на ради человек и нашего ради спасения», — Господь наш Иисус Христос. Это лучшее доказательство Промысла Божия, ибо, если из миллиардов звезд и планет Божьего мира Земля была избрана местом 33-летнего пребывания Спасителя, то не значит ли это, что Господь так милостив и заботлив о ней, что не оставит ее и впредь своим Промышлением? И каждый истинный христианин должен твердо верить в Промысл Божий. Бывают, впрочем, такие минуты в жизни, когда под влиянием каких-либо несчастий или страданий человек думает, что его оставляет Бог, так как не знает, для чего посланы ему страдания.

Но мы как чада Божии должны твердо и безропотно переносить все, что случается с нами в жизни. Не наше дело разведывать, для чего попущено нам то или другое бедствие. Мы должны помнить, что пути Промысла Божия неисповедимы.

При размышлении о действиях Промысла Божия в отношении к роду человеческому нельзя забывать, что каждое действие Божие всегда носит на себе печать непостижимости и таинственности, иначе оно ничем не отличалось бы от действий человеческих. Чтобы

полностью постигнуть эти действия, надлежало бы проникнуть в самое начало их, которое сокрыто в таинстве сокровенных советов Божиих; но «кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11, 34).

Есть в истории человечества тысячи страниц, смысл которых для нас сокрыт. «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! » (Рим. 11, 33). «А между тем, — говорит известный западный проповедник (пастор Берсье), — в этих потемках я двигаюсь с устремленными глазами к одному изречению, в которое я глубоко верю: «Бог есть любовь». Он есть «любовь» — вот мое самое сильное убеждение, и это убеждение я неослабно противопоставляю всему, что я вижу, всему, что слышу, всем мыслям моего ума, всем смятениям моего сердца. Он есть любовь. Итак, все в Его делах содействует высшей гармонии. История человечества не есть больше бесплодный спор перекрещивающихся страстей, интересов и случайностей. Среди всех этих волнений, всех этих прихотей, всех кажущихся случайностей выступает Божественное начертание, которое не оставляет никакого места слепой судьбе. Правда, что это начертание от меня скрыто; но я знаю, что оно существует, и эта мысль есть твердая опора и надежное убежище для моей веры. Впрочем, если это начертание от

142

меня ускользнет, если для его объяснения я вынужден сознаться в моем неведении, то, в сущности, это неведение очень естественно в существе ограниченном, которое в течение своего краткого существования на земле может узреть только малейшую частицу намерений Предвечного. Как могу понять я, существо временное, планы Бога вечного?.. Сделаем сравнение. Разве у солдата, брошенного в самый сильный разгар битвы, вы будете спрашивать объяснения планов его полководца? Как может он это сделать? Если он совершил свой долг, если он ринулся в перепалку, он видел только лишь смятение атаки, сверкание оружия, облака пыли и дыма, он слышал только крики, смешанные с оглушающим грохотом пушек, для него все было только замешательством и хаосом. Но на соседнем возвышении был глаз, который следил за ходом битвы, была рука, которая управляла малейшими движениями отрядов. Итак, веками идет битва, это битва правды, любви и справедливости против заблуждения, эгоизма (самолюбия) и беззакония. Не нам, темным солдатам, брошенным в стычку, управлять ее ходом. Для нас достаточно знать, что ее ведет Бог. Каждый из нас обязан исполнять свой долг на своем посту и бороться за дело света и правды до конца. Когда я думаю об этом Божественном плане, который проникает собой историю челове-

чества, мне приходит на ум одно событие из Ветхого Завета.

В Третьей Книге Царств (главе пятой и следующей) мы читаем, что, когда Соломон строил храм Иегов на горе Сионе, то все материалы, служившие для этого громадного здания, должны были готовиться далеко от Иерусалима, так чтобы стук инструментов не раздавался в святом граде. Таким образом, очень долго работники, размещенные в иудейских долинах и на горах Ливана, рубили кедры или тесали камни. Ни один из них не знал плана великого архитектора, но каждый получал приказание исполнить известный урок к назначенному сроку. Пришел день, когда храм предстал во всем своем величии и убранстве. Здесь кроется поразительное изображение удела человечества. Бог, этот Верховный Архитектор, веками строит громадное здание, план которого от нас сокрыт, но которое будет святыней для Его прославления. И здесь-то, в этой земле изгнания, вдали от Неба, далеко от святого Сиона, далеко от жилища мира и славы готовятся материалы, потому что страдания — этот шум работы — не должны проникать в небесный город. Следовательно, каждый из нас должен исполнять на своем посту вверенную ему работу, не стараясь постигнуть то место, которое она займет в мировой гармонии. Как можем мы, работники одного дня, проникнуть в план

Бога вечности?.. Нам достаточно знать, что наша работа, как бы она ни была скромна, известна Всевышнему. Нам достаточно знать, что Он требует ее и рано или поздно примет ее от нас. Нам достаточно верить, что придет день, когда все эти материалы, которые нам кажутся разбросанными в беспорядке, будут собраны в такой порядок, который восхитит и порадует нас. Тогда человеческие страдания, печали, жертвы не покажутся нам более бесполезными и тяжелыми; тогда мы увидим, как из мрака ничтожества и неизвестности всплывут героические действия и тайные добродетели, которых один Бог был свидетелем. Тогда ничто не покажется нам малым, случайным или неожиданным ни в истории человечества, ни в нашем собственном существовании. Случая более не будет, а здание, которое Божественная мудрость медленно приготовила вековой работой, возвысится в своей надзвездной красоте как вечное святилище бесконечной любви».

Рассказ о неисповедимых путях Промысла Божия

Вот высоконазидательный рассказ, из которого видно, как неисповедимы пути Промысла Божия. Один отшельник просил Бога, чтобы Он дал понять ему пути Своего Промысла, и наложил на себя пост. Однако Бог не открыл ему того, что ему хотелось знать.

Инок все-таки не переставал молиться, и наконец Господь вразумил его. Когда он отправился к одному, далеко жившему от него старцу, ему явился в образе инока Ангел и предложил быть спутником. Отшельник очень рад был предложению, и оба пошли вместе. Когда день склонился к вечеру, они остановились на ночлег у одного благочестивого мужа, который принял их с таким почетом, что даже предложил пищу на серебряном блюде. Но вот удивление: тотчас после трапезы Ангел взял блюдо и бросил в море. Старец недоумевал, однако ничего не сказал.

Пошли далее и на другой день остановились у другого, тоже благочестивого мужа, и этот также принял их с радостью: и ноги им умыл, и всякое внимание оказал. Но опять беда! Когда отшельник со спутником стали собираться в путь, принявший их привел к ним малолетнего сына своего, чтобы благословили его. Но вместо благословения Ангел, коснувшись отрока, взял душу его. Ни старец от ужаса, ни отец от отчаяния не могли произнести ни слова, и старец выбежал вон, а спутник, не отставая, последовал за ним. На третий день пути им остановиться негде было, кроме одного полуразрушенного и всеми брошенного дома, и они приютились в нем. Старец сел вкушать пищи, а спутник, к его изумлению, опять начал странное дело. Он стал разрушать дом и, разрушив, начал опять

строить его. Видя это, старец не вытерпел. «Да кто ты — демон или Ангел? Что ты делаешь? — с гневом сказал старец. — Третьего дня у доброго человека блюдо отнял и бросил в море, вчера отрока лишил жизни, а сегодня для чего ты разрушил и снова начал строить этот дом?» Тогда Ангел сказал ему: «Не дивись, старче, этому и не соблазняйся обо мне, но выслушай, что я скажу тебе. Первый, принявший нас, муж действительно во всем благоугодно поступает; но блюдо, брошенное мною, приобретено им неправдою; а потому я бросил его, чтобы он не погубил через него награды своей; второй муж тоже угоден Богу, но если бы вырос малолетний сын его, то был бы страшный злодей, поэтому я и взял душу его, за добро отца его, чтобы и он спасся; этого дома хозяин был человек безнравственный и ради этого обнищал и скрылся, дед же его, строив этот дом, скрыл в стене золото, и некоторые знают об этом. Потому-то я и разорил его, чтобы отныне никто не искал здесь золота и через него не погиб». Ангел так заключил свою речь: «Возвратись, старче, в келью свою и не мучайся без ума; ибо так глаголет Дух Святой: суды Господни — неиспытуеты и неведомы людям; поэтому ты и не испытывай их — не будет тебе это на пользу». Ангел затем стал невидим, а старец раскаялся в своем заблуждении и после рассказал всем с ним происшедшее.

Есть ли теперь чудеса, как действия Божественного Промысла?

Многие спрашивают: если есть Промысл Божий, то отчего ныне редки чудесные знамения? Есть ли теперь чудеса? Подобного вопроса христианин, истинно верующий, и предложить не посмеет; если же и услышит, то разве из уст маловера или невера. Чудо есть такое событие, которое не может быть совершено никакой силой человеческой, а только силой Божией; значит, пока не оскудела эта сила Божья (а когда она оскудет может?), до тех пор должны быть и чудеса. Чудеса служат средством к распространению и утверждению веры Христовой; но везде ли распространена, везде ли утверждена вера Христова? Нет, еще целые миллионы не ведают истинного Бога, целые миллионы хоть и ведают истинного Бога, но не знают истинной Церкви Его. Значит, чудеса и теперь должны быть, как средство к распространению и утверждению веры Христовой. Но не эта только цель чудес. Зачем, например, Иисус Христос воскресил сына вдовы наинской? Затем, что Он сжалился над бедной вдовой (Лк. 7, 13). Зачем исцелял многих других страждущих телесно и одержимых злыми духами? По тем же самым побуждениям — по любви и милосердию к людям. Зачем, по слову Григория, неокесарийского чудотворца, гора сдвинулась с места своего? Затем, что она мешала

ему устроить тут церковь для верующих. Зачем для праведной Елизаветы гора разверзлась по молитве ее? Затем, чтобы укрыть в своих недрах мать с младенцем Иоанном от преследования кровожадного Ирода. Значит, чудеса бывают не для того только, чтобы распространять и утверждать веру Христову, а совершаются и вообще для блага и спасения людей, совершаются благостью Всемогущего Бога для того, чтобы избавлять людей от разных бед и горестей по мере веры их и молитвы. Значит, пока благость Божия существует — а когда она перестанет существовать? — пока бедствия людей не прекратятся — а когда они прекратятся? — пока будет еще оставаться на земле и вера и молитва — а когда их не будет? — до тех пор должны быть и чудеса на земле.

Но отчего же чудеса теперь не так видны среди нас? Солнце для всех светит одинаково; но слепые не видят его света потому только, что слепы. «Теперь не видно чудес...» А посмотрите на наши явленные и чудотворные иконы. Не чудо ли это? Зачем стекаются туда целые тысячи, зачем целые сотни больных и увечных теснятся вокруг тех мест, которые ознаменованы чудотворными иконами? Не затем ли, что оттуда струятся токи исцелений для веры и молитвы? А все наши Святые Таинства, например, крещение, в котором человек, погружаясь телом в воду,

омывается от грехов; Таинство Причащения, в котором хлеб и вино прелагаются (претворяются) в истинное Тело и в истинную Кровь Христову; Таинство Елеосвящения, в котором человек исцеляется не только от недугов духовных, но нередко и от болезней телесных?.. Неужели и это не чудо? Но вы хотели бы, кроме этих постоянных чудес, видеть все чудеса, о которых повествует нам древность; хотели бы, например, чтобы больные ваши исцелялись от одного слова какого-нибудь чудотворца; хотели бы, чтобы перед вашими глазами горы сдвигались, как сказал Спаситель, и как, по слову прп. Марка, гора действительно сдвинулась с места своего и двигалась до тех пор, пока он не остановил ее... И чего бы вы не захотели от чудес? Но искать чудес без нужды — значит искушать Господа, искушать так, как, например, искушал Его дьявол, предлагавший Ему превратить камни в хлебы. И если бы мы действительно имели веру с горчичное зерно, как сказал Господь, Господь, без сомнения, творил бы для нас чудеса, когда была бы в них нужда, творил бы для нашего блага, а не для любопытства, как не перестает Он творить для истинно верующих. Истинно верующие и видят чудеса, и пользуются чудесами; а для неверующих или нет чудес, потому что они недостойны их, или если и есть, то они не видят их. Как так, скажете, чудеса есть, а их не видно? Очень

просто. Пересмотрите историю земной жизни Иисуса Христа: тут ли чудес не было? А все видели тогда чудеса? Если бы все видели, то, конечно, и не распяли бы Господа славы. А история христианских мучеников?.. Каких тут только не совершалось чудес. А все ли видели эти чудеса? Ах, если бы все видели, то кровь мученическая не проливалась бы так долго. Вспомните, например, Юлиана бо-гоотступника. Решившись осмеять пророчества Спасителя о разрушении Храма Иерусалимского, он приказывает восстановить разрушенный храм, и тысячи чад Авраамовых с радостью спешат исполнить его приказание; но бури, громы, землетрясения разбрасывают материалы, а огонь с неба и из-под земли опалает самих тружеников, и опалает так, что на телах их делает кресты, которых и смыть было нельзя. Не чудо ли тут?.. Но Юлиан и подобные ему не видят тут чуда. Есть, конечно, немало и теперь подобных людей, и где верующие видят чудо, там другие только глумятся над ними. Иной, например, с верою помазывает больного елеем от святой иконы, и вера низводит на него благодать Божию; больной выздоравливает и в слезах благодарности изливает душу свою пред Богом, а неверующий смеется над его простотою, почитая исцеление делом естественным. Вообще случаев в жизни, где проявляется дивная, всемогущая сила Божия, очень, очень много,

и теперь верующий, представив себе все подобные случаи, невольно изумится величию Божию, невольно скажет вместе со св. Давидом: «Кто Бог так великий, как Бог [наш]! Ты — Бог, творящий чудеса» (Пс. 76, 15).

Рассказы о чудесах

Вот несколько рассказов для подтверждения того, что и в наше время совершаются чудеса.

Во время занятия в 1812 году Москвы французами, по плану Наполеона, весь Кремль должен был взлететь на воздух. От пяти ужасных взрывов дрожали стены зданий, трескались стекла, падали двери; железо, камни, бревна Никольской башни, арсенала и стены кремлевской, как перья, летели на воздух. Но на стене той же Никольской башни образ святителя Николая остался невредим — даже не оборвалась веревка, на которой висел фонарь со свечой. Хрупкое стекло киота погнулось, но не разбилось.

В Инкермане, у подножия скалы, которую намеревались взорвать динамитом, стояла хижинка, где проживало одно бедное семейство. Из нее, по распоряжению властей, приказано было выбраться всем. В тот момент, когда хотели поджечь динамит, к инженеру подошел рабочий и убедительно просил позволить ему войти в полуразвалившийся домик и вынести оттуда икону, оставленную

проживавшей там старушкой в той уверенности, что святая икона помешает взорвать скалу. Выслушав рабочего, инженер пожал плечами, и все окружающие переглянулись; тем не менее рабочему дано было разрешение вынести из дома икону. В это время к толпе приблизилась старушка и потребовала, чтобы образ оставлен был на месте. Динамит подожгли, скала разлетелась на тысячу кусков и буквально придавила к земле жалкий домишко, оставив нетронутым лишь только угол, в котором стояла икона, и саму икону.

Однажды, когда академик живописи Алексей Максимович Максимов (скончался в Москве 20 августа 1865 года) был занят исполнением больших образов, крайняя нужда лишила его, а вместе с ним и его больного и слепого старца-отца и двух сестер художника, не только пищи, но грозила и окоченением их членов: ни ломтя хлеба, ни щепки дров не было в доме в лютый мороз. В ближайших лавочках в долг уже не отпускали. За несколько дней окна квартиры заледенели внутри; рука художника, подмалевывавшего на огромной доске образ св. Николая Чудотворца, едва была в состоянии водить кистью; дрожь пробежала по всему его телу; слезы выступали на глазах от неисходного горя; бодрость духа исчезала. При невольном ропоте отчаяния он взглянул на образ и сказал: «Помилуй мя, святитель, если для

спасения мне близких я изрублю на дрова доску, на которой изображаю твой лик!» С болью в сердце он уже готовился привести намерение свое в исполнение, как вдруг в дверь квартиры кто-то постучал. То был офицер, родственник заказчицы св. икон, имевший от нее поручение вручить проездом через Москву Максимову деньги за производимые им работы. Обрадованный художник, как только заметил, что приезжий готов сбросить с себя шубу, просил его не делать этого, дабы не схватить мгновенную простуду, и тут же указал на обледеневшие стекла в окнах. Офицер перебил его словами: «Избавьте меня, Алексей Максимович, от обузы. Мужики привезли мне из деревни шесть сажень дров, которые мне положительно некуда девать, так как я сегодня же вечером уезжаю из Москвы. Позвольте предоставить их вам, вы меня этим очень обяжете». Максимов взглянул на лик св. Николая и, по уходе посланника Неба, как он назвал приезжего, пал ниц перед начатым образом. Старик отец и сестры присоединили свои молитвы к молитве художника. Вскоре запылали дрова в печах и закипел самовар.

Вот какой случай был в городе Малоярославце в 1868 году. В это время здесь произошел пожар при жаркой летней погоде и сильном ветре. Ветер разносил пламя по всем улицам города, а жара помогала огню

истреблять городские строения. Некоторые из обывателей, уйдя от своих домов к своим знакомым, чтобы помочь им спасти их имущество, возвратившись к своим домам, находили их уже в пламени. В этот памятный для малоярославских жителей пожар сгорело до восьмидесяти домов, причем две улицы выгорели совершенно.

На одной из этих последних жила благочестивая старушка по фамилии Малютина. Когда забили в набат, она взяла с божницы икону Спасителя и обошла с нею вокруг своего дома, окропляя его при этом св. крещенской водой, всегда у ней имевшейся на божнице. И что же? Вся улица, где стоял дом этой старушки, выгорела по обеим сторонам; сгорело много домов и на других соседних улицах, а дом старушки уцелел со всеми пристройками. Все способствовало тому, чтобы он сгорел. Отчего же он спасся? Ответ возможен только при свете богооткровенной веры и Божественного провидения. Надобно заметить, что упомянутая старушка во всю свою жизнь отличалась благочестием; она умерла только в 1886 году, на 94-м году от рождения, отлично помня события 1812 года.

В номере 46 «Церковных ведомостей» за 1892 год помещена следующая замечательная выписка из письма от 24 декабря 1853 года преосвященного Исидора, экзарха Грузинского, впоследствии митрополита Новго-

родского и Санкт-Петербургского, к митрополиту Филарету Московскому.

«Генерал-майор, князь Багратион Мухранский, отличившийся в последнем сражении против турок, сообщил мне весьма занимательное сведение, о котором я с радостью сообщаю вашему высокопреосвященству. Пленные турки объявили нам открыто, что, когда сражение под Александрополем сильно разгорелось и весь русский отряд был введен в дело, турки увидели сходящую с неба светлую Жену, держащую знамя в руке и сопровождаемую двумя воинами. Свет от Нее был столь ярк, что подобен был солнечному сиянию, и никакой глаз не мог выдержать его. Это явление навело ужас в рядах сражающихся и было причиной того, что турки, видя явное заступление Бога за Русь, обратились все в бегство и проиграли сражение. Русские этого явления не видали. Божиим Промыслом о том свидетельствовали иноплеменные враги наши. Турки уверяют, что в армии их все это видели с ужасом, и все о том знают, но начальство их, под опасением смертной казни, запретило о том говорить и старалось замять это событие. Русские военачальники, поздравляя с победой, столь блистательной, главного начальника, воздали славу Богу, Который один мог дать нам победу над врагами, ожесточенными мусульманским фанатизмом, в силах много

превосходящими наши, так что по человеческим соображениям трудно было ожидать столь блистательного успеха. Из некоторых частных писем из армии узнали мы радостное для христиан событие, что многие турки после того громогласно исповедали Христа, просили крещения и запечатлели мученической кровью признание всепросвещающего света — Христа. Прискорбно бы было, если бы мы, православные, умолчали о столь дивном событии страха ради европейского. Надобно желать, чтобы все листки, все ведомости в России разносили по православному народу радостную весть о великом заступлении Царицы Небесной в начале войны, подъятой за веру христианскую. Да всяк узрит, что, «если Бог с нами, никто — на нас». А кто постыдится исповедовать пред человеками, того Бог постыдится пред Ангелами Своими».

А сколько чудес совершалось и совершается при таинствах Св. Церкви!

Один священник, например, рассказывает следующий чудесный случай. Он был приглашен в соседнее село, по случаю отсутствия приходского священника, для напутствия больного. Во время преподавания больному Святых Таин запасная частица каким-то образом упала у него со лжицы (ложечки для раздачи Святого Причастия, Святых Даров), и сколько ни искали ее священник и хозяева,

не могли найти. Больной был слепой старец и все время, пока продолжали искать частицу, лежал на своем одре, с беспокойством по временам спрашивая: «Не нашли ли?» Наконец через силу привстал с постели и, наклонив голову под лавку, произнес: «Это что, батюшка, под лавкой-то светится?» — и при этом указал пальцем. Благодатный свет никто, кроме старца-слепца, не мог видеть; но по указанию его священник нашел св. частицу и причастил ею чудного старца.

«Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин, — пишет кронштадтский пастырь о. Иоанн Сергиев. — Старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, от причастия Святых Таин в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после Святых Таин в тот же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была почти в беспмятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава животворящим и страшным Твоим тайнам, Господи!.. Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получив ни малейшего облегчения от медицинских пособий, лишь только причастился в девятый день поутру животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердой верой. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи!»

В «Русском Архиве» за ноябрь 1892 года сообщается следующий факт. Один из известных русскому обществу писателей подвергся тяжелой болезни. «Врач пришел, — пишет он, — довольно рано, пощупал пульс, посмотрел на язык и ни слова не сказал. Я спросил его, отчего по всей коже моей показавшиеся сперва красные пятна превратились в фиолетовые, а тут сделались черными? «Да у вас и язык уже весь почернел», — отвечал он. Кажется, довольно бы этого приговора. Он, выходя, остановился у дверей и вслух сказал слуге моему и случившемуся тут одному из инженерных офицеров: «Не мучьте его понапрасну, не давайте ему более лекарств; я думаю, он и суток не проживет»».

О здравии больного отслужен был молебен. Затем он удостоился Св. Причащения, в день воздвижения Креста. «По совершении этого вдруг так быстро стали приходить ко мне силы, — говорит больной, — без помощи лекарств, даже подкрепительных, о которых давно уже я слышать не хотел, а через два дня, 16 сентября, поправился... Надо мной совершилось чудо, точно чудо. Когда висел я над могилой и не упал в нее, на то была та же самая воля, без которой волос не спадет с головы человеческой. Многим ли удавалось быть одной узкой чертой отделенными от вечности и круто повернуть от нее вспять?.. Я могу сказать, что я отведал смерти...»

В житии святителя Григория Двоеслова, папы римского, рассказывается о знаменательном чуде, которое совершилось в пречистых Тайнах по молитве этого святителя. «Одна знатная римская женщина принесла просфоры для совершения Таинства Причастия; литургию в этот день совершал сам святитель Григорий. Когда настало время подавать людям Св. Причастие, то приступила и та женщина причаститься Святых Таин. При словах святителя: «Преподается животворящее Тело Господа нашего Иисуса Христа» упомянутая женщина усмехнулась. Видя смех ее, святитель удержал свою руку и спросил женщину: «Почто ты рассмеялась?» — «Удивительно для меня, владыко, что ты хлеб называешь Телом Христовым, который я испекла своими руками». Святитель Григорий, видя ее неверие, помолился Богу, и тотчас вид хлеба преложился в вид самого истинного тела человеческого. Это чудо увидела не только та женщина, но и все прочие, бывшие в храме, прославили Христа Бога и утвердились в вере относительно Пречистых Таин, что под видом хлеба преподается истинное Тело Христово, и под видом вина — истинная Кровь Господня. Святитель снова помолился — и вид тела человеческого претворился в вид хлеба. Со страхом и верою несомненно приняла женщина хлеб — как Тело Христово, также и вино — как Кровь Христову».

Вот какое чудо совершилось при Таинстве Крещения согласно сообщению «Церковных ведомостей» за 1892 год.

89-летний старец, из новокрещенных алтайцев, поведал о необычайном явлении, которое он удостоился видеть во время совершения таинства Св. Крещения над его семейством. Сам он крещен был ранее своей жены и детей (событие происходило в 1890 году в Улале), наставленный в вере одним миссионером (проповедником), а семейство крещено некоторое время позже, в его присутствии. Во время совершения Таинства Крещения внимание этого старца обратило на себя появление вверху храма необычайного света. День был пасмурный. Свет был подобен пламени многих горящих свечей. Спустившись в купель, он здесь как бы рассыпался, озарив всю внутренность ее. Старец подошел поближе, чтобы рассмотреть необычайное явление, и увидел, что свет, собравшись в одно место в виде яйца или шара, спустился на дно купели и исчез. О видении своем новокрещенный тогда же рассказал сперва крестной матери, прося ее объяснения, а потом — миссионеру. Это явление света младенцу веры, только что вышедшему из тьмы язычества в очевидное соответствие сказанному в одной церковной песни: «Где бо имел бы свет Твой возсияти, токмо на сидящая во тьме, слава Тебе» — не было ли видимым знамением того благодат-

ного света, который даруется крещаемому? Недаром Таинство Крещения именуется просвещением, а новокрещенные — новопросвещенными Святым Крещением.

Около 60-х годов XIX столетия особенное изумление пред величию силы Божией возбуждало даже в обильной чудесами Сергиевой Лавре исцеление сухорукого — одного из лаврских сторожей, после бывшего ему ночного явления преподобного, при мощах его, в день его святой памяти.

В это же время в Москве, при мощах святителя Алексия, почти уже совсем лишившийся зрения, прозрел народный учитель, признанный врачами неизлечимым.

Затем все края России до самых пределов Китая наполнила слава чудес от святых мощей великомученика и целителя Пантелеимона. Многим Господь Бог привел быть довольно близкими свидетелями чудесного исцеления Дарьи Ивановны Колоколовой, которая была в течение одиннадцати лет скорченной и могла только ползать при помощи особо устроенных катков, которая в благодарность за дивную помощь Божию восприняла затем пострижение в иночество с наименованием в честь угодника Божия Пантелеимоною.

Нельзя далее не рассказать о чудесной помощи трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого мальчику при страшной опасности для его

жизни. По сообщению «Церковных ведомостей» за 1889 год, № 27, дело было так. В селе Саблукове Арзамасского уезда Нижегородской губернии проживало семейство доброго, смиренного и правдивого мельника, крестьянина Кочеткова. Кочетков, старик, по своей честности и рассудительности был по выбору старшиной, а сын его Кодрат состоял в должности сельского старосты.

Семейство Кочетковых было многолюдное и состояло из 13 человек: отца-старика 57 лет, его жены, двух сыновей женатых с детьми и 15-летнего сына Петра. Кроткие и правдивые Кочетковы отличались нищелюбием и преданностью Святой Церкви. Они имели христианский обычай, унаследованный от предков, каждый день класть три земных поклона пред иконой святых трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, призывая их на помощь и прося у них милости и успеха в делах. Отправляясь на мельницу, они сначала помолются дома пред почитаемой иконой и там, в стенах мельницы, также воздадут поклонение тем же трем святителям и потом пускают мельницу в ход. 28 января 1889 года, в самый полдень, бушевала страшная буря. Старшие братья Петра были заняты уборкой с току соломы и хлеба, и отец, за недосугом старших сыновей, послал молоть младшего сына Петра. Петр, не сообразив того, что

была буря, пустил мельницу в ход и, по примеру братьев, сошел под пол осмотреть пяту вала: не требуется ли подмазать; но когда он близко подошел к валу и осматривал его вокруг, как-то нечаянно движением шестерни привернуло полы его полушубка и забрало его рубаху; еще одно мгновение, и Петр мог погибнуть. В минуту грозящей опасности он так взмолился святым от всего детского верующего сердца: «Угодники Божии, святые три святителя! Спасите меня, помогите мне! Погибаю я. Святые Божии! Защитите меня, не дайте умереть без покаяния! Верую, что вы все можете сделать, можете меня спасти!» Вдруг мельница сама собою останавливается, стоит неподвижно, несмотря на то, что буря продолжается. Через полчаса, или несколько меньше, на мельницу приходит один крестьянин узнать, смолота ли его рожь, и видит: мельница стоит, а мальчик скручен и привернут шестерней. Крестьянин немедленно взял бывший там топор, перерубил полы полушубка, рубашку и прочую одежду и освободил страдальца. Через час принесен он был домой, но был еще без сознания. При осмотре его тела нашли, что одна нога сильно ранена, но кость не повреждена. Когда пострадавший пришел в себя, то, перекрестившись, стал рассказывать окружающим о своем несчастье на мельнице и в конце своего рассказа прибавил, что он своим спасени-

164

ем обязан единственно ходатайству угодников Божиих, святых трех святителей, им призванных на помощь.

Не можем не упомянуть еще о следующем чуде. По сообщению того же журнала за 1889 год, № 11, дело происходило так. Дня за четыре до праздника Рождества Христова 1887 года пришел в Николо-Бабаевский монастырь крестьянин Костромской губернии, Буйского уезда, отставной рядовой Филимон Васильев-Отвагин, страдавший расслаблением всей правой стороны тела, причем вовсе не мог владеть правой рукой и волочил правую ногу, не имея никакой возможности двигаться свободно и совершая путешествие при помощи постороннего лица. В свидетельстве, выданном ему из вологодской земской больницы от 31 мая 1887 года за № 145, за подписью ординатора Сняtkова, удостоверенным старшим врачом Ульрихом, значит, что он, Отвагин, «с 1 февраля по 1 июня 1887 года находился на излечении в означенной больнице от неполного полупаралича правой половины тела, происшедшего от эмболии головно-мозговых сосудов, болезни совершенно неизлечимой и препятствующей ему заниматься личным физическим трудом».

В ночь с 25 на 26 декабря, передает Отвагин, в сонном видении видел он стоящих у изголовья его святителя Николая чудотворца, а правее — Царицу Небесную, Пресвятую

Богородицу. Святитель сказал ему: «Потрудись и помолись у меня, тебе Господь дарует исцеление». Царица Небесная, стоявшая тут же у изголовья больного, сказала ему то же самое. Когда он, Отвагин, проснулся, то стал чувствовать силу в невладевших членах, и правую руку он донес до своей головы, чего прежде совершенно не мог делать (даже крестное знамение он изображал левой рукой). Придя 26 числа к ранней литургии, он мог уже свободно осенять себя крестным знаменем правой рукой. В благодарность за исцеление он пожелал окончить дни своей жизни в Бабаевском монастыре.

В журнале «Кормчий» за 1894 год в № 49 рассказывается следующий случай дивной помощи святителя Николая. «Полковница Ранцова имела постоянное местожительство на Волге, в десяти верстах от посада Рубовки. Занималась она сельским хозяйством и все, что получала от своего имения, употребляла на пользу ближних, в чем и находила единственное удовольствие в жизни; ее знали все окрестные жители и почитали как благочестивую и добродетельную женщину.

«В одну из тяжелых зим, — рассказывала она, — я получила с нарочным письмо от своей матери, которая, извещая о болезни отца, просила меня поспешить к ним с приездом. Недолго думая я в тот же день отправилась в путь. Переезд с Волги на речку Иловлу, где

166

жили мои родители, простирался на шестьдесят верст степью, но на половине пути есть село Ивановка, в котором я намерена была заночевать, чтобы на другой день пораньше приехать к своим. При выезде моем со двора в путь погода была неблагоприятная — шла мокрая метелица, а когда мы выбрались в степь, к вечеру того дня подул холодный западный ветер, и к ужасу моему в ночь поднялась страшная снежная вьюга, так что в двух-трех шагах не видно было ничего. Сильный холодный ветер не давал ходу лошадям. Хотя я сама была защищена от непогоды, но несчастный кучер мой боролся с ней открыто и выбивался уже из сил.

— Что, не видать ли Ивановки? — спрашивала я кучера сквозь маленькое окошечко возка, желая по возможности развлекать его.

— Нет, барыня, ничего не видно; глаза мне залепило вьюгой, да и сам я зябну...

— Что же мы будем делать, Иван? — спросила снова я кучера.

— Не знаю, — отвечал он нерешительно. — Не пойти ли поискать дорогу? — сказал он, помолчав немного.

— Да разве мы сбились с дороги?

— Кажись, что так. — С этими словами кучер соскочил с козел и пошел отыскивать дорогу.

Оставшись одна, я поручила себя великому угоднику Божиему святителю Николаю, образ

которого имела на груди, и стала внутренне молиться ему. Спустя немного времени кучер мой с трудом возвратился к возку и радостно объявил мне, что увидел вдалеке огонь.

— Держи же и не теряй его, это, верно, Ивановка. В правой стороне от нас огонь, а мы сбились далеко влево; вишь, теперь выезжаем к красному кусту, а от него до села рукой подать.

Кучер, ободренный внезапным появлением огня, весело погнал усталых лошадей. Я поминутно предупреждала его, чтобы он, по возможности, не спускал глаз с путеводного огня. Наконец он сообщил мне, что слышит лай собак, ясно доказывающий приближение наше к селению. Еще через несколько минут кучер положительно сказал, что подъезжаем к Ивановке.

— Барыня, — вскричал в восторге мой Иван, — ведь мы доехали! Слава Тебе, Господи! Да нас здесь, верно, ждали, — добавил он, — делая крутой поворот.

Действительно, пред нами раскрыты были ворота, и два зажженных фонаря висели на высоких шестах. Мы благополучно въехали на довольно просторный двор; за нами затворил ворота дюжий парень, старший сын хозяйки дома. Он подошел к возку с низким поклоном и громко проговорил:

— Здравствуйте, барыня, небось озябли; идите скорее в хату, а мама заждалась вас.

И парень помог мне выйти из возка. На пороге встретила меня хозяйка дома, старуха лет шестидесяти, ласково приветствуя меня.

— Здорово, Фоминична, ждала ли ты гостей в такую пору?

— А когда б я не ждала тебя, моя кормилица, то не вывесила бы и фонарей, — говорила радушно старуха, кланяясь мне почти до земли. — Как тебя Господь Бог милует, — продолжала она, хлопотливо осматривая меня с головы до ног, — не обморозилась ли, моя болезная, дай-ка я тебя раздену. Бабы, скорей самовар, озябла барыня, наша кормилица...

Восторгам старухи не было бы конца, если бы я не прервала ее моим вопросом:

— Как же, Фоминична, ты сказала, что ждала меня, — почему же ты, моя голубушка, знала о моем приезде?

— Ах, кормилица моя, поди нарочный-то твой больше уже часу прошло, как прискакал под окно, разбудил нас и говорит под окном на улице: «Прикажи-ка, Фоминична, поскорей Сергею зажечь два больших фонаря и повесить повыше, чтобы виднее было, барыня, мол, сейчас будет». Распорядился и ускакал. Я и говорю Сергею: поди-ка поскорее сделай, как требуют, да узнай-ка, далеко ли барыня. Вот и ждем тебя, дорогая наша, уже давненько; я хотела было посылать к тебе навстречу Сергея, ан, глядь и ты подъехала к воротам.

— Нет, дорогая моя старушенька, нарочного никакого от меня послано не было.

— А кто же это такой разбудил нас и говорил за окном?

Я открыла грудь мою и указала ей икону святителя Николая, сказав: верно, он, великий угодник Божий, путеводил мне, потому что я, видя неизбежную гибель в степи, молилась ему горячо. Старуха пристально посмотрела на меня; невольный вздох вырвался из груди ее, и глаза заискрились слезой.

Я принесла благодарственную молитву Богу за чудесное избавление меня от угрожающей опасности в степи заступничеством скорого помощника и защитника от всех бед и напастей святителя Николая».

Жизнь человека — непрерывная цепь различных действий Промысла Божия

Да и незачем нам приводить много примеров для подтверждения раскрываемой мысли. Вся жизнь человека от рождения до смерти, со всеми ее переменами, есть не что иное, как непрерывная цепь различных действий Промысла Божия, направленных к тому, чтобы отвратить грешника от губительного пути его и привести в благодатное Царство Христово. Нет мгновения, когда находились бы мы вне благодатного Промысла Божия; нет, поэтому ни малейшего случая в жизни нашей, который не зависел бы от воли Божией.

Потому в каждом обстоятельстве жизни нашей, сколь бы ни казалось оно малым, можно и должно усматривать перст Божий. История представляет много примеров этого.

Случается видеть, что человек с переменной должности в кругу гражданском или местожительства изменяет и образ жизни и поведения, особенно когда перемена во внешней его жизни случается неожиданно и против его воли. Внезапно постигающие бедствия всегда почти обращают сердце грешника к Богу. Нечестивый Манассия, царь иудейский, отведенный пленником в Вавилон, «стал умолять лице Господа Бога своего и глубоко смирился пред Богом отцов своих, и помолился Ему» (2 Пар. 33, 12–13). Покаяние его принято; возвращенный опять на царство, он старался всю последующую жизнь загладить следы прежнего нечестия. Несправедливые притеснения от других и другие несчастья или так называемые неудачи, обращая внимание людей на самих себя, нередко побуждают их обращаться к Богу с искренним раскаянием. «Вместе с положенным на меня крестом, — пишет один подвижник, — началась новая жизнь моя. Я все сделал, что от меня зависело, по внушению человеческого благоразумия, чтобы обнаружить терпимую мною несправедливость: писал, объяснял, просил суда, рассмотрения. Оставленный людьми без внимания и без ответа, я прибегнул к Богу

и начал в глубине души моей предаваться Его святой воле. Вот как вечно действующая Любовь рассудила за благо привлечь меня к Себе по ожесточению моего сердца — мерой жестокой. Входя в себя и рассматривая свое отношение к Творцу моему, увидел я с удивлением, что не Богу я поклонялся, но тварям и миру, наполнявшим все мое сердце, так что для Бога и места не было; познал оскорбительное для Бога самолюбие мое и ужаснулся. Одним словом, я увидел мое окаянство и обратился к Спасителю, взывая: благо ми, Господи, яко смирил мя еси. Обрати мя, и обращуся, спаси мя и спасуся!»

Непредвиденная удача, счастливое окончание важного и трудного дела, избавление от великой опасности невольно обращают сердце с благодарностью к Богу; но бывают случаи, когда такое временное обращение к Богу делается началом обращения постоянного.

Военачальник Петр (после названный Афонским) взят был в плен сарацинами и заключен в темницу. Там, рассматривая жизнь свою, он вспомнил, что не раз давал обет посвятить себя Богу, но не исполнил его по нерадению, и начал со слезами молиться Богу. Освобожденный чудесно из темницы, не возвращаясь уже в дом свой, ушел на Гору Афонскую.

Приятные или неприятные случаи семейной жизни чем чувствительнее для сердца,

тем глубже трогают его, тем скорее располагают к раскаянию. «Я родился в Фиваиде, — говорит о себе преподобный Павел Фивейский, — имел сестру, которую родители мои еще при жизни своей выдали в замужество за язычника. Пред кончиной своей они разделили нам богатое имение свое. Корыстолюбивый зять мой, по кончине родителей, чтобы воспользоваться принадлежащей мне частью имения, решился предать меня как христианина нечестивому князю на мучение. Видя, что ни сестрины слезы, ни родственный союз не действует на корыстолюбивое сердце зятя, и чувствуя угрожающую мне опасность, я оставил все и удалился в эту пустыню».

Нечаянные встречи и случайное обращение с людьми, до настоящего времени неизвестными, преимущественно с людьми благочестивыми, нередко приводят в раскаяние упорных грешников.

Таинственный голос

Иногда нам кажется, что мы как будто слышим какой-то тайный голос, который неотступно требует от нас чего-либо. Этот тайный голос есть голос Промысла Божия.

В «Воскресном чтении» за 1885 год в номере 19 сообщается следующий поучительный случай: один ремесленник (по занятию портной) работал в той комнате, в которой в колыбели спал его ребенок. Вдруг среди

веселости, без всякого видимого повода им овладел какой-то непонятный страх, словно от спазмы сжалось его сердце, и какое-то смутное чувство говорило ему, что жизни спящего в колыбели его ребенка угрожает какая-то опасность. Мало этого, он совершенно отчетливо услышал внутри себя голос, кратко и определенно говоривший ему: «Встань скорее и возьми ребенка из колыбели».

Ремесленник не послушался сейчас же этого неизвестного голоса. Он старался даже успокоить себя разными соображениями. Ребенок спал по-прежнему крепко в своей постельке; ничто его не беспокоило в комнате; на улице также все было тихо. Откуда же может грозить опасность его жизни? Должно быть, это воображение создало такое беспокойство душевное; нужно его прогнать, решил портной и, взяв опять иглу для работы, постарался даже затянуть песню. Действительно, ему удалось успокоиться на несколько мгновений; но потом вдруг по-прежнему объял его страх, на этот раз гораздо сильнее прежнего, и опять он услышал внутренний голос, более определенный и почти угрожающий: «Встань скорее и возьми ребенка из колыбели».

Опять отец прекращает свою работу, и песня сама собой как бы замерла на его устах. Внимательно он озирается кругом и осматри-

вает всю комнату, начиная от своего рабочего стола и до самого последнего, отдаленного уголка ее. Так как он решительно нигде не нашел какого-либо повода опасаться за ребенка, а последний по-прежнему крепко спал в своей постельке, то ему показалось неразумным из-за какой-то воображаемой опасности беспокоить ребенка и вынимать его из теплой постельки. Не слушая, таким образом, голоса, он опять занял свое место за рабочим столом и принялся за работу; но у него уже исчезла прежняя веселость: он не напевал более песни.

Тщетно употреблял теперь он все усилия к тому, чтобы преодолеть какими-либо соображениями свой страх. Через несколько мгновений страх снова возвратился, и гораздо сильнее прежнего; в сердце же с силой громового удара опять раздался голос: «Встань скорее и возьми ребенка из колыбели». Теперь наконец он сделал то, чего требовал предостерегающий голос. Мгновенно он был уже у колыбели ребенка, поспешно взял его и отнес на свое место, где сам перед этим сидел.

Едва только он успел занять свое место, как в том углу комнаты, где находилась колыбель, раздался сильный грохот. Весь потолок мгновенно рухнул, повалился на колыбель, покрыв ее совершенно мусором и отвалившимися кусками штукатурки. Ребенок

проснулся от сильного шума и заплакал; но он был цел и невредимо покоился на руках отца, прижимавшего его к своему сердцу. Какой живой радостью объята была бедная мать, когда, слышав громкий шум, со смертельной бледностью в лице вбежала в комнату; она боялась, что муж и ребенок убиты, а они оба остались целы и невредимы. Преисполненное глубокой набожностью ее сердце, равно как и сердце ее мужа, налилось искреннейшей молитвой к Господу, когда муж рассказал ей, как чудесно был спасен дорогой им ребенок.

Кем мы живы по настоящую минуту? Кто дает нам силы к трудам? Кто поддерживает жизнь нашу, милует, терпит нас, помогает во всех благих предприятиях наших, подкрепляет в несчастьях, спасает и избавляет от всех зол — кто, как не Господь? «О Нем бо живем, и движемся, и существуем», — говорит апостол. Если бы не Господь хранил нас через Ангела Своего в годы детства нашего, если бы не терпел Он неправды наши в лета юности, зрелости нашей, если бы не восхотел ждать обращения нашего и поступил бы с нами по правосудию Своему, давно бы нас не было на свете, давно бы тела наши лежали в могиле, были пищей червей, а души, быть может, томились бы во мраке бесплодным раскаянием, что мы по собственному нерадению лишились надежды на лицезрение Бога. Да,

176

все это бесчисленное множество даров, которыми мы незаслуженно пользуемся в жизни своей, все это от Бога.

Надобно быть твердо убежденным, что очи Господа, бесконечно светлейшие солнца, смотрят неуклонно на сынов человеческих, и ничто не утаивается от них — ни мысль, ни мечта, ни сердечное какое бы то ни было ощущение.

«Представьте себе самую темную ночь, — говорит один арабский мудрец, — самый черный мрамор и самого черного муравья. Бог в такую беззвездную ночь на таком мраморе не только видит этого муравья, но и слышит топот ног его».

Впрочем, некоторые говорят: если Бог промышляет об избранных Своих, то отчего же они в продолжение своей земной жизни терпят различные скорби и неприятности, как и все прочие люди? Но дело тут в том, что рассуждающие так смешивают истинное благо верующих с их наружным счастьем, чего Евангелие не делает никогда. Научитесь только различать эти понятия, и многое в этом деле будет яснее. Бог считает нашим благом то, что мы вообще не склонны называть нашим счастьем. Мы ищем нашего счастья в успехе, в здоровье, в славе, в богатстве, в привязанности людей, а может быть, даже и в удовольствиях; для Бога же благо наше заключается в святости и спасении. Вот

ты, брат мой, мечтал о власти, о богатстве, о влиянии, о всеобщем уважении, и вот планы твои разрушаются, средства твои истощаются, положение твое колеблется, здоровье твое надламывается, а земное будущее твое разбивается навсегда. «Жестокий удел», — может быть, скажете вы. Но повремените со своим приговором. По плану Божьему, тут-то именно и начинается ваше истинное и вечное благо. Только здесь вы научитесь смотреть на жизнь правильно; только здесь вы отрешитесь от всего своекорыстного и низкого; только здесь вы научитесь распознавать истинную любовь и сладость жертвы; только здесь вы почувствуете всю призрачность светского величия; только здесь вы обретете вечную жизнь и вопреки всем этим горьким разочарованиям дойдете до сознания, что, несмотря на кажущееся противоречие, все неуклонно содействует вашему благу.

Из книги «О Промысле Божиим». М., 1907.

ЧУДЕСА НА КАЖДОМ ШАГУ

В сороковых годах скончалась в городе Вараждине, в Югославии, старшая сестра писателя Алексея Николаевича Толстого — Елизавета Николаевна. Вот что она говорит о смысле и значении чуда.

«В нашем языке слово «чудо» соответствует понятию прекрасного, необычного, удивительного. Есть и другое слово, сходное с ним наружно, но в корне глубоко различное, это «знамение», то самое знамение, о котором книжники и фарисеи просили Учителя. Помните суровый ответ Его? «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему» (Мф. 12, 39).

Оба эти слова часто смешивают в разговорной речи, подменяют одно другим, забывая, что Спаситель употребляет их раздельно, когда говорит о втором Своем пришествии: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса» (Мф. 24, 24).

Мне кажется, можно определить их следующим образом: знамение — громкий глас Божий, возвещающий, предостерегающий, указующий и поэтому явный и ко всем обращенный. Чудо, наоборот, есть нечто прикровенное, интимное.

И Спаситель, отказавшись являть знамение, творил чудеса ежедневно, ежечасно. Это был поток любви, неудержимо истекающий от Того, Кто на земле являлся воплощенной любовью. Чаша сострадательной любви переполняла края и лилась свободным, сияющим потоком на малых, убогих, обиженных и страждущих во все время, пока стопы доброго Пастыря касались нашей убогой матери-земли.

А сейчас? Неужели же время чудес миновало? И Тот, Кто смертью смерть попрал, Кто победил мир, отвел от него Свою щедрую руку? Нет более чудес? Да кто это сказал вам, братья мои? Кто возвел клевету на начало света?

Нет, есть чудеса: жизнь каждого человека сплошное чудо, потому что судьба его есть непрестанное действие Божьего о нас попечения и водительства. Не всегда это кажется ясным лишь потому, что заботы, печали и радости, из которых ткется ткань судьбы человеческой, мешают разглядеть ее узор.

Но в жизни каждого случаются минуты, когда, раздвинув чадный покров, мелькает ослепительной белизной рука Ведущего. Почему же не все умеют видеть? Почему, даже увидев, забывают?

Я, которая пишу эти строки, свидетельствую, что всякий раз, как мне приходилось в большом обществе заводить разговор о чудесном, большинство присутствующих рассказывали о своем, и выходило так, что почти с каждым бывали «непонятные случаи», «необъяснимые происшествия». Слово «чудесное», разумеется, не произносилось, потому что, как это всем известно, некоторым людям кажется стыдно «верить в сверхъестественное», а чудо есть именно то сверхъестественное, против которого возмущается мнимо свободный разум человека.

А между тем чудо есть не нарушение, а наоборот: действие высших и вечных законов бытия в нашем преходящем мире. И законы эти действуют среди законов мира материи так же просто, обычно, как и остальные, только люди почему-то не хотят заметить их или, «отметив что-то необъяснимое», быстро забывают, иногда прямо стараются забыть, как будто души, слабые и тесные человеческие души пугаются того необъятного, которое стучится к ним и которого они не в силах вместить.

Но бывает и иначе. Помнит ли кто случай, определивший жизнь знаменитого русского адвоката Плевако? Был он тогда совсем молоденький студент и такой бедный, что не имел денег заплатить за семестр в университете. Он искал, хлопотал, и все напрасно... Когда исчезла последняя надежда, вышел он из университета как потерянный... Глядит, а в придорожной пыли ветерок крутит бумажку, те самые 25 рублей, которые ему нужно было заплатить. И Плевако-то ведь, не колеблясь, признал, от Кого послана ему эта спасительная бумажка! Конечно, она не с неба упала, а была оттиснута в Экспедиции государственных бумаг, но разве это меняет дело?

Помню, шла я однажды вечером по улицам Москвы. Темнело. Старик в нагольном тулупе попросил милостыни. Мелочи у меня как на грех не было, один рубль, а ведь нищие на

каждом перекрестке. Я прошла. Вдруг меня схватило за сердце, вот хочется дать этому нищему, и сама не знаю почему. Я даже внимания на него не обратила. А хочется неудержимо. Даже рассердилась на себя: за чем дело стало? Ну, хочется, так и дай! Велика важность рубль?.. Он принял милостыню, но, ощутив, вероятно, необычный размер монеты, поднес ее к фонарю, вскрикнул и рухнул мне в ноги. И поняла я по этому, за душу хватающему крику, что он не мне, а Богу кланялся, что какая-то страшная, неотложная нужда была утолена через меня, явившуюся лишь Его недостойным орудием. Вот это как бывает, да.

Надо лишь открыть глаза души своей, надо приучить слух свой слышать, и тогда ясно станет, что мы окружены чудесами, что необъятный мир чудес обволакивает нас, стучится к нам и с неутомимой, смиренной настойчивостью Божественной любви «напрашивается» людям.

Потому-то всякий человек, какой бы он ни был, может стать, и очень легко, объектом чудотворения — до трепета легко! Ведь Христос-то для грешников пришел, и следом за Ним святые с особенной нежностью любили маленьких людей. Помните тихую улыбку великомученика Георгия в ответ на наивную просьбу крестьянина? «Иди, брат, жив вол твой». Разве такие могут кем или чем-нибудь гнушаться?

Меня всегда изумляло: почему это люди думают, что творить чудеса дано одним святым, и это вопреки прямому указанию Спасителя: «Если имеете веру в зерно горчичное и скажете горе сей...» Разумеется, зерно горчичное еще далеко не святость, а так себе, зернышко, среди других малейшее...»

Главное чудо жизни есть, конечно, любовь человека к Богу и к другому человеку... И все, ведущее к этой любви, есть чудо жизни.

Епископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).
Время веры. Нью-Йорк. 1954.

ПЕЧАЛЬ ВАША — В РАДОСТЬ

События нашей жизни очень часто не зависят ни от наших желаний, ни от нашей воли. Как бы мы ни старались жить без огорчений, неприятностей и потерь, это плохо нам удастся. Об этом предупреждает и Евангелие: «В мире будете иметь скорбь...» В то же время Церковь устами апостолов призывает нас не огорчаться, а даже радоваться печалям. Более того, по православному вероучению, уныние относится к числу главных смертных грехов. Почему?

Священник Вячеслав Брегеда, настоятель Никольского храма в д. Малинники Сергиево-Посадского района, который служит также в храме-часовне при Абрамцевской областной психиатрической больнице № 5, говорит:

— Прежде чем говорить о печали и унынии, хочу обратить внимание читателей на одно известное выражение: «поставить на попа», — начал беседу о. Вячеслав. — В обыденной жизни это означает просто поставить какой-то предмет в вертикальное положение. Духовный же смысл упомянутой «формулы» — привести наши мысли, чувства, понятия в правильное состояние. Попробуем так и поступить.

Отчего мы печалимся и зачастую впадаем в уныние? К примеру, кошелек с деньгами потеряли — и нашла на нас печаль. На работе начальник нас отчитал — снова печаль. Сосед построил новый дом, а мы живем в старом, — то же самое... Все эти примеры лишь означают, что мы неправильно духовно предрасположены, и переживаемая нами печаль нравственно нездоровая, суетная. Все мы постоянно экзаменуемся жизнью. И если впадаем в печаль, как в приведенных примерах, — мы экзамен не выдерживаем. Мало того, наносим своей душе большой вред.

Как же относиться к неприятностям и скорбям? Святитель Иоанн Златоуст преподает нам глубокие уроки христианского поведения в подобных случаях. Если, скажем, у вас воры украли имущество, нужно не огорчаться и унывать, а со смирением просить Господа, чтобы Он принял это как жертву от нас. Печалиться нужно лишь тогда, когда мы согре-

шаем и теряем близость к Богу. В Ветхом Завете повествуется о том, как праведный Иов, лишившись всего имущества и скота, потеряв детей, пораженный затем проказой, говорил: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь (в землю). Бог дал, Бог и взял; да будет имя Господне благословенно!»

Конечно, многие из нас далеки от такого высокого духовного состояния, однако нам необходимо хотя бы знать, к чему нужно стремиться.

Глубокие духовные поучения мы можем найти не только у святых отцов, но и почерпнуть из отечественной классической литературы. Например, как не внять Пушкину: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...»

Почему уныние относится к смертным грехам? На первый взгляд, человек просто кручинится, никому ничего плохого не делает, зла не причиняет?..

Греховные проявления, свойственные человеческой природе, можно условно разделить на три вида: грехи против Бога, против ближнего и против самого себя. Не буду подробно на этом останавливаться, скажу только, что человек в унынии травмирует свою душу, помрачая в себе образ Божий, а по утверждению святых отцов, разумная душа дороже всей Вселенной. Такое состояние человека можно назвать душевной болезнью. Начальная ее ступень — печаль, затем уныние,

которое нередко переходит в отчаяние. Как известно, Иуда после предательства Христа впал в отчаяние и совершил самоубийство — самый тяжкий из всех грехов.

Преподобный Силуан Афонский так нам советовал: «Держи ум свой во аде, но не отчаивайся».

Одна из евангельских заповедей гласит: «Блаженны плачущие...» Но разве плач — не выражение уныния? Нет ли здесь противоречия с заповедью?

Плач — одно из величайших свойств человеческого духа. Иногда оно обнаруживается даже у животных. На первый взгляд действительно может показаться, что Церковь «восхваляет» плач. На самом деле в Евангелии речь идет о плаче покаянном, очистительном, когда люди оплакивают свои грехи и при этом исполнены решимости направить свою жизнь в праведное русло. Именно такие люди блаженны, истинно счастливы.

В жизни мы видим, что плач (как, впрочем, и радость) имеет разное происхождение. Например, сын-солдат вернулся из «горячей точки», и от внезапной этой радости мать воина не может не прослезиться. Здесь мы видим естественное проявление высоких человеческих чувств. Если же кто-то плачет от зависти или, напротив, радуется тому, что у соседа украли машину, — это, понятно, духовно ущербные чувства.

Многие из нас очень тяжело переносят потерю близких, дорогих людей, некоторых охватывает глубочайшее отчаяние, и люди пытаются свое горе «залить» вином...

Понятна человеческая скорбь, связанная с потерей близких, смириться с этим очень непросто. Но верующие люди всегда помнят о грядущем всеобщем Воскресении и Страшном Суде, они убеждены, что расставание с умершим — временно. Однако многие люди по маловерию или неверию этого воспринять не могут, для них это область религиозной фантазии и предрассудков. Что сейчас высекают на могильных плитах или памятниках? Чаще всего: «Помним», «Скорбим». А например, в римских катакомбах христиане писали: «Спи, брат, отдыхай до всеобщего Воскресения. Встретимся на Страшном Суде».

Наш земной мир нередко называют «жизненным морем». Главное для человека в тяжелых, трагических обстоятельствах — не терять самообладания. Образно говоря, нельзя бросать весла, а надо изо всех сил стараться направить свою жизнь в спокойное, правильное русло. С Божией помощью любое горе возможно преодолеть.

Есть во всем этом и другая сторона. Нередко люди через скорби и страдания обретают веру и впервые переступают порог храма. У меня немало таких прихожан, которые признаются, что, если бы в их судьбе не случи-

лось скорбей, они вряд ли нашли бы дорогу к храму.

Житейские тяготы, огорчения и скорби приносят человеку больше духовной пользы, чем удовольствия и увеселения.

Это несомненно. Ибо «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие». Необходимо учиться мужеству. Очень ценно, когда человек это понимает и старается преодолевать искушения и всякого рода жизненные коллизии, сложности. «Мужайтесь, — говорит Христос, — Я победил мир». Мы, к сожалению, в большинстве своем живем по другим принципам, мы хотим, чтобы все у нас было спокойно, безболезненно, беспечально, — и подобное отношение к жизни прививаем своим детям, растим их неподготовленными к испытаниям. Зачастую именно в этом причина неспособности молодых людей создать семью. После первых же семейных неурядиц, ссор они впадают в панику и подают заявление о расторжении брака...

У карагандинского старца Севастиана была фотография на столе. Когда у него спрашивали, кто запечатлен на ней, он отвечал: «Мой благодетель. Через него я получил 10 лет тюрьмы и стал тем, кем являюсь. Я постоянно за него молюсь». Вот пример христианского отношения к жизни, осознания благодати промысла Божия во всех, даже в трагических

обстоятельствах. Ибо сказано: «Молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Еще одна характерная житейская ситуация: человек серьезно болен и многие годы, а иногда и всю жизнь, тяжело страдает...

Когда я учился в духовной семинарии, нас приглашали причастить тяжело болящую сестру одного известного (ныне уже покойного) владыки. У этой женщины был неизлечимый недуг, она многие годы не вставала с постели. Мне на всю жизнь запомнилось ее светлое лицо. В нем не было ни тени печали, хотя она очень страдала. Каждый день она вычитывала псалтирь, беседуя с ней, я не чувствовал, что нахожусь рядом с тяжело больной...

По учению святых отцов, главное, чтобы был здоров наш внутренний человек, то есть наша душа. Внешние болезни они считали за ничто и благодарили за них Бога. Даже вещи некоторых святых обладали целебной силой, хотя сами они имели смертельные недуги. Однако эти подвижники никогда не просили Господа о своем исцелении, они принимали болезни как дар Божий.

Самое тяжкое — это когда болящему приходится претерпевать боль. Но и в таких случаях отчаиваться не нужно. «Болезнь, хотя плоть твою мучит, но дух твой спасает», — полагал святитель Тихон Задонский. Ему вторил преподобный Серафим Саровский: «Кто

переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига и даже более».

Раиса Денисенко, газета «Труд» № 74
от 33.04.2004.

СТАРЕЦ ПАИСИЙ О ПРОМЫСЛЕ БОЖИЕМ

Почему мы, много раз ощутив всесилие Божие, не видим Его Промысла о нас?

Это диавольская западня. Дьявол бросает пепел в глаза человеку для того, чтобы он не видел Промысла Божия. Ведь если человек увидит Промысл Божий, то его гранитное сердце умягчится, станет чутким и произойдет в славословии. А это дьяволу не на руку.

Человек часто пытается устроить все без Бога.

Один человек стал заниматься разведением рыб и целыми днями говорил: «Слава Тебе, Боже!» — потому что постоянно видел Божественный Промысл. Он рассказывал мне, что у рыбки с момента ее оплодотворения, когда она еще малюсенькая, как булавочная головка, есть мешочек с жидкостью, которой она питается до тех пор, пока не вырастет и не станет способной самостоятельно поедать водные микроорганизмы. То есть рыбка по-

190

лучает от Бога «сухой паек»! Если же Бог промышляет даже о рыбках, то насколько больше Он промышляет о человеке! Но часто человек все устраивает и решает без Бога. «У меня, — говорит, — будет двое детей [и хватит]». С Богом он не считается. Поэтому и происходит столько несчастных случаев и гибнет столько детей. В большинстве семей рождается двое детей. Но одного ребенка сбивает машина, другой заболевает и умирает, и родители остаются бездетными.

Когда родителям, сотворцам Бога, трудно обеспечить своих детей, несмотря на прилагаемые усилия, им следует, воздев руки к небу, смиренно взыскать помощи Великого Творца. Тогда радуются и помогающий Бог, и приемлющий Его помощь человек. Будучи в монастыре Стомион, я познакомился с одним многодетным отцом. Он был полевым сторожем в одном селе Эпира, а семья его жила в Конице — пешком идти четыре с половиной часа. У него было девять детей. Путь в то село лежал через монастырь. Идя на службу и возвращаясь домой, сторож заходил в обитель. Заходя на обратном пути, он просил у меня разрешения самому зажечь лампы. Несмотря на то что, зажигая их, он проливал масло на пол, я позволял ему это, я предпочитал потом потереть пол, но не огорчать его. Каждый раз, выходя из монастыря и отойдя метров на триста, он делал

из своего ружья один выстрел. Не находя этому объяснения, я решил в следующий раз понаблюдать за ним с того момента, как он войдет в храм, и до тех пор, покуда не выйдет на Коницкую дорогу. Так я узнал, что сперва он зажигал лампы в храме, потом выходил в нартекс [западную часть храма, паперть] и зажигал лампаду перед иконой Божией Матери над входом. Потом он брал на палец масла из лампы, вставал на колени, протирал руки к иконе и говорил: «Мать Божия, у меня девять детей. Пошли им маленько мяса!» Сказав это, он мазал маслом, которое было у него на пальце, мушку на ружейном стволе и уходил. В трехстах метрах от монастыря, возле одной шелковицы, его ждала дикая козочка. Как я уже сказал, он делал выстрел, убивал ее, относил в пещеру, находившуюся чуть подалее, там свеживал и нес своим детям мясо. Это происходило каждый раз, когда он возвращался домой. Я был восхищен верой полевого сторожа и Промыслом Божией Матери. Спустя двадцать пять лет он приехал на Святую Гору и разыскал меня. Во время разговора я произвольно спросил его: «Как твои дети? Где они?» В ответ он сперва указал рукой на север и сказал: «Одни в Германии», а потом, простерев руку к югу, добавил: «А другие в Австралии. Слава Богу, здоровы». Этот человек берег в чистоте от безбожных идео-

логий и свою веру, и себя самого, поэтому Бог не оставил его.

Вверение себя Божественному Промыслу

Человек, который следит за Божиими благодеяниями, учится ставить себя в зависимость от Божественного Промысла. И потом он уже чувствует себя как младенец в колыбели, который, чуть только его оставит мать, пускается в плач и не умолкает, пока она опять не прибежит к нему. Великое дело — вверить себя Богу! Когда я только пришел в монастырь Стомион, мне было негде жить. Вся обитель была завалена строительным мусором. Возле ограды я нашел один угол, маленько прикрыл его сверху и ночи проводил там сидя, потому что лежа я бы там не поместился. Однажды ко мне пришел один знакомый иеромонах и спросил: «Слушай, да как же ты тут живешь?» — «А что, — спросил я его в ответ, — у людей мирских было больше нашего?.. Раз Матерь Божия привела меня сюда, то неужели, когда придет время, Она не позаботится о Своей обители?» И действительно, мало-помалу ведь как все устроила Пресвятая Богородица! Помню, когда мастера заливали бетоном потолочное перекрытие в сгоревших кельях, заканчивался цемент. Оставалось забетонировать еще треть перекрытия. Подходят ко мне мастера и говорят:

«Цемент на исходе. Надо класть в бетон побольше песка и поменьше цемента для того, чтобы забетонировать все». — «Нет, — сказал я им, — не разбавляйте, продолжайте, как начали». Привезти еще цемента было невозможно, потому что все мулы были на поле. Мастерам надо было два часа идти до Коницы, потом еще два часа до поля, искать там на пастбище мулов. Сколько бы они потеряли времени... А потом у людей были и свои собственные дела, прийти в другой день они бы не смогли. Смотрю: залили две трети перекрытия. Я зашел в церковку и сказал: «Владычице моя, что же теперь?! Прошу Тебя, помоги нам!» Потом вышел я из храма... И перекрытия закончили, и цемент лишний остался!

Бог использует все во благо

Иногда мы начинаем какое-то дело, и появляется целая куча препятствий. Как понять, от Бога ли они?

Рассмотрим, нет ли в этом нашей вины. Если мы не виноваты, то препятствие от Бога и служит нашему благу. Поэтому не нужно расстраиваться, что дело не сделано или затягивается с завершением. Однажды, торопясь по какому-то срочному делу, я спускался из монастыря Стомион в Коницу. На одном трудном участке дороги (я называл это место Голгофой) я встретил одного монастырско-

го знакомого, дядюшку Анастасия, с тремя нагруженными мулами. На крутом подъеме вьючные седла съехали набок, и одно животное было на самом краю обрыва — вот-вот сорвется вниз. «Бог тебя послал, отче!» — обрадовался дядюшка Анастасий. Я помог ему перевьючить мулов, потом мы вывели их на дорогу. Там я оставил его и продолжил свой путь. Прошел уже порядочный отрезок пути, как тропинка уткнулась в завал. Только что сошел большой, триста метров длиной, оползень, смявший тропу. Деревья, камни — все унесло вниз, в речку. Если бы я не задержался с мулами, то оказался бы в этом месте как раз во время оползня. «Дядюшка Анастасий, — сказал я, — ты меня спас, Бог тебя послал».

Христос с высоты видит, как действует каждый из нас, знает, когда и как Сам Он будет действовать для нашего блага. Он знает, как и куда нас повести, лишь бы мы просили у Него помощи, открывали пред Ним свои желания и давали Ему все устраивать Самому. Когда я был в афонском Филофеевском монастыре, то хотел уйти в пустыню. Я думал удалиться на один пустынный остров и уже договорился с лодочником, чтобы он приплыл и забрал меня, но в конце концов он не появился. Так устроил Бог, потому что я был еще неопытен и на пустынном острове здорово бы повредился, я стал бы там жертвой

бесов. Тогда, потерпев неудачу с островом, я загорелся желанием уйти на Катунаки. Мне была по душе Катунская пустыня, я молился о том, чтобы оказаться там, и готовился к этому. Я хотел поселиться и подвизаться рядом со старцем Петром — мужем высокой духовной жизни. Однако произошло событие, вынудившее меня поехать не на Катунаки, а в Коницу. Однажды вечером после повечерия я удалился в свою келью и допоздна молился. Около одиннадцати часов прилег отдохнуть. В половине второго ночи меня разбудил стук в монастырское било, созывавший братию в храм на полунощницу. Я попытался встать, но не смог. Невидимая сила сковала меня, и я был не в силах пошевелиться. Я понял, что происходит нечто особенное. До полудня я оставался прикованным к кровати. Я мог молиться, думать, но совсем не мог пошевелиться. Находясь в таком состоянии, я, как по телевизору, увидел с одной стороны Катунаки, а с другой — монастырь Стомион в Конице. С сильным желанием я устремил глаза в сторону Катунак, и тогда некий голос ясно сказал мне:

«Ты пойдешь не на Катунаки, а в монастырь Стомион». Это был голос Пресвятой Богородицы. «Мать Божия, — сказал я, — я просил у Тебя пустыни, а Ты посылаешь меня в мир?» И я снова услышал тот же голос, строго говоривший мне: «Пойдешь и

196

встретишь такого-то человека. Он очень поможет тебе». Я сразу же освободился от этих невидимых уз, и сердце мое преисполнилось Божественной благодати. Потом я пошел и рассказал о случившемся духовнику. «Это воля Божия, — сказал мне духовник. — Однако не говори никому об этом. Скажи, что по состоянию здоровья (а у меня тогда были кровотечения) тебе нужно удалиться с Афона, и уезжай».

Я хотел одно, но у Бога был Свой план. Я думал тогда, что воля Божия была в том, чтобы я возродил обитель в Конице. Так я исполнял и обет, данный мной Божией Матери, когда был на войне. «Мать Божия, — попросил я Ее тогда, — помоги мне стать монахом, а я буду три года работать и приведу в порядок Твою сгоревшую обитель». Но, как стало ясно впоследствии, главной причиной того, что Пресвятая Богородица послала меня туда, была необходимость помочь восьмидесяти семьям, соврашившимся в протестантство, вернуться в Православие.

Бог часто попускает чему-то произойти ради пользы многих людей. Он никогда не делает одно только добро, но по три-четыре добра вместе. И злу Он никогда не попускает случиться, если из него не произойдет много добра. Все — и ошибки, и опасности — Он употребляет в нашу пользу. Добро и зло между собой перемешаны. Хорошо бы, если

бы они были порознь, но встречаются личные человеческие интересы и перепутывают их между собой. Однако Бог извлекает пользу даже из этой путаницы. Поэтому следует верить, что Бог попускает произойти только тому, из чего может выйти добро, потому что Он любит Свое создание. Например, Он может попустить какое-то малое искушение для того, чтобы уберечь нас от искушения большего. Как-то раз один мирянин был на престольном празднике в каком-то святогорском монастыре. Там он выпил и захмелел. На обратном пути из монастыря он упал на дороге. Пошел снег, его занесло, но от винного духа в сугробе над ним образовалось отверстие. Шел мимо того места один прохожий. Увидев отверстие в снегу, он с удивлением произнес: «Это что же здесь такое? Не родник ли?» и ударил по отверстию палкой. «Ох!» — закричал пьяный. Так Бог не дал ему погибнуть.

Божии благодеяния пробивают брешь в сердце

Бог хочет нашего произволения, нашего благого расположения, проявляемого пусть даже и немного, но любочестным подвигом. Также Он хочет, чтобы мы сознавали свою греховность. Все остальное дает Он. В духовной жизни не требуются бицепсы. Будем смиренно подвизаться, просить милости Божией и за все Его благодарить. Над человеком, ко-

198

торый без всякого собственного плана отдает себя в руки Божии, исполняется план Бога. Насколько же человек уцепился за свое «я», настолько он остается позади. Он не преуспевает духовно, потому что препятствует Божией милости. Для того чтобы преуспеть, требуется многое доверие Богу.

В каждое мгновение Бог любовью Своей ласкает сердца всех людей, но мы не чувствуем этого, потому что наши сердца покрыла накипь. Очистив свое сердце, человек умиляется, тает, сходит с ума, видя благодеяния и доброту Бога, равно любящего всех людей. За тех, кто мучается, такому человеку больно, за тех, кто ведет духовную жизнь, он испытывает радость. Если любочестная душа размыслит об одних лишь благодеяниях Божиих, то они могут взметать ее ввысь, а что говорить, если она размыслит о множестве своих грехов и о многом благоутробии Божиим! Если душевные очи человека очистились, то он, видя Божию заботу [о себе и других], чувствует и переживает весь Божественный Промысл своим чутким обнажившимся сердцем, он тает от благодарности, он становится сумасшедшим в добром смысле этого слова. Потому что Божии дары, когда человек ощущает их, пробивают брешь в сердце, разрывают его. И затем, когда, лаская любочестное сердце, Божия рука прикасается к этой бреши, человек внутренне взмечается, а его

благодарение Богу становится большим. Те, кто подвизается, чувствуя как собственную греховность, так и благодеяния Божии, и вверяет себя Его великому благоутробию, возводят свои души в рай с большей надежностью и меньшим телесным трудом.

Благодарность Богу за малое и многое

«Я верю, что Бог поможет мне», — говорят некоторые, но при этом стараются накопить денег для того, чтобы не испытывать никакого лишения. Такие люди насмеются над Богом, потому что вверяют себя не Ему, а деньгам. Если они не перестанут любить деньги и полагать на них свою надежду, то они не смогут возложить свою надежду на Бога. Я не говорю, что людям не нужно иметь каких-то сбережений на случай нужды, нет. Но не следует полагать свою надежду на деньги, не нужно отдавать деньгам свое сердце, потому что, поступая так, люди забывают Бога. Человек, который, не доверяя Богу, строит собственные планы, а потом говорит, что так хочет Бог, «благословляет» свое дело по-диавольски и постоянно мучается. Мы не осознали того, насколько силен и добр Бог. Мы не даем Ему быть хозяином, не даем Ему управлять нами и поэтому страдаем.

На Синае, в келье святой Епистимии, где я жил, воды было совсем чуть-чуть. В одной

200

пещере, примерно в двадцати метрах от кельи, из расселины в скале по капле сочилась вода. Я сделал маленький водосборник и набирал по три литра воды за сутки. Приходя за водой, я подставлял железную банку и, пока она наполнялась, читал акафист Пресвятой Богородице. Я немножко смачивал голову, только лоб, это помогало мне, так посоветовал один врач, набирал немного воды для питья, в отдельную баночку набирал немножко водички для мышек и птичек, живущих при моей келье. Для стирки и прочих нужд я использовал эту же самую воду из пещеры. Какую же радость, какое благодарение испытывал я за ту немногую воду, которую имел! Я славословил Бога за то, что у меня была вода.

Потом, когда я приехал на Святую Гору и ненадолго поселился в Иверском скиту, там, поскольку сторона была солнечная, недостатка в воде не было. Там была одна цистерна, вода из которой переливалась через верх. У! Я мыл и голову, и ноги, но... старое позабылось. На Синае на мои глаза, от благодарности за малую воду, наворачивались слезы, а здесь, в скиту, от изобилия воды я впал в забывчивость. Поэтому я ушел из этой кельи и поселился подальше, метрах в восьмидесяти, где была маленькая цистерна. Как же теряется, как забывается человек от изобилия!

Мы должны полностью, безусловно, верить себя Божественному Промыслу, Божией воле, и Бог попечется о нас. Один монах пошел как-то вечером на вершину горы, чтобы совершить там вечерню. По пути он нашел белый гриб и возблагодарил Бога за эту редкую находку. На обратном пути он хотел срезать этот гриб и приготовить его себе на ужин. «Если миряне станут спрашивать меня, ем ли я мясо, — рассуждал в своем помысле монах, — то я могу сказать им, что ем каждую осень!» Возвращаясь в каливу, монах увидел, что, пока он читал вечерню, на гриб наступило какое-то животное, и целой осталась только половина. «Видно, — сказал монах, — столько мне надо съесть». Он собрал то, что осталось, и поблагодарил Бога за Его Промысл, за половинку гриба. Чуть пониже он нашел еще полгриба, нагнулся, чтобы срезать и восполнить недостаток для ужина, но увидел, что гриб трухлявый (возможно, он был ядовитым). Монах оставил его и снова возблагодарил Бога за то, что Он уберег его от отравления. Вернувшись в каливу, монах поужинал половиной гриба. На следующий день, когда он вышел из дома, его глазам открылось чудесное зрелище. Повсюду вокруг каливы выросли прекрасные грибы, и, увидев их, монах снова возблагодарил Бога. Видите, он возблагодарил Бога за целый гриб и за половинку, за

хороший и за плохой, за один и за много. Он был благодарен за все.

Добрый Бог подает нам щедрые благословения, и Его действия направлены нам на пользу. Все имеющиеся у нас блага — это Божии дары. Он все поставил на службу своему созданию — человеку. Он сделал так, чтобы все — и животные, и птицы, и малые, и великие, даже растения — жертвовали собою ради него. И Сам Бог принес себя в жертву для того, чтобы избавить человека. Не будем же равнодушны ко всему этому, не будем ранить Его своей великой неблагодарностью и бесчувствием, но станем благодарить и славословить Его.

Миссионерский Листок № 157, Свято-Троицкая
Православная Миссия Copyright © 2005,
Holy Trinity Orthodox Mission.

КАК СВЯТОЙ ЕФРЕМ СИРИН ПРИШЕЛ К УБЕЖДЕНИЮ В БЫТИИ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ

Св. Ефрем имел в юности небезупречный характер: часто сердился, был нетерпелив. Образ мыслей его был также не совсем крепок. Он, например, не мог убедиться в существовании Божественного Промысла. Но Бог наставил его и исправил. Вот что об этом го-

ворит сам св. Ефрем. «В юности, когда меня тревожило сомнение, я однажды отправился за город, запоздал там и остался ночевать вместе с пастухом овец в лесу. Ночью напали на стадо волки и растерзали овец. Когда пастух объявил хозяевам о случившемся, те не поверили, обвинили меня в краже овец и отправили к судье. В то же время приведен был к судье и другой юноша, обвиняемый в тяжком преступлении. Судья отложил разбирательство дела и отправил обоих нас в темницу, где я нашел еще одного юношу.

В темнице я узнал, что заключенные со мной юноши также обвинены несправедливо, и еще более начал сомневаться. Семь дней провел я в темнице, все думая о Промысле Божиим, и наконец увидел во сне человека, который сказал мне: «Перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе узнаешь, что заключенные с тобой юноши страдают по заслугам».

Пробудившись, я начал внимательно перебирать в мыслях все свои поступки и нашел, что когда-то давно в том же селении со злым намерением выгнал из загона корову одного бедного селянина, и она была растерзана зверями.

Когда я рассказал сон и вину двум юношам, то и они проверили свою прошедшую жизнь и припомнили за собой нехорошие дела. Один вспомнил, что видел тонувшего

в реке человека и не спас его, хотя мог это сделать, а другой — что присоединился однажды к обвинителям одной вдовы, имевшим намерение лишить ее отцовского наследства. Теперь только я убедился, что Бог все знает, обо всем печется и посылает наказания по заслугам. С этого времени я дал обещание исправить свою жизнь». И действительно, трудами и строгим наблюдением за своими поступками Ефрем уничтожил все худые наклонности своего характера и достиг высокой степени святости. (Четьи-Минеи)

НЕОБЪЯСНИМЫЕ ЧУДЕСНЫЕ СПАСЕНИЯ

Едва ли есть человек даже среди неверующих, который бы не пережил хоть один раз в жизни таинственного явления вроде вещего сна или необъяснимой случайности, сберегшей его жизнь. Только чаще люди не оглядываются назад, забывают, а то даже стараются и не заметить.

Почти каждого из нас в течение земного странствования постигают такие трудные обстоятельства, такие тяжкие, не поддающиеся врачебному искусству болезни, что, по мнению освободившихся от них, спасение или выздоровление можно объяснить только чудом Божьего милосердия. Глубокое осмысле-

ние подобных событий убеждает всякого, что Промысл Божий в этих случаях свое милосердие к уповающим на него людям проявляет самым простым образом, но с такой непостижимой действительностью, что ясно указывает им на милующую их десницу.

Сам Господь хранит детей

В житии великого подвижника Божия Саровского старца о. Серафима мы находим поразительный случай Промысла Божия, охраняющего младенцев. Прохору, так звали о. Серафима в миру, было всего семь лет. Его благочестивая мать, во исполнение завещания своего покойного мужа, усердно занималась построением приходской Сергиевской церкви, сама следила за работами и для осмотра постройки нередко поднималась на самый верх здания. Раз она взяла с собой и семилетнего отрока Прохора на самый верх строившейся тогда колокольни. Занятая осмотром работ мать не заметила, как малютка отошел от нее, оступился и с высоты упал на землю. Пораженная ужасом мать сбежала с колокольни, воображая, что найдет сына своего разбитым до смерти, но какова же была ее радость, когда она увидела его целым и невредимым: дитя уже стояло на ногах! Нет нужды говорить, что все признали это спасение мальчика особенным чудом Божиим и прославили дивную силу Божию, охраняющую детей.

нящую невинных детей в минуты смертной опасности. Кто благоговейно внимает путям Промысла Божия, тот нередко может видеть подобные проявления Божией милости к детям, которых Ангелы-хранители, по слову Самого Господа, всегда видят лицо Отца Небесного и ограждают детей от опасности. Над юным Прохором сбылось слово Писания: «на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою» (Пс. 90, 12).

Вот еще подобный рассказ из жизни известного нашего историка-писателя Николая Михайловича Карамзина. Будучи десятилетним мальчиком в один жаркий летний день читал он книгу под тенью старого дуба в лесу, а его дядька-старик сидел на траве неподалеку от него. Вдруг нашла грозная туча, блеснула молния, загредел гром и полил дождь. Старик звал мальчика домой. Мальчик неспешно пошел с ним к дому. Гроза усиливалась. Не прошел он и нескольких шагов, как из лесной чащи выбежал медведь и прямо бросился на него. Мальчик шел в задумчивости и вовсе не видел опасности. Еще минута, и он был бы в лапах лютого зверя; но в это самое время грянул страшный гром, какого мальчик еще никогда не слыхивал; ему показалось, что небо над ним обрушилось, что молния как бы обвилась вокруг его головы... Он закрыл глаза, упал на колени и только мог сказать: «Господи!» Прошло полминуты, он взглянул и видит

перед собой убитого молнией страшного медведя. Долго мальчик стоял на коленях, не скоро он мог прийти в себя, наконец он устремил глаза на небо и, несмотря на черные, густые тучи, как воочию видел сердцем, чувствовал присутствие там Бога Спасителя. Полились слезы из очей его — слезы глубокой, горячей благодарности Господу за спасение жизни. Он сам описал этот случай и в заключение своего рассказа говорит: «Читатель, верь или не верь, но этот случай не выдумка!»

Медицинская сенсация нашего времени

Случай, произошедший в 2003 году в провинциальном американском городке Маунти-Вью (штат Арканзас), попал в газеты всего мира — ведь подобного еще никогда не бывало. 12 июня 1984 года шофер-автомеханик Терри Уоллис разбился на машине, из-за многочисленных травм головного мозга впал в кому. Больше года врачи надеялись, что пациент придет в себя. «А потом нам объявили, что шансов на благополучный исход ноль», — рассказывает мать Терри Энджели Уоллис. Однако случилось чудо. В 2003 году парень очнулся! Спустя 19 лет. С точки зрения медицины это было невероятно. Ученые принялись изучать феномен «воскресения» Терри Уоллиса. И сейчас объявили о сенсационных результатах исследования.

От парня ушла жена вместе с дочкой — в день аварии малышке было всего полтора месяца. Но родители-фермеры — продолжали верить. И, влезая в долги, упорно оплачивали содержание сына в окружном медицинском центре. Зря говорят, что каждый американец сейчас имеет пожизненную медицинскую страховку — ни у Терри, ни у его родителей таковой по бедности не было.

В общем, Уоллис-старший вкалывал за троих, а мать и дочка Терри Уоллиса Амбер, когда подросла, ежедневно по несколько часов проводили в местной церкви, молясь за выздоровление сына и отца. Врач-христианин Джеймс Зини, который все эти годы наблюдал за больным, не исключает, что именно молитвы в итоге помогли его пациенту.

Потому что через 19 лет человек-«овощ» Терри Уоллис очнулся!

— Он открыл глаза, посмотрел на меня и отчетливо произнес «мама», — вспоминает миссис Уоллис. — От неожиданности я споткнулась. Потом Терри сказал «пепси». Не знаю, хотел ли он пить. Но третьим его словом было «молоко».

После почти двух десятилетий, проведенных в коме, еще никто не воскресал. Конечно, у парня за время лежания полностью атрофировались мышцы, и до сих пор он плохо ходит. Но память восстановилась практически полностью. Он поддерживает беседу и даже

шутит. Врачи не исключают, что со временем он сможет стать абсолютно самостоятельным человеком.

У ученых и медиков объяснения происходящему нет. Впрочем, и в Божественное вмешательство они не верят. Мол, давайте изучать больного.

Но мистикам и верующим случившегося уже достаточно, чтобы увидеть знак Провидения. Мало того что парень вернулся к нормальной жизни после почти двух десятков лет болезни. Так еще это произошло точно день в день через 19 лет после трагедии: 12 июня 1984 года он впал в кому, 12 июня 2003 года — очнулся.

Кому этого совпадения мало, есть еще одно: Терри Уоллису было 19 лет, когда он попал в аварию и стал «овощем». И именно 19 лет он провел в таком состоянии.

Случай с чудесным выздоровлением оказался настолько уникальным, что доктор Николас Шифф и его коллеги из медицинского колледжа Корнельского университета следующие три года потратили на изучение и попытки понять, что помогло выздороветь Терри Уоллису. И сенсационные результаты его работы были опубликованы в начале июля этого года в научном журнале *New Scientist*.

Ученые применили все известные способы сканирования мозга и даже разработали несколько новых.

В результате оказалось, что взамен разрушенных нейронных цепей в мозге Уоллиса появились новые — с точки зрения науки это фантастика.

— Уоллис постепенно вырастил иные цепочки в своем мозге, причем их форма и расположение не соответствуют обычной анатомии, — удивляется доктор Николас Шифф. — Если сравнивать мозг со сложной компьютерной системой, то получается, что мозг Терри создал альтернативные схемы функционирования, не копируя те сети, что погибли при аварии, а строя новые там, где получилось.

Более того, исследования, проведенные через два месяца после «воскресения» Терри и спустя еще 18 месяцев, показали: некоторые из новых нейронных цепей исчезли, а другие, наоборот, «окрепли». И чем активнее возвращается Терри Уоллис к полноценной жизни, тем быстрее активизируются новые нейронные цепи. Словно бы мозг путем проб и ошибок создает себя заново.

Удивленная таким результатом группа доктора Шиффа исследовала мозг еще нескольких мужчин, много лет находившихся в коме или вегетативном состоянии. Но ни у кого из них никаких подобных процессов в мозге не замечено.

Ученые сейчас продолжают наблюдать за Уоллисом.

— Пока ясно только одно: произошедшее отодвигает прежде известные нам границы возможностей мозга к саморемонту. Но почему и в каких случаях это происходит, мы пока не знаем.

Секретарь по взаимоотношениям Церкви и общества отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Михаил Дудко говорит:

— У больного человека в мозге образовались новые нейронные структуры. Это и в самом деле противоречит всем существующим физическим законам природы. Значит, возможно, речь идет о чуде. Произошедшее — загадка для ученых. Но в христианстве понятие «чудо» хорошо известно. В некоторых случаях Бог творит чудеса в рамках законов природы, придуманных Им же, а в некоторых идет наперекор. Как в истории с Терри Уоллисом, когда Господь услышал молитвы матери.

Как говорил Иисус Христос в Нагорной проповеди: «Просите, и дано вам будет; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

В благочестивых семействах можно слышать о многих еще более изумительных чудесах, которыми благодать Божия спасает человека от неминуемой по-видимому гибели и подает неожиданное исцеление болящим.

Облагодетельствованные сверхъестественным действием Божией благодати рассказывают о подобных событиях, к сожа-

лению, только в семейном своем кругу для утверждения родных в уповании на Бога. Из посторонних же немногие и то разве близко знакомые с ними иногда слышат об излитых на те семейства чудесах Божией благодати вследствие теплых, например, молитв пред чудотворными иконами или мощами угодников Божиих.

Чудесные случаи спасения верующих в Америке

Трагедия, потрясшая Америку 11 сентября 2001 года, накрыла своей страшной волной многих прихожан Русской Зарубежной Церкви, проживающих в Нью-Йорке, Вашингтоне и предместьях этих городов. Многие прихожане Русской Зарубежной Церкви работали в зданиях Всемирного Торгового Центра, атакованных террористами, или в соседних небоскребах. Можно засвидетельствовать множество случаев чудесного спасения верующих. Приведем несколько красноречивых примеров.

Староста синодального Знаменского собора в Нью-Йорке Владимир Кириллович Голицын должен был в этот день приехать на встречу в район террористических актов в Нью-Йорке, но по Промыслу Божию он на встречу не поехал.

Рабе Божией Александре Охотиной была назначена деловая встреча в день трагедии

во Всемирном Торговом Центре. Когда она подъехала к месту встречи, то стала очевидцей пожара и обвала зданий, но ее жизнь по милости Божией была спасена.

Сергей Конозенко незадолго до террористических актов в Нью-Йорке проходил собеседование в фирме, расположенной на 107-м этаже ВТЦ. По милости Божией Сергею отказали в работе. 11 сентября все сотрудники этой фирмы, находившиеся во время теракта в офисе, погибли. Жизнь Сергея была спасена.

Внук епископа Бостонского Митрофана Сергей Жохов должен был в день террористических актов проходить собеседование в одной из фирм на 45-м этаже второго рухнувшего здания. За день до этого Сергей по личным обстоятельствам переменял дату собеседования в фирме и таким образом был спасен от гибели.

Одна прихожанка синодального Знаменского собора рассказала, что почему-то в тот день проспала и не пошла на работу в офис, находившийся в одном из обрушившихся небоскребов.

Дочь иерея Всеволода Дутикова Лариса должна была ехать на учебу в школу, расположенную в нескольких кварталах от Всемирного Торгового Центра. Однако она не смогла в тот день поехать учиться, так как у нее дома случились неожиданные технические неполадки.

В атакованных террористами небоскребах в момент взрыва находились несколько чад нашей Церкви.

Иподиакон Вадим Арефьев и Сергей Малое находились в подземной части здания и благополучно спаслись. Сергей вспоминает, что, когда он вышел из здания, то буквально на голову падали люди и обломки здания. Сергей побежал от здания, а навстречу ему двигалась довольно плотная толпа зевак, которые хотели подойти поближе и посмотреть, что происходит.

Внучка протоиерея Сергия Черткова — Елена — находилась на 20-м этаже охваченного пожаром здания. Попытавшись вместе с другими людьми спуститься вниз, она обнаружила, что двери лестницы на каждом этаже заперты. Людей спасали пожарные, поднимавшиеся снизу и открывавшие двери. Люди спускались вниз, а пожарные продолжали подниматься все выше и выше... пока здание не обрушилось.

У пожарного раба Божия Илии в тот день «случайно» был выходной. Более двадцати его близких товарищей по работе погибли в здании ВТЦ.

В непосредственной близости от рухнувших небоскребов находились очень многие наши прихожане, среди них полицейский Николай Чернавский, Михаил Иордан, Георгий Герингер, Петр Лопухин, сын протоиерея Ге-

оргия Ларина Иоанн Ларин. Все они пережили нравственное потрясение от увиденного. До того, как здания рухнули, с верхних этажей, охваченных пожаром, прыгали и разбивались насмерть многие несчастные жертвы трагедии, так что улицы вокруг были усеяны трупами и частями тел.

К приведенным случаям следует добавить еще одно «совпадение». Сын протоиерея Игоря Гребинки Дмитрий, работающий в здании Пентагона, за месяц до сентябрьских террористических актов был отправлен в командировку в Косово. Родственники переживали, что Дмитрия отправляют в такое опасное место. Но Промысл Божий распорядился иначе, оказалось, что смерть ожидала многих служащих, находившихся 11 сентября в Пентагоне.

Предполагают, что среди погибших были новоприехавшие русские эмигранты, возможно, являвшиеся прихожанами нашего синодального собора. С достоверностью известно по крайней мере об одном таком человеке. К священнику Андрею Соммеру, служащему при Синоде, обратилась с просьбой о заочном отпевании вдова трагически погибшего раба Божия Георгия. Георгий, по профессии плотник, был на деловой встрече на 107-м этаже Всемирного Торгового Центра и не смог выйти из охваченного пожаром здания.

Несмотря на горечь трагических событий, прямо или косвенно задевших всех ньюйорк-

216

цев, в том числе и русских православных, мы со страхом Божиим и смирением должны признать великую милость Божию в отношении чад нашей Русской Зарубежной Церкви. Очень многие наши собратья поистине чудесным образом были спасены во время страшных событий, вызванных террористическими актами.

Нужно ли говорить, к чему нас это обязывает? Тем, кто 11 сентября видел смерть в лицо, ничего объяснять не нужно. Они поняли, как обманчива земная жизнь с ее мимолетными удовольствиями, как важно всегда помнить о часе смертном и быть готовыми дать ответ пред Престолом Всевышнего Судии...

Каждому из нас необходимо задуматься о милости Божией, вновь проявленной к нам. Будем же дорожить Православием, ради которого, как верится, и помиловал многих из нас Господь... (Инок Всеволод (Филипьев) Свято-Троицкий монастырь, Джорданвилль, США, журнал «Русский Дом», № 1, 2002.)

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ ПО УЧЕНИЮ ИСААКА СИРИНА

Способы Промышления Божия

Нередко иной, не зная, идет путем, где есть лютый зверь, или убийцы, или что-нибудь подобное; и вот общий Промысл Бо-

жий состоит в том, что он спасает его от такого вреда: или, пока не пройдет мимо лютый зверь, чем-нибудь замедляет шествие путника, или встречается ему кто-нибудь и заставляет уклониться от пути. И еще, иногда лютый змий лежит на пути — и невидим; но Бог, не желая предать человека такому искушению, делает, что змий начинает вдруг шипеть и шевелиться или ползти впереди путника, и он, увидя это, остерегается и спасается от змия. Хотя и недостойн этого человек по тайным грехам, известным ему одному, однако же Бог отводит его от беды по милости Своей. И еще случается нередко, что падают дом, или стена, или камень, с шумом подвинувшись с места своего, а там сидят иные, и Бог человеколюбиво повелевает Ангелу остановить и удерживать от падения место это, пока не встанут сидящие там или пока чем-нибудь не отведет их, так что никого не останется на месте; и едва отойдут они, немедленно попускает упасть. А если и случится, что иной будет застигнут, делает так, что не терпит он никакого вреда. Ибо этим хочет показать бесконечное величие силы Своей.

Почему мы не сразу получаем просимое от Бога?

Если просишь чего у Бога и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же это с

218

тобой или потому, что недостойн ты получить просимое; или потому, что пути сердца твоего не соответственны, но противны прошениям твоим; или потому, что не пришел ты еще в меру, чтобы принять дарование, которого просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие, от скорости приятия оно, не сделалось бесполезным; потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, приобретенное с болезнью сердечною, и хранится с осторожностью.

Кто печется о духовном или о чем-нибудь служащем духовному, тому доставляется и телесное без попечения о том, сколько и когда то нужно. А кто печется о телесном сверх потребности, тот невольно отпадает от Бога. Если же мы постараемся иметь попечение о том, что служит к славе имени Господня, то Господь попечется о том и о другом (духовном и телесном) по мере подвига нашего.

Ангелы как орудия промысла Божия

Нужно ли говорить о подвижниках, чуждых миру сему, и об отшельниках? Они пустыню сделали градом, обратили в селение и обитель Ангелов. К ним, по благоустройству жития их, всегда приходили Ангелы и, как слуги единого Владыки, иногда соратуюя, пребывали с теми, которые все дни жизни своей любили пустыню и из любви к Богу имели жилища свои в горах,

вертепах и пропастях земных. И так как они, оставив земное, возлюбили небесное и сделались подражателями Ангелов, то и сами святые Ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего и исполняли всякое желание их, по временам же являлись им, научая, как надлежит им жить, а иногда объясняли то, в чем недоумевали они. Иногда же сами святые вопрошали их, о чем надлежало; иногда Ангелы наставляли на путь тех из них, которые заблуждались; иногда избавляли тех, которые впадали в искушения; иногда, при внезапной беде и угрожающей опасности, исхищали их от этого, спасая, например, от змея или от (падения) скалы, или от стрелы, или от брошенного камня; иногда, если враг явно нападал на святых, являлись видимым образом, и говорили, что посланы на помощь к ним, и придавали им смелость, отважность и отраду; а в иное время совершали чрез них исцеления, иногда же исцеляли самих святых, подвергшихся каким-либо страданиям; иногда телам их, изнемогшим от неядения, прикосновением руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрепляли их; иногда же приносили им пищу, хлеб и даже овощи или какие-либо другие с хлебом вкушаемые снеди; и некоторым из них объявляли время, а иным — и образ их преставления. И нужно ли перечислять многое, чем доказывается любовь к нам святых Ангелов и всевозможное

попечение их о праведных? Они промышленяют о нас, как старшие братья о младших. Сказано же сие, чтобы всякий мог понять, что «близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине» (Пс. 144, 18), и видеть, каково промышление Его о тех, которые посвятили себя на благоугождение Ему и от всего сердца Ему следуют.

Скорби — знак попечения Божия

В отношении телесного Бог нередко попускает, чтобы добродетельные искушаемы были чем-либо, и попускает, чтобы отовсюду восставали против них искушения: поражает их в теле их, как Иова, ввергает их в нищету, делает так, что отступают от них люди, поражает их в том, что приобретено ими (лишает их имущества); только к душам их не приближается вред. Ибо невозможно, чтобы, когда идем путем правды, не встретились с нами печаль, тело не изнемогало бы в болезнях и страданиях и пребывало бы неизменным, если только возлюбим жить в добродетели. Если же человек проводит жизнь по воле своей, или предаваясь зависти, или губя душу свою (греховной жизнью), или делая что-либо иное вредное для него, то подлежит он осуждению. А когда пойдет он путем правды и совершает уже шествие свое к Богу и имеет многих подобных себе и встречается с ним что-либо таковое (т. е. скорбное), то не

подобает ему уклоняться от стези своей, но должен он с радостью, без пытливости, принимать это и благодарить Бога, что послал ему благодать сию и что сподобился он ради Бога впасть в искушение и соделаться сообщником в страданиях с пророками, апостолами и прочими святыми, ради пути сего и претерпевшими скорби. От людей ли, от демонов ли, от тела ли придут на него искушения (невозможно же, чтобы пришли и были попущены без Божия мановения), да будет сие для него поводом к праведности! Ибо невозможно, чтобы Бог возжелавшему пребывать с Ним оказал благодеяние как-нибудь иначе, а не послав на него искушения за истину, потому что человек не может сам собою, без благодати Христовой, сподобиться сего величия, т. е. за Божественные сии труды войти в искушение, — и возрадоваться. Об этом свидетельствует святой Павел. Ибо столь велико дело сие, что апостол явно называет дарованием, когда человек уготовляется пострадать ради надежды на Бога. Павел говорит: «вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1, 29). Так и святой Петр написал в Послании своем: «если и страдаете за правду, то вы блаженны» (1 Пет. 3, 14), потому что соделались общниками страстей Христовых. Наконец, не надлежит тогда тебе радоваться, когда живешь пространно, в скорбях же

посуплят лицо, и почитать их чуждыми пути Божию. Ибо стезя его (пути Божии) от века и от родов крестом и смертью пролагается. А у тебя откуда такая мысль? [т. е. что скорби чужды пути Божию]. Из этого следует, что ты вне пути Божия — удаляешься от него. По стопам ли святых хочешь идти, или намереваешься устроить себе иной, особенный путь и по нему ходить, не страдая?

Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на него, живя прохладно (с ослаблением себе). О пути же прохладном знаем, где он оканчивается. Богу неуютно, чтобы беспечным был тот, кто Ему предал себя всем сердцем. Попечение же его должно быть об истине. А из этого познается, что под Божиим он Промыслом, когда Бог непрестанно посылает ему печали.

Никто не может вредить нам без воли Божией

Будь уверен, что Хранитель твой с тобою, и мудрость твоя во всей точности да удостоверит тебя, что вместе со всеми тварями и ты состоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и колеблет, и укрощает, и устраивает. Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов без попущения обо всех Промышляющего и всем Управляющего. Ибо ни демоны, ни губительные звери,

ни порочные люди не могут исполнить воли своей во вред и пагубу, если не попустит этого изволение Правящего и не даст ему места в определенной мере. А если бы не было этого, не осталась бы в живых никакая плоть. Господь не позволяет, чтобы к твари Его приближалась власть демонов и людей и исполняла на ней волю свою. Поэтому говори всегда душе своей: «У меня есть оберегающий меня Хранитель, и ни одна из тварей не может явиться предо мною, разве только будет повелено свыше».

Без испытаний нельзя познать и ощутить помощь Божию

Когда Божественная благодать утвердит мысли человека, чтобы во всем уповал он на Бога, тогда мало-помалу начинает он входить в искушения. И благодать попускает, чтобы насылаемы были на него искушения, соответственные его мере, чтобы понести человеку тяжесть их. И в этих искушениях ощутительно приближается к нему помощь, чтобы не страшился он, пока не обучится постепенно, и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих. Ибо умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него — невозможно, как только по силе выдержанного им испытания.

Как скоро благодать усмотрит, что в помысле человека начало появляться некоторое самомнение и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтобы усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не прибегнет к Богу и не прилепится к Нему со смирением. Этим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь-то Бог силу Свою показывает в спасении его.

Тайная помощь Божия

Господь не во всякое время, когда Он близок к святым Своим, в помощь им без нужды явно показывает силу Свою в каком-либо деле и чувственном знамении, чтобы оказываемая им помощь не сделалась бесполезной и не послужила к какому-нибудь вреду. И делает это, промышляя о святых и желая показать им, что и на час не прекращает тайного Своего о них попечения, но во всяком деле предоставляет им, по мере сил, показать свой подвиг и потрудиться в молитве. Если же дело препобеждает их трудностью, то, когда изнемогут они и не в силах будут совершить дела, потому что недостаточна к тому природа их, Сам совершает по величию державы Своей; и, как Сам знает, получают

они надлежащую помощь, и, сколько можно, укрепляет их втайне, пока не укрепятся против скорби своей. Ибо делает, что ведением, какое дарует им, разрешаются многообразные скорби их, и разумением онаго побуждает их к славословию, полезному в том и другом случае. Если же дело требует обнаружения явной помощи Божией, то ради нужды делает и это; и способы Его бывают самые премудрые, достаточные в скудности и в нужде, а не какие-либо случайные.

Не изнемогай в уповании на Промыслителя своего, потому что дивно домостроительство Его в присных Ему. Ибо в необитаемой пустыне не человеческими руками устраивает он дела живущих упованием на Него.

Когда Господь попускает многие искушения?

Если Господь посетит тебя в телесном без твоего труда, когда подвизаешься в попечении о душе своей, то по ухищрению убийцы — диавола — возникает тогда в тебе помысл, что причина всего этого промышления, без сомнения, в тебе самом. И тогда вместе с этим помыслом прекращается промышление о тебе Божие, и в тот самый час устремляются на тебя весьма многие искушения: или от оставления тебя Промыслителем, или от возобновления болезней и недугов, восстающих в теле твоём. Бог прекращает попечение

Свое не за одно возникновение помысла, но за то, что ум останавливается на этом помысле. Ибо не наказывает и не судит Бог человека за невольное движение, если и согласимся на время с помыслом. Ежели в тот же час отвергнем в себе страсть и явится в нас сокрушение, то Господь не взыскивает с нас за такое нерадение; взыскивает же за нерадение, которому действительно предается ум так, что взирает на это бесчувственно и признает это чем-то должным и полезным, а не почитает его опасной для себя заботой.

Будем же всегда молиться Господу так: «Христе, полнота истины, да воссияет в сердца наших истина Твоя, и да познаем, как по воле Твоей ходить путем Твоим!»

Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические.
Сергиев Посад, 1911.

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Господи Боже, упование мое от юности моей
На Тебе утверждался я от утробы;
Ты извел меня из чрева матери моей;
Тебе хвала моя не престанет.

(Пс. 70, 6)

Так молился царственный пророк, с одной стороны, вспоминая с благодарением о бес-

численных благодеяниях Божиих, явленных над ним в течение всей дивной его жизни, от пастушеского посоха до царского скипетра, с другой — вручая всецело водительству вседействующего Промысла Божия остаток жизни своей — дни старости и оскудения крепости сил: «И до старости, и до седины не оставь меня, Боже, доколе не возведу силы Твоей роду сему и всем грядущим могущества Твоего». И святое упование на Бога Помощника не посрамило Давида. Много бедствий тяготело над главой его; но и многою славою вознаграждено его терпение. Много скорбей испытала святая душа его; но много и утешений небесных, много святых радостей вкусило его сердце.

Бог Давидов есть Бог каждого и всех; всегда близкий к избранным, Он не далек и от каждого из нас; «ибо мы Им живем и движемся и существуем». Храня как зеницу ока жизнь избранных Своих, Он с той же отеческой благодатью хранит и жизнь каждого человека; ибо «в Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти» (Иов 12, 10). И если есть что-либо особенно утешительного и поучительного в земной, страннической жизни нашей, то это мысль о благотворных и спасительных действиях Промысла Божия о нас, всегда бодрствующего над нами и никогда не оставляющего нас от рождения и до смерти.

Сокровенны и таинственны, дивны и непостижимы эти действия Божественного промысления о нас. Непостижимы потому, что пути Божии отстоят от путей человеческих, как небо от земли. Сокровенны от того, что мы созданы свободными, предназначены действовать собственным разумом и волей: потому премудрый Творец и Промыслитель наш, дабы не нарушить этого преимущества, скрывает от нас Свое вседейственное присутствие; подобно как воспитатели таятся иногда от детей, чтобы дать им возможность обнаружить свои наклонности и привычки, свои способности и характер. Таинственны для того, чтобы размышление о них питало бессмертный дух наш целую вечность, возносило ум наш от видимого и временного к невидимому и вечному. Впрочем, и при всей сокровенности Промысла Божия нельзя внимательному оку не приметить Его действий; при всей непостижимости путей Божиих нам дано видеть, куда ведут они нас и к чему вследствие того обязываемся мы.

Можно ли, в самом деле, не видеть непрестанного промысления Божия о нас, присматриваясь с разных сторон к нашей жизни?

И во-первых, что такое сама жизнь наша? Это непрестанно льющийся поток, который все мы видим и ощущаем, но которого не объяснил еще никакой мудрец: все мы видим течение его, но не видим ни входа, ни исхода

его; все наслаждаемся струями его, но никто не может ни задержать или обратить вспять, ни ослабить или усилить их течение. Откуда же струится этот дивный поток, как не из приснотекущего Источника жизни, который один «имеет жизнь в Самом Себе»?

Что есть жизнь наша? Это беспрестанно разгибающийся свиток, листы которого вращаются один за другим невидимой для нас рукой. Нам дозволено своими мыслями и чувствованиями, желаниями и делами вписывать в них известные письма: но не в нашей власти переменить или загладить вписанное; нам нельзя обратить назад ни одного перевернувшегося листа, нельзя приподнять закрытого, чтобы видеть что-либо вперед. Чья же дивная рука держит сей таинственный свиток, как не всемогущая десница Вседержителя? Чей невидимый перст вращает в нем непослушные воле нашей листы, как не державный перст Господень? Что есть жизнь наша? Это таинственное сочетание невидимого с видимым, бессмертного со смертным, духа с плотью, мысли с брением. Чья могущая десница образовала мертвую персть в живое прекрасное тело? «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Какою силою содержится непостижимая для ума человеческого связь души с телом? В руке Господней душа всех

230

живущих и дух всякого человека (Иов 12, 10). Что же значит после этого всякое мгновение жизни нашей, каждое дыхание уст, как не дар милости и благодати Божией? Что значит продолжение жизни нашей, как не очевидное явление непрестанно действующей в нас присносущной силы Господней?

Не менее очевидно является благодать Божия и в подаянии нам всего, что нужно для продолжения временного бытия нашего на земле. Вот, например, питательный знак, которым поддерживается и укрепляется мое тело. Как возникает этот живой и нежный знак из недр мертвой и грубой земли? По всемогущему слову Господню: «да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1, 11). Пока живоносное слово сие действует на землю, она не перестанет произращать многообразные знаки на службу человеку: если же отымет Господь благословение Свое, то никакое искусство человеческое не произведет из мертвой и сухой персти ни одной малой былинки. Мы бросаем в землю только голое семя: «но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело» (1 Кор. 15, 38). Ибо какая мудрость низведет на землю благодотворный дождь, когда Господь заключит небо и сделает его над главою нашей медяным? Кто повелит воссиять солнцу, если не

повелит ему сиять Отец Небесный? Какое искусство исцелит воздух, если Господь повелит ему дышать смертью? Воистину, Господи, «отверзаешь руку Твою — насыщаются благом; скроешь лице Твое — мнутся, отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются» (Пс. 103, 28–29).

Присмотримся наконец и к так называемым случаям, обстоятельствам и отношениям житейским; и сквозь них виден тот же вседействующий перст Господень. Долго ли, например, будет покровительствовать мне сильный человек, от которого зависит судьба моя? Сколько Господь Бог продлит собственную его жизнь; «выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают [все] помышления его» (Пс. 145, 4), а с тем погибнут и все мои надежды. Долго ли будет гнать и преследовать меня мой злобный и непримиримый враг? Доколе попустит ему Господь Бог, который властен отнять у него не только силы и средства вредить мне, но и саму жизнь, который силен избавить меня, когда нужно, не только от человека лукавого, но и от печи огненной. Долго ли мое искусство и трудолюбие будет доставлять мне средства к жизни? Доколе Господь Бог будет поддерживать и укреплять мои силы, не попустит повергнуться мне на одре болезни: «ибо в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания» (Прем. 7, 16). Надолго

ли послужат мне приобретенные мною сокровища? Доколе попустит владеть ими Господь и Владыка живота моего, доколе не постигнет меня гнев Божий и не лишит всего; доколе не поразит меня страшный глас: «в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 20). Воистину, один «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает, из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего» (1 Цар. 2, 7–8). Господь разрешает узников, Господь отверзает очи слепым, Господь восставляет согбленных, Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев, поддерживает сироту и вдову, а путь нечестивых извращает (Пс. 145, 7–9).

Само собой разумеется, что столь многообразные действия премудрости и благодати Божией не могут не иметь какой-либо особенно важной и благотворной цели. Цель эта есть спасение наше во Христе Иисусе. Для этой цели мы и созданы во Христе на дела благие, да в них ходим, чтобы творением добрых дел стяжать наследие вечной жизни. Для этого Господь наш Иисус Христос просветил нас Своим Божественным словом, освятил нас святыми и спасительными таинствами, положил за нас душу Свою, пролил честнейшую кровь Свою во избавление наше. Для этого иногда продолжает и хранить временную жизнь нашу, как необходимое поприще пока-

яния и исправления, подвигов и добродетелей; иногда, напротив, поспешно восхищает неких от среды живых, чтобы злоба не изменила разума их или коварство не прельстило души их (Прем. 4, 11). Для этого, соединяя различно и премудро пределы сожителства человеческого, Он предписывает каждому определенный путь жизни, устанавливает каждого на своем месте, назначает каждому свой круг деятельности, дарует каждому необходимое число талантов для применения. Для этого, наконец, Господь не оставляет человека и тогда, когда тот по неведению или по злобе сердца отвращается от Него, даже идет вопреки намерениям Промысла Его. Он, милосердный, то обилием даров благодати Своей влечет к Себе заблуждающегося, ударами гнева Своего возбуждает усыпленного, то более или менее поразительными событиями в жизни вразумляет непокорного. Как этот порочный человек живет так долго — до последних пределов глубокой старости? Его хранит милосердный человеколюбивый Господь, ожидая покаяния обращения его: «живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11). Зачем так рано — в расцвете лет похищен смертью этот благонравный юноша, который подавал о себе столь прекрасные надежды? «Как благоугодивший Богу, он возлюблен, и, как

живший посреди грешников, преставлен. Восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его, ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия» (Прем. 4, 10–11, 14). За что человеку, без трудов и забот, в таком обилии течет богатство? Ему посылает милосердный Господь для того, чтобы он имел по крайней мере средство приобрести себе друзей богатством неправедным, которые приняли бы его в вечные обители; чтобы имел возможность искупить милостынями грехи свои и за тленные стяжания приобрести сокровище вечной жизни. За что человеку суждено нести всю жизнь свою тяжкое бремя убожества и нищеты? Так судила ему премудрость Божия, чтобы он стяжал душу свою в терпении. За что в таком озлоблении и оклеветании, тесноте и скорби сей добродетельный и праведный муж, по справедливости достойный лучшей участи? Это знак особенной любви к нему Отца Небесного: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 6). Для чего? «И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы» (Прем. 3, 5): «ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4, 17). Для чего иногда так внезапно и неожиданно и так, по-видимому, разновремененно пре-

секаются нежнейшие узы родства и дружбы внезапной и неожиданной смертью? Это милосердный Отец Небесный пресечением временных удовольствий возбуждает дух наш к исканию вечного блаженства; отторгая сердце от земных пристрастий, влечет его к Небу, где наше вечное жилище; разлучает между собой кровных родственников и друзей на время, чтобы лучше приготовить их к вечному соединению на Небе. Так благотворны, так спасительны и плодоносны действия Промысла Божия и тогда, когда Он является нам не с дарами счастья временного, а с ударами гнева Своего, усыпает путь жизни нашей не цветами, а терниями.

Отсюда понятно и то, к чему обязывает нас мысль о спасительном промыслении Божиим о нашей жизни — к благодарному прославлению близости Божией, твердой уверенности и живому упованию на Промысл Божий, тщательной внимательности к собственной своей жизни. Ибо как не благодарить и не славословить бесконечную любовь Отца Небесного, от Которого приемлем все — от собственного дыхания до малейшей окружающей нас вещи? Можно ли не быть уверенным в непреложности обетований Того, Который есть самая истина, Которого обетования суть ей и аминь, Которого слова не прейдут и тогда, когда прейдет самое небо и земля. Можно ли не предаться совершенно всеблагому про-

236

мышлению Отца Небесного, когда мы знаем, что и отцы земные, «будучи злы, умеют даяния благие давать детям, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 11)? Если Отец Небесный, по бесконечной любви Своей, не пощадил ради нас и Единородного Сына Своего? Как не быть внимательными к своей жизни, которая вся пред очами Бога вездесущего и всеведущего, всемогущего и правосудного, каждое мгновение которой подается нам, как талант, для благого употребления Законоположителем и Судьей вселенной?

Впрочем, эта святая вера в Бога-помощника, эта преданность святой воле Его, это внимательное хождение пред Богом во всех путях жизни сами в себе заключают высокую награду даже и в этой жизни, которая вся, по намерению Промысла Божия, есть только время делания и трудов, а не воздаяния и наград, производят то, всеми искомое и никем, кроме истинных христиан, не обретаемое благодущие, душевное спокойствие и мир сердечный, в самых тяжких искушениях и превратностях жизни, которым удивляемся в святых Божиих. Чьи это хвалебные торжественные гласы раздаются в глубокую полночь под мрачными сводами темницы Коринфской? Это Павел и Сила, славословящие Господа в узах и темнице, торжествующие в скорбях, радующиеся в страданиях. Отчего

они радуются? От того, что уверены совершенно, что и власть главы их не погибнет без воли Отца Небесного, что им «жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1, 21), что Отец Небесный, подавая временный крест, приготавливает за него неувядаемый венец славы на Небе. Кто этот дивный муж, вне града, среди гниющих отбросов славословящий Господа? Это праведный Иов, лишившийся имущества и жилища, детей и здоровья, отверженный всеми. Почему он не плачет в такой бедствии? Потому что верует, что даровавший ему все Господь может не только вознаградить сторицей все потери, но и воскресить от персти самую плоть его, терпящую страдания и болезни: «неужели, — рассуждает он, — доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 2, 10; 1, 21).

Кто этот человек, смущенный и растерзанный скорбью, который не ест хлеба и не пьет воды, и сон бежит от очей его? Это роскошный Ахав, Царь Израилев. Чего недостает его удовольствию, серебра или золота, драгоценных одежд или усладительных снедей, великолепных покоев или пышного ложа? Всего много и с избытком; недостает только малого виноградника Навуфеева! Стоит ли, скажете, такая малость скорби? Но что же делать, когда эта малость есть идол его сердца, предмет

его желаний и надежд? Когда ни ум, ни сердце его не имеют других, высших желаний и надежд, которыми вознаграждалась бы всякая земная потеря, восполнялось бы с избытком всякое лишение; когда он не видит над собою покровы небесного, под которыми одним мы можем быть совершенно спокойны.

Значит, от нас самих зависит, воспользоваться спасительными действиями Промысла Божия для внутреннего, духовного покоя в жизни временной и вечного упокоения в Боге на небе; или, напротив, произвольно лишиться этого счастья. Будем благодарны Господу, дающему благо нам, и Он не пощадит для нас ничего, сделает для нас все. Будем уповать на вседействующий Промысл Его о нас и, уповая, ходить по заповедям Его со страхом и трепетом — и Он избавит нас от всех бед и скорбей: ибо, как ни «много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь» (Пс. 33, 20).

Из книги «Промысл Божий в жизни человека».
Издание Афонского Русского Пантелеимонова
монастыря, 1896.

Глава 4

ДЕЙСТВИЕ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ОБРАЩЕНИИ ГРЕШНИКОВ

Все пути Промысла Божия о роде человеческом для всякого поучительны. Каждое действие Божественное есть урок, которым человек должен, если может, воспользоваться к собственному наставлению и утешению.

Еще поучительнее и нужнее для человека-грешника наблюдать пути Промысла Божия в обращении подобных ему грешников. Здесь-то преимущественно Бог, промысляющий о роде человеческом, является любвеобильным Отцом, который не хочет смерти самого преступника Его закона, с неизреченной любовью взыскует погибшего и всеми мерами премудрости Своей ведет к Своему возлюбленному Сыну, который Един воскрешает мертвых, исцеляет болящих, спасает погибающих. И человек, если не хочет подвергнуть-

ся вечной гибели, должен совершенно предаться водительству Божию, по крайней мере не идти явно вопреки намерениям Его. Для этого он должен научиться различать пути, которыми благодать Божия ведет его к покаянию; должен узнавать глас благодати Божией, дабы с усердием внимать ему.

Но при размышлении о действиях Промысла Божия в отношении к роду человеческому не нужно забывать, что каждое действие Божие всегда носит на себе печать непостижимости и таинственности; иначе оно ничем не отличалось бы от действий человеческих. Чтобы вполне постигнуть эти действия, надлежало бы проникнуть в самое начало их, которое сокрыто в таинстве сокровенных советов Божиих; «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11, 34). При этом в обращении каждого грешника у Промысла Божия есть особый образ действий, сообразный личным свойствам человека и обстоятельствам, в которые он поставлен. Потому исчислить и указать все возможные пути, которыми благодать Божия ведет грешников к спасению, значило бы посягнуть на невозможное. Не стараясь разъяснить непостижимое или исчислить неисчислимое, мы сделаем одно общее обозрение разнообразных путей Промысла Божия в обращении грешников, основанное на опытах людей обращенных, дабы видеть (насколько можно видеть): как

действует Бог в обращении грешника и как должен действовать человек-грешник, чтобы действия благодати беспрепятственно достигали своей цели. Нет нужды напоминать, что не удовлетворения любопытству, а существенной пользы душевной нужно искать в подобных размышлениях.

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский и Одесский. О путях Промысла Божия в обращении грешников и о путях покаяния для обращаемых. М. 1900.

КАК ДЕЙСТВУЕТ БОГ В НАПРАВЛЕНИИ ГРЕШНИКА НА ПУТЬ ИСТИНЫ

Выразительными чертами описывает Слово Божие несчастное состояние человека-грешника. То представляет его погруженным в глубокий, мертвенный сон, который чем продолжительнее, тем становится глубже и непробуднее: необходима посторонняя сила, чтобы прервать этот неестественный сон; нужно взывать крепким гласом: «встань, спящий!» (Еф. 5, 14). То прямо называет его мертвым (Лк. 15, 24, 32; Еф. 2, 1). Это показывает, что грешник до того успевает привыкнуть к своему несчастному состоянию, что вовсе не почитает его плохим, не чувствует

своей бедности, живет в совершенном спокойствии и беспечности.

Эта мрачная картина греховного усыпления всегда и у каждого перед глазами. Во все времена замечали, что не много идущих по трудному и неровному пути к Царствию Божию; большая же часть рода человеческого блуждает по распутьям, которых много устроил хитрый враг и которые все гладки и приятны по виду.

Возбудить грешника от этого губельного усыпления, нарушить его смертный покой, открыть перед ним ужасную бездну погибели, в которую он час от часу ниспадает глубже, привести в сознание своего несчастного состояния, поселить опасение и страх и таким образом пробудить в нем желание спасения — есть дело Божие: Бог один производит в нас и хотение, и действие по Своему благоволению (Флп. 3, 13). И к этому-то направлены все призывания и гласы неисповедимой любви Божией; для этого Иисус Христос стоит у двери сердца всякого грешника и стучит (Откр. 3, 20).

Дело это по существу своему всегда одинаково: ибо всегда состоит в пробуждении грешника от усыпления, в обращении сердца его от греха к благодати, от ада к Небу, от диавола к Богу. Но в приложении к каждому человеку в частности, в отношении к средствам, помощью которых производится, — разнообразится до бесконечности. Каждый

человек, кроме общей всем порчи, имеет в своем греховном состоянии нечто свое личное, ему одному принадлежащее; потому и обращение каждого имеет в себе нечто особенное. С другой стороны, нет вещи в мире и происшествия в жизни, которые в руках Промысла Божия не могли бы служить средствами к пробуждению грешника: отсюда и пути Промысла в обращении грешников разнообразны также до бесконечности. Впрочем, при всем разнообразии есть некоторые общие виды действий благодати Божией, которые могут быть указаны.

Промысл Божий вообще любит как бы скрывать свои действия в обыкновенных действиях природы и даже в случайных действиях свободы человеческой, направляя те и другие к благим целям своей Премудрости. Но иногда законы естественные становятся недостаточными к достижению этих целей, и обыкновенный круг событий не вмещает полноты действий Божественных: тогда рука Божия употребляет силы высшие, действует необыкновенно, сверхъестественно. Потому действия благодати Божией в обращении грешников или, правильнее сказать, возбуждения грешника от сна греховного бывают или необыкновенные — чудесные, или обыкновенные — естественные.

Святая вера говорит нам, что вместе с тем, как Единородный Сын Отца Небесного вос-

244

принял на Себя дело искупления падшего рода человеческого, все небеса подвиглись, так сказать, на это великое дело неизреченной любви Божией; слуги Божии соделались служебными духами, «посылаемыми на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1, 14). Любвеобильный Отец Небесный, не пощадив Единородного Сына для спасения грешников, не щадит и всего могущества Своего для вразумления их и обращения к Своему Сыну. И общая история рода человеческого, и частная история жизни некоторых людей единогласно свидетельствуют, что нельзя почти представить ничего чудесного, чего не было бы употреблено Богом для возбуждения грешников, и не было почти чуда, которое было бы сотворено не для этой цели. Иногда Отец Небесный богатством необыкновенных благодетаний и даров Своих хочет взыскать и привлечь к Себе заблуждающихся чад Своих. Чего только не сделал Он, чтобы обратить к Себе сердца жестоковых израильтян, в которых египетское рабство до того погасило веру в Бога, что и после многократных чудес они сомневались еще, «говоря: есть ли Господь среди нас, или нет?» (Исх. 17, 7). Рукой крепкой и мышцей высокой извел Он их из Египта, разделил море и сокрыл от преследования фараона, в бесплодной пустыне питал их хлебом небесным, поил водой из камня. Весь этот ряд

чудес направлен был к тому, да увидят, как говорит Сам Бог, «что Я Господь, Бог ваш» (Исх. 16, 12). С явлением на земле Сына Божия любовь Его излилась, так сказать, в благодетельных чудесах. Иисус Христос и Сам во время земной жизни Своей более всего привлекал к Себе сердца людей чудесным благодетельствованием несчастным, так что большая часть первых его последователей были люди, освобожденные Им от неисцелимых болезней и мучительства бесов; и, посылая учеников Своих на проповедь, заповедал им: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10, 8); и этим-то путем в краткое время привлечены ко Христу многие тысячи последователей. Рука Божия не сокращается и донине в подвиге чудесных благодеяний: история чудотворных икон и чудодейственных мощей святых Божиих в Церкви Христовой свидетельствует, что любовь Божия и ныне, как и всегда, обилием благодеяний своих возбуждает грешников искать Бога, пока не ощутят Его и не найдут, «хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян. 17, 27); и есть, без сомнения, люди, которые внемлют гласу Божию и, при чудесном врачевании тела, начинают врачевать душу свою покаянием.

Кроме этого, в Четьи-Минях можно найти много примеров, показывающих, что Господь

246

неоднократно привлекал к Себе сердца людей неожиданным и чудесным избавлением от каких-либо опасностей.

Иногда Господь Бог останавливает грешника на пути беззакония какими-либо необыкновенными случаями в жизни, которые тем глубже проникают в душу, чем внезапнее и неожиданнее поражают ее. Грешница Мария, привлеченная любопытством в Иерусалим, вместе с другими идет в храм, где находилось животворящее древо Креста Господня; но неизвестная сила воспрещает ей вход и отрывает грешницу от церковного порога. Несколько раз, всегда с новым усилием, она возобновляла свои попытки, и столько же раз неведомая сила отрывала ее: церковный порог при всем усилии оставался для нее недоступным. Пораженная чудом, она невольно углубилась в самую себя, стараясь открыть причину странного явления. Благодать Божия, ожидавшая, так сказать, этой минуты, озарила ум ее, и она, увидев, с одной стороны, бездну греха, в которой находилась, с другой — бездну милосердия Божия, доселе щадившего ее и долготерпеливо ожидавшего ее обращения, в слезах раскаяния пала пред иконою Богоматери, призывая Пресвятую Деву во свидетельство искренности своего покаяния.

Иногда Иисус Христос, как бы не полагаясь на силу и действительность всех средств к

возбуждению грешника, является Сам, чтобы удержать его от дальнейшего преуспеяния в беззакониях; или являет знаменья Своего присутствия, которые дают понять грешнику, что сам Господь хотя невидимо, но непрестанно присущ ему, видит все мысли и дела его. Гонитель Савл, дыша угрозами и убийством на учеников Господних, отправляется в Дамаск, чтобы находящихся там христиан привести в Иерусалим. Свет небесный внезапно озаряет гонителя на пути. Сам Господь Иисус говорит ему кротким гласом: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» И Савл уже не гонитель; он готов быть тем, кем угодно Господу: «Господи! что повелишь мне делать?» (Деян. 9, 1–6). Юный военачальник Неаний, отправленный Диоклетианом из Антиохии в Александрию для преследований и мучений находившихся там христиан, путешествуя ночью, внезапно при ясном небе остановлен был ослепительным блеском молнии: «Куда идешь и против кого ты вооружился, Неаний?» — воззвал к нему неведомый глас. «Иду, по повелению царскому, убивать верующих в Распятого», — отвечал трепещущий военачальник. «Неаний! И ты против меня?» — продолжал прежний глас. «Но кто ты, Господи?» — спросил в смятении Неаний. Знамение креста из света и слова: «Я — Иисус распятый» были ему ответом. Смятенный и трепещущий военачальник пал на лице своем и сделался

христианином. Император Константин (язычник) перед осадой Рима, вероятно, недоумевал о судьбе наступающего сражения, но явившееся на небе знамение креста с надписью «Этим побеждай» возбудило в нем веру в силу креста; а вера сделала его победителем и христианином.

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский и Одесский. О путях Промысла Божия в обращении грешников и о путях покаяния для обращаемых. М. 1900.

ПРИМЕРЫ ЧУДЕСНЫХ ОБРАЩЕНИЙ ГРЕШНИКОВ

Чаще всего и обыкновеннее Бог вразумляет грешника или наставляет обращающегося различными явлениями во время сна. Сон отлучает на время душу человека от всего невидимого; оттого душа самого рассеянного человека в состоянии сна бывает спокойнее, а потому способнее к принятию благих впечатлений. И эти-то минуты благодать Божия употребляет к тому, чтобы душу грешника, естественно уединившуюся на некоторое время от мира, отторгнуть от него навсегда и обратить к Богу.

Примеры чудесных сновидений, которые служили побуждением к обращению грешников, многочисленны в истории. «Ничтоже тебе

и Праведнику Тому, — говорила Пилату жена его, когда он слушал неправедные доносы на единого не сотворившего зла, — ныне во сне много пострадала за Него» (Мф. 27, 19). Когда Авимелех, царь Герарский, взял к себе Сарру, жену Авраама, то «пришел Бог к Авимелеху ночью во сне и сказал ему: вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа» (Быт. 20, 3). Патермуфий — язычник, разбойник и гробокопатель, — чтобы обокрасть жившую уединенно девственницу, в начале ночи скрылся наверху дома и там, в ожидании благоприятного момента, нечаянно заснул. Во сне предстал ему некий световидный муж, облеченный в царскую одежду, и, строго обличая его злодеяния, требовал, чтобы он сделался христианином и пустынноником, угрожая в противном случае жестокой казнью. Устрашенный грозным видением Патермуфий немедленно по пробуждении принял Св. Крещение и удалился в пустыню.

Замечательно в этом отношении начало юродства св. Андрея Юродивого. Удачная борьба во сне со страшным Эфиопом и награждение от Ангела драгоценными вещами с обещанием еще больших наград вызвали его на трудное поприще юродства; а видение Бога в образе славного Царя укрепило его на этом поприще.

Иногда, наконец, как бы для опытного удостоверения грешника в том, что ожидает его

после смерти, Бог переносит на время душу его в другой мир посредством обмороков, и, поднимая завесу, скрывающую от нас состояние душ умерших братьев наших, показывает грешнику, какие страшные истязания и муки ожидают его за гробом. Опыт показывает, что видения, соединенные с обмороками, глубоко проникают в сердце грешника, сильно потрясают его душу и почти всегда сопровождаются решительной переменой жизни. Исихий Хоревит, живя среди пустынников, долго и упорно скрывал под одеждой иноческой сластолюбивое сердце. Ни увещания братии, ни пример строгой жизни их не действовали на лицемера: от первых он ограждался личиной добродетели, тщательно утаивая свои слабости; к последнему огрубевшее сердце было совершенно равнодушно. Благодать Божия проникла, однако же, и сквозь эту кору лицемерия. После часового обморока, в продолжение болезни, Исихий провел двенадцать лет в затворе в самых строгих подвигах покаяния.

Нет, впрочем, нужды исчислять и описывать все виды чудес, которыми любовь Божия возбуждает грешников от их усыпления и беспечности. Довольно и этого краткого указания на некоторые виды чудесных обращений, чтобы увидеть, как Отец Небесный, не желающий смерти грешника, готов употребить все, только бы вразумить заблуж-

давшихся чад Своих и обратить их на путь покаяния. Опыт свидетельствует, что это попечение Божие о грешниках не остается без плода: самые ожесточенные и упорные враги Царства Христова становятся нередко первыми слугами этого Царства, живыми членами Тела Христова. Во все времена можно заметить то же, что заметил Ориген в свое время. Многие как бы против воли своей обратились к христианству. Какая-то неизвестная сила истребила в душе их ненависть к христианскому учению и вдохнула им ревность жертвовать за него своей жизнью, представив душе их в бодрственном состоянии или во сне известные образы. Мы знаем много примеров, но не хотим описывать их: ибо, несмотря на то, что мы были очевидцами, неверующие стали бы смеяться над нами; они подумали бы, что мы выдумываем подобные истории. Но Бог свидетель нашей совести, мы не хотим утверждать Божественного учения Иисусова вымыслами. Но, с другой стороны, нужно заметить, что Бог и не расточает чудес там, где они не нужны и бесполезны (Лк. 23, 8–9). Желать видеть знамения и чудеса значит уже не доверять всемогуществу Божию, а в таком состоянии люди не способны и недостойны видеть чудес (Мф. 16, 4); такие люди, если бы и увидели, что кто-то воскрес из мертвых, не поверили бы (Лк. 16, 31). Обыкновенный и всегдашний образ действия Про-

252

мысла Божия есть путь естественный; употреблять малые и обыкновенные средства к достижению великих и спасительных целей есть постоянный закон премудрости Божией. В этом отношении все и в человеке, и вне его так устроено, все происшествия жизни человеческой так располагаются Верховной Мудростью, что все направлено к одной главной цели — все служит к возбуждению и обращению грешника, ибо у Промысла Божия нет другой цели, кроме спасения человека.

И во-первых, человек в самом себе постоянно слышит неумолкающий глас Божий; это совесть, которая всегда напоминает ему о необходимости обратиться к Богу и оставить жизнь греховную. Правда, грешник нередко успевает до того заглушить свою совесть, что она остается безмолвною свидетельницей и самых злодеяний его. Но зато и в жизни злодеев бывают минуты, когда совесть их, как бы по особенному велению Божию, с силой восстает против них, преследует их терзаниями и муками, так что, по слову Писания, «бежит нечестивый, когда никто не гонится за ним», и таким образом приводит к раскаянию.

В Египте был некто разбойник Моисей, за чрезвычайную силу телесную и особенную наглость и жестокость товарищи избрали его начальником своей шайки. Половину жизни Моисей провел в постыдном ремесле своем. Казалось, что огрубевшее в злодеяниях серд-

це уже не способно было принять когда-либо тихие внушения благодати Божией. Но внезапно пробудившаяся совесть своими терзаниями сокрушила сердце Моисея: он оставил прежних товарищей своих злодеяний, тайно от них ушел в монастырь и там подвигами покаяния удивил самых строгих подвижников. Подобный Моисею разбойник в пустыне Еромпольской, Давид, почувствовав упреки совести и размыслив о своем гибельном состоянии, оставил все, почти насильно принудил игумена одного монастыря постричь себя в монашество и путем строжайшего воздержания и смирения вошел на такую высоту духовного совершенства, что сподобился чрез Архангела получить от Господа прощение грехов своих и дар чудотворений.

Другой неумолкающий глас Бога, зовущего грешников к покаянию, есть Святое Слово Его, переданное нам в Священном Писании. Сколько оно сильно было в устах самых богодухновенных мужей, показывает пример св. апостолов. Одна проповедь св. Петра обратила ко Христу и привела в раскаяние три тысячи слушателей (Деян. 2, 14–41). Проповедь св. Павла побеждала строптивую мудрость еллинов, изнеженность и сластолюбие роскошных римлян, буйство и упорство жестоковых иудеев. Но и переданное письменно, оно сохраняет свою силу: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого

меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4, 12); всегда полезно «для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3, 16). Чтение Слова Божьего преобладает в людях самые закоренелые предрассудки, истребляет самое жестокое упорство. Еврей, невинно заключенный в темницу, для рассеяния скуки попросил у тюремного стража какую-нибудь книгу. У последнего был только Новый Завет, который тотчас и подан был еврею. Еврей сначала бросил книгу с негодованием; но потом в какой-то степени от скуки, отчасти из любопытства, а может быть, с намерением посмеяться над христианами начал читать ненавистную ему книгу. Простота и живость повествований св. евангелистов, привлекательность характера описываемого ими лица скоро приохотили еврея к дальнейшему чтению. Он прочитал всю книгу с удовольствием; повторил еще раз и потом, не рассуждая более, объявил намерение креститься. Иногда одно нечаянно услышанное выражение Св. Писания потрясает душу человека и производит решительную перемену жизни.

Св. Антоний, когда жил еще в своей деревне и в семействе, пришел некогда в храм во время чтения Евангелия; первые слова, коснувшиеся его слуха, были следующие:

«если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19, 21). Антоний тотчас же вышел из церкви и, возвратившись домой, раздал имение свое и удалился в пустыню.

Подобное действие производят на душу церковные обряды и священнодействия, особенно когда совершаются с торжественностью и благоговением или если сами обряды имеют в себе нечто поразительное. «Не знаем, — говорили послы Владимировы, бывшие в Константинопольском храме при служении Патриарха, — не знаем, на земле или на небе мы были тогда: ибо на земле нет такой красоты и благочиния; не можем всего объяснить, только знаем, что Бог там пребывает». В особенности же простые, солью растворенные Слова Божии и с участием сердца произносимые при богослужении, поучения пастырей Церкви бывают орудиями благодати Божией к возбуждению грешников к покаянию. И, что особенно чудно, семя Слова Божия падает нередко на сердце таких людей, которые приходят в Церковь с рассеянной душой, с холодным и бесчувственным сердцем, не по внутреннему влечению и желанию получить пользу и назидание для души, а по какому-то безотчетному инстинкту или просто для рассеяния. Один развратный юноша завлечен был другими в

256

церковь послушать певчих, но здесь услышал проповедь о блудном сыне. Ему казалось, что проповедник говорил именно о нем и даже смотрел на него, произнося проповедь. Несколько раз он покушался выйти из Церкви; но не смел тронуться с места. Прослушав проповедь до конца, он вышел уже в слезах раскаяния и благодарил Бога, вразумившего его.

Видимая природа, служа постоянно свидетельницей славы Божией, провозвестницей Его благодати и премудрости, бывает нередко проповедницей покаяния для людей, забывающих о Творце Своем. Взгляд на небо, усеянное звездами, всегда умиротворяет душу, предрасполагает ее к впечатлениям благим и мирным, возбуждает в сердце чувство благоговения к величию и премудрости Творца. Но иногда это чувство бывает так живо и сильно, что служит началом решительного обращения души к Богу. Юная дочь язычника, тщательно воспитываемая в идолопоклонстве, взирая на небо, убеждается в ничтожности идолов, которым поклонялся отец ее: сердце ее ощущает бытие Бога истинного, хотя уста не умеют произнести Его имени; и когда христианский священник открыл ей имя Отца Небесного и возлюбленного Его Сына, юная дева охотно предала жизнь свою за Бога, Которого сердце ее возлюбило еще прежде, нежели уста могли изречь Его имя.

В особенности же некоторые грозные явления природы сильно поражают сердце и закоренелых грешников. Летописец Зонар рассказывает об императоре Анастасии (который взошел на престол ослепленного им Филиппика и принадлежал к числу иконоборцев), что он всякий раз при ударах грома содрогался до иступления. Подобное действие оказывают на душу произведения искусств, в которых изображается или предмет веры, или какое-либо трогательное событие из Священной Истории. Долго философ греческий убеждал князя Владимира к принятию христианской веры; слова его не оказывали заметного действия на сердце язычника; но один взгляд на картину Страшного Суда довершил победу над его сердцем.

Один германский богослов, закоренелый натуралист, зайдя в дом к простому гражданину, увидел картину, изображавшую Распятие Иисуса Христа, на которой находилась следующая надпись: «Вот что Я для тебя сделал! Что же сделал ты для Меня?» Трогательное изображение Распятого и слова «что сделал ты для меня?» так потрясли сердце натуралиста, что он не мог удержать слез, ушел поспешно в дом свой и оплакал свои заблуждения.

Наконец, вся жизнь человека от рождения до смерти, со всеми ее обстоятельствами и переменами, есть не что иное, как непрерыв-

258

ная цепь различных действий Промысла Божия, направленных к тому, чтобы отвратить грешника от пути его и привести в благодатное Царство Христово. Нет мгновения, когда находились бы мы вне благодатного Промысла Божия; нет поэтому ни малейшего случая в жизни нашей, который не зависел бы от воли Божией; но единственная воля Божия о нас есть святость наша. Потому в каждом обстоятельстве жизни нашей, сколь бы ни казалось оно малым, можно и должно усматривать перст Божий, возбуждающий нас от греховного усыпления. И опыт показывает, что все происшествия жизни (великие и малые) служат в руках Промысла Божия действительным средством к возбуждению беспечных грешников. История представляет много тому примеров.

Случается видеть, что человек с переменой должности в кругу гражданском или местожительства изменяет и образ жизни и поведения; особенно когда перемена во внешней его жизни случается неожиданно и против воли. Внезапно постигающие бедствия всегда почти обращают сердце к Богу. Нечестивый Манасия, царь Иудейский, отведенный пленником в Вавилон, «стал умолять лице Господа Бога своего и глубоко смирился пред Богом отцов своих и помолился Ему» (2 Пар. 33, 12–13). Покаяние его принято; возвращенный на царство, он старался всю по-

следующую жизнь загладить следы прежнего нечестия. Несправедливые притеснения от других и другие несчастья, или так называемые неудачи, обращают внимание людей на самих себя и нередко побуждают обращаться к Богу с искренним раскаянием. «Вместе с положенным на меня крестом, — пишет некто о самом себе, — началась новая жизнь моя. Я все сделал, что от меня зависело, по внешнему человеческого благоразумия, чтобы обнаружить терпимую мною несправедливость: писал, объяснял, просил суда, рассмотрения. Оставленный людьми без внимания и без ответа, я прибегнул к Богу и начал в глубине души моей предаваться Его святой воле. Вот как вечно действующая Любовь рассудила за благо привлечь меня к Себе, по ожесточению моего сердца и мерю жестокою. Входя в себя и рассматривая мое отношение к Творцу моему, я увидел с удивлением, что я не Богу поклонялся, но тварям и миру, наполнявшим все пространство моего сердца, так что для Бога и места не было; познал оскорбительную для Бога самость мою и ужаснулся. Одним словом, я увидел мое окаянство и ухватился за Спасителя, взывая: «Благо мне, Господи, яко смирил меня еси! Обрати меня и обращай, спаси меня и спасусь!»»

Непредвиденная удача, счастливое окончание важного и трудного дела, избавление от великой опасности невольно обращают серд-

це с благодарностью к Богу; но бывают случаи, когда такое временное обращение к Богу делается началом обращения постоянного.

Военачальник Петр (после названный Афонским) взят был в плен сарацинами и заключен в темницу. Там, рассматривая жизнь свою, он вспомнил, что не раз давал обет посвятить себя Богу, но не исполнил его по нерадению, и начал со слезами молиться Богу. Освобожденный чудесно из темницы, не возвращаясь уже в свой дом, ушел в гору Афонскую. Приятные или неприятные случаи семейной жизни чем чувствительнее для сердца, тем глубже трогают его, тем скорее располагают к раскаянию.

«Я родился в Фиваиде, — говорит о себе преподобный Павел Фивейский, — имел сестру, которую родители мои еще при жизни своей выдали замуж за язычника. Пред кончиною своей они разделили нам свое богатое имение. Корыстолюбивый зять мой, по кончине родителей, чтобы воспользоваться принадлежащей мне частью имения, решился предать меня, как христианина, нечестивому князю на мучение. Видя, что ни сестрицыны слезы, ни родственный союз не действуют на корыстолюбивое сердце зятя, и чувствуя угрожающую мне опасность, я оставил все и удалился в сию пустыню».

В одной местности в Египте был земледелец по имени Павел, за незлобие и простоту

названный впоследствии Препростым. Семейная жизнь его протекала мирно до преклонных лет. Но легкомыслие супруги его нарушило спокойствие благословенного семейства. Павел, случайно узнав о неверности своей супруги, оставил ее и дом свой и удалился в пустыню к св. Антонию.

Нечаянные встречи и случайное обращение с людьми, до этого неизвестными, преимущественно с людьми благочестивыми, нередко приводят в раскаяние упорных грешников. Одна развратная женщина встретила нечаянно с другой, неизвестной ей женщиной, несшей на руках умершего сына. Несчастливая мать в отчаянии и скорби, не зная, что делать, повергает мертвого младенца в объятия грешницы и, припадая к стопам ее, просит воскресить умершего. Пораженная этой встречей грешница невольно признается в грехах своих, почитает себя недостойной не только чуда, но и того, чтобы воззреть на небо и раскрыть уста свои на молитву к Богу. Но безутешная мать, думая, что она отречется по смирению, повторяет свою просьбу. Тогда грешница упала на землю, в слезах исповедала грехи свои и, сознавая себя недостойной милости Божией, молилась, чтобы Бог умилосердился над печальной матерью. Младенец ожил в руках ее, и обе женщины прославили Бога, приемлющего покаяние грешников.

Другой не менее замечательный пример рассказывает Иоанн Мосх в своей книге «Лимонар». «Два старца, — пишет он, — шли из Эгов в Тарс: на дороге для успокоения от полуденного зноя зашли в гостиницу. Тут нашли они трех развратных юношей и с ними столь же распутную женщину. Старцы, не обращая внимания на них, сели в отдалении, и один из них начал, по обыкновению, читать Евангелие. Благоговейный вид благочестивых мужей, их кротость и смирение возбудили внимание в женщине; она приблизилась к старцу, читавшему Евангелие, и начала слушать чтение. Старец сказал с негодованием: «Ты слишком уж бесстыдна, несчастная: как не постыдилась ты подойти и сесть возле нас?» — «Не отгоняй меня, отец мой, — отвечала в смущении женщина. — Хотя я преисполнена всех грехов, но Владыко всех, Господь и Бог наш, не отверг и блудницу, пришедшую к Нему». — «Но она с того времени не была уже блудницей», — возразил пустынный. «Уповая на Сына Бога живого, — воскликнула раскаивающаяся грешница, — отныне и я не пребуду во грехе».

Преимущественно сильное впечатление на душу производят геройские нравственные поступки других. Твердость и мужество, с которыми древние мученики исповедовали имя Христово среди самых жестоких мук, часто возбуждали в свидетелях их мучений — языч-

никах — решимость сделаться христианами и пролить кровь за истину. «Когда я услаждался учением Платона, — говорит о себе христианский философ св. мученик Иустин, — и слышал клеветы на христиан, и между тем был свидетелем их неустрашимости в виду самой смерти, то находил невозможным, чтобы они вели жизнь порочную».

Неожиданное ласковое обращение людей благочестивых, или облеченных высоким достоинством нередко сильнее угроз и наказаний трогает сердце самых закоренелых злодеев. Разительный пример этому рассказывает Климент Александрийский о некоем юноше, обращенном св. Иоанном евангелистом. По нерадению епископа, которому св. Иоанн поручил для наставления этого юношу, он сблизился с порочными сверстниками, скоро привык к невоздержанию и разврату. Не имея средств для наслаждений чувственных, он приучился к воровству и, наконец, собрав несколько развратных товарищей, убежал с ними в горы и сделался главарем разбойничьей шайки. Св. Иоанн, узнав об этом, пошел сам в горы искать заблудшего. Стражи разбойничьей шайки схватили св. старца и привели к своему начальнику, который, по обыкновению, встречал пленных в вооружении, но едва узнал в пленнике Иоанна, смутившись от стыда, бросился бежать. Св. Иоанн, забыв старость и бессилие, пре-

264

следовал бегущего, крича вслед ему: «Сын мой! Зачем бежишь от меня, отца твоего? Зачем утруждаешь меня напрасно? Остановись, помилуй меня, слабого и немощного старца! Остановись, не бойся! Я буду отвечать за тебя пред Богом; я душу положу за тебя, как Христос положил душу Свою за нас. Но бойся, сын мой! Христос послал меня даровать тебе отпущение грехов». Тронутый слезами апостола разбойник остановился, бросил с презрением оружие и в слезах раскаяния пал к стопам св. старца.

В царствование императора Маврикия во Фракии был разбойник, столь злобный и сильный, что никто не мог схватить его. Благочестивый император употребил для укрощения его силу христианского милосердия: послал к нему свой крест, обещая прощение и уверяя его, чтобы он не боялся прийти к царю. Разбойник пришел и с раскаянием пал к ногам императора.

Иногда несколько слов, сказанных с простодушием и откровенностью, возбуждают раскаяние в упорных грешниках. У одного рассеянного офицера заболели ноги. Через несколько месяцев болезнь его до того обострилась, что он не мог уже сам повернуться на своей постели. Однажды денщик, поднимая его, сказал: «Нет, батюшка, сколько тебе ни биться, а придется умереть!» Эти простодушные слова сначала возбудили смех в

легкомысленном, но скоро потом заставили войти в себя и с искренним раскаянием обратиться к Богу.

«Однажды, — говорил о себе английский писатель XVII века Бюниан, — когда я под окном моей соседки бранился и сквернословил ужасным образом, женщина эта, хотя сама была не строгих правил, так возмутилась от слов моих, что, хлопнув окном, сказала, что такого сквернословца она еще не видывала и что я всех молодых людей в городе заражаю моим примером. Это так меня поразило, что я тут же, стоя под окном ее, потупя голову, из глубины сердца вздохнул и пожелал себе сделаться опять младенцем».

Есть и еще столь обыкновенный, но не менее примечательный путь, которым благодать Божия приводит людей к познанию истинного Бога во Христе: она возбуждает в душе их ничем не удовлетворимую жажду познаний, побуждающую их переходить от одного учения к другому, пока приведет наконец к учению Христову, которое одно может насытить бессмертный дух человека. «В одной христианской вере, — говорит св. Иустин мученик, — пройдя все школы известных тогда философов, нашел я достоверное и спасительное любомудрие. Охотно желал бы я сообщить всем то расположение, которое теперь сам имею, не уклоняться от учения Спасителя. Ибо сие учение внушает какое-то благоговение и при-

зывает к себе тех, которые захотели бы уклониться от истинного пути жизни. Те, которые верно следуют этому учению, наслаждаются совершеннейшим спокойствием».

«Я, Климент, — говорит о себе другой муж, — проводил первые годы жизни своей довольно благонаравно: но с самого детства меня преследовала одна мысль, которая отвлекала меня от удовольствий и ввергала в тоску и самые мрачные думы. Эта мысль, не знаю каким образом поселившаяся во мне, напоминала мне о смерти; с ней соединялось представление, что по смерти моей не останется и памяти обо мне, ибо время все приводит в забвение. Итак, я не буду существовать? Не буду знать тех, которые будут после меня, и они равным образом не будут знать меня? Размышляя об этом, я впал в глубокую скорбь; и что особенно мучило меня, когда хотел отогнать от себя эту мысль как бесполезную, тем она сильнее терзала дух мой... Чтобы узнать что-либо точнее об этом предмете, я посещал школы философов. Но здесь не нашел ничего, кроме попеременного то доказательства, то опровержения одних и тех же догматов, кроме бесконечных состязаний и споров. Иногда, по-видимому, брало верх мнение, что душа бессмертна; иногда, напротив, сильнее защищаемо было мнение о смертности души. Когда шла речь о бессмертии, я радовался; когда же трактовали

о смертности души, мною овладевала прежняя тоска». Наконец, когда столица древнего мира огласилась христианскою проповедью о воскресении, Климент всей душой прилепился к Божественному учению Христову и стал одним из первых учеников Евангелия в Риме.

Полагаем завершить обозрение разнообразных путей, которыми Промысл Божий ведет заблудшего грешника из области тьмы в благодатное Царство Христово, не потому, чтобы этими только действиями ограничивалось милосердное попечение Божие о грешниках и не оставалось бы предмета для размышления — предмет этот неистошим так же, как неистошима любовь и милосердие Божие к роду человеческому, — но потому, что и такого указания достаточно, чтобы каждый грешник мог усмотреть богатство благодати Божией, не оставляющей его в самом падении, но всеми мерами Премудрости Своей возбуждающей к покаянию; потому еще, что и из этого краткого обозрения можно извлечь некоторые общие свойства действий Промысла Божия в обращении грешников, которые могли бы послужить основанием для правильной деятельности человека в отношении к попечениям о нем Промысла.

Нельзя не видеть, что Бог призывает к покаянию всех без исключения и каждого порознь грешника; призывает всегда и не-

268

престанно. Особенно в этом деле у Бога нет зрения на лица; ибо каждый грешник, кто и каков бы он ни был, все равно есть сын Божий, хотя и заблудший, за каждого из них одинаково пролита на Голгофе искупительная кровь Господа Иисуса Христа. А потому не только любовь к грешному человеку, но и любовь к пострадавшему за грешников Сыну Божию побуждает Отца Небесного одинаково заботиться о спасении каждого. Потому нет и не может быть человека, которого Промысл Божий оставил бы без благодатного призвания, который не был бы многократно возбуждаем к покаянию и обращению и который сам, вследствие этих возбуждений, не чувствовал бы иногда нужды выйти из состояния греховного, начать новую жизнь, сообразную воле Божией; и нет, с другой стороны, времени, когда совершенно умолкнул бы глас Божий, зовущий к покаянию. Этому заключению отнюдь не противоречит опыт некоторых людей, которые в продолжение своей жизни не получают, по-видимому, никаких сильных потрясений, у которых сон греховный как будто не возмущается ничем до самого покоя смертного. Если внимательнее рассмотреть всю жизнь таких людей, все обстоятельства и отношения, в которых они были поставлены рукой Промысла Божия, все более или менее важные и замечательные события в их жизни, непременно откроется то, что благодать

Божия какими бы то ни было средствами напоминала им об исправлении и что сами они чувствовали временами опасность греховного состояния, нужду покаяния и исправления. Но все напоминания Промысла Божия, все добрые чувствования собственного их сердца остались тщетными по их жестокосердию.

Отсюда уже само собой следует, что благодатные возбуждения неизбежны для человека, т. е. никто не может избежать действий благодати Божией так, чтобы в течение всей жизни не получать никаких возбуждений. И это, между прочим, уже потому, что не может предвидеть и знать, где, когда и как воздействует на него благодать Божия. Возбуждения почти всегда постигают грешника внезапно, непредвиденно и неожиданно. А это, между прочим, служит причиной тому, что все возбуждения, сколько бы ни были они естественны, всегда носят на себе характер чудесности.

Наконец, впечатления, производимые возбуждениями в душе грешника, бывают иногда более, иногда менее глубоки и поразительны и по степени живости и силы бесконечно разнообразны. Различие это зависит частично от неодинаковых природных свойств и характеров людей, которые разнообразны почти до бесконечности. Одно и то же явление на одного может действовать сильнее, на другого слабее: одного может поразить,

270

а над другим не оказать никакого действия. В человеке легкомысленном и рассеянном возбуждения не могут производить глубоких и сильных впечатлений. Человек по природе чувствительный растрогается скоро и получает впечатления сильные; но они большей частью бывают непродолжительны. Человек по природе склонный к задумчивости и рассудительный хоть и не столь легко и скоро возбуждается, но зато получаемое им впечатление бывает глубже и прочнее.

Иногда возбуждение сопровождается такими обстоятельствами, которые некоторым образом предрасполагают душу к надлежащему принятию его. Бывают минуты, когда душа самого грубого и бесчувственного человека делается более или менее мягкой, способной к принятию благих впечатлений. Наконец, и сами возбуждения бывают иногда более поразительными. Так, возбуждения чудесные вообще действуют сильнее, нежели обыкновенные; повторяемые, если не находят ожесточенного сопротивления, проникают глубже, нежели первоначальные. Впрочем, как и самые сильные и поразительные возбуждения не имеют в себе ничего принуждающего, не обращают грешника против воли и им всегда можно воспротивиться, так и самые, по-видимому, слабые могут обратить внимание грешника на опасность его состояния и побудить выйти из него. Что же встречает

благодать Божия в сердцах грешников? Как приемлются и чем сопровождаются ее действия? На это преимущественно полезно обратить внимание.

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский и Одесский. О путях Промысла Божия в обращении грешников и о путях покаяния для обращаемых. М. 1900.

О ТОМ, ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ ПРОНИКНУТЬ В СЕРДЦЕ ГРЕШНИКА

Опыт показывает, что не все возбуждения благодатные производят то, что должны бы произвести по своему назначению. Большею частью они встречают сердца, не готовые к принятию их, и только малое число возбуждений принимаются надлежащим образом и приносят совершенный плод. Во всякое время видим более беспечных грешников, нежели истинно обращающихся к Богу, несмотря на то, что Бог всех и всегда призывает к покаянию. Причина этому скрывается в самих грешниках, различно приемлющих действия благодати, как видно из евангельской притчи о семени. «Иное, — говорит Господь о семени Слова Божия, — упало при дороге и было по-

272

топтано, и птицы небесные поклевали его, а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его» (Лк. 8, 5–8). Вот участь всех гласов благодати, зовущих грешника к покаянию, т. е. они или вовсе не приемлются и истребляются в самом начале, или и приемлются и прозябают, но по разным причинам не приносят совершенного плода. Что же препятствует благодати Божией проникнуть в сердце грешника? Когда и почему и проникнувшее в сердце грешника покаяние может остаться безуспешным и не принести плода? Решение этих вопросов покажет, как следует пользоваться действием благодати Божией к своему спасению.

Пробуждение совести грешника всегда сопровождается чувством скорбным и болезненным; и чем далее продолжается греховное усыпление, тем неприятнее пробуждение, тем неохотнее встреча со своей совестью. Это-то неприятное чувство обличения, противное самолюбию грешника, всегда побуждает его уклоняться и избегать всего, что может пробудить его совесть. И когда благодать Божия внезапно касается его сердца, он старается скорее истребить в себе впечатление, произведенное действием благодати. К этому, по несчастью, у грешника не одно средство. Истребляют в себе благодатное возбуждение, когда нисколько не останавливаются на

нем мыслями, когда тотчас занимают внимание свое посторонними предметами, которые мало-помалу истребляют в душе все благие впечатления, произведенные действием благодати Божией. Так поступают обыкновенно люди легкомысленные и рассеянные, внимание которых привыкло уже перебегать от предмета к предмету, не останавливаясь ни на одном из них.

Истребляют благодатное возбуждение, когда с намерением скорее освободиться от соединенных с ним неприятных ощущений предаются удовольствиям чувств. Так поступает грубый сластолюбец, не привыкший терпеть что-либо неприятное для его чувственности.

Истребляют благодатное возбуждение, когда о нем не размышляют с участием сердца, а ложно рассуждают; изыскивают причины, от которых естественно могло бы произойти известное впечатление и чувство. Вследствие таких умствований зов благодати Божией большей частью отвергается. Так обыкновенно противостоят действиям благодати Божией те образованные люди, которые исправление сердца и жизни, при образовании ума, почитают делом сторонним, которые боятся даже верить в сверхъестественные действия благодати, чтобы не показаться суеверными.

Истребляют благодатное возбуждение, когда посредством его побуждаются даже к

негодованию и гневу, и с ожесточением говорят Богу: «отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих!» (Иов 21, 14). Так поступают люди, закоренелые в пороке, делающие зло с намерением и сознанием.

Истребляют, наконец, возбуждение, когда, сознавая и нужду в обращении, откладывают исполнение этого дела на некоторое время. Так поступает большая часть грешников; все те полудобрые и полуплохие люди, вся жизнь которых проходит нередко в колебании между добром и злом, между светом и тьмою, которые хотели бы быть добрыми, не оставляя притом и некоторых плохих привычек и склонностей, желали бы принадлежать Христу, но так, чтобы вместе жить и для мира. Такая медленность и нерешительность производят большей частью то, что возбуждение мало-помалу теряет свою силу, благие мысли и чувства засыпают, грешник остается грешником. «Иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его». Явно, что все дело состоит в решимости человека оставить все по гласу благодати, предать себя воле Божией, идти туда, куда ведет его рука Промысла. Но этой-то решимости и недостает у человека, по природе закоснелого на все доброе. Потому весьма важно знать, как возбуждать в себе решимость последовать внушениям благодати.

По-видимому, решимость как действие свободы не может и не должна быть чем-нибудь вынужденным; и употреблять какие бы то ни было средства, чтобы побудить свободу свою решиться на то или другое, представляется как бы противным существу свободы. Но не так должно быть на деле. Свобода падшего человека так упорна в отношении к добру, что надобно влечь ее силой: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Потому неудивительно, что и решимость обратиться к Богу, которая есть начало всякого доброго дела, может и должна быть понуждаема различными средствами.

Причиной того, что воля грешника так медлительна в решимости последовать гласу благодати Божией, зовущей его к покаянию, есть крайнее забвение о Боге, невнимательность к своему спасению, некоторая недоверчивость к предметам духовным и пристрастие к чувственному. Мысль о Боге, о добродетели и вечной жизни только изредка посещает душу грешника и тотчас же изгоняется из нее впечатлениями предметов чувственных, которые устремляются в его душу с некоторым как бы насилием, наполняют ее и не дают в ней места никаким другим мыслям и чувствованиям. Недуг этот настолько общ всем людям и такой сильный, что и для тех, которые, по длительному упражнению,

276

привыкли уже быть всегда с Богом, нужно постоянно прилагать усилия, чтобы воспротивиться чувственным впечатлениям, готовым преклонить душу их ко внешнему и отвлечь от предметов духовных. Но человеку, охваченному чувственностью, духовное обновление и исправление сердца представляется чем-то совершенно невозможным и не совсем нужным. Ему кажется, что он и всегда будет жить так же благополучно, как жил до этого; а потому и нечего опасаться. Ослепление это некогда пройдет: смерть откроет глаза грешнику, и он увидит всю важность того, что раньше казалось ему не важным. Но это вразумление будет уже поздно; за ним последует наказание, а не исправление. Самым лучшим врачевством против такого недуга было бы размышление о драгоценности для нас вечного блаженства, с которым ничто земное сравниться не может, размышление о необходимости и важности нравственного исправления и обновления, которого требует от нас Евангелие, если бы только грешник был способен к подобным размышлениям.

Чтобы сколько-нибудь отвлечь душу свою от всего земного, чувственного, возбудить себя к размышлению о важности и необходимости нравственного исправления, мужи, опытные в духовной жизни, советуют размышлять о непостоянстве и тленности всего земного, о смерти, которая лишит нас всего,

чем услаждались чувства, к чему прилеплялось сердце наше в настоящей жизни, поставит нас одних со своей совестью на суд Бога Правосудного: «Поминай (о смерти и Суде Христовом) часто, — говорит один пастырь Церкви, — и рассуждай: «благополучие и неблагополучие временное минует, но то, что по смерти будет, не минует. Все здесь мирское останется и само тело в землю погребется, а одна душа на оный век отыдет и с ней добродетель или грех неотступно. Горе душе, когда с грехом отыдет! Ибо с чем отыдет, с тем и на Суде Христовом явится. Поминай это и будешь себя очищать покаянием». К подобным размышлениям способен всякий, ибо для всякого нет ничего известнее смерти; а за гробом только два места: блаженство с Богом и ад с дьяволом. Итак, почувствовал в сердце зов благодати Божией, спроси самого себя, как бы стоя на краю гроба: «Где хочешь быть вечно — в царстве Отца Небесного или в аду? С Богом или с дьяволом?» Одно из двух неизбежно. После этого само собою откроется, как важно и необходимо еще в этой жизни возродиться нравственно и начать жить с Богом.

С этим размышлением должна соединиться мысль об опасности противиться возбуждениям Промысла Божия. Возбуждение благодати Божией есть необходимое условие, при котором возможно истинное исправление: проти-

278

виться этому возбуждению значит отдалять и отвергать то, что всего важнее и необходимое в жизни нашей и что непременно должно когда-либо произойти. Притом нельзя знать, не есть ли полученное действие Промысла последнее в нашей жизни? Отказываясь от послушания ему, не делаем ли исправления нашего невозможным навсегда? При такой неверности земной жизни, которая может кончиться с каждым мгновением, нельзя полагаться на то, что не будет еще недостатка в случаях к обращению. Для нас совершенно неизвестно, имеем ли мы будущее, или нет, и не будем ли застигнуты смертью в своем неисправленном состоянии. Более того, если возбуждение грешника есть дело Божие и если полностью зависит от Его воли о том, когда и как мы должны быть возбуждены от сна греховного, то как знать, что коснувшийся сердца нашего глас благодати не есть последний опыт милосердия Божия для исправления нашего? Как знать, что наша участь не решена уже правосудием? Наконец, если бы мы были даже уверены, что жизнь наша продлится и милосердие Отца Небесного будет еще призывать нас к покаянию, то и тогда упорство наше было бы безрассудно. Послушаем ли когда-нибудь гласа, который отвергли однажды? Из опыта известно, что через каждое таковое упорство нравственная порча увеличивается, и состояние грешника становится

сомнительнее. Чем чаще человек подавляет в себе благие мысли и чувствования, тем становится легкомысленнее и бесчувственнее; тем более утверждается в закоснелости и готовности противиться действиям благодати Божией; тем ближе становится к ужасному состоянию совершенного ожесточения, из которого переход в царство благодати крайне труден и почти невозможен.

Но недостаточно только решиться последовать призыванию благодати, надобно решимость свою привести тотчас в исполнение. И во всяком деле одна решимость, без исполнения, не значит ничего, тем более в деле нравственного исправления, где все зависит от деятельности. Важнейший недостаток в этом отношении тот, что, приняв намерение исправиться, медлят и отлагают свое исправление на будущее время. Бесчисленные опыты доказывают, что такое отлагательство служит причиной закоснелости во грехах и отлагаемое намерение навсегда остается без исполнения. Напротив, трудно найти и один пример, чтобы отлагающий исправление свое до известного времени действительно исправился когда-либо. Причина тому очевидна: что препятствует грешнику начать исправление свое ныне, то же самое будет препятствовать и завтра. Пока человек в теле, телесные потребности не перестанут беспокоить его; до тех пор, пока есть чувства, внешние пред-

280

меты не перестанут действовать на душу и развлекать ее повсюду; доколе не прервутся все узы, которыми грешник прикован к миру, доколе тысячи обстоятельств будут отвлекать его от деятельного занятия исправления себя. Потому-то мудрое правило сына Сирахова «не медли обратиться к Господу и не отлагай день ото дня» должно быть выполняемо со всей точностью. Одна минута замедления в этом важном деле не может остаться без явного вреда. Тотчас нужно расторгнуть все узы, связующие сердце и удерживающие под игом греха, сколько бы ни были они драгоценны, какого бы ни стоило труда их расторжение: вечное спасение драгоценнее всего! Что необходимо сделать когда-нибудь непременно, то лучше сделать скорее; иначе сама продолжительность времени усугубит труд, и он будет уже не по силам. С чем надлежит расстаться когда-либо, с тем лучше расстаться скорее; иначе привязанность сердца возрастет и разрыв будет слишком болезненным, а может быть, и невозможен. Если уже невозможно положить начало исправлению без принуждения и некоторого насилия себе, то лучше сделать это скорее, когда возбуждение благодатное подает к тому силы.

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский
и Одесский. О путях Промысла Божия
в обращении грешников и о путях покаяния
для обращаемых. М. 1900.

ПОЧЕМУ ПОКАЯНИЕ, ПРОНИКНУВШЕЕ В СЕРДЦЕ ГРЕШНИКА, МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ БЕЗУСПЕШНЫМ?

Когда и почему и проникнувшее в сердце грешника покаяние может остаться безуспешным и не принести плода?

Когда благодать Божия беспрепятственно проникает в сердце грешника, то возбуждает в нем раскаяние в прежней греховной жизни и желание исправиться. Но то и другое может нередко остаться без плода: многие, и раскаиваясь, по-видимому, остаются нераскаянными, а при желании исправиться — неисправленными. Другое упало на камень, говорит Господь о семени Слова Божия, и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его. Это обязывает нас раскрыть подробнее, насколько возможно, свойства истинного покаяния и показать, каким образом следует упражняться в деятельном исправлении себя.

Искреннее раскаяние начинается познанием греха. Хотя действие благодати Божией, возбуждающей грешника, уже открывает пред ним опасность его состояния, дает почувствовать его виновность пред праведным Судом Божиим, то на этом познании, как на

282

самом общем, нельзя остановиться. Для искреннего раскаяния нужно подробнее знать не только всю греховную жизнь, но и каждый грех в особенности со всеми окружающими его обстоятельствами, преимущественно же господствующую страсть с ее следствиями. Потому каждый должен подробно обозреть всю греховную жизнь свою от младенчества до настоящего возраста; найдя корень зла, исчислить потом, насколько возможно, все заблуждения воли, осмотреть подробно побуждения, обстоятельства и пагубные следствия своих грехов, поставить, так сказать, пред глазами картину прошедшей жизни со всеми ее подробностями. Нет нужды, что такое занятие покажется неприятно, даже болезненно. Чем неприятнее и постыднее представляется грех, тем скорее возбудит отвращение и ненависть к себе. Чем сильнее ощущается боль при вскрытии греховных язв, тем скорее ощутится нужда в спасительном врачевстве.

Кто познал тяжесть грехов своих, всю опасность своего состояния, всю бедность и немощь естества своего, для того это познание не может быть бесплодным: оно возбудит в нем сердечное раскаяние, называемое иначе в Св. Писании сокрушением сердца (Пс. 50, 19) и печалью ради Бога (2 Кор. 7, 8–11). Сущность раскаяния состоит в сильном и живом отвращении от низкого и опасного состо-

яния, в котором находится грешник. Но это отвращение, эта сердечная печаль слагается из многих болезненных чувствований, которые все равно необходимы в истинно раскаявшемся. Грешник, внимательно окинувший взором все им соделанное, раскрывший все язвы своей совести, невольно сознается, что эти беззакония сделаны им по его безумному произволу, без всякого стороннего принуждения; эти язвы наложены ему собственной его рукой. Отсюда первое чувство, пробуждающееся в нем, есть негодование, презрение и как бы ненависть к самому себе, к злumu своему произволу.

Ощущая потом скверну грехов своих, он не может видеть, сколь много обезобразил ими то величие образа Божия, которым украшен был при сотворении, осквернил ту одежду чистоты и невинности, в которую облечен был в Таинстве Крещения; до какой степени унизил свою разумную природу, обесчестил благодать сыноположения. Отсюда пробуждается в нем глубокий стыд и негодование к тому унижению, в котором видит себя. Обозревая далее ряд беззаконий своих, он видит все вредные и ужасные следствия, которые или уже произошли, или произойдут неминуемо из его развратной жизни, чувствует, сколь тяжко грехами своими оскорбил правосудие Божие, и предощущает муки и наказания, которые ожидают его в вечности. Отсю-

284

да в душе его возникает чувство болезненного страха и скорбного ожидания предстоящих зол. Постигая наконец свое несчастное состояние, он по необходимости убеждается, что сам собою он не может выйти из этого состояния; видит, что сделанного нельзя переменить, прошедшего — возвратить, опущенного — восполнить, потерянного — заменить; чувствует, что за содеянные преступления никакими средствами и силами человеческими нельзя удовлетворить правосудию Божию. Отсюда в душе его пробуждается чувство крайней бедности и беспомощности; он приходит в некоторое замешательство и безнадежность.

Все эти чувства столь необходимы для истинно раскаивающегося, что при недостатке одного из них раскаяние будет несовершенно и неискренне. Кто не чувствует в себе недовольства собою, отвращения и ненависти к прежнему образу жизни, тот не имеет еще понятия о своей виновности, не почитает себя грешником и, следовательно, не начинал еще истинно каяться. Кто не чувствует стыда, тот не видит всего безобразия греха, не понимает, сколько он преступлением своим унижил себя пред людьми и пред самим собою, тот может, не краснея, возвратиться к прежнему образу жизни. Кто не имеет страха, тот не чувствует вреда, происходящего от греха, не почитает себя достойным наказания, тот

может опять грешить без всякого смущения. Наконец, кто не чувствует своей бедности и беспомощности, тот может еще обольщать себя мечтами, утешаться ложной надеждой. Во всех этих случаях раскаяние во грехах не будет искренне.

Впрочем, по степени силы и живости покаянные чувствования могут быть весьма различны: в одних бывают они живы и сильны; в других, напротив, тихи и без особенных сильных движений. Причины этого различия заключаются отчасти в природном характере человека, частично в различных свойствах и степени греховного повреждения раскаивающегося. Неудивительно, если в человеке, по природе холодном, обнаруживаются признаки раскаяния не с такой силой и не в такой степени, как в человеке, по природе способном к чувствованиям живым и сильным. В первом раскаяние обнаруживается тихим сетованием о грехах; в последнем — сильными движениями душевными, которые не могут уже скрываться внутри, но обнаруживаются во внешних признаках, как то: воздыханиях, жалобах, слезах и т. п. Есть люди по природе столь чувствительные, что их все трогает гораздо сильнее, нежели других. В таких людях чувство раскаяния достигает высочайшей степени, обнаруживается в таких признаках, которые имеют в себе нечто необыкновенное, ужасающее, как то:

286

отчаянные вопли, терзание волос, тела и т. п. Кроме этого, само греховное состояние людей имеет некоторые степени. Хотя нравственная порча, наследованная нами от прародителей, одинакова во всех людях, но в одном она раскрывается больше, в другом меньше. Иной так успевает приумножить свое несчастное наследие, что вся жизнь его делается цепью злодеяний; а есть и такие люди, которые не сознают в себе ни одного тяжкого преступления, которые во всех возрастах вели жизнь, по-видимому, честную. Другие при похвальном поведении в своем образе жизни сделались виновными только в некоторых пороках. Одни коснели во грехах больше времени, другие меньше. Все эти обстоятельства должны иметь влияние на степень силы и живости покаянных чувствований. Потому неудивительно, если человек, невинный в каких-либо тяжких преступлениях, раскаивается не с таким сокрушением, как злодей. Неудивительно, если возвращающийся в себя после кратковременного заблуждения не впадет в такую глубокую скорбь, какую чувствует человек, всю жизнь служивший греху; если тот, кто своими преступлениями нанес вред только самому себе, не чувствует при раскаянии тех ужасов, какие ощущает нечестивец, ввергающий в несчастье других и своим примером развративший множество невинных душ.

Блудница обливает ноги Спасителя слезами; но она так горько плачет потому, что грехов у нее много.

Давид раскаивается со слезами и с сокрушением сердца; но он, после величайших к нему благодеяний Божиих, сделал два тяжких преступления.

Апостол Петр плачет горько; но он отрекся от Иисуса Христа, обещав прежде идти с Ним на самую смерть.

Впрочем, пример многих св. мужей показывает, что раскаяние, соединенное с тихим сетованием о грехах своих, может быть столь же успешно, как и соединенное с величайшим смущением и глубокой скорбью. Действительность раскаяния зависит от искренности, а не от большей или меньшей живости покаянных чувств; достаточно, если они производят действительное отвращение от греха. Но на всех степенях силы и живости, высших и низших, покаянные чувствования могут принимать ложные направления, которые должны быть здесь указаны.

Чувство страха, само по себе справедливое, нужное и полезное для раскаивающегося, может иногда выйти за пределы и превратиться в безнадежное отчаяние. «Случается, — говорит св. Макарий, — что сатана в сердце так с тобой препирается: «смотри, сколько ты содеял зла, смотри, каким безумием исполнена душа твоя и как ты отягощен

грехами, что тебе уже и спастись невозможно». Это творит он для того, дабы тебя довести до отчаяния, и потому, что твое покаяние ненавистно и неприятно ему». Этой опасности преимущественно подвергаются те, которые, по возбуждению от сна греховного, признают себя виновными в каких-либо тяжких преступлениях. Единственное предохранительное средство против этой опасности есть несомненная вера в милосердие Божие и силу заслуг Исккупителя. «Ты же, — продолжает св. Макарий, — отвечай ему (сатане) так: я имею свидетельства Господни, в Писании находящиеся: не хочу смерти грешника, но покаяния, да обратится от пути развращенного и жив будет. Ибо этого ради Господь снисшел, да грешников спасет, мертвых воскресит и смертью уязвленных оживотворит». Если же отчаяние так овладеет душой раскаивающегося грешника, что он может сам собою прийти к подобным размышлениям, то должен открыться какому-либо опытному в духовной жизни мужу, преимущественно своему духовному отцу: столь опасной раны скрывать не нужно; ее тотчас надлежит показать врачу.

Чувство безнадежности и недоверчивости к своим силам — следствие сознания своего развращения — само по себе спасительно; оно заставляет грешника обращаться с молитвою к Богу, искать теснейшего соединения

с Иисусом Христом, без Которого не можем делать ничего (Ин. 15, 5). Но иногда вместо спасительного действия производит уныние, духовное расслабление и лень. Человек, чувствуя, с одной стороны, свое бессилие, с другой — трудности, соединенные с деятельным исправлением себя, унывает, предается праздной печали и бездействию; страшась, что не может сделать всего, что необходимо, не делает ничего. В такое состояние могут удобно впасть люди, по природе слабые и малодушные, которых страшит и небольшая трудность. Предохранением от этого зла служит постоянный труд и частая молитва, живое упование на Бога и преданность Его воле. Когда же уныние овладеет душой, то один опытный в духовной жизни муж предлагает следующее врачевство: «Когда скука находит и тоска (в этих обыкновенно состояниях выражается уныние), тогда тем более падай на землю, и молись, и воздыхай ко Господу, так как это есть искушение. Так сатана хочет тебя к миру (к прежней греховной жизни) назад обратить. Смотри, крепись и не поддавайся, и говори так: хоть умру здесь, но не отойду. И воистину лучше умереть, нежели к старому возвратиться».

«Если скорбь принесена от людей, должно претерпеть ее благодушно и за того, кто причинил, молиться, как выше сказано, твердо ведая, что все, бывающее с нами, не без

290

Промысла Божия бывает и что вообще Бог все, что ни посылает нам, посылает на пользу и на спасение душ наших. И если посылаемое не представляется нам в настоящее время полезным, то последствия совершенно ясно удостоверяют, что истинно полезно нам не то, чего сами желаем, но то, что устраивает Бог. Посему не подобает нам увлекаться человеческими помыслами, но веровать вседушно, что око Господа Бога все видит, что без Его воли ничто не может с нами случиться и что посылает Он на нас искушения по Своей благодати, дабы, претерпев искушения, мы приняли от Него венец». (Устав преподобного Нила Сорского.)

Наконец, и чувство стыда и негодования к себе, которое в настоящем, правильном состоянии должно произвести и производит действительно отвращение, презрение и ненависть к прежней греховной жизни, укрепляет мужество и твердость в борьбе с греховными склонностями и привычками, может получить ложное направление.

Ложный стыд нередко удерживает грешника от исповедания грехов своих перед отцом духовным, без которого не может быть положено начало истинного исправления; делает его скрытным, притворным и, наконец, лицемером. Недовольство собой вместо ненависти ко греху может переродиться в ненависть к жизни и окончиться самоубийством.

Средством против ложного стыда может быть память о Страшном Суде Христовом, на котором обличатся все тайны сердца нашего пред собором Ангелов и людей, и размышление о всеведении Божиим, пред Которым не сокрыто ни одно тайное движение ума и сердца нашего. Единственное и действительнейшее средство против отчаянной ненависти к собственной жизни есть неукоснительная исповедь перед отцом духовным. Пока таим в себе грех, до тех пор диавол в нас самих имеет сильное оружие против нас; но когда исповедуем грех, тогда власть его над нами прекращается.

С истинным раскаянием, возбужденным благодатью Божией в сердце грешника, начинается деятельное исправление жизни. Сущность дела состоит в том, что грешник, почувствовав отвращение и ненависть ко грехам своим, оставляет прежний противозаконный образ поведения и предпринимает новый, сообразный с волей Божией. Но в этом случае весьма часто уклоняются на распутья: опыт показывает, что весьма многие начинают жизнь добродетельную, но не многие оканчивают ее как подобает. Всех препятствий, трудностей и опасностей, которые могут встретить каждого, обращающегося на пути к Царствию Божьему, исчислить и указать нет возможности. Здесь по необходимости следует ограничиться кратким указанием

наиболее общих и главных недостатков. Не успевают в деле нравственного исправления или потому, что в самом начале предпринимают неправильный образ действия, по недостатку познания истинного пути добродетелей; или потому, что не могут одолеть греховную привычку, победить соблазны, перенести искушения, по недостатку постоянства, мужества, терпения и благоразумия.

Иногда начинают исправление свое со внешних действий, селятся привести в надлежащий порядок внешний образ поведения и, останавливаясь на этом, не доходят до корня зла, который скрывается в сердце. Например, человек, преданный грубым порокам и распутству, после сильного возбуждения, раскаившись, перестает совершать свои преступления, изменяет внешний образ жизни, не заботясь, впрочем, о том, что в сердце его царствует еще грех. Иногда грешник, чувствуя в совести беспокойство и наказание особенно за главный порок, начинает ревностно противостоять ему, оставляя без внимания другие, не столь видные, но тем не менее пагубные пороки, например, гневливый делается кротким, сластолюбец воздержанным, не заботясь о том, что в них остается еще много других пороков, которые надлежало бы также искоренить. Иногда, наконец, чувствуют необходимость совершенного и полного исправления своего сердца и своей жизни и занимаются им

со всей ревностью; но только думают, что это исправление можно произвести не иначе, как по частям, так что каждый порок побеждают особенно и к борьбе с новым переходят не прежде, как истребив тот, которым с намерением занимались. По-видимому, во всех этих случаях истинное исправление приводится в дело — и с успехом; но можно почти решительно утверждать, что такие люди еще не начали исправления, какого требует Евангелие. Исправление христианское не есть приведение в порядок только внешней деятельности, отложение того или другого порока и не может быть произведено по частям: оно состоит в перемене сердца, в отложении всего ветхого человека со всеми его деяниями. Для этого нужно, по учению Слова Божия, переродиться, сделаться новым человеком, объявить брань не одному пороку или нескольким, а всему прежнему порочному образу мыслей, чувствований, желаний и действий. Чтобы иметь всегда в виду святой и царский путь и не уклоняться на распутья, для этого надлежит, по Псалмопевцу, о законе Господа размышлять день и ночь (Пс. 1, 2); искать света и познания прежде всего в Слове Божиим, которое преимущественно полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен (2 Тим. 3, 16–17), потом в писаниях

святых мужей, которые сами прошли путем добродетели на Небо и свои опыты передали в наставление наше. Чтобы и в самом Писании удобнее обрести путь к Царствию Божию, нужно взирать неуклонно на образ Господа нашего Иисуса Христа и примеры св. мужей, прославляемых Св. Церковью. Чтобы приблизить еще более к уму и сердцу своему идеал истинно христианской жизни, напитаться, так сказать, и проникнуться духом истинного благочестия, полезно чаще обращаться с людьми благочестивыми. Разговоры, поступки, один взор таких людей поучителен. Их благочестие, подобно благовонию исходя от них, насыщает все окружающее. «Кто входит, — говорит преподобный Макарий, — к составляющему благовония, тот, хотя бы и ничего не купил, непременно благовония заимствует несколько: так бывает и с тем, кто общается с отцами. Если он захочет подвизаться, то они покажут ему путь». И наконец, как во всяком деле нужен для нас советник и наставник, во всяком подвиге — руководитель, так преимущественно нужен наставник и руководитель в деле нравственного усовершенствования, в подвиге покаяния и исправления себя. Потому-то у древних подвижников почти единственным средством к исправлению себя была неограниченная преданность и послушание своему духовному отцу, которому открывали они все свои мысли и чувства и без его воли не делали

ничего. Такое послушание уже само по себе есть высокий подвиг самоотвержения, после которого не будет трудным всякое доброе дело; почему находящийся в послушании почитался безопасным от всех искушений. Для каждого христианина руководителем, наставником и отцом может и должен быть служитель алтаря, которому сама Церковь вручает души христианские для духовного надзора и руководства.

Впрочем, когда и верно будет познан истинный путь нравственного исправления, на том пути предстоят еще многие трудности, которые нужно суметь победить. «Чадо, если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению», — говорит мудрый сын Сирахов (Сир. 2, 1). «Как грешник, благодатью Божией подвигшись, начнет каяться, — говорит святитель Тихон, — что встречает его различное искушение. Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его женет (преследует) и отвлекает от Христа: начнет работать Христу, и запинаят ему враг и различные простирает сети».

Все, как в человеке, так и вне его, у диавола становится орудием искушения; ибо обращающийся к Богу по необходимости вступает в борьбу со всем: с самим собою и с целым миром. Первым источником искушений и, следовательно, первым препятствием на пути ко спасению есть наша греховная при-

296

рода. Сколько необходимо усилий и трудов, чтобы преодолеть все худые наклонности сердца, особенно когда они обратились уже в привычку, как бы в необходимую потребность грешить. Каждый отказ в удовлетворении укоренившейся страсти стоит иногда чрезвычайных усилий.

Преподобная Мария Египетская, удалившись в пустыню, неустанно боролась с искушениями. «16 лет пробыла я в этой пустыне, — говорит прп. Мария, — словно со зверями лютыми борясь со своими помыслами. Когда стала эту пищу употреблять, то хотелось мне мяса и рыбы, как бывало в Египте. Хотелось мне вина, любимого мною, много ведь пила вина, когда жила в миру. Здесь же и воды не могла напиться и приходила в ярость, не в силах терпеть лишения. Одолевали меня страстные желания петь разгульные песни — влекло меня к песням бесовским, к которым привыкла в миру».

Предохранительное средство против искушений есть пост и телесный труд, которые преимущественно приветствуются подвижниками. Когда же брань восстает и усиливается, то вместо оружия должна служить прилежная молитва и воспоминание обетов, данных Богу при обращении и раскаянии.

«Но затем, — говорит прп. Мария, — прослезившись, в порыве благочестия била себя в грудь и вспоминала обеты, которые дала,

входя в эту пустыню, и мысли, с которыми обращалась к иконе святой Богородицы, поручительницы моей. И жаловалась Ей и молила Ее отогнать от меня помыслы, иссушившие окаянную мою душу. Когда же я долго плакала и в рвении била себя в грудь, тогда вдруг виделся мне повсюду свет, меня озаряющий, и бурю сменяла тишина великая». («Житие преподобной Марии Египетской».)

Преподобный Арсений Великий, живя в пустыне, непрестанно спрашивал себя: «Арсений, зачем ты сюда пришел?» Даже написал этот вопрос на стенах своей кельи, дабы каждый брошенный взгляд на стену напоминал ему о его решимости посвятить жизнь свою на служение Богу. Полезно для этого свою нравственную перемену ознаменовать какой-либо переменной во внешнем образе жизни и окружать себя вещами, которые были при нас в то время, когда благодать Божия возбудила нас к покаянию, а преимущественно теми, посредством которых произведено возбуждение. Поскольку, наконец, духовное обновление наше есть вместе смерть для мира, для всего противного воле Божией, то св. апостол Павел советует представлять себя всегда мертвыми: «почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 11). «Разве ты жив еще, Пимен?» — с удивлением спросил один святой старец прп. Пимена, когда тот жало-

298

вался на беспокойство, причиняемое ему от других. «Пойди, — продолжал старец, — живи в келье своей и положи на сердце своем, что уже год, как ты в могиле».

Если обращающийся удачно выдержит первую борьбу, начнет, с помощью Божией, преодолевать и побеждать свои страсти, то искуситель применяет другое оружие. Для возбуждения усыпающих страстей он употребляет мир со всеми благами и удовольствиями. «Прельщает враг, — говорит святитель Тихон, — любовью мира и соблазнами и отвлекает от пути скорбного (истинно христианской жизни). Хорошо быть в мире почтенным, быть в славе, чести, богатстве, в веселостях, знаться с людьми, проезжать в колясках, ездить в гости и принимать гостей и прочее». Борьба с этим искушением особенно тяжела для тех, которые до обращения своего жили постоянно в мирских удовольствиях. На эту брань дает оружие тот же учитель: «Отвечай внутри себе так: пусть, что мне предлагаешь (сатана), будет хорошо для тех, которые ищут того; а мне несравненно лучше есть Христос и святое Его иго. Он меня несравненно более утешит и увеселит, нежели весь мир. Здесь я хочу с Ним быть, да и там с Ним буду». Весьма сильным оружием против соблазнов и оболщений мира служит еще, по опытному замечанию мужей благочестивых, непрестанная память о смер-

ти, суде и мучениях за грех. «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и во век не согрешишь» (Сир. 7, 39). «Добрый наставник и телу, и душе — постоянное памятование о смерти и, за оставлением без внимания всего, глазам представляющегося, предварительное взирание умом на самый одр, на котором некогда, разлучаясь с душою, будешь возлежать». Из этого памятования происходит оставление попечений и всех сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу от греха; и почти, если сказать правду, всякая добродетель из этого проистекает. Потому да будет оно столько же, если можно, неотъемлемо от нас, как наше дыхание».

С этим вместе враг не перестает возбуждать в душе обращающегося грешника различные плохие помыслы, хулы, сомнения, неверие и т. п. Воображение служит отверстой дверью, в которую входят тайные враги, как называют их святые мужи. Борьба с этими врагами требует всегдашней бодрости и неусыпного бдения над собою; и в этом-то, по замечанию опытных, состоит весь христианский подвиг. Соблюсти душу свою от непрестанного почти прилива худых мыслей — невозможно; но противиться им есть обязанность того, кто хочет решительно исправить свое нравственное состояние. Чтобы предохранить себя от нечистых мыслей, нужно очищать душу внутренней умной молитвой, иметь непрестанно

300

мысль о Боге, всегда помнить, что Бог присущ нам, видит все наши мысли, желания, чувствования и дела, ходить, по примеру ветхозаветных праведников, пред Богом.

Труд над очищением ума известен у отцов под именем умного делания. Предмет этот изложен в уставе прп. Нила Сорского, который можно назвать руководством к внутренней христианской жизни и настольной книгой христианских подвижников.

Когда же худые помыслы усиливаются в уме; то оружием к отгнанию их служит пресвятое, страшное бесам имя Господа Иисуса Христа и усердное призывание Его в помощь. «Всякий раз, — говорит один св. муж, — когда станут умножаться в нас порочные помыслы, будем повергать в средину их призывание Господа нашего Иисуса Христа, тогда мы увидим их тотчас исчезающими, как дым в воздухе, как это опыт показал».

С внутренней борьбой соединяются нередко внешние бедствия и скорби: «в мире скорби будете» — вот завещание Спасителя своим последователям. «Будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22). «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, — по слову св. апостола Павла, — будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). «Когда человек твердо в своем намерении стоит, то враг начнет чрез злых людей беспокоить. Тогда откуда что возьмется: тог-

да различная напасть нападет на него. Тогда все его отрекаются и ненавидят, и бывает, что и самые прежде бывшие друзья во враги обратятся» (свт. Тихон Воронежский). Эти скорби необходимы в жизни каждого истинного христианина. Надобно, чтобы вера его была испытана, чтобы упование его на Бога укрепилось, чтобы искренность обращения его, пройдя сквозь огонь искушений, явилась во всей чистоте. Ветхий его человек должен быть умерщвлен, распят, а для этого нужен крест. Благодушное терпение бедствий, готовность нести крест свой вслед Спасителя есть орудие против подобных искушений: «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22). Основанием этого терпения служит крепкое упование на Бога. Мысль, что бедствия постигают нас по Его благой воле, ниспосылаются нам Его Промыслом для нашего же блага; а подкреплением в терпении — пример Иисуса Христа и святых. Кроме этого, во всех бедствиях нужно чаще вспоминать, по совету людей опытных, «что сей славной победе последует славнейшее, великолепнейшее и вечное на Небесах торжество. Тогда все нынешнее бедствие обратится в блаженство, все поношение и укоризна — в славу, вся печаль и скорбь — в радость, все слезы и печали — в утешение, все труды и подвиги — в покой вечный. Все беды и печали тогда забудем и получим блага, которые «не видел того глаз, не слышало

ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Возьми сие в ум, и рассуждай, и возгорится сердце твое, и забудешь всю печаль».

Наконец, когда раскаявшийся грешник делает несколько опытов самоотвержения, успеет благополучно одержать несколько побед над своими страстями; тогда враг оставляет его на некоторое время в покое, не тревожит новыми нападениями. Но эта тишина опаснее самой бури. Человек, ощущая спокойствие в душе своей, которого, может быть, и не думал иметь, решаясь на подвиги истинно христианской жизни, удобно приходит к мысли, что он сделал уже все для исправления себя, достиг желаемого совершенства, стал выше других, т. е. предаётся самообольщению и духовной гордости. Примеры такого падения нередки в истории жизни христианских подвижников. Порок этот имеет удобный доступ к сердцу каждого человека; потому-то его особенно страшились все святые мужи: «Самые чистые помыслы, — говорит св. Макарий, — в своем естестве, поползают и падают. Начинает человек возноситься, осуждать и говорить: «ты грешен», мя из себя праведника. Сама чистая природа имеет в себе нечто горделивое». Следствия этого порока ужасны, он унижает и самые высокие подвиги нравственные, делает бесплодными все труды и удаляет от человека благодать Божию. «Если что

сотворишь благое, — говорит святитель Димитрий Ростовский, — остерегайся похвалы; если же похвалишься, все, что стяжал, похвалой напрасно погубишь и благодати Божией лишишься». От похвалы бывает возношение, от возношения же — падение, от Бога отлучение. Святому апостолу Павлу вместо средства против духовной гордости дан был пакостник плоти, ангел сатанин (2 Кор. 12, 17). У каждого есть свой пакостник плоти — греховная природа; надобно только, подобно Давиду, грех свой пред собою вынуть (Пс. 50), всегда признавать себя грешником, недостойным милости Божией, — и гордость не будет иметь силы над душой. Содействием к этому должно служить частное самоиспытание, строгое требование от себя отчета в своих делах и поступках, обозрение своей нравственной жизни. Один св. муж, великий отец наш Василий, говорит: «Весьма полезно по окончании дня рассматривать в совести своей самих себя и в себе то, в чем мы согрешили и что доброго сделали». Такое ежедневное требование от себя отчета постепенно более и более просвещает ум. А просвещенный ум скоро узрит свои слабости и предохранит сердце от самообольщения.

«Впрочем, изыскивая и употребляя средства к преодолению всех трудностей, к избежанию всех опасностей, на пути истинного обращения к Богу, должен помнить, что дело

304

это может быть произведено не нашими слабыми усилиями, но всемогущей силой благодати Божией, и что без этой вышней помощи все наши усилия ничтожны: «без Меня, — говорит Господь, — не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Иисус Христос есть наш Учитель и Помощник, Наставник и Друг; прежде и прежде всего нужно обращаться к Нему с пламенной и усердной молитвой, искать с Ним теснейшего соединения в Таинстве Евхаристии. Приобретший себе такого Учителя другого не требует: сам Господь научит его всему. Это средство к утверждению себя на пути добродетели столь сильно и действительно, что может заменить все другие средства; а недостаток его не заменится ничем. В заключение нужно припомнить следующие слова Господа: «Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Ин. 13, 17). Иначе на что и узнавать путь, если не идти по нему? Желающий же деятельно вступить на святой путь добродетели много найдет средств, которые могут привести его к вожделенному пристанищу на Небесах, как это показал уже опыт множества святых мужей; а для не желающего и тысячи действительнейших средств были бы бесполезны. Чтобы сделать какие бы то ни было средства полезными для того, кто не хочет пользоваться ими, к этому нет уже средства: воли человеческой связать никто не может (свт. Тихон Воронежский).

Сущность же всего сказанного заключим словами святителя Димитрия Ростовского: «Душа! Не будь беспечна; ибо через короткое время ты предстанешь пред грозным судилищем Христа Бога нашего, пробудись от сна греховного и, шествуя путем покаяния, радуйся о Господе и приноси Ему благодарение за то, что, если ты и тьмами тем согрешаешь пред Богом, Он милостиво принимает тебя кающегося. Сколько ты пред Ним согрешаешь! А Он тебя не отвергает. Сколько делаешь преступлений! А Он не отвращается от тебя. Сколько ты падаешь! А Он восстанавливает тебя, долго терпит и не тотчас предаёт тебя смерти, но ожидает обращения твоего даже до самой смерти, когда ты, может быть, обратишься. Он дал тебе закон и видение воли Своей, не лишил тебя крещения, не оставил тебя быть погруженным в иноверии или пагубной ереси.

Слава неисповедимому Его Милосердию! Слава премудрому Его устроению! Слава неизреченной и непостижимой Его благодати и человеколюбию! Яко Тому подобает всякая слава, честь и держава с безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский и Одесский. О путях Промысла Божия в обращении грешников и о путях покаяния для обращаемых. М. 1900.

Глава 5

ТАЙНЫ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ КАК БОГ УПРАВЛЯЕТ МИРОМ

ПРОМЫСЛИТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ БОГА В ПРИРОДЕ

Мы не можем отрицать существования в природе разума, хотя он находится в какой-то неведомой нам форме. Видим, как растение своими корнями отвоевывает нужное ему для жизни пространство, ищет и находит в одной и той же почве питательные элементы совершенно различные, нужные именно только этому виду растений, соки, столь разнообразные для каждого из видов растений, добывая их путем искуснейшего химического разложения почвы. Равным образом мы

не можем отрицать существования в животном и растительном царстве эстетического, художественного начала, проявляющегося в разнообразии и гармонии красок и форм. И даже едва ли можем отрицать наличие некоего, как бы нравственного начала в природе, видя содружество, взаимопомощь, готовность служения, когда травка готова себя предоставить в питание животному или когда дерево старается произвести возможно лучшие плоды человеку; готовность, иногда близкую к самопожертвованию. Скажут, что нельзя назвать это нравственным свойством, т. к. нравственность предполагает свободную, разумную волю. Да, но если так, то нужно искать источник сознательный, разумный для этого бессознательного. Мысль поднимается к Творцу и к силе Промысла Духа Божия, дающего всему, что существует, «жизнь, дыхание и все».

Мир, творение Божие, является в этом смысле отражением — пусть слабым и бледным — свойств своего Создателя и к этому Первоначалу, Первообразу направляет нашу мысль. Скажем и здесь словами о. Иоанна из его книги «Моя жизнь во Христе»: «Весь мир: небо и земля и все, что в них, море и все, что в нем, есть излияние бесконечной благодати Божией, Его разума и бесконечной силы и могущества, благодати к тварям, которых Он создал для радости и блаженства, в особен-

308

ности — благодати к человеческому роду. Мир есть зеркало благодати, разума, премудрости и силы Божией.

Так как мир состоит из двух отличных друг от друга царств — разумно-сознательного и неразумного — природы, то и отношение Бога к миру, Его промыслительные действия носят двойкий характер. Иначе Бог относится к бессознательным существам, иначе к сознательным. В природе Бог является более как Охранитель мировой жизни, как Источник, поддерживающий силы и бытие тварей. В мире сознательных существ особенно ярко выступает Его руководство тварями в достижении предположенных ими целей. Наконец, иначе Бог относится к человечеству как целому и к отдельному его индивидууму.

Механическая теория жизнь мира объясняет из механических условий. Для Бога нет места в мире: бытие и существование этого последнего легко и удобно объяснить из действующих в нем законов и сил природы. Они-то и есть единственные причины мировых событий и жизненных явлений. Говорить о какой-то первичной причине явлений значит вдаваться в пустую игру слов, впадать в бесплодную спекуляцию. Поставить Бога выше законов, конечно, возможно, но едва ли необходимо. Такова, в кратких словах, философия механической теории.

Объяснения механической теории незаконченные, а указываемые факторы не способны поддержать бытие и жизнь мира. Только Бог может служить достаточным источником, могущим сохранять жизнь и силы тварей.

Что такое закон? отождествляется ли он в человеческом сознании с реальной сущностью, есть ли он особый вид бытия, подобный силе, материи, духу? Имеет ли он «объективное», «реальное» бытие, носит ли характер индивидуального существования?

Механическая теория не отвечает на эти вопросы ни утвердительно, ни отрицательно. Но в своих исследованиях везде употребляет этот термин в указанном смысле какого-то особого существа. Закон является для нее каким-то отдельным, индивидуальным существом, самостоятельным бытием, из природы которого черпают свою жизнь отдельные мировые явления. Закон и причина, из самой себя производящая феномены, являются адекватными понятиями. В сочинениях английских физиков встречается фраза: «Creation bay Law» (творческая сила закона).

Но подобная терминология основывается на совершенно ненаучной и тенденциозной постановке дела. Под именем закона обыкновенно понимается идея, норма, посредством которой регулируются известные отношения, но регулируются непременно «кем-то». Самое

310

первое, обычное значение слова «закон» — это авторитетное выражение воли. Возьмем ли мы закон государственный, возьмем ли закон нравственный, закон логики — все они предполагают законополагающую волю. Закон не в самом себе носит начала принудительности, а известная сила, известное существо выражает это свойство (принудительность в законе). Это общее воззрение человека, да иначе и нельзя мыслить закон. Но воля немыслима без разума, без силы самосознания и без силы самоопределения. Значит, окончательное и полное понятие о законе будет таково: «он есть идея разума, приводимая в осуществление какой-либо силой».

Если таково понятие о законе вообще, то таково же должно быть понятие и о законе природы в частности. Закон природы это, в сущности, наша идея об известном, строго определенном отношении явлений природы. Это «необходимое отношение, причиной которого служит внутренняя природа самых вещей». В отношении к человеку, закон — это понятие, а в отношении к материальному миру — это следование его известным правилам.

Отсюда: всякое управление имеет своим источником не закон, а волю, закон есть только осуществление какой-нибудь идеи авторитетом воли. А потому верующий всегда ответит защитнику механической теории:

«я принимаю законы природы, но только не в смысле самостоятельных действий, а в смысле реализовывания в каком-либо явлении Божественной идеи чрез Божественное действие».

Сказанное дает нам основание сделать два следующих вывода: 1) закон не есть продукт материального бытия, а создание разума; 2) закон не есть действующая причина различных феноменов и сам по себе не имеет силы выполнить известное действие. Он — просто идея и цель разума, направление или метод, по которому реализуется идея, осуществляется цель. Говорить, что мир управляется законами, и не вводить в это управление Высочайшего Источника этих законов, значит подставлять мифическое и баснословное существо на место живого и истинного бытия — Бога.

Таким образом, механическая теория, указывая в законах природы последнюю основу всего бытия, дает только вербальное объяснение. Она разрешает вопрос лишь о том, как происходит мировая жизнь, но не может объяснить, откуда, из какого источника черпает свои силы феноменальное бытие, не указывает движущегося нерва мировой жизни.

Правда, мы не можем представить, каким образом Высочайший Дух становится причиной видимого тварного бытия. Но ведь представить (т. е. вообразить в конкретной фор-

ме) мы можем только видимые предметы или же наши собственные, когда-то пережитые нами состояния. Представить отвлеченный предмет, духовное бытие, отвлеченное, не ощущаемое внешними чувствами отношение мы не можем, хотя их реальное бытие выше для нас всякого сомнения. Мы не имеем живого представления о действии одного предмета на другой. Мы не можем представить, как в силу толчка одного предмета другим в первом развивается движение, хотя и утверждаем действительность движения и даже строим различные понятия о нем. Далее, мы говорим о душевных эмоциях другого человека, описываем его жизнь, хотя собственно не переживаем его состояний, а потому и не имеем о них живых, непосредственных представлений. Непосредственно представимо только ощущаемое или переживаемое нами самими. Все остальное понимается посредством, через аналогию. В человеческом духе мы находим силу действовать на мертвую материю, видоизменять ее свойства сообразно со своими целями, господствовать над ней. По аналогии мы должны приписать и Духу Божественному такую же силу и такую же способность, должны допустить не только возможную, но и реальную действительность Божественного воздействия: дух человеческий, образ духа Божественного, не только может, но и на самом деле действует. Пред-

ставить это действие Божественного Духа мы не можем: не переживаем его в своем внутреннем опыте, но понять его возможность и допустить его реальность мы имеем внутреннее логическое основание.

Итак, богословское воззрение на действие Бога-Духа понятнее и логически обоснованнее механического учения о причинном действии идей — законов природы. Механическая теория дает здесь фиктивное объяснение. Фикция эта принимается на веру и по преданию переходит из рода в род.

Если представить дело так, что силы природы и материи сами вырабатывают разумность, известную под именем «закон природы», то необходимо допустить странное представление о присутствии сознания, разумности в материи и механической силе.

Итак, мы должны сделать следующий, прямо напрашивающийся вывод: материя и сила — две параллельные, независимые формы бытия, одна другую ограничивающие и вместе с тем одна другой содействующие в произведении феноменов видимого, чувственного бытия, носящего название материального мира.

Уже из этого взаимоотношения силы и материи можно вывести то бесспорное заключение, что ни материя, ни сила не могут быть признаны первичными причинами, сохраняющими мировую жизнь или космический по-

рядок, и что за ними должна скрываться новая Сила, основа бытия и жизни самих этих форм материального бытия. А то обстоятельство, что они при всей противоположности своих свойств, по-видимому, исключающих всякую возможность совместного действия, дают, однако, один результат, стройное органическое целое, круг явлений внешнего чувственного мира, еще более наводит на мысль о существовании особого начала, координирующего и управляющего свойствами материи и силы. Учение о Промысле и указывает такую силу в Боге.

Немыслимость и совершенная необъяснимость бытия конечных предметов без допущения Высочайшей разумной Личности, силою Своего всемогущества поддерживающей конечный мир, заставляет смотреть на механическую теорию как на не дающую законченного и вполне удовлетворительного объяснения и вынуждает признавать вполне законным и наилучшим объяснением только религиозное учение о Промысле.

Изложенное понятие о Боге как об Источнике разумности в мире дает нам возможность выяснить понятие и об Его управлении природой. Явления целесообразности и причинности, разумности и механичности, как было сказано, идут в природе рука об руку. А отсюда ясно, что управление Бога миром не сопровождается разрушением естественных связей

вещей. Божественное управление не может быть названо вмешательством, вторжением в ход натуральной жизни. Оно есть руководство, творчески живительное соприсутствие высочайшего Разумного Духа. Оно не поправка плохо задуманного и плохо выполненного дела. Исправление необходимо для произведения ограниченных сил человека, а не Духа, обладающего бесконечной Премудростью.

Чем больше человек обладает предусмотрительностью, чем больше имеет сил осуществить наилучший план своей мысли, тем его произведение нуждается в меньших поправках и изменениях против первоначального вида. Произведение Божественной Премудрости и Всемогущества не нуждается в таких поправках и изменениях, введениях новых элементов.

Название вещей и явлений сверхъестественными выражает только наш уровень их понимания. У Бога все естественно, и сами чудеса не представляют для Него явлений другой области бытия, радикально противоположной естественному ходу вещей. «Чудо, — говорит Августин, — не противно самой природе, а является таким в отношении к нашему знанию природы». Все идеально создано Им от века, все вошло в Его план мира, а следовательно, носит характер естественности.

Итак, законы природы не обладают абсолютной неизменяемостью; они могут вхо-

316

дуть между собой в различные соотношения и воплощаться в реальный факт при помощи случайных безразличных для самого закона условий, но ум человека не мирится с понятием о случае как бессмыслии. Там, где случайное событие действительно производит разумный результат, он обязан рассматривать его как явление, приспособленное к достижению специального действия: не может же бессмыслие производить разумный факт. Даже и там, где он не видит ясно этой разумной деятельности случая, человек считает его только непонятным для себя, но никак не бессмысленным явлением.

Эта-то изменяемость физических законов служит почвой, на которой возможно построить понятие о Божественном управлении в мире физическом. А потому богословское понятие о комбинировании Богом явлений физического мира для выполнения или осуществления высоких планов (промыслительное управление) остается ничем не опровергнутым. Напротив, существование в физическом мире индивидуальных действий, хотя необходимо и не вытекающих из механических законов, но явно приспособленных к достижению разумных результатов, указывает на существование Разумного Духа за явлениями природы.

В.А. Никольский. Вера в Промысл Божий
и ее основания. Казань, 1896.

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ В ИСТОРИИ

Учением о Промысле предполагается некоторая самостоятельность мировой жизни. При такой точке зрения каждый исторический факт следует рассматривать как результат, с одной стороны, Божественной воли, а с другой — человеческой свободы.

Если какой-либо исторический факт сам по себе не соответствует началам высшей морали, то это его несоответствие всецело должно быть отнесено к свободной человеческой деятельности. Но такой характер этого факта нисколько не опровергает мысли о действительности Божественного Промысла в истории. Бог как дух и в истории действует духовно. А потому всегда следует посмотреть, не создал ли этот факт какое-либо чисто духовное, возвышенно-моральное явление, хотя сам по себе, по своему чувственно-духовному выражению, он и не особенно привлекателен. Вот это-то духовно-нравственное приобретение, развивающееся даже из безнравственных, порочных человеческих деяний, из самых ограниченных произведений человеческой мысли, и указывает на действие Промысла в истории. Бог только направляет действия человеческой воли, но не уничтожает их, не разрушает естественных, чисто человеческих связей в исторических событиях. Его действие в истории ме-

318

нее всего можно охарактеризовать термином «вторжение». Оно скорее может быть выражено словом «содействие».

Бог есть существо непостижимое. Тайной является то, каким образом Бог заставляет служить страсти и ошибки людей прогрессу человечества. Но ведь учение о непостижимости Божества нужно понимать в относительном смысле. Для человека непостижима внутренняя сторона Божественной жизни, хотя и о ней он знает нечто на основании богооткровенных истин. Что же касается внешних проявлений Божественной жизни и Божественного действования, то они, очевидно, могут постигаться человеком и при свете Откровения, и при помощи тех естественных приемов мысли и нравственного чувства, благодаря которым становится доступным познание и постижение всякой другой действительности. В противном случае у нас не могло бы образоваться и самого понятия о Боге, стремления к общению с Ним, побуждений объяснить мировую действительность как обнаружение Божественной воли.

Историки-провиденциалисты первые взглянули на исторический процесс не как на механический ряд причин и действий, не как на бессмысленный агрегат явлений, а как на живое течение нравственно разумных событий. А именно с таким пониманием истории только и мирится человеческое сознание.

И строго, последовательно проводить его может только провиденциальное воззрение на историю. Равным образом и принципы оценки исторических событий с точки зрения учения о Промысле далеко не так субъективны, как представляется противникам этого воззрения. При этом, конечно, нужно иметь в виду, что историки-провиденциалисты объясняют или по крайней мере должны объяснять внутренний, чисто духовный смысл исторического процесса. Внешние события подлежат их оценке постольку, поскольку в них раскрывается этот внутренний смысл, эта чисто духовная жизнь. Историк-провиденциалист не разрушает своим толкованием естественной связи событий, не устраняет их чувственно-духовного характера. Он отыскивает движущий нерв событий, их внутреннюю цель, не отрицая причинного отношения события.

Итак, ход истории надлежит признать разумным и целесообразным. Если же в истории есть цель, то необходимо должен быть и план как метод или путь, по которому совершается движение исторической жизни.

Общая цель мирового бытия не может быть известной для человека, не может быть и осуществлена его ограниченными силами. Человек не в состоянии стать выше самого исторического процесса, заглянуть за его пределы, понять ту цель, какая предназна-

320

цена миру, и выбрать соответственные для осуществления его средства.

Мы найдем немало и фактических данных для обоснования мысли о действовании Божественного Промысла в истории.

Доказательная сила этих фактов определяется тем обстоятельством, что самое их существование становится понятным только при допущении мысли, что на исторический процесс воздействует Бог как высочайший Руководитель исторических судеб. Ни в самих группах этих фактов, ни в других внешних этим процессам деятелях не можем указать достаточной причины их бытия. К таким группам фактов нельзя не относить явлений так называемой случайности, взаимосоподчиненности известных событий, избранничества известных народов и синхронности событий.

Случайность есть один из наиболее неустановленных, а потому и злоупотребляемых терминов. Особенно это злоупотребление встречается там, где за тем или другим пониманием его можно укрыться от возражений противоположного мировоззрения. Богослов доказывает, например, удивительную приспособленность известных средств к достижению какой-либо цели и в этом приспособлении видит действие Высшего Разумного Существа. Ему отвечают: «Это произошло случайно».

В обычном мировоззрении существует твердое и постоянное определение «случая» как события, могущего быть и не быть. Сложное целое несколько не пострадает от отсутствия случайности. Жизнь его может идти и развиваться и без участия этого элемента. Между тем в целом процессе есть много таких составных частей, без которых целое разрушается, прекращает свое существование, и эти элементы всегда пребывают в историческом процессе то в целом своем составе, то периодически чередуясь между собою. Включение случайных событий не необходимо для известного процесса. Но раз они вступают в него, то вступают по какой-нибудь причине и сами соединяются с элементами процесса в причинное отношение.

Видеть в исторических фактах следы Божественного Промышления заставляет особенная приспособленность случайности ко всему целому известного исторического процесса. Причем эта приспособленность, свидетельствующая о преднамеренности случайного события, не может быть приписана ни одному из известных и возможных деятелей. Случайное событие является восполнением сил самого процесса. Случай устраняет те реальные препятствия, которые может встретить исторический процесс на пути своего осуществления. Очень часто случайность придает ходу известного события ре-

альность. Без соединения с каким-нибудь случайным обстоятельством это последнее могло и не осуществиться или осуществиться иным способом.

Всякое случайное событие с явно выраженным преднамеренным приспособлением случайности или ряда случайностей к известному сложному факту мы вправе считать фактическим доказательством Божественного Промышления. Отсюда и сам исторический факт во всем его объеме как направляемый и окончательно определяемый в своем характере случаем мы должны считать актом Божественного Промышления. А тогда соединение случайного с необходимым должно будет считать преднамеренным актом какого-либо деятеля, и если этих деятелей нельзя указать в окружающей действительности, то необходимо отнести к Высшему Существо — Богу. Между тем, несомненно, случай в каждом крупном историческом событии (не говоря уже о мелких) всегда играет весьма важную роль.

Важность случая особенно ярко сказывается в напряженные моменты исторической жизни. В истории бывает немало обстоятельств, где исход событий с одинаковой легкостью может направляться то в эту, то в ту, совершенно противоположную, сторону. Факторы, образующие такой двусторонний процесс, обладают одинаковой силой.

Поэтому-то они до известного момента находятся в равновесии и выводятся из этого неопределенного положения случайным воздействием. Бывали такие минуты исторической жизни, когда судьба известного народа, а иногда и всего мира, висела, так сказать, на волоске. Достаточно было самого небольшого влияния со стороны случайного обстоятельства, и тогда вся история пошла бы в другом направлении, чем это случилось на самом деле.

Вспомним, например, историю смутного времени в нашем отечестве. Наша государственность тогда была так расшатана, что не только Польша, но и небольшие польские банды безнаказанно грабили и разоряли наше отечество, и Польше ничего не стоило подчинить себе Россию. Тогда, несомненно, русская история развилась бы совершенно по иной логике. Но поляки пропустили удобный момент захвата русской земли. Восстала вся земля на защиту православной веры и русской государственности, дотоле всегда защищавшей и веру, и землю. И русская история снова потекла по старому руслу под тремя своими знаменами: православия, самодержавия и народности. И это вмешательство общественного элемента в борьбу за Церковь и государство не было явлением необходимым, вытекавшим из самого процесса прежней исторической жизни. Народный дух не

324

есть что-либо самобытно-активное. Напротив, он всегда нуждается в руководительстве и объединении своих инстинктивных стремлений. Без этой объединяющей и руководящей силы самая бодрая и светлая народность падает в борьбе с более или менее организованным государственным строем. В данном событии русский народ объединился под знаменем не служилых людей, которых до толе выставляла Русь в качестве защитников своей гражданской самостоятельности, а под водительством простого гражданина Козьмы Минина. Появление такого защитника было, следовательно, не обычным, а случайным делом. Не случись такого вождя-инициатора, и иноземная интрига, вероятно, восторжествовала бы, несмотря на высокий подъем религиозно-патриотических чувств. Завоевание такой крупной политической единицы, как Россия с ее своеобразным развитием и отношением к другим национальностям, совершенное нацией как раз с противоположными идеалами, понятное дело, создало бы и историю совсем иную, чем это случилось в действительности.

Но случается и наоборот. Направление исторического процесса, по-видимому, принимает определенный и твердый характер. Естественно ожидать, что дальнейший ход событий определится именно природой этого процесса. Но часто в самую решительную

минуту, за которой должно следовать торжество, полное развитие и реализация намеченных предыдущим ходом событий, процесс нарушается действием посторонней и, следовательно, случайной силы. Вследствие этого не осуществляется множество таких событий, которые без вторжения случайности непременно произошли бы.

Могущество римлян, например, сильно было расшатано в борьбе с карфагенянами. Карфагенская знать сознавала всю пользу завоевания Рима и, несмотря на свою ненависть к Ганнибалу, снабдила его широкими военными полномочиями. И вот в самый решительный момент борьбы, когда великому полководцу требовалось немного помощи, карфагенские сенаторы бросили своего вождя на произвол судьбы. Не будь этого непонятого партийного ослепления, не выразись оно именно в этот решительный момент (что произошло совершенно случайно: до этого карфагеняне поддерживали своего полководца), Рим погиб бы, и вся история развилась бы совершенно иначе. Вместо народа-цивилизатора на историческую арену выдвинулся бы народ-варвар с его грубо-чувственными вкусами и материальной культурой. А так как римский народ играл значительную роль в подготавливании великого исторического явления христианства и немало содействовал ему в его распространении,

326

то победа римлян над Ганнибалом возвышается до степени всемирно исторического акта: при поражении римлян история пошла бы, очевидно, совершенно иным путем.

Неоспоримое доказательство действия Божества в истории представляет одновременное возникновение таких событий, которые делают переворот в жизни нации. Дело в том, что эти события приобретают все свое громадное историческое значение именно благодаря их временной связи с другими. Не будь этой связи, они не имели бы этой силы. Как связь разумная она и источником своим должна иметь разумное существо, находящееся вне процесса истории — Бога.

Поясним все сказанное самыми общеизвестными примерами. Изобретение книгопечатания, падение Византии и открытие Америки случились почти в одно время. Эти три события обыкновенно считаются в исторической науке гранями, отделяющими средневековую историю от новой. Каждое из этих событий очень важно само по себе, но всю силу и значение придают этим событиям их совокупность, взаимодействие, одновременность. Влияя друг на друга, эти три события тем самым усиливали значение каждого из них, и все вместе они выработали тип новой исторической жизни. Не будь этой связи между указанными факторами, влияние каждого из них было бы существенно иное.

Падение Константинополя, как известно, заставило греческих ученых бежать на Запад. Беглецы принесли на свою новую родину богатую сокровищницу знаний, своим благородным энтузиазмом мало-помалу зажгли в до толе невежественном Западе Божественную искру любви к научной истине. Но влияние греческих ученых на просвещение западных стран было бы значительно слабее, если бы к тому времени не было изобретено книгопечатание. Равным образом и это последнее потеряло бы значительную долю своего влияния на последующую культуру и цивилизацию, если бы оно не встретило готового материала в идеях греческих ученых. Не будь этих последних, ему (книгопечатанию) пришлось бы довольствоваться размножением католических требников и молитвенников, распространением подложных папских декреталий, астрологических бредней. Но и гуманитарная наука Греции не могла уже питать пытливым человеческий дух. Выдвигались новые задачи, новые потребности. Но сам этот факт всецело зависел от той дисциплины ума, которую сообщала романо-германскому миру классическая образованность. Именно с открытия Америки мы наблюдаем любопытное явление. Научная мысль из сферы чисто рассудочных представлений переходит в область исследования природы. Некоторые историки культуры справедливо видят в этом влияние

новых географических открытий и, в частности, открытия Америки. Ее своеобразная природа своей новизной не могла не возбудить самодеятельности в умах европейцев и побудить к ее исследованию. Этого не могла сделать природа европейская по той простой причине, что ежедневно наблюдаемые нами явления не возбуждают нашей любознательности и, в силу своей ежедневной повторяемости, кажутся нам совершенно понятными. Величественная природа Америки, заставив человека близко и пристально присмотреться к ее явлениям, через это самое дала толчок к занятию явлениями природы вообще, явилась, таким образом, одной из причин направления, принятого наукой в германороманском мире, — направления, стоящего в положительном исследовании природы. А известно, каковы были результаты этого направления, как великие открытия Коперника, Галилея значительно изменили мировоззрение, унаследованное от средних веков, как они подействовали на весь строй культуры и цивилизации. Но такое значение открытия Нового Света получилось только потому, что оно сделано было культурным племенем, даже более того — нацией, получившей научную подготовку в классическом образовании. Равным образом открытия в Новом Свете при отсутствии книгопечатания составили бы достояние не многих и поэтому

никогда бы не могли достигнуть общего влияния на пробуждающуюся цивилизационную деятельность.

Но из существования в мире неразумных (самих по себе) явлений нисколько не вытекает неразумность целого исторического хода. Ведь вполне возможно и фактически достоверно, что существо, обладающее высшей степенью разумности, даже из неразумных (в строгом смысле слова) действий извлекает разумные результаты. Между тем историческая жизнь человека только с идеальной точки зрения неразумна. Тем, значит, легче представить возможность превращения неразумных идеально исторических явлений в идеально разумный результат, возможность существования разумного плана в целом при неразумии отдельных исторических явлений.

Равным образом, с христианской точки зрения, существование в мире случайностей нисколько не нарушает планомерного хода исторических событий. Случай не есть какая-либо самобытная сила, ни от кого и ни от чего не зависящая. Случайное соединение событий есть только своеобразное выражение причинной связи. Ведь ясно, что если соединение явлений одного ряда происходит не беспричинно, то и случайное соединение самих этих рядов нельзя называть беспричинным. Только эта причинная связь лежит не в самых рядах, а дана извне.

Если же случай не есть особая самостоятельная сила, соединяющая группы событий по своим законам, если, далее, случайное соединение известных групп зависит не от них, то мы вправе приписать его Богу. Коль скоро же случайные соединения событий зависят от Бога, то ничто не мешает рассматривать их как части Божественного плана, как явления, предусмотренные в идеальном плане Божества и, следовательно, несколько не нарушающие порядка в его целом. Так, на почве христианского учения о Промысле делается понятным существование в мире разумности, планомерности и видимой случайности, хаотичности событий. Разумная цель, предназначенная Богом, должна осуществиться, но способ этого осуществления зависит от свободы выбора. Вот почему мы и наблюдаем в действительном ходе исторической жизни смешение этой высшей нравственной разумности и греховного неразумия. Один и тот же факт носит в себе следы нравственного мироправления и зла. Рассматриваемый с одной точки зрения, он разумен; рассматриваемый с другой — не разумен. Но это неразумие, если к нему присмотреться, всегда покрывается Божественной любовью и премудростью.

Ошибочные тенденции целых человеческих народностей находят себе противовес в целом человечестве или таинственно пре-

вращаются через ряд постепенных явлений в разумно-нравственные явления. Так является возможным достижение Божественной воли, осуществление Божественного плана при случайном течении исторических событий. В истории есть внутренняя идея, но осуществление этой идеи не вполне совершенно.

Сказанное выше позволяет нам решить вопрос и о сущности исторического процесса. Провиденциальное толкование истории предполагает в ней двух деятелей — Бога и человека. Свобода человеческой воли — это краеугольный камень всякой исторической теории. Признавать человека деятелем в истории и вместе с тем отрицать свободу его воли — это очень странное недоразумение. Признавая в истории двух деятелей: Бога и человека, историк-провиденциалист совершенно последовательно определяет сущность исторического процесса как воспитание человечества. История не развитие внутренней жизни Бога, а только осуществление Божественного плана в человечестве и через человечество. Планомерность исторического процесса — дело рук Божества. Идеально разумная цель мира достигается только при Божественной помощи. Человечество со своей греховностью, со своим ограниченным развитием только мешает скорейшему осуществлению Божественных планов. Если бы Божество поработило себе человека, сдела-

ло его простым орудием своих целей, лишило бы его духовной самостоятельности, то мировая цель достигнута была бы скорее, чем при настоящем относительно свободном состоянии человека. Но Бог дал человеку свободу, следовательно, и в планах Бога было не скорейшее достижение предназначенной миру цели, но достижение ее в человечестве и через человечество. Смысл истории должен заключаться в воспитании этого последнего до степени идеального совершенства, и исторический ход его развития — в постепенном возвышении человечества до понимания его идеального предназначения.

А.П. Лопухин. Промысл Божий в истории человечества. СПб., 1898.

НЕОБЪЯСНИМЫЕ СОВПАДЕНИЯ В ЛЕТОПИСИ ИСТОРИИ

Мир исторических явлений несравненно сложнее, а потому и интереснее, чем мир явлений окружающей человека природы.

Здесь мы встречаемся с целым рядом событий, которые и по непосредственному сознанию, и по философскому воззрению представляют собой нечто такое, что качественно отлично от явлений природы и представляет собой совершенно особый мир с только ему

присущими свойствами. Среди этих явлений на первом плане стоит личность, которая представляет собой высшую форму бытия и обладает свойством, решительно отличающим ее от явлений природы и делающим ее не подчиняющейся тем законам, которым следует все существующее. Это свойство есть свобода, которая придает движениям личности известную независимость и случайность, вносящие неуверенность во все расчеты касательно ее возможных действий.

Когда личность оказывается особенно одаренной самобытностью, то она со своим самосозданным миром и со своими индивидуальными целями вторгается в сам ход всемирной истории и производит в нем перевороты.

Великий гений, как обозначается подобная личность, творчески воздействует на окружающую жизнь, подобно молнии падает в мертвую неподвижную массу других, недостаточно развивших в себе самодеятельность личностей, и воспламеняет ее, воодушевляя к достижению поставленных ею целей. Тогда в народах происходит необычайное движение и совершаются величайшие события, которые без такого случайного воздействия гения не совершились бы — по крайней мере в данный момент. Появление и действие таких личностей случайнее, чем, например, удар молнии в сухое дерево и происходящий отсюда пожар.

Но еще больший простор подобные случайности как явления, необъяснимые никакими неизменными законами, имеют в широкой области возможностей, непредвиденно осуществляющихся вследствие случайного совпадения внешних условий и обстоятельств с целями и делами людей. Каждое из этих обстоятельств, взятое в отдельности, может иметь совершенно достаточные, доступные познанию основания; но случайность их обнаруживается именно в их неожиданности, так что случись то же обстоятельство в другое время, оно не имело бы никакого значения, произойдя же в данный именно момент, оно производит громадные последствия.

В самом деле, смерть человека есть самое обычное и необходимое явление, и умри Александр Великий (Македонский) 70 или 80 лет от роду, его смерть, конечно, была бы отмечена в истории, но она, вероятно, не имела бы тех последствий, которые повлекла за собой та случайность, что он умер всего 32 лет от роду, вследствие чего сразу разрушилась вся с таким трудом созданная им всемирная монархия.

Буря на морях также есть обычное явление, но когда такая буря совпала с выходом Великой армады для подавления протестантизма и рассеяла ее, то последствия этой случайности имели громадное значение в истории Европы.

Суровые зимы в России повторяются нередко и не составляют ничего особенного, но когда одна из особенно суровых зим совпала с походом Наполеона в Россию и причинила величайшую бедственность непобедимой до толе армии военного гения, то эта случайность опять повлекла за собой громадные последствия.

Пуля направлялась в грудь великого императора, вступившего в отчаянный полтавский бой, долженствовавший решить, кому распоряжаться судьбой севера Европы. Уклонись она на полдюйма вправо или влево, и великий царь пал бы бездыханным, и все исполинские усилия его разрушились бы от этой случайности. Но пуля выдержала свое направление и ударила как раз в тот пункт на груди, где висел крест, и, встретив это непроницаемое препятствие, отскочила, и судьба Северной Европы была решена в пользу русского царя.

Таковыми случайностями переполнены летописи истории. На всем ее протяжении мы то и дело видим, как в ней совершается какой-то неуловимый калейдоскоп необъяснимых случайностей и самых странных совпадений. От какого-нибудь ничтожнейшего само по себе явления происходят величайшие события; какая-нибудь случайность, происшедшая именно в данный, а не другой момент, создает или разрушает счастье отдельных

336

лиц или целых народов. Человек прибегает к каким-нибудь страшным усилиям, напрягает все силы своего ума для достижения той или иной цели, и вдруг по какой-либо странной случайности все эти усилия разлетаются в прах или приводят как раз к противоположной цели; или наоборот — из самых ничтожных явлений развиваются события, поражающие своей неожиданной важностью. Нить, на которой, по-видимому, висит целый мир событий, часто в самый решительный момент обрывается, и, таким образом, не осуществляется множество таких событий, которые иначе непременно осуществились бы; с другой стороны, нить, которая, по-видимому, готова порваться во всякий момент, чудесно сохраняется, хотя бы достаточно было самого ничтожного напряжения, чтобы она порвалась и вследствие этого весь дальнейший ход истории получил бы совсем другое направление. Наконец, из самых далеких областей случайно сталкиваются между собою самые разнородные, совершенно чуждые между собой вещи и производят чрез это события, которые делают целую эпоху в истории. Эта пестрота неуловимых и необъяснимых случайностей представляет самую характеристическую черту истории — ту черту, которая прежде и больше всего представляется непосредственному наблюдению. Но уже поэтому ясно, что это лишь одна сторона историче-

ского мира и притом самая внешняя. Тот, кто не в состоянии открыть в нем еще другой какой-либо стороны, отнюдь не может быть назван глубоким историком.

Поэтому всякая более или менее серьезная мысль не останавливается на пестрой игре внешних случайностей, а старается заглянуть внутрь их, на ту общую основу, на которой происходит эта внешняя игра; и когда она действительно проникает глубже, то видит перед собой совершенно иную картину. Если на поверхности наблюдателю представляется бесконечно богатое и разнообразное зрелище явлений, которые в своей крайней разрозненности повсюду ускользают от всякой попытки связать и осмыслить их; то с другой стороны — под ними серьезный мыслитель замечает неподвижное единство, которое стремится связать все это живое, непрестанно движущееся разнообразие в твердые формы и опять поглотить его в недрах всеобщих начал; но никогда не удается ни одной из этих сторон окончательно одолеть другую и через это вполне достигнуть своей цели. Принципы, лежащие в основе обеих этих сторон: там — случай и индивидуальная свобода, здесь — необходимость, составляют громаднейшую противоположность, которую тщетно старается понять и сгладить разум: их сосуществование и взаимодействие есть глубочайшая загадка бы-

338

тия, вследствие чего и общий результат их, история, пеструю ткань которой производят они, столь таинственна в своем процессе. Мы ясно видим, как вследствие этой путаницы сталкивающихся между собой влияний развитие продолжает свой тихий размеренный ход, как ему часто чудесно содействует сам случай, как разрозненность и раздвоение опять возвращаются к единству, и свобода, как бы сдерживаемая невидимыми узами, никогда не может слишком далеко уклониться от него, так что даже, по-видимому, в самых случайных и капризнейших проявлениях человеческой жизни поразительным образом просвечивает закон.

Такой именно двусторонний процесс и представляет собой мир исторических явлений для всякого мыслящего наблюдателя. Для наглядности его можно сравнить с океаном. На поверхности его под влиянием разных случайностей происходят движения, не подчиняющиеся никаким определенным законам, так что всякое парусное судно находится во власти капризной стихии; но если мы взглянем вглубь, то увидим совершенно правильные движения вод в определенных направлениях и по определенным законам, очевидно, в силу естественной необходимости, так что эти течения могут составлять предмет точного изучения и даже изображения на географических картах. И обе эти сто-

роны сосуществуют в одном и том же процессе. То же самое представляет и история.

Некоторые находят невозможным построить какой-либо общий план для истории человечества и отрицают его в принципе. Вместо построения такого плана они посвящают себя весьма кропотливому и утомительному труду, стараясь показать, как, какими путями, из чего, под влиянием какой общей тенденции личности ведут ту многовековую работу, которая известна под названием истории, и результат получается самый ничтожный: уясняется несколько черновая, так сказать, сторона исторического процесса, но совершенно в стороне остается капитальный вопрос: для какой высшей цели ведется весь этот труд, причиняющий столько радостей и горя, требующий таких колоссальных усилий и такого геройства, кто главный управитель этой работы и, следовательно, составитель ее плана и кто будет награждать за успешное выполнение его?

Такой исследователь истории уподобляется, по сравнению одного американского писателя, человеку, который, впервые увидев величественный собор в Кельне и изучив его состав, материал, из которого он сделан, процесс работы над ним, все технические подробности постройки, вообразил бы, что он имеет полное понятие об этом предмете. Но конечно, если бы он остановился на этом

только исследовании, а не разрешил бы себе главного вопроса, для чего, собственно, создано это величественное здание, то его понятие о нем было бы далеко не полным и, в сущности, совершенно неясным.

Таким образом, мир исторических явлений с рассмотренной точки зрения оказывается совершенно непостижимым. Это какая-то загадка, для которой нет ни малейших данных, наводящих на ее разрешение. И особенно непостижимыми становятся те явления истории, в которых личный элемент с его сознательными целями и стремлениями становится в противоречии с подавляющими его враждебными силами, такие явления, в которых страшные усилия одних рушатся от бездушной случайности, а страшное горе других не находит себе нигде ни малейшего отголоска или сочувствия, в которых преждевременно гибнущие личности и целые народы оказываются жертвой.

Пути Промысла Божия в судьбах древнего человечества

План всемирно-исторического процесса есть именно стройная цепь взаимосоподчиняющихся целей, вполне проявляющих премудрость и благость Божию в истории. Все в этом плане предустановлено так, что бесконечно разнообразные его части, по-видимому, даже идущие против основной идеи плана, в

действительности содействуют его гармонии и чудесному осуществлению его в целом. Конечно, вполне постигнуть этот дивный план во всей его полноте при теперешней ограниченности нашего знания невозможно, и безумно заявлять притязание на это, когда наш разум не может постигнуть вполне даже мира физического, при изучении которого он постоянно наталкивается на непостижимые тайны бытия, между которыми первое место занимают такие основные предметы, как материя и сила. Если и здесь разум должен ощупью ходить среди тайн, окружающих его на каждом шагу, то тем более это естественно в мире истории, где действуют не одни только законы необходимости, но где ум встречается с таинственнейшими из тайн бытия, каковыми, несомненно, являются действия личных существ, свободно действующих в мире необходимости.

Всемирная история представляет массу примеров, подтверждающих эту теорию взаимосоподчинения целей как сущности исторического процесса. Мы часто видим в истории, как отдельные личности, ставя себе частные цели, употребляют на достижение их все свои усилия, думая, что они достигают их только для самих себя, чтобы пользоваться эгоистическим самоуслаждением даже во вред другим; и действительно достигают этих целей. Но когда последующий историк полу-

342

чает возможность взглянуть на тот же предмет с высоты протекших веков, то он, имея перед своими глазами более широкий исторический кругозор, видит, что сами эти личности несознательно действовали под влиянием внешних для них побуждений и, достигая своих целей, тем самым содействовали лишь достижению других целей, имеющих великое историческое значение для целого народа или человечества.

В самом деле, возьмем пример братьев Иосифа. Лично они одушевлены были одною целью — отделаться от своего брата Иосифа, любовь к которому со стороны их престарелого отца возбуждала в них неукротимую зависть. И они действительно достигли своей цели, когда продали бедного юношу измаильтянам, которые, конечно, в свою очередь стремились перепродать его подороже в другие руки. Цель тех и других была вполне достигнута: братья навсегда отделались от ненавистного им брата, который, как и естественно было ожидать, навсегда потонет в море житейской пучины. В свою очередь измаильтяне выгодно перепродали купленного ими юношу на берегах Нила и, следовательно, тоже достигли своей цели. Ни те, ни другие не сознавали, что они достижением своих целей содействовали какой-то высшей цели, а в частности для братьев эта высшая цель была даже и нежелательна, если бы даже

они и сознавали ее. Проявив крайнюю бесчеловечность к своему брату, они более всего, конечно, желали, чтобы уже никогда не встречаться с ним, тем более в таких условиях, при которых они оказались бы в зависимости от него. А между тем все так именно и случилось. Продавая Иосифа измаильтянам, они несознательно исполняли высшую волю Промысла, который направлял Свой избранный род в Египет, чтобы там он, воспитавшись в недрах самого цивилизованного народа в мире (притом без опасения слиться с ним, потому что египтяне сильно чуждались всех других народов как нечистых), мог возрасти в целый народ, чтобы затем занять свое всемирно-историческое положение в человечестве в качестве света для него. Конечно, Бог как всемогущий распорядитель судеб лиц и народов мог достигнуть этой цели и прямо — повелел бы, например, Иакову переселиться в Египет. Но тогда всемогущество Божие действовало бы прямо подавляющим образом, и исторический процесс был бы просто механическим. Между тем в действительности событие совершилось так, что в нем частные человеческие цели, достигаемые собственным самоопределением человека, привели к высшей цели совершенно свободно, и потому исторический процесс в данном случае получает характер нравственный. А такой только процесс и может быть назван вполне истори-

ческим в отличие от процесса механического — в неодушевленном или одушевленном, но не разумном мире. Превосходство нравственного процесса над механическим заключается в том, что он именно представляет собой систему воспитания. Ведь сущность и задача воспитания в том и состоит, чтобы, предоставляя человеку право уклоняться от высшей цели, тем самым предоставлять ему возможность опытом познавать результаты своих действий, а в конце концов, приводя человека к определенной цели, давать ему полную возможность оценить свои предшествовавшие действия с высшей нравственной точки зрения и таким образом подвергнуть их беспристрастному суду и собственной совести и истории. Можно себе представить, какой великий урок вынесли братья Иосифа из всех перипетий их встречи со своим некогда проданным братом, когда он явился пред ними в качестве великого властелина могущественной монархии, как громко говорила в них совесть, воспроизводя пред ними некогда содеянное ими злодеяние: недаром они и после опасались, как бы Иосиф не вздумал отомстить им (Быт. 50, 15) за причиненное ему некогда зло. Но Иосиф в своем ответе им торжественно выразил принцип исторического процесса с высшей провиденциальной точки зрения, когда сказал им: «Не бойтесь; ибо я боюсь Бога. Вот, вы умышляли против

меня зло; но Бог обратил это зло в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей» (Быт. 19, 20). Последнее выражение имеет особенно знаменательный смысл: продавая Иосифа, братья тем самым совершали нечто вроде убийства его — по крайней мере для себя и отца; а между тем это бескровное убийство в конце концов привело к тому, что через него спасена была жизнь не только самих братьев во время голода, но и жизнь целого народа в Египте — во время знаменитого семилетнего голода.

Конечно, чтобы мог быть достигнут этот великий результат, должен был совершиться целый ряд промежуточных событий, которые с известной точки зрения кажутся совершенно случайными. В самом деле, может показаться случайным, что, когда братья раздумывали, как им отделаться от Иосифа, на горизонте показался караван измаильских купцов, который и навел братьев на мысль воспользоваться этим случаем. Случайно, по-видимому, измаильтяне продали Иосифа придворному сановнику Потифару, в доме которого ему пришлось встретиться с сомнительной нравственности госпожой, которая притом после известной неудачи в достижении своей цели оклеветала невинного юношу, и, конечно, с бессердечной злобой обманувшаяся в своих низких расчетах женщина настояла на том,

346

чтобы Потифар подверг его беспощадному наказанию, лишив свободы через заключение в тюрьму. Все это по-видимому случайно, и с простой человеческой точки зрения тут нет ничего провиденциального. Но то, что в наших глазах есть случай, в действительности есть преднамерение высшего Разума. И действительно, если мы возьмем этот факт во всем его объеме, то увидим, как все эти случайности составили из себя поразительную цепь фактов, необходимо приведших к той конечной цели, которая имелась в виду. Ведь не показись в этот самый день измаильский караван, озлобление братьев могло бы привести и прямо к убийству Иосифа. Затем продай измаильтяне Иосифа не Потифару, а какому-нибудь заурядному египтянину, весь последующий ряд событий не совершился бы: Иосиф не встретился бы со сластолюбивой госпожой, не ввергнут был бы в привилегированную темницу, не встретился бы там с подвергшимися немилости сановниками фараона, не истолковал бы им снов, о нем не доведено было бы до сведения фараона, он не сделался бы министром Египта, не сделал бы хлебных запасов во время урожаев и погиб бы сам во время наступившего голода, а вместе с ним погибли бы его братья, его престарелый отец и масса египетского народа. Если же все это случилось как раз наоборот, то все эти случайности ясно свидетельству-

ют, что в основе их действовала высшая Разумная сила, сумевшая примирить то, что на простой взгляд кажется случаем, с тем, что даже и на простой взгляд уже оказывается разумной необходимостью. И эта сила, конечно, есть не что иное, как промыслительная воля Божия, все направившая к predetermined цели таким путем, который нисколько не затрагивал личного самоопределения действовавших в этом сложном событии людей. Утверждать после этого, что здесь совершилась простая игра случайностей (как должна утверждать всякая теория, не признающая идеи Промысла), значило бы утверждать, что из случайно взятой и брошенной на воздух глины может когда-нибудь «случайно» образоваться какое-нибудь художественное скульптурное произведение.

При посредстве совершенно такого же ряда случайностей состоялось и освобождение выросшего на берегах Нила избранного народа от рабства египетского. В самом деле, народ, который предназначался быть носителем великой истины искупления для распространения ее в человечестве, видимо погибал в Египте: жестокий деспотизм фараонов изобретал все новые и новые тягости, чтобы подорвать силы молодого народа, сокрушить его жизненность и превратить в своего вечного дарового раба. Издан был даже кровавый закон об умерщвлении всех ново-

348

рожденных мальчиков, и, конечно, только безнадежное отчаяние Амрама и Иохаведы подсказало им мысль — положить своего новорожденного мальчика-сына в корзинку и спустить ее в реку в чашу папирусного камыша, чтобы он, если уже погибать ему, лучше погиб неведомой для них смертью, чем быть убитым на глазах своих родителей. И конечно, этот бедный мальчик мог погибнуть от многих смертей: он мог быть залит водою, задохнуться в пеленках, мог быть, наконец, пожран первым случившимся поблизости крокодилom; но ничего этого не случилось, а случилось то, что бедный мальчик найден был царскою дочерью, которая сжалилась над ним, усыновила его и дала ему блистательное образование, «посвятив его во всю мудрость египетскую» (Деян. 7, 22). А так как этот мальчик был не кто иной, как Моисей, великий освободитель и законодатель народа, которому для совершения своего великого дела нужно было лично сталкиваться с фараоном и вести борьбу с ученейшими жрецами и мудрецами Египта, то весь этот ряд случайностей ясно обнаруживает лежащую в их основе разумную волю, направляющую все к определенной разумной цели. Эта разумность воли особенно ясно обнаруживается еще в том, что чудесное совпадение этих случайностей произошло не в жизни кого-либо другого, а именно Моисея. И дру-

гие родители, наверно, прибегали ко всевозможным способам для спасения жизни своих новорожденных малюток, но ни один из них не был усыновлен дочерью фараона. Да если бы даже кто-нибудь из них и был усыновлен или вообще каким-нибудь образом принят при дворе, то все-таки, не обладая несокрушимой самобытностью гениальной натуры Моисея, он легко превратился бы в честолюбивого царедворца, для которого личные интересы были бы выше всего на свете, стал бы стыдиться своего происхождения от жалкого и презираемого всеми народа, вполне отрекся бы от него, и, конечно, из него вышел бы придворный льстец или великосветский нуль, а не великий избавитель народа и мудрейший законодатель в мире. Если и здесь действовал простой случай, а не премудрый Разум, умеющий из случайного калейдоскопа фактов создавать стройный план мироправления, — предполагать это значит предполагать, что от случайного вулканического сотрясения гранитных гор может случайно образоваться Исаакиевский собор...

Мы берем эти примеры из Библейской истории, потому что эта история ярче изображает пути Промысла Божия в судьбах человека, чем история всякого другого народа. Но параллельные факты можно указать и из истории других народов. При этом прежде всего нужно заметить, что действие

350

Промысла отнюдь не ограничивается только избранным народом. Оно простирается и на все человечество, хотя и не в одинаковой степени. Как солнце, освещающая всю землю, одним изливает всю свою согревающую и озаряющую силу, а другим предоставляет пользоваться только отражением слабых и косвенных лучей, так и Промысл Божий распространяет свое руководящее действие не одинаково, а по мере того, насколько известный народ стоит ближе к центру духовной истины, к солнцу религиозной правды, не оставляя, однако же, без высшей помощи в деле достижения высшего блага ни один народ в истории человечества. Здравая богословская мысль никогда не отрицала того положения, что и языческие народы, отпавшие от истинного Бога и служившие в своей слепоте идолам, не были окончательно оставлены Богом, и Промысл вел также и их, хотя и иными путями, путями заблуждения, к общей цели человечества. Различие между ними и избранным народом состояло лишь в том, что языческие народы как самовольно отпавшие от Бога были более предоставлены самим себе, чтобы до конца обнаружить то, к чему может привести богоотступничество, чтобы до дна испить горькую чашу своих греховных страстей, опытом познать всю беспомощность человека в состоянии его богооставленности и вследствие этого сознательно и с чувством

глубокого нравственного раскаяния опять придти к исканию собственным разумом того Бога, который некогда был отвергнут им. И вся история древнего языческого мира представляет поразительное доказательство этого. Отличительная особенность этого мира заключалась именно в том, что это был мир чисто человеческого развития. Он состоял из народов, которые отвергли веру в истинного Бога, в своей гордости порешили жить без Бога, полагая, что собственных человеческих сил вполне достаточно для осуществления целей земной жизни. Так как вследствие этого им приходилось полагаться только на самих себя и на свою самостоятельность, то отсюда среди них именно впервые началась культура — в смысле борьбы человека с природой и ее силами. Типичными представителями такого культурного поколения были Каин до потопа и Хам после него. Как люди, отрешившиеся от всех возвышенных идеалов жизни, они, а за ними и все произошедшие от них народы стали жить только для себя, для своих земных целей. Эгоизм личный или национальный сделался их богом, которому они и служили от всего сердца. Вся история древнеязыческого мира представляет собой именно служение этому личному или национальному эгоизму. Мы постоянно видим, с какой настойчивостью древнеязыческие народы стремятся достигнуть своих земных

целей, удовлетворить свои земные потребности, во всей полноте развить свои силы и достигнуть того, что они признавали своим национальным назначением.

Египтяне с изумительной настойчивостью развивали свою чисто материальную культуру и не щадили миллионов жизней, чтобы создать те грандиозные памятники человеческого трудолюбия, которые под названием пирамид и по сей день составляют предмет удивления народов. Ассирийцы с такой же настойчивостью вели беспощадные войны, подчиняя себе силой оружия народы Западной Азии. Финикийцы всю силу своего национального гения употребляли на развитие торговли и из золота сделали того тельца, который был для них главным божеством. Греки, отличаясь от природы чувством красоты и даром умозрения, развивали этот свой идеал, с презрением относясь ко всем другим народам как к варварам, недостойным названия людей. Римляне всю цель жизни видели в завоевании и на осуществление ее потратили весь свой национальный гений, не щадя никаких жертв. Каждый из них (равно как и каждый из других не перечисленных народов) всеми силами стремился к удовлетворению только своих национальных целей, полагая, что это удовлетворение и есть конечная цель их бытия. О том, чтобы каждый народ, кроме своих национальных целей, имел еще

и миссию общечеловеческую, что каждый из них должен был работать и на все человечество, об этом древние народы не имели и понятия, и сама эта мысль была чужда им. Хотя у некоторых философов по временам и проглядывала идея братства народов, но она не имела никакого практического значения и фактически попиралась самими же философами.

Таким образом, вся история этих народов по самому ее характеру должна представлять лишь картину разрозненных целей, постоянно сталкивающихся между собой и взаимно подавляемых — в чисто эгоистических расчетах. Борьба за существование, самая беспощадная и часто ужасная, была главным движущим мотивом их жизни, и грубая сила торжествовала над всеми лучшими и возвышенными ее задачами. Ввиду этого основного мотива можно бы ожидать, что древний мир представляет собой безотрадную картину взаимопожирания народов, и вся его история закончится взаимоистреблением с разрушением всего того, что могли бы выработать более идеальные, но бессильные представители человечества. Но в действительности эта история вовсе не представляет такого безотрадного хаоса. Напротив, мы видим, что хотя отдельные народы преследовали исключительно свои национальные интересы, однако в то же время каждый из

354

них несознательно трудился и для другой высшей цели. Какая-то высшая воля незримо направляла их так, что они, работая по своему сознанию только для себя и достигая только своих целей, в то же время работали для всего человечества и достигали его высшей идеальной задачи. Теперь уже не может подлежать серьезному оспариванию тот факт, что вся история древнего мира представляла подготовку к христианству, и к этой именно цели несознательно направлялись усилия народов. Ассирийцы, например, ведя свои кровожадные войны, конечно, имели в виду только удовлетворение своей алчности и хищничества; но вместе с тем они же впервые силой оружия начали сближать и объединять между собой дотоле совершенно разрозненные народы и в этом отношении уже работали в интересах человечества. Египтяне также вырабатывали материальную культуру и развивали свою мудрость, конечно, только для себя, вследствие чего даже всячески сторонились всего окружающего мира. Но эта культура, однако, сделалась общечеловеческим достоянием, так как окружающие народы из алчности или зависти стремились воспользоваться ее плодами, грозные воители грабили Египет и увозили с собой громадные массы сокровищ, которые ложились в основу материального развития их собственных стран. Финикийцы вели тор-

говлю из своих национальных интересов, а между тем, служа торговыми посредниками между отдаленными и отчужденными народами, они пролагали путь к единению между ними, сближали их между собою, возбуждали соревнование в производительности и содействовали общему умственному развитию. Какое громадное значение для общечеловеческой цели имели эти алчные и, в общем, крайне недобросовестные торгаши (такую именно худой славой они пользовались у всех древних народов), показывает тот факт, что эти именно торгаши впервые выработали (из египетских или вавилонских знаков, это еще не решенный в науке вопрос) алфавит, который лег в основу алфавитов всего цивилизованного мира. Сближение народов, начатое завоевателями и продолженное торгашами, нуждалось в более прочной основе, соответствующей более благородным стремлениям народов, и эта основа была выработана греками, которые, обладая высоким художественным чутьем и силой философского мышления, выработали выразительный, гармоничный и точный язык, способный выражать глубочайшие оттенки мысли и чувства, и создали глубочайшую философию, способную обнимать самые возвышенные истины. Свои умственные сокровища они вырабатывали только для себя, видя в них гордость и славу своего национального гения и считая

другие народы не способными к ним. Но этот национальный эгоизм разрушен был Александром Великим, который, опять руководствуясь чисто национальной задачей — отомстить персам, предпринял великий поход в Азию, и этот поход имел громадное значение для распространения эллинизма во всех его формах среди народов этого обширного материка. Греческий язык и греческая литература сделались модными во всем образованном мире, и всякая мысль, воплощенная в греческую форму, могла быстро становиться достоянием всего образованного, читающего человечества по всему Востоку. Оставался в стороне еще Запад, но и он скоро введен был в общечеловеческую семью народов. Там явился и с чудесной быстротой развил необычайное могущество римский народ — народ, который выше всего на свете ставил внешний правовой порядок. А в таком именно внешнем правовом порядке теперь более всего нуждался мир, который достиг высокой степени культуры, но не выработал общечеловеческого права и, поделенный на неравные политические группы, вел страшную самоистребительную войну. И вот римский орел, взмахнув своими могучими крылами, двинулся на завоевание мира, и через несколько столетий разбойничий притон на берегу Тибра разросся в мировую столицу. Все народы, как цивилизованного Востока, так

и варварского еще Запада, склонились пред этим орлом и подчинились введенному им повсюду правовому порядку, в силу которого прекратились все взаимоистребительные войны и повсюду водворился мир. Введя в пределы своего завоевания Грецию, подчинив ее своему оружию, Рим сам пленился ее культурой и таким образом приобщился к общечеловеческой культуре. И вот таким именно изложенным путем древний мир пришел к тому, что он весь объединен был и духовно, и политически: все прежде разделявшие мир грани, служившие препятствием к взаимообщению народов, теперь были устранены; всякое слово на греческом языке могло разноситься по всему миру, и всякий проповедник, пользуясь правами римского гражданства, мог беспрепятственно разъезжать по всем странам, пользуясь при этом великолепными военными дорогами на суше и правильными рейсами кораблей на море. Ясное дело, что только сознательная воля могла из хаоса международных эгоистических отношений создать столь чудесные условия для распространения истины, и когда ложь собственно языческого мирозерцания была раскрыта философами, подорвавшими веру в богов и произведшими в народах духовную пустоту, которую они и жаждали заполнить истиной, — тогда-то именно в отдаленном уголке презираемой Иудеи родился Тот, Кто

был истиной и светом миру, и подготовленные народы с благоговением преклонились пред Ним.

Таким образом, мы видим, как чисто национальные, эгоистические цели отдельных языческих народов древности послужили в руках высшей воли средством приготовления древнего мира к христианству как цели общечеловеческой. Для осуществления этой цели требовалось, конечно, множество всяких средств, и эти средства всегда оказывались в высшей степени целесообразными, даже в тех случаях, когда они, по-видимому, должны бы иметь как раз обратное значение. В самом деле, что по-видимому общего между войной, предпринимаемой из чисто национального чувства мщения, и объединением народов на почве общей высокоразвитой культуры? А между тем такой именно результат имел поход греческого героя в глубь Азии — против персов. Римляне прежде всего, конечно, руководствовались в своей завоевательной деятельности жадной властолюбией и алчностью — мотивами, совсем непригодными для водворения мира на земле; а между тем их завоевания привели к объединению всех народов под одним правовым порядком, который действительно водворил мир на земле.

Таких примеров можно было указать множество, и они показывают, как высшая воля

умеет обращать на достижение своей цели даже совершенно противоречащие ей средства. В самом процессе этого громадного подготовительного труда встречаются моменты, когда вся судьба мира, так сказать, висела на волоске, и случись что-нибудь иначе, весь дальнейший ход истории мог бы, а по человеческому рассуждению, и должен был бы получить совершенно иное направление. В самом деле, поход Александра Великого в Азию имел решающее значение для торжества греческой культуры в мире; а между тем этого похода могло бы и не осуществиться, если бы не произошло одной ничтожной случайности, а именно, если бы в 337 году во время своего брачного пиршества Филипп Македонский не поскользнулся и не упал. Во время этого пиршества, как известно, Филипп, раздраженный на своего уже взрослого тогда сына Александра, бросился на него с обнаженным мечом и, несомненно, заколол бы его, но от порывистого движения поскользнулся и упал, и этот случай спас жизнь величайшему герою в мире.

Но если эта ничтожная случайность спасла для мира величайшего гения, бывшего столь необходимым для достижения великой мировой цели, то другая случайность преждевременно отняла его у истории. Этой случайностью была преждевременная смерть, скосившая Александра, как известно, в 32-летнем

360

возрасте, когда он, только что закончив свое завоевание мира, стал строить план основания всемирной монархии. Смерть его не раз оплакивалась и древними, и новыми историками, которые справедливо указывали на этого ужасного врага, весьма часто своей косою сражающего людей в тот именно момент, когда они, достигнув цели своей жизни, думают воспользоваться плодами своих страшных усилий. Не умри Александр в столь раннем возрасте, он, конечно, закончил бы предпринятое им дело, основал бы могущественную монархию, которую в целостности передал бы своему преемнику. Вся последующая история могла бы получить совершенно иное направление. Но смерть одним ударом разрушила все возможности. И если внимательно всмотреться в ход исторических событий, то это было во всех отношениях к лучшему для человечества. В самом деле, если бы Александр действительно основал всемирную монархию, то эта монархия как состоящая главным образом из стран Востока по необходимости сделалась бы деспотической — с ее обычным произволом и недостатком справедливости; если бы в ней восторжествовал греческий элемент, то и в таком случае в ней во всей силе проявилась бы греческая неспособность к политической организации, и началась бы бесконечная путаница политических страстей, интриг и соперничества

между ее отдельными областями. Наконец, объединенный политически эллинизм по необходимости встретился бы с Римом, Восток столкнулся бы с Западом, и от этого столкновения двух великих завоевателей потряслись бы основы мира и во время исполинской борьбы погибли бы многие города и целые народы. Все эти бедствия были устранены одною случайностью — смертью Александра, и вследствие этого все случилось именно так, как и должно было случиться по плану исторического движения: грандиозный план восточной всемирной монархии рушился, преемники Александра поделили между собой великую добычу гениального завоевателя, крайне ослабили себя и, чувствуя свое политическое и военное ничтожество, не задумались уже никакими завоевательными замыслами, а полагали свою честь в том, что и было несознательной, но главной задачей Александра, а именно: сделались страстными поклонниками и распространителями греческой культуры, которую и водворяли повсюду. Когда же они таким образом закончили дело эллинизма, то Рим мог без всякого труда, часто одним страхом своего имени ввести их в сферу своей всемирной монархии с ее правовым порядком, долженствовавшим водворить на земле человеческую справедливость как подготовку к явлению правды Божественной.

Наконец, в этом процессе был еще один великий момент, когда судьба мира висела на волоске. Это было в 216 году, когда происходила борьба не на жизнь, а на смерть между Римом и Карфагеном. Карфаген в лице своего военного гения Ганнибала видимо брал перевес, и Рим стоял на краю гибели. Сделай он еще один шаг, и Рим погиб бы, а вместе с ним погибла бы и вся римская цивилизация; со всемирно-исторического поприща сметен был бы народ-цивилизатор, водворивший по всей Западной Европе начала своего права, которыми он в значительной степени живет и до настоящего времени; полудикие народы ее сделались бы рабами Карфагена, который внес бы в них разрушительный яд своей торговой эксплуатации, своей бесчестной политики и своего безнравственного, развращающего культа. Одним словом, вся судьба западного мира изменилась бы в корне. Но этого не случилось просто потому, что сами же карфагеняне, в своем непостижимом ослеплении, из-за своих партийных счетов не дали вовремя надлежащего подкрепления своему герою-победителю и тем самым спасли великого западного цивилизатора, а себе вырыли историческую могилу. Поистине, можно сказать, что «Бог с высоты небес держит в своих руках бразды всех царств», и когда Он хочет ниспровергнуть царство, то ослепляет мудрость человеческую и спуты-

вает советы ее, так что народы сами неудержимо стремятся к своей гибели.

Но если и в языческом мире с такой очевидностью давала о себе знать высшая воля, все направлявшая к одной определенной цели, подчиняя ей частные цели отдельных народов, то тем понятнее становится, что эта же воля еще явственнее выступает в истории избранного народа. Идея избранности совершенно непонятна с точки зрения естественного разума, старающегося видеть в истории лишь процесс естественных сил и случайностей, простой необходимой эволюции. А между тем история представляет нам действительный факт избранного народа, который, занимая совершенно особое положение в мире и даже среди своей собственной расы, будучи народом с обыденной мирской точки зрения совершенно незначительным, не создавшим ни собственной культуры, ни собственной философии, однако же в данный момент оказал на человечество такое влияние, пред которым бледнеет влияние величайших народов языческого мира. В самом деле, на обыкновенный взгляд это совершенно странный народ. Он занимал ничтожнейший уголок на земном шаре, сторонился от всех окружающих народов, враждовал даже со своими единоплеменниками, говорившими с ним на одном и том же языке (как моавитяне и др.), был предметом презрения и поно-

364

шения у великих культурных народов, которые не иначе смотрели на него, как на народ злобный и человеконенавистный, ни к чему не способный и преданный самым нелепым суевериям и гнусностям. Политически он (за исключением непродолжительного периода первых трех царей) был так слаб, что никогда не играл самостоятельной роли в международных отношениях и всегда был лишь жалкой игрушкой в руках великих окружающих монархий, буфером, за которым особенно любил укрываться хитрый фараон в борьбе с Ассиро-Вавилонией, подводя его под те грозные удары, которые предназначались для самого Египта. Это был народ как бы пасынок истории, забитый судьбой. Всемирные завоеватели, с презрением относясь к его ничтожеству, не удостоивали его даже своего высокомерного внимания и, мимоходом дав ему презрительный толчок с той или другой стороны, нисколько не заботились об устройении его судьбы, а напротив, когда оказывалось нужным устранить его совсем, они весь вводили его в плен, чтобы заселить им какие-нибудь необработанные пустыри и потопить его в мире других народностей. Римляне смотрели на иудеев как на отребье человечества и, не считая их пригодными даже быть полезными в качестве рабов, с презрением за самую ничтожную плату отпускали тех пленников, которых привел в Рим Помпей.

словом, народ, само существование которого на обыденный взгляд было странной ошибкой истории, вроде той ошибки, какую иногда допускает и природа, создавая какие-нибудь во всех отношениях бесполезные и поэтому лишние виды живых существ (вроде мух или комаров). Так смотрит на него, да и не может иначе смотреть простая теория эволюционизма, полагающая, что весь исторический процесс есть результат слепой необходимости. И однако же, стоит только взглянуть с другой, высшей точки зрения, с той точки зрения, по которой не только в истории нет ничего лишнего и бесцельного, но даже и волос с головы не падает напрасно, и то, что казалось странным и бесцельным, получает глубочайший, поразительно целесообразный смысл, озаряющий всю историю человечества. Идея избранности с этой точки зрения является логически необходимым явлением в истории. Ведь если человечество должно было достигнуть своей цели, именно высшего блага в смысле соединения с Богом, то оно во всяком случае должно было иметь среди себя зародыш, из которого логически мог развиваться план спасения. Языческие народы, как отпавшие от Бога и забывшие Его по влечению своих страстей и руководству своего извращенного разума, естественно, имели тенденцию все дальше и дальше идти по тому же пути богоотчуждения, и их разум уже не в

366

состоянии был воссоздать себе потерянный положительный идеал высшего блага и только отрицательным путем мог приводить к сознанию потребности в нем. Поэтому нужно было дать противовес этому греховному развитию, и он дан был именно в лице избранного народа, который, будучи поставлен посреди его и имея положительный идеал в своих богооткровенных книгах, в своем Божественном законе, мог всегда служить живым изобличением языческого заблуждения и, так сказать, светящим маяком, указывавшим нормальный путь исторического развития. Избранный народ, по удачному сравнению знаменитого мыслителя-богослова, был тем же в истории человечества, чем является совесть в жизни каждого отдельного человека, а именно: скромным свидетелем истины среди заблуждения языческого мира. Как совесть внутри человека постоянно возвышает свой голос против нравственного заблуждения, противопоставляя ему закон в качестве нормы развития, так и избранный народ должен был служить наглядным изобличителем тьмы языческого заблуждения, вследствие чего он и был предметом презрения и ненависти со стороны гордых язычников, невольно чувствовавших в нем безмолвного обличителя их неправды. Как такой, он был необходимым моментом в историческом воспитании человечества, и вся история его уди-

вительно приспособлена к этой цели. В самом деле, сам уголок, обитаемый этим народом, был чудесно приспособлен к его исторической миссии. Палестина по своему географическому положению занимала как раз центральное место среди древнего цивилизованного мира, почти в буквальном смысле представляя собой пуп земной, и в ее горных ущельях и долинах народов можно жить в отчуждении от всего окружающего мира. В то же время, когда настала пора для общения с этим миром, он лежал под рукою: тут же были и Египет со своей многовековой мудростью, и Ассири-Вавилония с их великолепной культурой, и Финикия с ее кораблями, готовыми везти проповедников истинной веры хоть на край света, и Греция с ее богатейшей наукой и философией. И вот поэтому, когда среди народов началось историческое движение к взаимообщению, то каждый из них волей или неволей, так или иначе должен был соприкоснуться или сталкиваться с этим народом и по необходимости знакомиться с его жизнью и законом, с его царями и его духовными выразителями — пророками, которые уже начали распространять свою деятельность за пределы Палестины. Уже Илья и Елисей бывали в окружающих странах, а Иона своей проповедью потряс гордыню даже высокомерной Ниневию, пред которой трепетал мир. А когда языческий мир уже настолько изжил

свои собственные начала, что начал чувствовать духовную пустоту, то избранный народ должен был громко возвестить пред ним сохраняемую им истину, и к этой проповеди миру приводили его самые неожиданные события, по-видимому не имевшие никакой связи с проповеднической миссией. Конечно, великие ассиро-вавилонские воители, переселяя целиком покоренный ими презренный народ, не имели при этом в виду никаких высших целей, кроме целей своей политики и алчности; да и сам завоеванный народ видел в своем политическом пленении только гнев Божий за свои многочисленные прегрешения. Но в действительности все направлялось к высшей цели и чудесно содействовало ей. Настало время, когда языческие народы должны были ближе познакомиться с истинной религией, и как раз в это время грозные воители начали своей могучей рукой рассеивать избранный народ по разным странам, где он становился невольным миссионером своей веры. Со времени плена вавилонского избранный народ буквально становится народом всемирным, раскинувшим сеть своего миссионерства по всему цивилизованному миру и имевшим доступ во все сферы жизни — от бедной хижины поселянина и ремесленника до гордых дворцов царей и кесарей. И так как повсюду уже начинала чувствоваться та томительная духовно-нравственная

пустота, которая образовалась вследствие разрушения народных языческих верований со стороны беспощадной в своей критике философии, изблотившей все ничтожество так называемых богов, то народы с суеверным страхом начали прислушиваться к проповеди странного народа, веровавшего в какого-то единого, таинственного Бога. Когда гений Александра Великого объединил восточные народы на почве греческого языка и культуры, то этим самым подготовил возможность того, что греческий перевод Библии мог сделаться доступным для всех тех, кто желал познакомиться с верою избранного народа в ее первоисточнике. И когда они ознакомились, то, к изумлению своему, нашли в его вере именно то, чего жаждала их собственная душа, — идею личного, бесконечно всемогущего, всеправедного и бесконечно любящего Бога, безграничное сердце которого способно обнять своей любовью весь мир. И еще более того. Древние народы, потеряв веру в своих богов, потеряли и веру в лучшее будущее. Они изнывали под томительной тяжестью нравственной пустоты и негодности, и самое мрачное отчаяние томило душу даже величайших мыслителей, которые ни в чем не видели более спасения от бедственности и пустоты земной жизни, как только в самоубийстве. И понятно, что среди этой самоубийственной безотрадности истин-

370

но сладостным благовестием прозвучала проповедуемая избранным народом идея, что мир еще не должен погибнуть, что скоро должен придти на землю сам Бог, чтобы освободить народы от тяготеющего на них ига греховности и всех их ввести в свое царство, где не будет уже больше ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, а будет одно великое братство, основанное на правде и любви. Вот почему с чудесной быстротой разнеслась по всей Римской империи отмеченная даже римскими историками и поэтами молва, что из ничтожной Иудеи восстанет великий царь, пред которым повергнется в ничтожество сам кесарь. И тогда-то в ответ на напряженное ожидание народов действительно явился Христос, Спаситель мира, и Его явление было завершением всей истории древнего человечества.

Так закончился исторический процесс древнего мира, который, несмотря на все уклонения от предназначенной ему цели, в конце концов в обеих своих половинах, стремившихся к совершенно разным целям и шедших по совершенно различным дорогам, пришел к одной и той же цели, которая именно и была целью человечества и целью Бога. Так-то дивны и неисповедимы пути Божии.

Пути Божии неисповедимы, и никакая философия истории не в состоянии постигнуть всей глубины премудрости Промысла, часто

действующего в истории по мотивам, скрытым от человека. Поразительный пример этого представляет история Иова, который при всей своей праведности пережил ряд страшных испытаний и бедствий, не имевших для себя никакого достаточного основания в глазах ни его самого, ни окружающих его людей, так что последние, теряясь в догадках о причине их, пришли к совершенно ложному убеждению, что Иов заслужил всю эту бедственность каким-нибудь тяжким тайным грехом. А между тем оказалось, что причина этой бедственности праведника лежала далеко за пределами логики человеческих событий, в тех высших сферах, где царствует вечная правда, сделавшая праведника средством торжества истины над исконною ложью. И конечно, не будь открыто этой тайны, человеческая логика так и потерялась бы в безосновательных догадках. Но в том-то и дело, что Промысл, ведя человечество к определенной цели, не скрывает этого водительства, а напротив — имея дело с разумными, нравственно свободными существами, то и дело открывает им свою волю, давая ее постигнуть через голос совести, через особых великих посланников или великих людей, через поучительные испытания жизненного поприща. Никогда еще не было народа, который бы сознательно стремился к злу или не старался понять высшей воли из испытаний

своей жизни. Поэтому история для каждого народа, как книга опыта, всегда служит источником практической назидательности и понимания того, в чем заключается высшее благо для народа и высшая цель его назначения. Только на основании истории римский поэт с такой поразительной меткостью охарактеризовал миссию римского народа, когда он сказал, что назначение его — «управлять народами», и в этом смысле история была истинным откровением Божественной воли для римского народа, что и нашло себе блистательное подтверждение в действительности. С такой же поразительной меткостью пророки определяли миссию избранного народа — «быть светом для народов» (Ис. 42, 6), и она также нашла себе оправдание в действительной судьбе этого народа. Если таким образом в истории каждого народа открывается высшая воля, указывающая ту цель, к которой должен стремиться тот или другой народ, а следовательно, определяется и план его исторического движения, то уже по простой логике выходит, что история всех народов вместе взятых может и должна служить проявлением или откровением высшей воли Промысла касательно цели стремления всего человечества, а сообразно с целью определяется и сам план. И план этот настолько ясен в своих общих чертах, что недаром же он сделался аксиомой в исторической науке,

так что от него не могут освободиться в своей исторической концепции даже такие умы, которые имеют явный интерес низвести весь всемирно-исторический процесс на почву чисто естественного и, следовательно, случайного развития человечества.

Для всякого непредубежденного разума существование в истории разумной всемогущей воли, все направляющей к определенной цели и повсюду проявляющей чудесную цепь приспособленных средств к достижению предназначенных целей, имеет гораздо более реальное значение и, следовательно, отличается более объективным характером, чем предположение какого-то полусознательного тяготения всего бытия по пути прогресса к достижению какого-то недостижимого равновесия сил.

А.П. Лопухин. Промысл Божий в истории человечества. СПб., 1898.

ТАЙНЫ ВЫСШЕГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Окидывая взглядом прожитые века новейшей христианской истории, мы видим, что хотя этот мир еще не закончен и, следова-

374

тельно, не представляя конечных результатов, вместе с тем не дает возможности более или менее полно объять план его развития, однако и в том, что уже совершилось, нельзя не усмотреть поразительного водительства Промысла, все направляющего к определенной цели. Пути Его в этом отношении также неисповедимы, и некоторые явления, очевидно, составляют тайну высшего домостроительства, в которую невозможно проникнуть ограниченному человеческому разуму. Такую тайну, например, представляет то явление, что огромные группы народов с высокоразвитой, своеобразной культурой, как Китай и Индия, остались в стороне от христианства, что многие уже христианские народы были отсечены от тела Церкви мечом лжепророка, знамя которого гордо развевается там, где некогда возвышался крест, что сам христианский мир распался на враждебные между собой общины, взаимным соперничеством истощающие свои силы, что сама Православная Церковь в значительной своей части несла и несет еще иго лжепророка и часто раздирается ересями и расколами, и многие другие подобные явления. Все это в известном отношении есть тайна домостроительства Божия, и никакой ум не может проникнуть в советы Промысла, как не мог бы проникнуть он в тайну причины страданий праведного Иова, превосходившую всякую возможность логи-

ческого мышления о ней. Со временем, когда мы, освобожденные от чувственных ограничений своей природы, станем лицом к лицу с самым источником истины, пред нами, конечно, во всем объеме откроются все тайны исторического домостроительства. Но теперь наше знание ограничено, мы познаем даже осязаемые предметы только как бы зеркалом гадания. Никогда не имея возможности проникнуть до вещи самой в себе; тем менее тайны Промысла Божия могут быть доступны нам во всей полноте в исторических судьбах человечества. Но даже и при теперешнем знании мы все-таки при помощи исторического созерцания можем отчасти понимать целесообразность даже и таких явлений, которые, по-видимому, стоят в прямом противоречии с общим планом исторического движения.

В нашу задачу не входит полное изложение этого плана, и для нас совершенно достаточно будет отметить лишь некоторые выдающиеся черты его. И прежде всего мы можем указать на тот самоочевидный факт, что новейший христианский мир как более зрелый пользуется в своей жизнедеятельности гораздо большей свободой самоопределения, чем древний избранный народ, который, в сущности, находился под игом закона, определявшего всю его жизнь до мельчайших подробностей. Это, очевидно, высшая ступень воспитательного процесса. Сообраз-

376

но с этой ступенью зрелости воспитываемому предоставляется больше возможности извлекать собственными силами уроки для себя из собственных житейских испытаний, так как это именно воспитание глубже захватывает все существо человека, чем внешние наставления и правила. И вся христианская история есть именно непрерывный ряд подобных воспитательных испытаний человечества, заканчивавшихся обыкновенно глубоким и плодотворным уроком для него. Так, уже с первых веков христианства мы встречаемся с тем фактом, что, злоупотребляя свободой, массы христиан уклонялись от истины Евангелия и впадали во всевозможные сектантские бредни, неизбежно сопровождавшиеся крайней распущенностью и упадком нравственности. Но этот печальный опыт немедленно вызвал реакцию, и плодотворным результатом его было то, что сущность христианского вероучения была точно и подробно определена на Вселенских Соборах. Когда, однако, и Вселенские Соборы не в состоянии были обуздать церковного и умозрительного своеволия еще не достаточно проникшихся духом Евангелия народов и по всему Востоку продолжалось пагубное религиозно-нравственное брожение, проявлявшееся во множестве возникавших и исчезающих сект, которые дерзко разрывали Церковь и злоупотребляли свободой, то оказалась необхо-

димой более сильная мера. Для очищения Церкви от накопившейся в ней сектантской и нравственной скверны нужен был бич, который в лице лжепророка и совершил свою очистительную работу. Как буря очищает застоявшуюся атмосферу, так и ислам, подобно буре пронесшись по всему Востоку, очистил христианский мир от накопившихся в нем миазмов, поглотив в себя все негодные для Церкви элементы. Вместе с тем ислам, представляя собой новую форму подзаконного ига, как бы нарочно создан был для того, чтобы самым своим существованием представлять глубочайший контраст христианству, наглядно показывая все преимущество его как царства свободы. С этой же точки зрения нетрудно понять и значение того факта, что такие старые культурные страны, как Китай и Индия, остались вне христианства. В них христианскому миру как бы специально сохранен наглядный пример того духовного и вообще культурного состояния, к которому мог прийти языческий мир собственными силами и дальше которого он оказался не в состоянии идти, и это состояние его по сравнению с состоянием христианского мира лучше всего показывает, какое великое значение имеет христианство для человечества. Понятным с этой воспитательно-промыслительной точки зрения становится и распадение христианства на враждебные между собой общины.

Происхождение различных вероисповедных форм с достаточностью объясняется отчасти неспособностью человеческого ума в отсутствие веры объять истину христианства во всей ее полноте и отчасти злоупотреблением христианской свободой — в предпочтении национально-культурных интересов интересу вселенской истины. С этой стороны разделение христианства таким образом есть зло или по меньшей мере выражение духовной немощи. Но с высшей точки зрения и оно не лишено глубокого значения и есть один из существенных элементов в деле воспитания христианского самосознания. В каждом из главных вероисповеданий выразилась особенно какая-либо одна из сторон христианства и вследствие этого могла получить такое развитие, какого она не могла бы иметь при отсутствии разделения. В самом деле в римском католицизме с необычайной силой развилась внешняя юридическая сторона христианства до такой степени, что Римская Церковь в периоде ее высшего развития могла чисто внешним авторитетом сдерживать и подавлять самые грубые страсти диких и цивилизованных варваров и тем, несомненно, оказала громадную услугу новейшей культуре, единогласно признаваемую историками. С другой стороны, протестантизм, являясь как необходимый противовес чрезмерному развитию папства, имел свое особое воспи-

тательное значение. В нем особенно развилась внутренняя умозрительная сторона христианства, и в те периоды, когда православный Восток застыл в своей умственной жизни под страшным гнетом ислама, а римско-католический Запад — под всеподавляющим авторитетом папства, в протестантском мире свободно развивалось христианское умозрение, и хотя оно и уклонялось от строгих начал вселенского христианства, однако, несмотря на это, дало богатейшую пищу для духовной христианской жизни, и плодами протестантского богословия пользовались и не перестают пользоваться даже православные народы, особенно в борьбе с римским католицизмом. Вместе с тем оба западных вероисповедания, представляя собой две крайние противоположности в понимании христианства и, следовательно, две односторонности, по необходимости должны вести постоянную борьбу, и из этой полемической борьбы логически выясняется односторонность их обоих, является необходимость найти для них всеобъемлющий синтез, и этим синтезом для всякого серьезного и беспристрастного ума оказывается воззрение, тождественное с православием, как это и сказалось во многих новейших сочинениях и даже в целых движениях, как старокатолическое. Отсюда западные вероисповедания, содействуя каждое со своей стороны развитию христианского самосозна-

ния, составляют воспитательные ступени к уяснению несравненного сокровища Вселенского Православия, для которого они вместе с тем служат часто возбуждающими жизнедеятельность мотивами. И не раз на опыте оказывалось, что сами православные тогда только начинали понимать и ценить Православие, когда они знакомились с западными вероисповеданиями и получали возможность для сравнения. Да и в народах православных жизнедеятельность православной мысли и жизни всегда особенно возвышалась в те периоды, когда им приходилось близко сталкиваться с народами инославными и защищаться от их нападения с оружием ли в руках, или пером и чернилами на поприще духовного состязания.

В разделении христианского мира затем сказалась еще одна самая важная сторона промыслительного воспитания человечества. Хотя весь христианский мир есть избранный, свет для мира языческого, однако как в древнем избранном народе были особые избранники, более соответствовавшие идее избрания, чем остальной народ, для которого они служили примером и облачением, так и среди христианских народов сама идея воспитания требует особого избранника, который бы служил светом и воплощением вселенской истины христианства во всей ее полноте. Западные народы хотя и оставались, в сущности,

христианскими, однако в значительной степени позволили себе увлечься своими земными идеалами, в жертву которым они принесли вселенскую истину. Вследствие этого они стали больше преуспевать в материальной земной культуре, и образ Христа для них слишком часто стал затеняться идолом национальных интересов. Сам план воспитания требовал выставить противовес им — в лице народа, который больше всего в мире ценил бы Христа, хотя бы это временно и ставило его ниже других народов в успехах земной культуры. Какой это именно народ, на это может ответить только история. Но, конечно, это народ, который воплощает в себе не одностороннюю, а вселенскую истину христианства, именно народ православный. И благо тому народу, который вовремя поймет свое высшее назначение в истории и своей свободной деятельностью будет содействовать целям своего избрания, а не отрекаться от возложенного на него высшего признания во имя туманного космополитизма.

Настоящий мир находится в процессе воспитания, и никто не может сказать, что ожидает его в будущем. Но одно, несомненно, бросается в глаза наблюдателю исторических судеб, а именно то, что если Православие есть свет христианскому миру, то носящим его народам приходилось и приходится более всего испытывать на себе жезл наказу-

ющий любви и правды. В самом деле, православный Восток с его народами более всего испытал исторических невзгод, и в то время, как западные народы могли свободно жить и развиваться, православные народы томились под тяжким игом азиатских варваров, всей своей тяжестью обрушившихся на них как на передовых стражей христианского мира. Целые века православная Россия томилась под игом монгольским, и целые века православная Греция изнывала под игом турецким, тяготевшим и на балканских славянах. Никакая человеческая логика не в состоянии вполне объяснить себе этой тайны промыслительного домостроительства во всей ее полноте, и в этом отношении пути Божии неисповедимы. Но в полном неведении мы, однако же, не оставлены, и уже теперь один край тайны явно приподнят историей. И тут прежде всего открывается великая истина: кого Бог наказывает, его же любит. Избранники Его всегда подвергаются самым тяжким на человеческий взгляд испытаниям, составляющим, однако же, благо и для них, и для всего мира. То же самое сказалось и в этом факте. Православная Византийская империя подверглась тяжкому игу Магомета, водрузившего полумесяц на самых величавых храмах христианства и наложившего тяжелое иго на православные народы на целые века. Это, конечно, было великое бедствие. Но если всмотреться бли-

же, то оно не лишено было и весьма благих результатов. Так, после завоевания Константинополя, избегая жестокого ига варваров, массы греческих православных ученых переселились на Запад и там своей православной ученостью оплодотворили мертвую схоластику латинства и, несомненно, содействовали тому великому возрождению наук и искусств, которое привело к порыву западного мира сбросить с себя иго латинства и восстановить более чистое, более близкое к вселенской истине христианство. Это было чистое благо для западного мира. Но бедствие не лишено было своей доброй и притом глубоко важной стороны и для самого православного Востока. Под тяжелым игом он прекратил свое духовное развитие и тем с большей преданностью стал хранить вверенные ему сокровища Православия. Отчужденный от сношения с Западом, он остался в стороне от его пагубного во многих отношениях влияния, сделался недоступным для посягательств папства и в полной неприкосновенности. Подобно тому как египетская древность во всей ее неприкосновенности сохранилась в каменных гробницах, сохранил древнее Православие до настоящего времени, когда ему суждено вновь выступить на поприще всемирно-исторической жизни. Вместе с Православием сохранили свою историческую жизненность и православные народы греко-славянского

мира, и, конечно, не случайно то поразительное явление, что те из славянских народов, которые в течение целых веков томились под тяжким турецким игом, теперь опять выступают на поприще всемирно-исторической жизни — свободные и в политическом, и духовном отношении, между тем как их западные братья, не находившиеся под этим игом, теперь находятся и в политическом, и в духовном рабстве, во всяком случае, не имеют ни политической, ни религиозной самостоятельности, будучи поглощены инославным Западом.

Еще с большей поразительностью та же сторона промыслительного воспитания выступает в судьбе православного русского народа. Во многих отношениях это народ в полном смысле многострадальный, и жезл высшей любви и правды часто карал его в истории с необычайной суровостью. В самый расцвет его юношеской силы, когда все по видимому обещало ему великую и светлую будущность, он был задавлен и сокрушен дикой азиатской ордой, которая наложила на него свое тяжкое иго на целые века. Вопль отчаяния разнесся по всей русской земле, и мудрейшие сыны ее терялись в догадках о тайне неисповедимых путей Промысла, да и по сей день многие историки не видят в монгольском иге ничего, кроме великого зла, продолжающегося сказываться в жизни

и теперь. А между тем, стоит только взглянуть на это бедствие с другой высшей точки зрения, и все представится в ином свете: тяжкое бедствие окажется любящим наказанием, принесшим чудесно добрые и великие плоды. В самом деле, монгольское нашествие застало русский народ в тот самый момент, когда славянская рознь довела его до наиболее пагубного политического разъединения, когда княжества истощали друг друга в нескончаемых междоусобицах и когда начались уже опасные попытки вмешивать иноземцев в свои внутренние дела. Ясно, к чему могло бы привести это. Инославный Запад не преминул бы наложить свою коварную руку на эти обессиленные взаимной враждой княжества, и за этим неминуемо последовало бы духовное рабство, которому и подверглись западные славяне. Тогда, несомненно, гораздо лучше было отдать в рабство свое тело, чтобы спасти душу, и в такое-то вещественное рабство русский народ повергнут был монголами. Конечно, тяжки были страдания православного русского народа, и вопль летописцев, оплакивавших дымящиеся развалины городов и весей, не может не трогать сердца даже в настоящее время. И однако из этого великого бедствия вышло великое благо. Под тяжким испытанием рознь прекратилась, Русь начала собираться, нашла себе устойчивый центр тяжести в Москве, и

все более и более стягивая к этому центру свои народные силы, она выросла в могучее государство, пред которым в изумлении остановились западные народы и затрепетал ислам. Россия стала именно тем, что она теперь есть, т. е. могущественной хранительницей вселенской правды христианства, русский же народ, являясь в своей церковной жизни носителем вселенской истины, начинает пред лицом мира обнаруживать силу и мощь, возбуждающие невольное удивление изживающегося в своей односторонности инославного Запада.

Приведенные факты составляют лишь немногие страницы из великой книги истории, раскрывающей пред нами судьбы народов и всего человечества. Но и их достаточно для того, чтобы видеть, что не слепые силы необходимости управляют историей, которая в таком случае превратилась бы в мертвый, бездушный механизм, бесцельно воспроизводящий и беспощадно давящий выплывающие на поверхность личности и народы. Нет, в ней царствует Промысл Божий, который своей правдой и любовью обнимает весь мир, для которого дороги не только цари и народы, но и каждый отдельный человек составляет предмет Его любящего попечения, так что в собственном смысле слова и волос с головы его не падает даром. С этой точки зрения все человечество, выражаясь словами блаженно-

го Августина, есть «град Божий», в котором с чудесной, единственно возможной только при отношении личного верховного Существа к личным же существам последовательностью все представляет собою цепь взаимно ограничивающихся целей, сливающихся наконец в общей синтез, который есть согласие воли человечества с волей Бога, который есть идеал, ставящий для человека целью достижение совершенства божественного, т. е. совершенного подобия Богу, по слову самого Христа: «Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). И к этой великой цели, несмотря на противоречия личной свободы, все направляется с чудесной последовательностью. Даже то, что на поверхностный взгляд кажется противоречием этой цели — различные непредвиденные случайности, бедствия войны, язвы или голод, составляющие часто источник горя и слез для переживающих их лиц или поколений, — в конце концов служит все той же конечной цели, представляя собою удары любовно воспитывающего жезла. В этом великом процессе домостроительства даже явно враждебные ему силы, сознательно идущие против него, в действительности работают для той же predeterminedной Промыслом цели. Проповедники неверия неосознанно для себя укрепляют веру; распространители ересей и расколов, направленных к подрыву Церкви,

388

в действительности усиливают ее, возбуждая в ней жизнедеятельность; даже разбойники, производя разбои и убийства, незаметно служат усовершенствованию общественного благоустройства, побуждая принимать меры к ограждению безопасности своих граждан. Конечно, только неразумие может вменить им это в заслугу, и в действительности они вполне заслуживают известной общественной кары за свою злую волю. Из того, что зло часто оказывается содействующим добру, вовсе не следует, что оно полезный и необходимый момент в историческом процессе, а следует лишь то, что оно сделалось таковым вследствие грехопадения человека, самовольно нарушившего нормальный ход своего развития, и потому, в сущности, этот факт есть лишь поразительное свидетельство греховности человека, сказывающейся во всей его жизни. Подобно тому, как в жизни отдельного человека самые естественные его процессы часто сопровождаются страданиями, и величайшим из них — процесс рождения человека (в силу проклятия: «в болезнях будешь родить детей»), так равным образом подобные же страдания сделались неизбежными в исторической жизни народов и человечества, и главные исторические процессы часто совершаются с невообразимыми муками, в которых погибают не только единицы, но часто целые города и государства. В

силу греховности этот болезненный процесс сделался неизбежным, и отсюда даже самое торжество добра достигается страданиями. Нет такого победоносного войска, которое бы могло одерживать победы, не искупая их ужасными страданиями и даже смертью отдельных своих членов; так равным образом и человечество, достигая своего высшего блага, в силу той же греховности необходимо должно искупать его страданиями и даже гибелью многих своих членов — как отдельных лиц, так и народов. И если, несмотря на все эти страдания, все-таки достигается высшая цель, которой содействует самое зло, то этот факт лишь показывает, как дивно все устроено в великом граде Божиим, как все в нем сливается в одну великую цель, которая есть высшее благо человечества. С этой точки зрения становится наконец понятным высшее значение тех блужданий мысли, которые пережиты были и еще переживаются нашим веком. Если он, злоупотребляя свободой мысли, увлекался всяким ветром учений, доходивших до отрицания всего святого и великого, стараясь обосновывать самые чудовищные теории на данных научного и философского знания, то это был лишь новый великий опыт воспитательного попущения для человечества, чтобы оно наконец убедилось, что даже весь научный гений новейшего времени, даже все великие научные открытия,

390

которыми так гордится наш век, в сущности, никогда не в состоянии удовлетворить требованиям бессмертного духа. Рано или поздно, сколько бы ни питали его разными самоизмышленными измами, он опять возжаждет высшей духовной истины, и этой истины во всей ее полноте не даст ему никакая, даже самая гениальная теория, и поэтому он опять с необходимостью и с усиленной жаждой и любовью обратится туда, где истина живет в своем немеркнущем свете. И если этот поворот замечается уже теперь, если эта духовная жажда возгорается в миллионах душ, дотоле находившихся в рабстве бездушных теорий (а это факт, не подлежащий больше никакому сомнению), то в этом и будет существенная характеристика нашего века. Заключительное слово его будет состоять в том, что Христос есть единственный источник истины, жизни и света для мира.

И вот ввиду этой дивной гармонии исторического процесса становится жалким утверждение эволюционизма, который, путаясь в самопротиворечиях, приходит наконец к безотрадному убеждению, что в истории нет никакого плана и не может быть никаких исторических законов, так как якобы все движется куда-то в неопределенную даль под давлением какой-то роковой или полусознательной тяги. Нет, в истории не только есть план, а есть даже своего рода

божественное искусство, развивающееся по особым дивным законам, следы которых мы явственно можем видеть и в самом процессе, и особенно в его результатах. И поэтому-то прав блаж. Августин, который, обозрев весь исторический процесс с высоты своего великого гения, пришел к убеждению, что весь мир и история есть как бы «превосходнейший стих, украшенный своего рода антитезами», или как бы картина, на которой свет и тени содействуют красоте целого. Правы поэтому те, кто говорит, что Бог свыше содержит в своих руках судьбы царств и народов». «То, что на наш взгляд может показаться случаем, есть определенное намерение, состоявшее в высшем совете, т. е. в том вечном совете, который сводит все причины и все следствия в один и тот же порядок. И так-то все сводится к одной и той же цели, и только по недостатку своего понимания мы можем находить случай или неправильность в частных противоречиях». Прав, наконец, знаменитый американский историк Банкрофт, который говорит: «Мировой порядок есть божественная поэма, которая развивается от вечности и которую не могут нарушить вмешательства людей. События развертываются в нем по predetermined порядку, в величественной гармонии, и подобно тому, как искусный артист извлекает гармонические звуки из

струн своей арфы, так и история отмечает Божественные аккорды, звучащие на великой лире времен. Но эта гармония не может быть воспринята в тот самый момент, когда совершаются события. По следам событий идет философия, чтобы показывать причины и описывать результаты... События складываются в последовательную цепь. Люди, системы, народы, все человечество — все это повинуетя божественной воле, и когда завершается часть судеб человечества, мы открываем в них пути Промысла. Да, под каждой страницей в летописях мира можно написать: «царствует Бог». События, по мере своего совершения, ведают о Его верховном плане, и когда мы прислушаемся внимательно, то услышим, как века, удаляясь в темные бездны исчезающих времен, своим бесчисленным хором поют хвалебную песнь: «Тебе Бога хвалим!»

А.П. Лопухин. Промысл Божий в истории человечества. СПб., 1898.

О ТОМ, ПОЧЕМУ ПОПУСКАЮТСЯ БЕДСТВИЯ И ВОЙНЫ

Жизнь народов, как и жизнь одного человека, имеет известные направления — добрые и плохие: иногда соотнобразуется с зако-

нами правды Божией; иногда уклоняется от них и согрешает. Потому-то Промысл Божий, бодрствующий неусыпно над сохранением вечных законов своей премудрости и правды, время от времени находит нужным возбуждать народы от усыпления нравственного гласом, иногда кротким и милосердным, иногда строгим и правосудным.

Для этой цели являет Он великие суды над Своими народами нечестивыми; для этой цели попускаются гражданские перевороты, войны, опустошения, рассеяния народов и грозные явления природы — землетрясения, глады, кровавые и каменные дожди и прочее. Мужья опытные, имеющие дар узнавать руку Промысла Божия, в каких бы ни являлась она знамениях, во всех разительных происшествиях в природе видимой и обществах гражданских видели перст Божий, карающий непокорных, и побуждали современников к покаянию и исправлению. «Давно уже, — говорил некогда блаж. Иероним, изобразив современные ему бедствия империи, — давно уже чувствуем над собой тяжесть гнева небесного, и однако же не думаем уповать на милость Бога. Что как не наши преступления соделали дерзостными варваров? За что, как не за наши беззакония, поражается всюду римское воинство? Но, как будто вражеский меч еще мало пил кровь нашу, мы истребляем друг друга вну-

394

тренними междоусобиями, более убийственными, нежели брани с врагами внешними. Бедственна была участь Израиля, когда Бог наказал его чрез Навуходоносора. Несчастна и наша судьба, когда Он во гневе Своем оставляет нас свирепству варваров... Мы везде мечтаем торжествовать своими силами и везде падаем. Какой стыд! Какое невероятное омрачение ума!.. Неужели мы не понимаем силы слов пророка: «от угрозы одного [побежит] тысяча» ? (Ис. 30, 17). Мы не думаем удалить от себя причины болезни — потому-то болезнь и свирепствует во всей силе; потому-то дикие толпы варваров и торжествуют над благоустроенным воинством».

«Когда в храме доброго отца, — говорит один пастырь Церкви, — покажется розга, увидевший ее тотчас подумает: видно, между детьми есть провинившиеся. Вселенная есть дом Отца Небесного. Человеков, особенно детей веры, бережет Он более, нежели мать детей своих. Общественное бедствие, без сомнения, не венок, а розга. Итак, когда вижу сию розгу, не умею думать иначе, как что земные чада, видно, заслужили наказание Отца Небесного».

Димитрий (Муретов), архиепископ Херсонский
и Одесский. О путях Промысла Божия
в обращении грешников и о путях покаяния
для обращаемых. М. 1900.

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

«Великая Отечественная война явилась тем огненным лекарством, которым Промысл Божий врачевал заблудших, обманутых атеистической пропагандой русских людей от безверия. Как всегда в дни великих потрясений, Господь Вседержитель явил тогда великие чудеса, и множество людей, ставших их свидетелями на фронте и в тылу, обратились к Матери-Церкви (свидетельствами о знамениях Божиих насыщены воспоминания очевидцев тех лет, однако подобные факты упорно замалчивались атеистическим режимом). Это было время, когда в России появилось новое поколение верующих, тем самым сохранилась неразрывность исповедания Православия в русском народе»¹.

«Как бы развивалась наша история, если бы не было Великой Отечественной войны? Вспомним, что происходило в России до 41-го года. Происходило тотальное уничтожение русского народа безбожным правительством. Был организован мощный карательный аппарат. Каждый день люди умирали насильственной смертью, потому что власть сверху истребляла народ, которым управляла. Если

¹ Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Земля потомков патриарха Тюрка. М.:, 2002.

бы не появилась внешняя военная угроза, неизвестно, остался ли бы вообще русский народ на этой земле и сколько еще такого насилия он бы перенес. Это явление — уничтожение народа внутри собственного государства, внутри себя самого — длилось почти четверть века. Русский народ лишался всего: жизни, достояния, имущества, религиозных и нравственных основ. Наконец, он разворачивался в течение всех этих лет. Маловероятно, что Россия пережила бы еще одно десятилетие такого самоуничтожения, унижения и полного искоренения веры»¹.

Перед самым началом Великой Отечественной войны в 1941 году одному старцу Валаамского монастыря (Валаам в то время принадлежал Финляндии) было три видения во время службы в храме.

1. Он увидел Божию Матерь, Иоанна Крестителя, святителя Николая и сонм святых, которые молили Спасителя о том, чтобы Он не оставил Россию. Спаситель отвечал, что в России так велика мерзость запустения, что невозможно терпеть эти беззакония. Все эти святые с Богородицей продолжали молить Его со слезами, и наконец Спаситель сказал: «Я не оставлю Россию».

2. Матерь Божия и святой Иоанн Креститель стоят перед Престолом Спасителя и мо-

¹ Игумен Дамаскин (Орловский). Интернет-журнал Сретенского монастыря. 06.05.2006.

лят Его о спасении России. Он ответил: «Я не оставлю Россию».

3. Мать Божия одна стоит перед Сыном Своим и со слезами молит Его о спасении России. Она сказала: «Вспомни, Сын Мой, как Я стояла у Креста Твоего и хотела встать на колени перед Ним». Спаситель сказал: «Не надо, Я знаю, как Ты любишь Россию, и ради слов Твоих не оставлю ее. Накажу, но сохраню...»

(Старец, которому было видение, почил в Псково-Печерском монастыре, прожив около ста лет).

Началась страшная война, в которой враг имел единственную цель: уничтожить Россию, Святую Русь, уничтожить народ России, стереть с лица земли само понятие — Россия. Тогда произошло событие, имеющее огромное значение для судеб России, а может быть, и для всего мира. Мы часто думаем, все чудеса и знамения были в прошлом, но они совершаются постоянно, только нужно быть в молитве. Не часто такое было в истории народов, и потому они должны оставаться в памяти людей для нашего укрепления, утверждения в вере и надежде, что не оставлены Промыслом Божиим. Речь будет идти об иконе Божией Матери.

Стояла зима 1941 года. Немцы рвались к Москве. Страна стояла на грани катастрофы. В те дни почти никто не верил в победу; не

знали, что делать, видели только гибель, повсюду были паника, страх, уныние.

Когда началась Великая Отечественная война, Патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего мира о молитвенной материальной помощи России. Очень немного истинных друзей оставалось у нашей страны тогда. Были великие молитвенники и на Руси, такие как иеросхимонах Серафим Вырицкий. Тысячу дней и ночей стоял он на молитве о спасении страны и народа России в тяжелейшие годы, когда страну терзали враги, как и в 1612 году. Промыслом Божиим для изъявления воли Божией и определения судьбы страны и народа России был избран друг и молитвенник за нее из братской Церкви — митрополит гор Ливанских Илия (Антиохийский Патриархат). Он знал, что значит Россия для мира; знал и поэтому всегда молился о спасении страны Российской, о просветлении народа. После обращения Александра III митрополит Илия стал еще горячее всем сердцем молиться за спасение России от гибели, от нашествия вражеского. Он решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего, кроме иконы Божией Матери. Владыка затворился там, не вкушая пищи, не пил, не спал, а только, стоя на ко-

ленях, молился перед иконой Божией Матери с лампадой. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Мать и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

«Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда — сдавать нельзя. Пусть вынесут, — сказала Она, — чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена». Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было определено. И теперь хранятся в архивах письма и теле-

400

граммы, переданные митрополитом Илией в Москву.

Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение. Все произошло так, как и было предсказано. Не было сил, чтобы удержать врага. Был страшный голод, ежедневно умирали тысячи людей. Из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с ней крестным ходом вокруг Ленинграда — город был спасен. Но многим до сих пор непонятно, чем держался Ленинград, ведь помощи ему практически не было: то, что подвозили, было каплей в море. И тем не менее город выстоял. Снова подтвердились слова, сказанные святителем Митрофаном (Воронежским) Петру I о том, что город святого апостола Петра избран Самой Божией Матерью, и пока Казанская Ее икона в городе и есть молящиеся, враг не может войти в город. Вот почему ленинградцы так почитают Казанскую икону Божией Матери. Она все время от основания города была Заступницей его, да и всей России. Интересно и то, что блокада Ленинграда была прорвана в день празднования святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. После Ленинграда Казанская икона

начала свое шествие по России. Да и Москва была спасена чудом. Разгром немцев под Москвой — это истинное чудо, явленное молитвами и заступничеством Божией Матери. Немцы в панике бежали, гонимые ужасом, по дороге валялась брошенная техника, и никто из немецких и наших генералов не мог понять, как и почему это произошло. Волоколамское шоссе было свободно, и ничто не мешало немцам войти в Москву.

Как гласит московское предание, чудотворная икона Тихвинской Божией Матери из храма Тихона в Алексеевском была обнесена самолетом вокруг Москвы. Столица была спасена, а 9 декабря 1941 года освобожден Тихвин. Можно припомнить и более ранние факты заступничества Царицы Небесной за Россию. В день празднования иконы Владимирской Божией Матери Тамерлан повернул домой из России (1395); произошло знаменитое Бородинское сражение. В день Рождества Богородицы состоялась Куликовская битва, а в Рождество Христово 1812 года последний неприятельский солдат покинул пределы Отечества.

Затем Казанскую икону перевезли в Сталинград. Там перед ней шла непрестанная служба — молебны и поминовения погибших воинов. Икона стояла среди наших войск на правом берегу Волги, и немцы не смогли перейти реку, сколько усилий ни прилагали.

Был момент, когда защитники города остались на маленьком пятачке у Волги, но немцы не смогли столкнуть наших воинов, ибо там была Казанская икона Божией Матери (так называемая «Малая земля»).

Знаменитая Сталинградская битва началась с молебна перед этой иконой, и только после этого был дан сигнал к наступлению.

Келейник патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) архимандрит Иоанн (Разумов): «В день Богоявления 13 января 1943 года митрополит Сергей возглавил крестный ход на Иордань. Это были дни решающих боев за Сталинград, и владыка особенно горячо молился о победе русского воинства. Неожиданная болезнь заставила его слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 года владыка, пересилив свой недуг, попросил келейника помочь ему подняться с постели. Встав, он с трудом положил три поклона, воссылая благодарение Богу. Когда келейник помогал ему снова лечь в постель, митрополит Сергей сказал: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром радио передало весть о разгроме немецких войск под Сталинградом».

Икону привозили на самые трудные участки фронта, где были критические положе-

ния, в места, где готовились наступления. Священство служило молебны, солдат кропили святой водой. Как умиленно и радостно многие принимали все это!

Пришло время славной древности Российской! Какие были молитвенники на Русской земле! И Божия Мать по их молитвам отгоняла врагов, вселяя в них ужас. Рассказы о чудесных случаях приходилось слышать и от многих фронтовиков, в том числе и от неверующих. Хочется рассказать об одном таком свидетельстве заступничества и помощи Божией Матери. Произошло это во время штурма Кенигсберга в 1944 году. Вот что рассказывает офицер, бывший в самом центре событий битвы за этот город-крепость: «Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были все еще сильны, потери были огромны, и чаша весов колебалась, мы могли там потерпеть страшное поражение. Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священники с иконой. Многие стали шутить: «Вот попов привезли, сейчас они нам помогут...» Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост? Их же всех перебьют! От немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немец-

404

кой стороны одновременно прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали общий штурм Кенигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен! Как потом в один голос рассказывали пленные — перед самым русским штурмом «в небе появилась Мадонна» (так они называют Богородицу), Которая была видна всей немецкой армии, и у всех абсолютно отказало оружие — они не смогли сделать ни одного выстрела. Тогда-то наши войска, преодолев заграждения, легко сломали (рукопашное) сопротивление и взяли город, который до этого был неприступен, и мы несли такие потери! Во время этого явления немцы падали на колени, и очень многие поняли, в чем здесь дело и Кто помогает русским!» И еще один факт. Киев — мать городов русских — был освобожден нашими войсками 22 октября — в день празднования Казанской иконы Божией Матери (по церковному календарю, или 4 ноября гражданского стиля). И это было весьма знаменательно для народа России: отсюда началась Русь наша; здесь произошло Крещение нашего народа, который избрал навсегда христианство, Православную веру! Вся истинная сила и все истинное счастье русского народа — в Православной вере!

20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия мо-

лилась тогда! Молился даже Иосиф Сталин (об этом есть свидетельства). Б.М. Шапошников, царский генерал, не скрывавший своих религиозных убеждений, часами беседовал со Сталиным, и все его советы (в том числе одеть войска в старую форму царской армии с погонами) были приняты. А.В. Василевский, по рекомендации Б.М. Шапошникова назначенный на смену ему начальником Генштаба, был сыном священника, и отец его еще был жив.

Церковь благословила Отечественную войну русского народа, и благословение это было утверждено на Небе. От Престола Всевышнего и возгорелся дух России!.. Сколько старших офицеров, не говоря уже о солдатах, молились перед боем! Многие командиры, да и сам маршал Жуков говорили перед боем: «С Богом!» Один офицер, сидевший на связи с летчиками во время боевых вылетов, рассказывал, что часто слышал в наушниках, как пилоты горящих самолетов кричали: «Господи! Прими с миром дух мой!..»

Тогда же были открыты духовные семинарии, академии, возобновлена Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская лавра и многие монастыри. Было решено перенести мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, в Богоявленский собор, где стояла всю войну та самая чудотворная икона Казанской Божией Матери, кото-

406

рая была с ополчением 1812 года. Наступило время возвращения Веры на Русской земле, как и предсказывали наши святые.

Ныне чудотворная икона Казанской Божией Матери стоит во Владимирском соборе Санкт-Петербурга и все так же является знаменем благодатного Покрова Царицы нашей Небесной. Мы все должны помнить обетование, что, пока стоит Казанская икона в городе и молятся Божией Матери верующие, до тех пор будет жить великий город святого Петра, первоверховного апостола каменной веры, на которой стоит Святая Церковь Христова. В камень же одет и сам город: это напоминает о том, что все в мире держится верой и молитвой! Пусть каждый, кто приедет сюда, зайдет помолиться во Владимирский собор Заступнице Усердной, Матери Господа Вышнего, поклониться до земли образу Ее Казанскому с умилением сердечным.

Так и стоит икона Казанская в пережившем блокаду городе — с венчиком митрополита гор Ливанских Илии, преподнесенном Божией Матери в благодарность о спасении России в 1941–1945 годах. И ныне ограждают Российскую землю чудотворные иконы Матери Господа и нашей Заступницы: Тихвинская икона хранит и благословляет севера пределы. Иверская икона хранит и благословляет нижние пределы. Почаевская и Смоленская ограждают землю Российскую с запада. На

востоке, сияя до края земли лучами благодати, ограждает и благословляет Россию Казанская икона Божией Матери. А в центре сияет образ Божией Матери Владимирской, написанный евангелистом Лукой на доске от стола, за которым совершалась Тайная Вечеря — первая Евхаристия, ознаменовавшая начало спасения человечества на Крови нашего Господа, начало новой жизни. Аминь...

Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005.

НЕВИДИМОЕ ДЕЙСТВИЕ ПРЕМУДРОЙ СИЛЫ

Господь недалеко от каждого из нас:
ибо мы Им живем и движемся и существуем
(Деян. 17, 27)

При поверхностном взгляде на мир легко может показаться, что все происходит в мире случайно, по действию неразумных сил и без всякого определенного плана и цели. Но следует только пристальнее всмотреться в жизнь мира вообще и в ход истории человечества в частности, как наша мысль откроет в порядке явлений, совершающихся в мире, не просто причинную связь и последовательность, но и известный общий план и определенную конечную цель, а эти план и цель позади видимого действия слепых сил природы укажут

нам также невидимое действие в мире силы премирной и премудрой, словом — того, что на языке веры называется Промыслом Божиим. Для людей, необычайными подвигами добродетельной жизни снискавших особенную благодать у Бога, истина таинственного влияния высших сил горнего мира на силы и явления земного мира, по соизволению Божию, нередко становилась предметом ясного духовного созерцания, открывалась в поразительной картине того или иного чудного вспоможения со стороны непосредственно ли самого Бога, или других существ, обитающих в небесном мире, нашему земному миру. Такой именно смысл наглядного откровения действия Промысла Божия в мире принадлежит, например, явлению в Влахернском храме блаженному Андрею Божией Матери, сначала слезно молившейся за предстоявший в храме народ, а потом простершей над ним Свой честный Покров.

Непрестанное действие в мире всемогущества, премудрости и благодати Божией, в которых все истинное и доброе находит себе опору и укрепление, и напротив, все злое и ложное — препятствие, пресечение или по крайней мере направление к тому, чтобы невольно влекло за собой добрые последствия, — эта истина заключает в себе величайшую отраду для сердца человеческого, сообщает непоколебимую устойчивость на-

шему духу в его тяжелых трудах при стремлении к каким-либо высоким, нелегко достижимым целям и светлой надеждой на будущее ободряет наше сердце, спасает нас от малодушия и отчаяния при стечении даже самых несчастных обстоятельств в нашей жизни.

Итак, на чем же утверждается наша уверенность в действие Промысла Божия, все охраняющего и всем управляющего в мире?

Как вера вообще в бытие Божие, так и вера в управление мира Божественной силой и мудростью изначально и неискоренимо насаждены в сердце человеческом. Поэтому они составляют общее достояние всех народов и племен: везде, где находится вера в Бога, непременно существует и вера в Промысл Божий, и связь этих двух верований, оказывающаяся повсюду неразрывной, вполне понятна. Человек, истинно верующий, никогда не смотрит на Бога, как нередко делают философы, только как на начальный или исходный пункт всего существующего в мире. Напротив, всегда понимает Бога как силу живую, личную (разумную и свободную) и потому вседействующую и всеуправляющую, без воли которой ничто не совершается и не может совершаться в мире. Бог в представлении верующего, будучи личным Духом, первообразом человеческого духа, отнюдь не есть лишь Творец, но непременно и Вседержитель. Вот почему верующий

410

не как философ, не холодной только мыслью, относится к Богу. Спокойно рассуждая о Нем как о первопричине мира, но всегда с благоговейным трепетом сердца помышляет о Нем, всей душой и всеми силами своими обращается к Нему, как к живому, всемогущему существу, открывающему Свою волю и власть даже в самых малейших проявлениях жизни в мире: и в легком дуновении ветра, и в едва заметном колебании воды. Вера в Бога немислима без молитвы Богу, а молитва как выражение человеческой нужды в Боге и надежды на Его покровительство и помощь сама собой говорит также и о вере в Промысл Божий.

Покаяющаяся на непосредственном свидетельстве сердца человеческого общая всем народам уверенность в Божественном мироправлении находит себе также прочные основания и в воззрениях нашего разума, имеют ли они предмет своим самое существо Божие, или устройство мира, или историческое раскрытие жизни рода человеческого.

Бог как Существо всесовершенное уже в силу бесконечной полноты Своей жизни не может не быть вечно деятельным во всем, что входит в круг действительного бытия, обязанного Ему как Творцу своим происхождением. Вечная деятельность Божия, вытекающая из требований самой природы Бога, неисчерпаемой в своих силах и про-

изводительности, никоим образом не может встречать препятствия или границы в чем-либо тварном, происшедшем от Бога. Ибо эта граница противоречила бы безграничности Божественного всемогущества; она не может также устраняться или исключаться и некоторой, несомненно, принадлежащей миру самодеятельностью его, ибо такое исключение отвергало бы безусловное владычество Божие над миром; между тем как мир без охранения Божия, предоставленный самому себе даже на один миг, не мог бы тотчас же не превратиться в ничто. Промыслительная деятельность Бога в мире может казаться невозможной или излишней лишь в том случае, если жизнь Бога по сотворении мира представляется самозамкнутой, безусловно разъединенной от жизни мира или, наоборот, если она признается совершенно сливающейся с жизнью мира, причем Бог является сущностью мира, а мир — воплощением Самого Бога. Но в обоих таких понятиях о Боге Бог перестает уже быть истинным Богом, теряет Свой Божественный характер, т. е. мыслится неправильно. В самом деле, представляемый замкнувшимся внутри Себя по сотворении мира Бог является уже не живым духовным существом, а какой-то безличной и неопределенной силой, положившей только начало мировому бытию и не имеющей более к нему никакого отношения. Но такая сила, очевид-

412

но, не может быть признана Богом. С другой стороны, если Бог представляется и обитающим только внутри мира и в самой уже жизни мира обнаруживающим свою собственную жизнь, то также исчезает для нашей мысли как истинный Бог, ибо здесь Он признается подпадающим развитию, усовершенствованию; а такое существо может ли быть названо всесовершенным? Так, истинный Бог в смысле всесовершеннейшего существа, каким его признают и верующее сердце, и здравый разум, ни Сам в Себе не замкнут, ни воплощает Себя в жизни мира, а есть свободный личный Дух, владеющий самосушной жизнью, из неисчерпаемой полноты которой непрестанно исходят силы, влияющие или естественным путем — через саму природу — или сверхъестественным, через чудеса, на весь ход мировой жизни.

Останавливая взор на устройстве самого мира, мы видим, что оно прежде всего необходимо предполагает постоянное действие Божие уже в обыкновенном естественном течении вещей и затем открывает в себе полный простор по требованию Божественной премудрости, сверхъестественным действиям Бога среди естественного порядка вещей без внесения в последний какого-либо расстройств или разрушения. Мир представляет необозримое поле разнообразных явлений, и все явления в нем не только происходят одно

от другого, но и всегда совершаются на основании строго определенных законов, так что явления однородные всегда имеют одну и ту же причину, и известная причина или сила при одинаковых условиях производит всегда одни и те же действия. Отсюда не напрасно утверждают, что мир управляется законами, что все в мире совершается законосообразно. Но, кроме того, различные царства природы поставлены в такую внутреннюю связь между собой, что одни из них (низшие) служат средством для других (высших) и потому явно открывают план в устройстве мира. Наконец, наблюдение над жизнью мира показывает постепенное движение ее вперед раскрытие или усовершенствование мировой жизни, а это, бесспорно, свидетельствует об известных целях, к которым стремится мир в отдельных своих частях, и об одной общей цели, к которой он направляется во всем своем бытии. Бог есть не только Творец мира, но и вечный деятель в нем, то есть промыслитель мира. Являя Себя таким уже в обыкновенном порядке вещей, Он с необычайной разительностью открывает Свою мироправящую руку в так называемых чудесах, известных нам из истории Ветхого и Нового Завета. Чудеса как особые, сверхъестественные действия Божии, наглядно до очевидности убеждающие нас в управлении Бога миром, нисколько не противны естественному ходу явлений в

мире и не исключаются им. Как естественные законы, так и сверхъестественные действия в мире принадлежат одному и тому же виновнику — Богу, и уже по тому самому не могут заключать в себе внутреннего противоречия. Бог, создавший мир со всеми его силами и законами, без сомнения, предвидел необходимость чудес в мире как чрезвычайных орудий Своей премудрой воли для достижения миром предназначенных ему целей даже и после того, как войдут в мир зло и грех, и потому устроил мир так, что уже в самом творении его представил возможность будущих чудес внутри его естественного развития. Если духовная сила тварного существа, человека, присоединяясь к физическим силам природы и воздействуя на них, производит в природе такие явления, которые сами собой, по действию одних физических сил, никогда не произошли бы, то тем более непосредственная сила Творца мира может оказывать действия на естественные силы природы и производить через них явления, совершенно невозможные для них самих.

Напрасно говорят некоторые, что допускаемый нами Промысл своими действиями в мире, направляющими его к определенным целям, лишил бы свободы человеческую деятельность. Такое утверждение вытекает из ошибочного понимания самого существа свободы человеческой. Она не есть безусловный

произвол или действие, не вызываемое никакими побуждениями, напротив, свобода, хотя действие не вынужденное, совершающееся по внутренней саморешимости человека, однако предполагающее в основании своем всегда определенные побуждения. Свобода воли человека имеет своей общей целью или задачей осуществление блага и управляется в своих действиях нравственным законом или законом добра. Отсюда она должна делать не то, к чему может случайно побудить ее мысль человека, но то, что предписывает ей закон добра, присущий ее природе, т. е. должное; но только к исполнению этого должного она не принуждается насильственно или необходимостью, а всегда направляется личной добровольной склонностью, почему и может его делать или не делать. При таком понимании свободы Промысл, помогающий человеку в совершении добрых дел, отнюдь не стесняет его свободной воли, а только содействует ей, немощной самой по себе, в ее естественном и добровольном стремлении к добру. Но даже и тогда, когда Промысл отвлекает нашу волю от недолжного, он не стесняет и не нарушает ее свободы, но только воздействует на дух человека так, чтобы человек под влиянием этого воздействия свободно, по собственной решимости, отрекся от задуманного им злого дела. Отсюда, если вопреки всем тайным или более или менее явным предостережениям

Промысла человек остается при своем упорстве сделать злое, он делает его беспрепятственно со стороны Промысла. Вот почему и при существовании Промысла мы находим в мире зло. И сам человек чувствует, что Промысл не нарушает его свободы, и, нимало не желая отказываться от нее, просит у Бога помощи своим слабым силам в осуществлении добра.

Выясненная нами совместимость действий Промысла Божия в мире и свободы действий человеческих делает теперь вполне понятным дальнейшее утверждение наше, что промыслительная сила Божия в особенно поразительном свете выступает пред нами в истории человечества, где определяет собой как общее направление жизни всего человеческого рода, так и историю отдельных народов или царств. Слово Божие говорит, что каждому народу назначены Господом определенные границы земли, время и порядок выступления на историческое поприще (Деян. 17, 24–26). Не без воли также Божией устраиваются города в царствах (Притч. 21, 2), учреждаются власти (Рим. 13, 1) и особенно высшая царская власть (Сир. 17, 14; Пс. 88, 21). Господь влияет на сердца помазанников своих (Притч. 21, 1), «разрушает советы язычников» (Пс. 32, 10), и в среде народных обществ «человека потребного Он вовремя воздвигнет на ней» (Сир. 10, 4) для

их народных целей. И все это учение Писания находит себе прямое и решительное подтверждение в истории народов, особенно уже окончивших свою историческую жизнь. Так, мы видим, что в общей семье человечества каждый народ или каждое царство, появляясь в истории в известное время, служило прямо исполнителем предназначенной ему задачи жизни; многие из известнейших народов древности совершали всю свою историю, возвышались и процветали, склонялись к упадку и подвергались порабощению со стороны сильнеею народа или совершенно истреблялись, прямо по предреченному ветхозаветными пророками определению воли Божией, и, наконец, вся история древнего человечества явно направлялась к одной цели — к тому, чтобы приготовить людей к принятию Спасителя, тяготела к одному историческому центру — ко Христу, второму Адаму рода человеческого (1 Кор. 15, 15). И само явление христианства со всем его чудно возвышенным и отрадным для сердца учением, необъяснимым ни из каких ранних учений собственного разума человеческого, не говорит ли красноречивее слов за сверхъестественное откровение Божие в истории человечества? Но более всего сам Господь наш Иисус Христос всей своей деятельностью, всеми чудесами и всеми совершенствами своей жизни не открывает ли миру в Своем

лице Бога, явившегося в плоти человеческой (1 Тим. 3, 16)?

С верой в промыслительную деятельность Бога в истории человечества, по-видимому, стоит в противоречии признаваемое в наше время бесспорным положение науки, что история человечества, как и жизнь природы, управляется известными законами. Не будем спорить против этого утверждения науки; согласимся, что действительно в историческом развитии как отдельных народов, так и целого человечества заметно действие определенных законов. Но как в природе несомненно действующие в ней законы оставляют еще широкое место действию в ней и Промысла, так точно и в нашей истории, хотя бы замечалось подчинение разных событий и явлений определенным законам, открывается также полный простор и для действий Промысла Божия. Что такое само выражение: «явления или события истории человечества управляются известными законами»? Какой смысл имеет это выражение? Что оно, собственно, означает? Не более как лишь то, что исторические явления не представляют собой какой-то бессмыслицы, не совершаются без порядка, без связи и последовательности, но имеют свой смысл, свои основания и причины, всматриваясь в которые мы находим, что от одной и той же причины всегда происходят и явления сходные и тожде-

ственные. Если события однородные, хотя бы совершались в разные периоды истории и в разных местах или у разных народов, по замечанию историков, всегда и всюду имеют для себя одну и ту же причину, то эта причина, объясняющая собой целый класс одинаковых событий, в глазах историка получает уже значение исторического закона. Таким образом, закон истории есть не что иное, как более или менее общая причина, под которую подводится целый ряд сходных явлений в качестве ее действий. Но существование известного числа такого рода общих причин в истории человечества не говорит ни того, что наряду с ними не могут действовать другого рода причины, более частные или даже и единичные для отдельных случаев, ни того, что, кроме известной суммы познанных историками общих причин, действующих в истории, нет и не может быть такой причины, которая бы была над ними самой коренной и общей, объединяла бы в себе все другие причины или законы мира и держала бы их в своей зависимости.

Разъясним свою мысль на рассмотрении самой истории человечества. Говорят, в истории действуют определенные законы. Так. Но при несомненном действии этих нескольких законов в истории человечества, как уже выше сказано было нами, отдельные народы и целый человеческий род в своей

420

истории заметно направляются к одной общей цели, к осуществлению одной задачи, например, в дохристианское время подготавливаются к принятию Спасителя мира. Эта единая основная причина, управляющая всеми другими причинами истории, этот коренной закон всех законов исторических и есть действие Промысла Божия в истории человечества. С другой стороны, при известных законах в истории, т. е. более или менее общих причинах, действующих в ней, всегда имеют место еще исключительные причины или силы, производящие и соответствующие им действия, необъяснимые из общих законов истории. Например: никакими историческими законами нельзя объяснить появления гениальных правителей, законодателей, ученых, поэтов и художников или ужаснейших бичей человечества вроде царя гуннов Аттилы (по прозванию Бич Божий) в определенные времена и в определенных местах. В явлении этих лиц в истории мы видим нечто новое, оригинальное, имеющее начало только в них самих, в глубине их самородного духа и необъяснимое из предшествующей истории. И это новое, стоящее вне связи с явлениями ранней истории и между тем оказывающее неотразимое влияние на последующую историю, явно есть действие руки Божией, поставляющей в среде народов чрезвычайных лиц, которые, по планам

премудрости Божией, признаются необходимыми для известных целей в определенное время и в определенном месте. Не исторические законы создают людей, а люди создают свою историю, в которой открываются известные законы. Но люди при всем естественном рождении друг от друга, однако, обязаны своим происхождением также и непосредственному действию Божию: души человеческие не составляют всецело родительского плода. Поэтому, несмотря на унаследование детьми некоторых душевных черт своих родителей, личные особенности детей по сравнению с родителями, разнообразный склад их душевных свойств, по своему источному началу, составляют дело Божие, и, следовательно, во всей истории человеческой всегда и непременно действует Промысл Божий.

Так, истинно Господь «прозирает до концов земли и видит под всем небом» (Иов 28, 1), Его премудрость «распростирается от одного конца до другого» (Прем. 8, 1), а в жизни человеческой не позволяет ни одной слезе пролиться (Пс. 5, 9), ни одному вздоху испуститься (Пс. 78, 7) без своего ведома.

Повторяем: какая великая, всеукрепляющая сила для человека во всех положениях его жизни — эта вера в Промысл Божий! Она вносит ясный смысл в кажущуюся запутанность, беспорядочность и случайность раз-

422

нообразных событий и явлений в мире, поддерживает доброе, соединенное с упованием на помощь Божию настроение в нашем духе в борьбе его со всякого рода трудностями в жизни и даже под ударами самых тяжелых бедствий исторгает из нашего сердца светлорадостную песнь: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование!.. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки».

Священник И. П-ский. Душеполезное чтение.
1889, № 12.

Глава 6

О ТОМ, ПОЧЕМУ СТРАДАЮТ ЛЮДИ

СМЫСЛ СТРАДАНИЙ

Чем дольше я живу и чем я больше вижу, что страдает всякая душа, тем я больше чувствую каким-то таинственным чувством, что душе страдания во благо. Страдание спасло языческий мир, а для верных оно было как бы внутренним христианством, приготовлением к воплощению Евангелия. Оно же и сейчас спасает людей мира. Оно не позволяет им окончательно ослепнуть, зачерстветь в мирских делах. Оно размягчает их сердце. Оно сохраняет в них кротость и доброту. Оно, как неслышный проповедник, наставляет их тогда, когда никто не осмелился бы их учить, и вот почему в час смерти вокруг них удивляются, с какой легкостью они отходят к Богу.

Вот почему вы не в силах оторвать глаз, в которых искрятся слезы, от неба.

Откуда страдание? К чему? Есть ли вне религии врачевание для него? Исцеляет ли его религия и прочее?

Зачем страдание?

К чему страдания? Почему страдания, если мы живем под властью милосердного Бога? Я однажды предложил этот вопрос одному старику и не забуду никогда того выражения, с которым он мне ответил: «Именно потому, мой друг, что благ Господь». Я тогда был готов возмутиться. Теперь я не возмущаюсь и говорю: может быть!

Иначе ведь Ты был бы жесток, Господи! Ты создал человека. Он Твой ребенок. Ты его любишь, так как иначе зачем бы Ты создал его? Ты велик, необъятен, бесконечен. Человек слаб. Он живет только на мгновение — и неужели Тебе было бы приятно угнетать его! Я, даже я не мог бы сделать вреда ребенку. Я чувствую себя для этого слишком сильным. Мне было бы совестно злоупотреблять своим преимуществом. Какое же кощунство воображать, что Ты можешь злоупотреблять Твоим всемогуществом, Господи, поражая нас без цели, без причин, равнодушно оставляя нас на волю роковых законов, которые нас давят! Боже, неужели Ты когда-нибудь создал душу для чего-нибудь иного, как не для счастья? И

если Твоя рука болезненно прикасается к этой душе, не надо ли тогда, павши ниц, исповедать, что Ты делаешь это из милосердия, только с каким-нибудь таинственным намерением, которое когда-нибудь станет для нас ясным?

Я слышу горячее возражение нескольких лиц. Им кажется невыносимым парадоксом мысль моя о том, что страдания и горе в этой жизни происходят от Божественного милосердия.

Возможно ли нарочно, по обдуманному намерению, заставить страдать нежно любимое существо? И даже в некоторых случаях возможно ли заставляя страдать его тем больше, чем больше его любишь?

В этом весь вопрос.

Вот, ребенок играет на краю пропасти. Он хочет сорвать цветок, поймать бабочку. Он наклоняется над пропастью и сейчас в нее упадет. Вдруг две сильные руки его схватывают тем стремительнее, чем он нежнее. Он кричит и отбивается. Откуда же нашло на него это страдание? Ясно, что из любящего сердца матери.

Взгляните на другого ребенка. Он играет с ножом и сейчас себя ранит. Но тут приходит отец его, бранит его, вырывает у него ножик, иногда при этом наказывает его, чтобы больше не повторялась опасная забава. Ребенок кричит, а про себя обвиняет отца. Но впоследствии он благодарит его.

Перед нами больной ребенок. Его мать берет его на руки и подносит к ножу хирурга. Ребенок кричит. Он отпихивает доктора. Он хочет бить свою мать. Но кто же скажет, что в эту минуту мать проявила жестокость по отношению к своему ребенку? Ребенок может сказать это под влиянием боли. Но мы смотрим на дело иным, более широким взглядом. Мы сочувствуем — кому? Ребенку? Да. Но еще более матери. Я знаю, что в этом случае ее сердце терпит большую муку, чем его сердце.

Примените к Богу то, что кажется столь прекрасным на земле, таким светлым, когда всматриваешься в заботы матери о своем ребенке, и вы поймете, зачем страдание. Без сомнения, если вы не верите в Бога; если вы не сознаете, что мы созданы для Него и все идем к Нему; если вы смотрите на этот обширный мир, как на арену, где сражаются между собой роковые силы, тогда страдание не имеет смысла. Вам остается только молча питаться вашим горем, не беспокоя вашими криками ни людей, которые вам ничем не помогут, ни небо, для вас пустое. Наказание жить без Бога состоит в страдании без утешения.

Но выйдите из этого темного коридора. Встаньте на чистом воздухе, оглянитесь вокруг при ярком свете религии. Верьте в Бога: Бога премудрого, всемогущего, всеблагого,

Бога, Который создал людей для Себя, Который дал им пожить мгновение во временной жизни, чтобы они сделались достойными вечности, чтобы их разум, их сердце, воля, их личность, их привязанности были действительно созданием их собственных усилий. Верьте в Бога. Верьте, что Он, в то время как люди, Его дети, работают над этим великим делом, — над ними наблюдает, им помогает, удаляет от них опасности, подымает и вдохновляет их проходить по земле, не прилепляясь к ней, проходить через мир, не ограничивая себя миром, не принижая и не извращая себя для мира. Верьте во все это, и вы начнете понимать, озаренные Божественной искрой, откуда приходит страдание и отчего Бог его допускает.

Бог создал этот мир. И с намерением создал его слишком узким для нас, так что мы не можем двигаться в нем без того, чтобы не страдать, чтобы не наткнуться всякую минуту на границу, на преграды, о которые мы разбиваемся: с намерением, чтобы эти преграды заставляли нас желать лучшего. Но я не знаю, мог ли Он устроить это иначе. Когда настанет наша жизнь в вечности, мы будем ликовать на свободе. Там не будет ни границ, ни преград, ни ограничений, ни конца. Одно невыразимое счастье, одно незаходимое счастье. А здесь, как бы Бог ни устроил этот бедный мир, он не мог не быть слишком

428

тесным для нас. Человеческая душа не могла, попав в него, не страдать; не могла покоиться на этом прокрустовом ложе, не находя его слишком тесным, не могла расправить свои крылья, не чувствуя себя в неволе.

Вот какова земля. Такой создана она была для нашего испытания, для того, чтобы под непрестанным гнетом ее мы вздыхали более о свободных краях, о безграничных горизонтах.

Представьте себе существо, которое, вместо того чтобы распахнуть свои крылья, сворачивает их, вместо того чтобы подняться в высоту, добровольно стелется по земле, которое не находит это прокрустово ложе слишком узким и, наоборот, привыкает к нему и чувствует себя свободно. Представьте себе бессмертное существо, которое не развивает своих бесконечных сил, но крепко пристаёт к земле, все уходит в земную жизнь и стоит под грозной опасностью дойти до бесчестия, до гибели. Как же Богу не прийти на помощь? Если человек не чувствует узких границ земли, как же Богу не придвинуть его к этим границам, чтобы он их почувствовал? Как не дать ему горя, чтобы он поднял голову к небу? Как не вырвать ножа из рук этого ребенка, если он играет с безумным легкомыслием на краю пропасти? Почему Богу могучим порывом отцовской руки не унести его от этой пропасти, в которую он сейчас упадет? Почему, наконец, если человек болен,

Бог, Который для него отец и мать, не отдаст его в руки хирурга? И почему человек, после таких действий над ним Божьей воли, сперва оглушенный страданием, ослепленный своими слезами, не воскликнет потом: «Отец, Ты поступил хорошо!»

Вот смысл страданий, главная, первая основа Божественного врачевания.

Под кущами рая царствовала только одна любовь. Эта любовь делала лучшее и большее, чем делает теперь страдание. Страдание просвещает душу, страдание облагораживает и очищает, страдание возносит сердце горе. Но все это делает любовь, делает скорее и прочнее, и, если бы человек не пал в райских обителях, если бы вместо этой легкой искры, которая в нас тлеет, мы сохранили живое пламя первоначальной любви — мы не знали бы страдания. Через страдание нам придано Божественное крыло, но в ту минуту, когда мы погружались в материю, Своей благостью Бог дал нам страдание в помощь.

Страдания возносят душу к Богу

Земля тесна, слишком тесна для бессмертного существования. Она меня постоянно оскорбляет и угнетает; как каторжник, я хожу на ней с тяжелым ведром на ногах. Всякий день мои шаги становятся все тяжелее, мои движения стесненнее, моя голова склоняется

все угрюмее, все во мне говорит даже помимо Слова Божия, что я не создан для земли.

Люди, мои жизненные спутники, доказывают мне это еще лучше: на всяком шагу они мне изменяют; когда я хочу опереться на них, они гнутся, как тростник, и ранят меня. И, увы, даже лучшие из них, те, которых называют друзьями, не оказывают мне больше верности: их или похитила смерть, или я надоедаю им своими недостатками, или мое горе гонит их от меня. Сколько из них сблизилось со мной душой, но смерть жестоко оторвала их от меня! Сколько с надеждой подходило к моему сердцу, но нашло в нем холодность и себялюбие и, сильно разочаровавшись, отошло! Сколько других я искал в те часы, когда мне надо было приклонить голову на плечо друга, и не мог найти! Как мало человек способен к глубоким качествам дружбы, и как верно это печальное слово Премудрого: нет ничего столь редкого, как истинный друг!

Все куда бы ни шло, если бы только дружба изменяла! Обманувшись в ней, оскорбленный жизнью ищет себе другой утехи; говорит себе: найдешь что-нибудь другое, привязанность более нежную, более глубокую, более бескорыстную и в ней забудешь все остальное. И тогда человек мечтает о существе, которое Бог как бы создал для этой благородной роли любить и утешать.

Человек видит, что Бог создал это существо для него; он радостно трепещет и отходит от алтаря, где он дал этому существу свою руку, помолодевшим, с обновленными силами. Но увы, увы! Мужчина ли изменяет этой мечте, или женщина, изменяют ли они оба, или Бог пожелал, чтобы эта мечта оставалась лишь мечтой на земле, чтобы поднять глаза наши к небу, как бы то ни было, мечта эта непродолжительна; даже в лучших, связанных большой любовью людях эта мечта не держит своих обещаний. Что же сказать о других, что же сказать об очаге, от которого остался только холодный пепел, и о том, на котором пламя и не горело, или о том, где оно горело светло и жарко, но где безжалостная смерть загасила факел! И вот из опустошенной семьи спасаются, как спасаются от погасшей дружбы, бросаются в более живую жизнь, шумную жизнь, чтобы забыться. Но как только вы приступили к общественной деятельности, вас преследуют страсти, за вами гонится клевета; вы собирались узнать людей — и вы их узнали, и возвращаетесь в свое собственное одиночество с разбитыми иллюзиями и с душевным страданием.

Как путник, достигнув вершины горы, обращивается и видит сзади себя тех, которые шли вместе и которых он опередил, так и мы, дойдя до зенита нашей жизни, смотрим вокруг себя и видим, что мы одни. Вдали мы

432

видим на равнинах наши разрушенные сны, изменившую нам дружбу, угасшую любовь, добросердечное к нам отношение, которое мы утратили по дороге и которое больше к нам не вернется. С грустным взором, с тяжелым сердцем мы медленно сходим по этим последним хладным ступеням жизни, которые были бы невыносимы, если бы в конце их не ожидал нас Бог. Устав от всего этого, устав даже надеяться, не рассчитывая даже ни на что, считая всякую чашу или пустой, или горькой, мы испускаем последний крик: «Господи, Господи!»

Спрашивают: «К чему страдание?» И вот ответ: земля затуманивается, чтобы могло заблестать небо.

Созданные для Бога, мы уходим всей душой в преходящие вещи. Мы стремимся свить себе гнездо на земле, подальше от ветров и морозов, и хотели бы там быть убаюканными счастьем, никогда не стареть и никогда не умереть среди этого благополучия. И вот, на это маленькое гнездо, в котором мы забываем вечность, время от времени Бог посылает страдания, как спасительный светоч. И как мудро действует Бог, когда он действует этой мерой! С какой любовью Он соразмеряет наносимые Им удары нашей душе! Чаше всего Он лишь едва прикасается к больному месту. Рушится какая-нибудь мечта, отлетает иллюзия; друг забывает, охлаждается любя-

щее сердце — и невольно поднимаешь глаза выше и говоришь: «Господи, Господи, только Ты Один не изменяешься!»

Но бывает, что Бог поражает семью. Рушится состояние, колеблется трон. Мир видит только пыль, поднимающуюся вокруг этого великого крушения. Но пораженная этим ударом душа видит другое. Ей является какой-то невидимый свет: утешенному взору открывается небо и вознаграждает ее за потери земли, которая как бы исчезает для нее. Некогда королева Англии говорила: «Благодарю тебя, Боже, что Ты взял у меня три королевства, если Ты их взял с целью сделать меня лучшей». И Боссюэт, говоря о ней, выразился так: «За что благодарила она Бога: за то ли, что Он сделал ее королевой? Нет, за то, что Он сделал ее несчастной королевой».

Если страдания еще сильнее (потому что есть много бедствий более тяжелых, чем потеря трона), тогда этот свет страдания еще ярче.

Иногда удары учащаются. Бог гремит над нашими головами. Слышится как бы непрерывный гром, но именно тут и раскрывается вся нежность Божественной любви. Мать, которая подносит своего ребенка к ножу хирурга, осыпает его ласками, покрывает его поцелуями перед операцией, во время операции, после операции, — слабый пример любви Божественной...

Я знал несколько лет назад выдающегося чиновника, достигшего высокого поста честным трудом, пользовавшегося общим уважением и громадным влиянием. Он был богат и счастлив. У него было все, кроме веры. Он был женат на выдающейся женщине прекрасной души и очень верующей. У них было две дочери. Хотя он не был христианином, он их воспитал тщательно. Им было тогда одной девятнадцать, другой шестнадцать лет, и при всей грации и прелести их возраста у них было то, что придает красоте благочестие, скромность и невинность сердца. Часто я встречал этого господина в сопровождении двух дочерей. Он сиял благородной гордостью отца, который чувствует, что он возродился в детях.

Однажды у одной из дочерей началась жестокая головная боль, и в несколько дней она была скошена тифом. Она умерла, как Ангел. Ее младшая сестра, которую удалили от больной слишком поздно, занемогла той же болезнью и последовала за старшей. Бедный отец их целую неделю оставался в деревенском доме, где последовала эта последняя смерть, безмолвный, с глазами, устремленными на ту постель, с которой исчезло его последнее сокровище. Он вышел из этого уединения, несказанно прозрев духовные глубины. Что такое мир и какая ему цена? Что значат почести, высокие посты,

слава, влияние? Все это ему стало ненавистным. Что значат, наконец, мирские привязанности, если он видел исчезновение своих двух детей, столь чистых и любящих? Он доказал себе, что такие удары не могли быть случаем, потому что, если бы случай управлял миром, оставалось бы только разбить голову об стену. Эти удары, по его мнению, не могли происходить только от Божественного равнодушия и безразличия, потому что он мог бы только ненавидеть такого бога. Он увидел, что Бог поступил так только по любви. Он не понимал сейчас причины этих действий, но надеялся понять позже, и все прояснилось в его глазах.

Еще многие годы он жил среди мира, все неся свои важные обязанности, честно служил своей родине и дошел до высших ступеней карьеры. В то же время он был великим христианином, удивлял мир твердостью своей надежды и крепостью своей веры; он служил бедным, раздавая им приданое своих дочерей. Он теперь умер. И когда он вознесся от этой жизни и две его молодые дочери вышли к нему навстречу, преображенные, сияющие небесной славой, тогда в этом единении навеки все трое поняли, зачем Бог разлучил их на мгновение и как ранней смертью детей Он дал возможность отцу их купить кратковременной разлукой великое счастье жить в вечности, в свете и в любви.

Вот первая служба, которую может сослужить людям страдание. Из страдания вытекает свет, озаряющий нашу душу и всю нашу жизнь.

Страдания очищают душу от грехов

На нашей печальной земле, кроме опасности заботиться исключительно о земной жизни, привязаться всеми силами к одним лишь земным вещам, есть еще другая опасность: опуститься, низко пасть, опасность потерять в соприкосновении со злом красоту своей души. Так как Бог — бесконечное Правосудие, то самое легкое зло не может коснуться души, не определяя ее тем самым к наказанию. Еще древний Гомер говорил, что наказание всегда следует медленным, но неизбежным шагом за преступлением. Вы совершаете сегодня преступление — вы даете повод вас карать. Вы совершаете десять преступных поступков — вы даете десять поводов к каре. Что же будет, если вы дадите сто тысяч таких поводов, если вся ваша жизнь будет представлять собой острое лезвие, на которое насажена тысяча виновностей разного рода?

Случается, что в корабле во время плавания открывается еле заметная пробоина. Вода начинает входить сперва медленно, капля за каплей, но если на это не обращать внимания, через несколько дней корабль будет лежать на дне.

Вот великий и печальный пример, с которым можно сравнить опасности, угрожающие душе человеческой. Она пошла бы ко дну пропасти бесконечного правосудия медленно и верно, если бы не было где-то искупающей силы, очищающего блага, которое служит противовесом тяжести наших грехов. И вот почему думали, что из всех наказаний самое грозное для грешной нераскаянной души — быть свободной от страданий, быть предоставленной безоблачному благополучию. Есть благополучные жизни, от которых приходишь в ужас, на которые смотришь с трепетом.

Вам открывается теперь новое значение страдания, его вторая высокая миссия. Когда человек пал, когда он под влиянием зла утратил чистоту своей души и вкус к добру, утратил великодушный порыв, подымавший его с земли, Бог отдает его в руки страдания. Страдание берет виновного человека и погружает его в свое очистительное пламя. Так при помощи огня золото выбрасывает из своей расплавленной струи всякую примесь.

Я не считаю возможным, чтобы хоть один серьезный человек, сознающий добро и зло, был склонен сейчас обвинять Божественное правосудие. Для меня оно является не только неизменным элементом Божественной святости — оно истекает из благодати Божией. Оно меня более привлекает, чем оттал-

438

кивает. Бог, Который не наказывает, — это Бог, Который не занимается нами. Я не чувствую тяжести Его руки. Прочтите в Книге Бытия великолепный разговор Бога с Авраамом о десяти праведниках, которые могут загладить беззакония тысяч виновных, — и вы поймете всемогущую искупительную силу страдания.

Человек, который никогда не молится, который никогда не воздает Богу хвалы, который Его оскорбляет, который, может быть, богохульствует, — знаете ли, почему он живет, почему он доселе не поражен? Потому что есть вокруг него дети, которые молятся, жена, которая плачет, дорогие существа, которые кладут свои страдания, свою невинность на чашу весов и тем уравнивают все его беззакония.

И если народы продолжают существовать и эти громадные фабрики зла не лопаются под давлением греха, так это потому, что есть среди них люди, принимающие на себя добровольные искупления, люди, которые страдают и распинают себя за всю общественную неправду. Если иногда скапливаются позор и преступления, то накапливаются и бедствия. Присмотритесь пристальнее к безднам греха — и вы найдете всегда несколько великих душ, которые принесли себя в добровольную жертву, возвышенно перенесли несколько незаслуженных страданий, самоотверженно

пролили несколько капель чистой крови, которая смыла потоки крови преступной.

Страдание животворит и расширяет душу

Вспоминаю слова поэта: «Ты, страдание, производишь истинных людей».

А другой поэт прибавляет «Ничто не возвышает нас так, как великое страдание».

И вот я вижу третью — самую великую причину страданий. Оно является не только светом среди мрака и обмана жизни, не только врачевством от жизненных заблуждений — оно оживотворяет и возвышает душу. Я чуть было не сказал, что вновь ее создает; оно вкладывает в нее красоту, трогательное величие, каких не в силах придать ей сама добродетель.

Замечательно, что на нашей печальной земле никогда не выходило ни великого человека, ни великого произведения без страданий. Ни гений, ни слава, ни добродетель не были достаточны, чтобы доставить человеку величие. Страдание являлось всегда необходимым. Пусть человек соединил на главе своей несколько венцов; человечество посмотрит на него, но, прежде чем признать его великим, подождет, чтобы он принял крещение страдания.

Сама добродетель, добродетель в счастье, явилась не самой великой вещью, которой можно восхищаться на земле. Всегда такой

добродетели не хватало того несравненного совершенства, которое дает только страдание. Словно в царственной мастерской, где образуются великие души, гений, слава и добродетель способны создать только первоначальный абрис, а последние черты, те, которые венчают произведение, — те накладывает сам великий мастер путем страдания. Отчего так? Скажут: «Это тайна». Да, но тайна эта разрешима.

Мы — малые существа, потому что мы ограниченные существа. И чем добровольнее мы соглашаемся на эти границы, чем мы больше в них заключаемся, тем мы меньше. Чтобы быть великими, надо выйти из этих границ, надо их сломать, надо со страшным усилием вырваться из этого жалкого круга. А для этого надо страдать.

Взгляните на писателя: когда он доходит до великих мыслей? Разве в неге и праздности? Разве оставаясь в узких рамках своего ограниченного существа? Не тогда ли он творит, когда тяжелым усилием вырывается из этих рамок? Я только что окончил этот серьезный труд в тиши семнадцати ночей работы, и теперь, когда мое дело совершено, я дрожу еще от страдания, которое оно мне доставило; в сосредоточении столь же святом, как молитва, я спрашиваю себя, будет ли услышан мой голос. Вот в каком страдании рождаются произведения.

А в чем находят поэты свои бессмертные строки? Кому это неизвестно? Душа никогда не поет лучше, чем в страдании, и всякая ее рана доставляет ей великолепный аккорд. Чем горше рана, тем пронзительнее крик. Самые безотрадные песни суть самые прекрасные песни, и много бессмертных песен представляют собой одни вопли.

То же самое с великими характерами, с глубокими душами, с добрыми сердцами. Они нуждаются в страданиях. Тех, кто не страдал, жизнь как будто бы коснулась лишь поверхностно. В их чувствах нет сил, в их сердце нет нежности, у их умах нет широких горизонтов. Все в них поверхностно, у них обыденная и банальная доброта. Короче говоря, со всевозможных точек зрения, одно лишь страдание входит в душу достаточно глубоко, чтобы ее расширить. У нас есть чудные тайники, где дремлет жизнь; не видно их глубины, где скрыты сокровища, до которых не достанет никакая энергия души. Нужен молниеносный удар страдания. И осмелюсь сказать: есть такие сокровища нашего сердца, которые как бы не существуют, которые только в зародыше, и вот они открываются с приходом страдания.

Удары по камню выбивают из него искру: так же надо ударить по душе, чтобы в ней блеснули свет, величие, героизм, самоотверженность, тысяча скрытых в ней сокровищ.

Статуя стоит тут, заключенная в этом мраморе; ее надо только вызволить из него. Изумруд заключен в этой кварцевой руде, и его нужно только обнаружить. Но надо снять этот каменный покров и для этого взяться за молот и резец. Человек пробует; но так как он почти никогда не решается ударить довольно сильно, то, чтобы помочь ему в этом деле, Бог посылает ему страдание.

Вот почему все святые, герои, гении, все великие души были воспитанниками страданий.

Лавровый венок всегда покоился на измученном челе. Вспомните Гомера, Мильтона, Тассо, Данте. Они будут вечно жить величием своих чувств; но это величие чувства, эту глубину волнений они не знали бы никогда без страданий.

Что же сказать о солдатах, о героях? Страдание образует солдата. Никогда душа так не разворачивает своих сил в более трогательной и истинной красоте, как пред лицом смерти, в те торжественные часы, когда опасность вызывает столь полное забвение самого себя. Забыть о себе, забыть до смерти — вот долг солдата. Это высшая красота. Другой подобной нет; если вы оглянетесь кругом, вы увидите, что человек может быть воистину высок лишь пред лицом страдания и смерти.

Франциск Ассизский писал: «Знаете ли, в чем завидуют нам Ангелы: ни в чем, кроме

того, что мы можем страдать ради Бога, а они никогда ради Него не страдали».

Что же могут святые предложить Богу и тем, кого любят? Молитвы, обеты? Да, но, кроме того, и добровольно принятое и с любовью перенесенное страдание.

И не только Ангелы могли бы позавидовать этому величию, этой невыразимой красоте души. На высоте славы Господь благословляет то, что являет собой человек, объятый страданием. И вот почему однажды открылись Небеса, и Сын Божий в бесконечном страдании взошел на крест, чтобы, каковы бы ни были впоследствии жертвы человека для Бога, человек видел всегда своего Бога в славе жертвы высшей, чем все его жертвы.

Таким образом, величие и красота души расположены по ступеням, по силе страдания. На вершине те, у которых горит на челе пламя гения, добродетели и страдания. И во главе их Первородный Сын Человеческий. Ниже — менее исключительные страдания, менее глубокие чувства, более обыкновенные жизни. По мере того как спускаешься с этой лестницы, встречаешь все более смеющихся; по мере того как поднимаешься, все абсолютнее царствует серьезность, неразлучная спутница великих вещей, и с серьезностью истинная красота, эта трогательная и серьезная красота добродетели, любви и

444

страдания, вся прелесть которой невыразима. На самую красоту страдание накладывает какую-то невыразимую печать. Лицо человеческое, как и сердце, после страдания становится прекраснее и одухотвореннее.

Страдание, как ваятель, оформляет душу

Остановимся на минуту на этой лучезарной вершине. Страдание поражает не только тех, кто среди мира забывает Бога, не только тех, кто развращается среди мира: праведники также страдают, и добрые люди терпят испытания. Они страдают для того, чтобы стать более праведными, терпят испытания, чтобы стать еще лучшими. Разберемся в этом печальном, но проникновенном свете страдания, и мы начнем понимать жизнь.

Когда же наконец поймут, что человек должен быть ваятелем самого себя? Когда поймут, что Бог поместил его на землю как бы зародышем, с той именно целью, чтобы он мог сам себя досоздать? Когда поймут, что из этого холодного, бесформенного мрамора без признаков личности, без красоты Бог заповедал ему извлечь живую статую? Когда поймут, что в этом труде Бог послал на помощь человеку страдание? Ты, человек, не был ни красив, ни велик, ни свят, но стал прекрасным, великим, святым. Почему? Потому что ты пострадал.

Посмотрите, как рождаются люди. Некоторые безобразными, лучшие из них носят в себе что-то жестокое, недоразвитое, сухое и бесплодное. Детство не имеет жалости, — сказал один великий наблюдатель, — у молодежи мало сердца. В ней кровь, живость, огонь, которые она принимает за сердце, что далеко не одно и то же. Вслушайтесь в речи молодого человека. В нем грация, ум, воображение, огонь, знание, но он говорит нехорошо. Чего же ему недостает? Он еще не страдал.

Надо время, испытание, благодушно и кротко перенесенное страдание, чтобы дать сердцу прелесть возвышенной души, нравственную красоту. Некоторые струны, и струны самые прекрасные, звучат в человеке лишь тогда, когда они омочены в слезах. И вот почему страдание так обильно. Волна, которая надвигается, не ждет, чтобы предыдущая волна прошла. Страдание ума, муки сердца, болезнь и горе всякого рода, неиссякаемая горечь текут без конца и охватывают всю жизнь. Этому удивляешься и спрашиваешь себя: «Да зачем счастье всегда уходит? И зачем страдание никогда не перестает? Зачем?» Чтобы нас отполировать. Чтобы сгладить трением все наши шероховатости.

Если усилиями собственного ума легко убедиться, что страдание поглощается мудростью Божественной, то еще легче понять,

446

что оно приноравливается к силам всякой души. словно невидимая нежная рука руководит душой там, где необходимо исправить и возбудить жизнь. С какой умной настойчивостью страдание оказывает свое воздействие на человеческое сердце и какие удивительные оно производит чудеса! Оно действует почти как таинство, какой-то невыразимой внутренней силой. Этот буйный, властный, себялюбивый человек как стал приветлив с тех пор, когда его коснулось страдание! Он сам протягивает руку, он благодарит вас за малейшее внимание.

Так страдание смирило его. Это бесчувственное и сухое сердце вас зовет, оно просит немного любви. Жажда любви пробудилась в нем вместе со слезами.

Этот молодой человек — столь бесстрашный в своей хуле на Бога, столь нечувствительный ко всякому духовному озарению, погруженный в рассеянность своих страстей, — как только страдание коснулось его, почувствовал, что страсти утихли, как утихает ветер. Очаг зла погас. Его нечистые мечты рассеялись. От прикосновения страдания все, что составляло, если он был христианин, стыд его души, его отчаяние, улеглось, почти исчезло.

Если только страдание было принято с малейшей покорностью, гордый человек уже смирился, сухой человек смягчился, чело-

век, увлеченный бешенством своих страстей, успокоился. Одним словом, душа, обезображенная злом, перекована была страданием, как на Божественной наковальне, в новые, прекрасные формы.

Господи, Господи, как было бы хорошо, если бы вся душа раскрывалась навстречу целительной силе страдания! Если бы она понимала назначенную ей работу! Если бы при каждом ударе по ней молота она говорила: благодарю Тебя, Боже! Если бы она не оставалась немой, неподвижной, слепой, а была живой, говорящей, разумно-восприимчивой и с радостью сознавала, что делает над ней Божественный Работник!

Душа моя, душа моя! Познай безобразие твоих грехов, твои беспрестанные падения, твои ежедневные заблуждения, твою гордость и противление Богу и омойся в своих слезах! Я не могу приказывать тебе искать страдания. Но не отталкивай его, когда оно приходит. Оно — твой друг. Пойми же его, пойми это второе крещение, откуда ты можешь выйти прекрасной.

Конечно, едва ли можно выразиться, что Бог создал страдание, по крайней мере страдание в том виде, каким мы знаем его теперь. Бог является не более близкой причиной страдания, чем и смерти. Оба эти явления произошли в один день, родились, как злосчастные дочери греха, столь же ужасные, как

448

он, и должны были убедить человека в том, что нельзя безнаказанно восставать против вековых законов, должны были вернуть человека в дом. В этом они подобны тем великим мастерам, которые из осколков и развалин воздвигают великолепные храмы. В то время как страдание печально вошло в мир, бесконечная любовь схватилась за него, чтобы сделать из него великое средство к возрождению душ. Желая карать, потому что кара необходима, но еще более желая прощать, стремясь извлечь добро из зла и заставить зло служить торжеству добра, Бог в Своем правосудии и в Своей любви избрал кару, в которой заключался бы уже и возврат к лучшему. Он воздвиг среди мира эшафот, который бы мог быть алтарем. Он допустил страдание. И для того чтобы человеку было невозможно не обращать своих мук в искупление, Бог поступает так. Он говорит: человек стремится к гибели; он извращает себя делами, сложенными из гордости, противления и эгоизма, и вот Я удержу его и временами — хочет или не хочет он того — буду подвергать его смирению, послушанию, самоотвержению. Из этих трех слитых элементов Бог и создал страдание.

Вот именно таким путем больше всего и сохраняются души. Время от времени Бог берет их, кидает в страдание и, если только они согласны на это добровольно принятое

страдание, возрождает их. Этим путем заглаживаются их прежние беззакония.

Одним полезны сильные, молниеносные удары страданий; другим — та постоянная, кропотливая, настойчивая обработка, которая дает алмазу его красоту, блеск и игру.

Но для тех и других, для всякой души — нужно то же премудрое действие скорби, помогающее достигнуть душевной красоты. Страдание ведет к достижению этой цели. Не удивляйтесь, если оно часто возвращается. Оно несколько раз проходит одними и теми же местами, особенно местами слабыми.

Страдание не только поражает мудрой предусмотрительностью душу, но именно те стороны, где есть недостатки, пороки, чтобы дать ей недостающие качества. Часто страдание направляется против самых заветных сторон человека, где стоят его лучшие добродетели. Невольно спрашиваешь себя: зачем же страдание не оставляет в покое таких сторон характера человека, которые и без того хороши, над которыми и без того человек много потрудился? Тут цель страдания та, чтобы закалить и более возвысить качества души, предохранить ее от всякой неустойчивости: вы добры и терпеливы — так вот именно на вас будут со всех сторон сыпаться беспокойства; у вас любящее сердце — вы будете жить с эгоистами, и ваша высшая добродетель будет не понята, ваши самые лучшие качества

останутся без применения; вы были созданы для тихой семейной жизни — может быть, именно вы проживете без подруги жизни; вы издавна лелеяли в вашей душе мечту о счастье быть отцом — и у вас не будет никогда детей. Если есть у вас в душе чувствительное место, то именно по нему будет бить страдание; если даже вы никому не открывали этой заветной стороны вашего существа, страдание его отыщет; если сами вы его не знали, страдание вам его укажет. Поймите же из всего этого, что страдание есть только орудие, а сзади него стоит Кто-то Всеведущий.

Я дам новые тому доказательства. Замечали ли вы, с каким искусством страдание принаравливается к душам? Оно уменьшается и увеличивается, становится тонким или грубым сообразно с нуждами людей. Если вы не способны восчувствовать отвлеченную боль души, Бог пошлет вам тяжелую телесную боль. Если для вас недоступно соревнование чести, Бог пошлет вам прозаические денежные заботы. Если вы застрахованы от святой сердечной муки, Бог пошлет вам сухое беспокойство ума. Если придет такой день, что вы падете настолько низко, что страдания, в великом смысле слова, уже не будут чувствоваться вашей душой, она будет осуждена на грубые муки.

И наоборот, взгляните в страдание, как оно одухотворяется: кто опишет тонкие, пре-

красные, недоступные толпе муки, которые переживает гений, поэт, избранный ум? И как описать невидимое, дивное мученичество, которое вызывает Бог в объятых чудным пламенем сердцах святых дев!

Жизнь — это громадная мастерская, в которой души готовятся на Небо. Если вы бывали когда-нибудь на стекольном заводе, вас, конечно, поражала та последовательная работа, во время которой из раскаленной массы постепенно выходят красивые стеклянные вещи. Огонь и действие щипцов рабочего — вот простые орудия стекольного мастера. Так же и в горниле страдания: Бог очищает и укрепляет недостаточные, робкие, погибающие души, закаляет их и делает необоримыми. Если вы поняли все это и вас привлекает к себе духовная красота и святость, тогда с радостью встречайте страдание: Господь знает, какое именно страдание послать вам.

Страдание ведет нас по лестнице добродетелей

Есть одно необыкновенное обстоятельство в жизни, которое наблюдал я много раз. Сперва оно меня удивляло, но потом я не мог не думать о нем без восхищения.

Всякая жизнь начинается счастьем, кончается печалью. На заре жизни показывается счастье и с этой зарей угасает. Потом начинается печаль, и ей уже нет конца. Отчего

так? Казалось, должно бы быть наоборот. За что будут сыпаться на меня все дары и все радости жизни в те годы, когда я ничего не делал, ничего не заслужил, ничем не проявил себя. Во вторую же половину жизни, после того, как я много любил, так много молился, нашел силы смирить себя, — за что это постоянное испытание? О Господи, объясни мне это, чтобы печаль не овладевала моими последними днями, чтобы я не прожил моей старости угрюмо, с разбитым сердцем, без утешения, света и надежды!

Мы условились раньше на том, что мы на земле существуем для того, чтобы работать над красотой нашей души. Но эта красота в этом мире никогда не развивается до полного совершенства. Ей необходимо постоянно расти. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Надо восходить от света к свету, от добра к добру. Не надо никогда останавливаться. А счастье ведет человека вперед? Кто не видал на множестве примеров, что часто счастье не только не полезно для нравственного развития человека, но прямо губит его. Стоит только оглянуться вокруг себя — и мы увидим, что люди, которые в скромной доле были естественные, простые, отзывчивые люди, которые делятся с нуждающимися куском хлеба, — по мере того, как судьба их взыскивала, становились сухими, занятыми лишь собой, никому не

нужными и бесполезными эгоистами. Так вот, чтобы не дать нам нравственно умереть, чтобы вывести нас из этого сытого равнодушия ко всему, Бог и сталкивает нас с колен счастья. Вперед, вперед, только бы не эта спячка! Не останавливайтесь по дороге! И вот почему, когда мы думаем остановиться здесь, когда мы забываемся в счастье, Господь дает знак — и пламя страданий разгорается под нашими ногами, чтобы заставить нас двигаться вперед. В этом — история человечества, история всякой души.

Взгляните на мир. Он начался с земного рая, но долго ли продолжался этот рай? Человек не мог долго пользоваться таким счастьем. И Богу пришлось изгнать его из этого рая, чтобы заставить его потом найти в слезах утраченную красоту и погибшую любовь.

Взгляните на христианство. Оно тоже началось райским счастьем. Можно ли для человека представить себе в самой смелой мечте что-либо выше и отраднее того, чем постоянно наслаждались те первые ученики Христовы, которые составили первоначальное христианство!.. Они жили в постоянном общении с вочеловечившимся Богом. Лик Божественный был всегда перед ними. Во всякую минуту они могли ловить слова неизъяснимой сладости, как бесценный жемчуг, падавший с пречистых уст. Да, это был рай: рай, быть может, лучший, чем перво-

454

созданный рай. Но что же возвещает Божественный Основатель Церкви: «Лучше для вас, если Я уйду», и Он прибавляет эти глубокие слова: «Если Я не уйду, то Дух Святой не придет к вам». Другими словами: если останется блаженство, блаженство этого сладкого единения Учителя и Его учеников, то не сойдет Дух Святой, то есть величие, добродетель, священная искра, прекрасное пламя самоотвержения.

И так во всех областях жизни.

Ребенок рождается как бы среди земного рая. Его ласкают, балуют, окружают нежностями. Но это непродолжительно. Он должен вкусить горечь жизни, иначе никогда не придет пора мудрости. Всякая мать, балуя ребенка, должна опасаться, как бы не избаловать его.

Вот наступает брачная пора. Новая жизнь. И в ней есть пора полного очарования. Но если бы эти дни тянулись долго, что случилось бы с душой? Ведь среди такого захватывающего счастья, о котором поется во всех любовных романсах, человек способен забыть решительно все на свете. Это счастье так велико, что исключает всякую мысль о всех других людях. Тогда забывают родителей, друзей, даже собственные дела. Где уж тут навещать бедных и заботиться о развитии в себе добродетели? Есть сильная опасность застыть в этом благополучии. А ведь надо идти вперед. Надо освободиться не от

любви, но из неги любви. Надо углубить свое сердце горем еще более, чем радостью. Надо воспитать в себе ум, пламя, бескорыстную доброту, самопожертвование: надо достичь в любви высоты долга, и такая любовь, конечно, еще прекраснее, чем любовь как наслаждение.

То же самое видим в жизни религиозной. Она начинается великими утешениями для души, только что обратившейся к Богу. Кто опишет это счастье таинственного обручения с Христом? Но и это тоже ненадолго. Вскоре начнется сухость сердца, чувство одиночества, какое-то духовное равнодушие. Религиозные радости и утешения как бы бегут от души. Душа идет одна по пустыне, поддерживая свою жизнь и свою веру лишь любовью. А под ее ногами разгорается все с большей и большей силой пламя страданий.

Такова история всякой души и всякой жизни. Вначале радость, преходящие восторги, как капля меда на краю сосуда. Потом, на всяком шагу, источник радости иссякает, и бурно на его месте течет полноводный поток горя. Всякий из нас чувствует, как с каждым днем стареет его тело, все тяжелее на сердце, все труднее нести жизнь. Счастья не мог человек удержать для себя. Теперь он хватается за горе в надежде, что хоть оно от него не убежит, потому что с привычным горем справиться легче: оно не требует той затраты

456

духовной силы, как новое горе. Но нет. Едва обманула одна мечта, вслед за ней рушится другая. Только что закрыли одну могилу, открывається другая.

Пускай поэт сказал: «Теперь бей, судьба, если найдешь место, куда ударить», — места для ударов всегда хватает. Страдание найдет уязвимое место. Если оно поразило раньше тело, оно поразит рассудок. Если поразило рассудок, поразит сердце; если поразило сердце, то поразит его еще и еще.

Сердце человеческое не может быть пусто. Оно, помимо нашей воли, наполняется привязанностями, от которых мы никак не защитим себя. А раз есть привязанность, есть вечная мука, ею доставляемая.

У сердца бесконечная способность страдать. Человеку кажется, что он дошел до края бедствий. Все, о чем он мечтал, все рухнуло. Все то, что собирал, рассеялось. Все, что сотворил, повергнуто в прах. Все, что любил, умерло. Человек близок к отчаянию и готов беспомощно пасть среди всех своих надежд и привязанностей... несчастный слепец, знаешь ли ты, что от тебя останется? Остаются ты и твое сердце. В горниле твоего страдания уничтожено все, кроме твоей души, возвеличенной, украшенной, преображенной страданием, достойной неба, для которого она была создана и куда она может наконец вернуться. Вот куда вело тебя страдание!

Вы видите, таким образом, что страдание, в сущности, есть только сотрудник любви. Любовь должна бы делать то, что делает страдание. Любовь просвещает, любовь очищает, любовь делает святым и высоким, и если всю эту работу приняло на себя страдание, то это потому, что любовь теперь недостаточно сильна, чтобы совершить все.

Зато как могуча любовь, соединенная со страданием! И как, в свою очередь, бессильно страдание, когда не приходит к нему на помощь любовь. Любовь есть величайшая помощница страдания. Только любовь может соразмерить силы человека и употребить их во благо. Малая любовь и большое страдание — это уже большое явление, способное на чудеса. Но как спешно растет человек, когда любовь так же сильна, как страдание! Тогда человек созревает в один час; что-то Божественное возникает в нем, Сам Бог склоняется к нему, чтобы ближе всмотреться в него, а Ангел со светлыми обетованиями спускается на землю, чтобы сорвать этот спелый колос и пересадить его в рай.

Последнее слово страдания

Вникнем в последнее слово веры о тяжелой и непостижимой тайне страдания.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем умом твоим, всем помышлением твоим».

Вот чего требует Господь, и требует потому, что то же дает. Эту заповедь можно было бы перевести так: «Твой Бог ревнует тебя».

Один знаменитый проповедник пишет одному молодому человеку, пораженному сердечным горем, которого он не мог ни превозмочь, ни забыть: «Если Бог жаждет всей вашей души, надо ли удивляться тому, что Он сметает с ее пути все, что бы могло ее сковать? Писание называет Его Богом ревнивым. Если Бог желает, чтобы вы любили Его, исключительно Его одного, то как же Он не позаботится о том, чтобы не пленили вашу душу невыразимо дорогие утехи, которые могла бы дать вам чистая привязанность: эти ласки, о которых вы мечтали, эта тихая законенная любовь, которая струилась бы, как бальзам, в ваше влюбленное сердце?»

Он прибавляет следующие прекрасные слова: «Когда Бог поражает нас Своими ударами, то это для того, чтобы мы не искали ничего вне Его. Божественное намерение Его относительно всех людских жизней есть то, чтобы люди любили Его, и весь Промысл Его направлен к этой цели».

Да, все направлено сюда: разрушенные мечты и молниеносные удары, разбивающие счастье нашей жизни. Все предусмотрено той Божественной ревнующей любовью, которая ищет любви какой бы то ни было ценой в человеке. В этом великий смысл страданий, в

этом дивный смысл смерти. Бесконечная любовь Божия к людям стремится довести их души до совершенной красоты. И если Бог видит, что между душой, которая по складу своему способна на безграничную, благодарную и верную любовь к Нему, и Божеством стоят преградой иные привязанности, земные вкусы и суетные увлечения, — Бог разбивает все то, что любил человек и что удаляло его от Бога, и тогда душа невольно хватается за Господа и в единении с Ним находит более высокое и более совершенное счастье, чем то, какое давала ей раньше земля и за которое она так жадно цеплялась.

Та же промыслительная забота о совершенствовании души человеческой руководит Богом и в ниспослании человеку смертного часа. Иногда Бог тихо, терпеливо идет в душу человеческую. Он дает ей медленно созревать в горниле страданий и берет ее к Себе, когда она освободилась от всякой горечи, отказалась от всякого ропота. Таковы смерти старых людей, которых Бог так долго ждал.

В других же случаях Бог спешит отозвать из мира некоторые души, которые лишь недолго в нем побыли. Их жалеют. Из-за них Бога упрекают в жестокости: между тем именно в таких случаях выражается вся предусмотрительность и нежность Божественной любви.

Родители говорят: «Наше дитя было так чисто». Но именно потому и сердце Божие

460

восхитилось им... «Мы так его любили!» Пусть, но, кроме вас, было другое Существо, Которое любило ваше дитя не менее вас, любило и знало его раньше и больше, чем знали его вы; Которое больше, чем вы, было для него отцом и матерью и Которое сделало для него то, что сделали бы вы сами, будь ваш рассудок и ваше могущество столь же велики, как была велика ваша любовь.

Вот как рассуждает об этом писатель, слова которого мы недавно приводили: «Все наше несчастье в забвении того, что мы любимы Кем-то еще другим, кроме нас, и что Бог недаром называет Себя в Писании Богом ревнующим. В наших родительских привязанностях мы забываем Того, Кто любит сильнее всех людей и Кто, при Всей вечности Своей природы, благоволил умереть за людей, чтобы лишить их навсегда права жаловаться на Него. Так подымите ваши глаза в эту область безграничной любви, и там явится вам предмет ваших слез. Вы увидите там в объятиях Божиих душу, которую вы оплакиваете. Вы поймете причины того порядка вещей, который кажется вам жестоким. Вы увидите, что непорочная душа человеческая, увлекаясь миром, наносит жестокую рану Тому, Кто был в крещении ее первым Отцом. Оглядываясь зорким взглядом на ту юдоль жизни, в которой для вас с каждым днем приближения к смерти остается все менее горя, вы убедит-

теть, что любимые вами люди скорее через смерть избегли страданий, чем лишились радости, и вы будете благодарить непостижимую руку, которая раздает одни лишь благодеяния, когда простерта на Своих рабов и на Своих избранных».

Еп. Буго. Смысл страданий. (переложение Е. Поселянина) М., 1911.

СТРАДАНИЕ И ВЕРА В ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Уметь во всякое время во всех обстоятельствах жизни произносить смиренно: «Да будет Твоя воля», — есть верховная наука жизни. Блажен, кто научился произносить это слово с глубоко чувствуемым убеждением, что Тот, к Кому он его обращает, присутствует близко, слышит и отвечает. Но и для того, кто не имеет благодати такого чувства, великое утешение, по крайней мере великая душевная опора, заключается в самом смысле этого слова.

Никому не дано постигнуть цели наших земных страданий; но каждый может постигнуть, что они от Бога, который всемогущ, следовательно, источник одного только блага. Наше дело состоит только в знании, что все — Его воля и все есть благо. Понимать ее

мы не можем, и не нужно заботиться о невозможном. Принимать ее без толкования и ропота, со смирением и обожанием — вот наша единственная потребность. В чем бы состояла покорность, если бы мы могли дать себе отчет в тех причинах, которые определяют ее, если бы могли постигнуть ясно судьбы неисповедимые? Мы должны покоряться Богу потому, что Он Бог; а как покоряться Ему, тому научил нас Он Сам примером Христа, спасительным Его страданием и смирением.

Мы оттого впадаем в сомнения и в неверие, что хотим объять все и постигнуть всеобщий порядок. Тот, кому дано наукой рассмотреть частицу этого порядка, более других подвержен опасности впасть в безверие, ибо он свою частицу принимает за целое и ею это целое измеряет. Ему труднее других сказать: да будет Твоя воля.

Одно верно: Бог существует, все сотворил и всем управляет; все, что от Него происходит, есть благо: следовательно, и все, происходящее с нами, происходя от Бога, должно быть благо, и благо не потому, что мы таким его признаем, а потому что оно от Бога. Следовательно, покорность без разбора, умствования и ропота.

Бог не может посылать человеку страдание только для того, чтобы душа его страдала. Но сколько, однако, таких страданий, цели которых мы понимать не можем! На что в таком

случае опереться? На мысль о Боге. Страдание от Него, следовательно, дар Божий, следовательно, благо. «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте».

Наше верховное благо состоит в признании воли Божией и в то же время в признании ее неисповедимости. Что бы мы были без этого верховного блага, посреди бесчисленного множества бедствий житейских, тем более ощутимых, чем способнее душа любить и мыслить? Или, не постигая наших бедствий, мы бы приписывали их слепой силе, владычествующей всем созданием и нашей судьбой. В таком случае наше терпение было бы не что иное, как механическая безнадежность в присутствии неизбежного, необходимого бедствия, надменная сила стоиков, или беспечная чувственность эпикурейцев, или же просто тупоумие и безжизненная одеревенелость толпы, рабски согбенной под рукой железного фатума: в таком случае самым высоким, самым естественным актом жизни было бы самоубийство. Или мы старались бы постигнуть наши страдания и извлекать из этого ясного понятия об их необходимости, справедливости и всегда добрых их следствиях наше понятие о Божьем Промысле. Такое напрасное усилие ума нашего произвело бы действие совсем противоположное: оно бы уничтожило нашу доверенность к Промыслу. Наши страдания редко бывают для нас по-

464

нятны и в причинах своих, и в цели своей, и в своих последствиях. И не на этом понятии непонятого должны признавать Его благим, что понимаем ясно Его благодать в ее на нас действиях. Мы должны Ему покорствоваться потому, что Он Бог и, следовательно, благ, как в ощутительном, ясном для нас добре, которое мы сами называем добром, так и в неощутительном, непонятном для нас добре, которое мы ошибочно называем злом. В такой беспрекословной покорности нет колебания; везде и всегда она для нас одинакова; она не есть плата Богу по таксе, не есть обмен нашего смирения на Его милость; она есть смиренная, любящая, покоряющая ум и волю вера; вера, что Он существует и что мы в руке Его. Несказанная, чудно крепящая и успокаивающая душу сила заключается в этой безусловной преданности в Вышнюю волю, в которой, не стараясь ее постигать, мы видим верховную благодать, верховную мудрость, верховное могущество. Это не стоицизм, хвастливо опирающийся на свою независимую силу и на гордое презрение судьбы, — безотрадный обман нашего самолюбия; это не предание себя во власть необходимости, мертвого, механического предопределения, уничтожающее всякую нравственность, всякое достоинство человеческое; это верховная свобода, верховное величие. Мы становимся содействителями Самого Бога, мы говорим с Ав-

густином: Бог всегда исполняет мою волю, ибо моя воля есть всегда Его воля.

«Кто имеет Бога, тот легко теряет все ему милое и даже радуется этой утрате», — говорит один писатель. Это не есть равнодушие. Выводить из любви исключительной к Богу равнодушие ко всему земному, милому было бы ложной мыслью. Мы не можем любить Бога той любовью, какой любим сокровище земное. Мы можем Его любить, как сокровище верховное, такое сокровище, которое составляет, так сказать, прямое достоинство всего, что есть прекрасного, желанного и достойного любви в нашей жизни.

Земное счастье может быть прекрасно и драгоценно только Богом, его дающим; земное страдание теряет свою мрачность потому, что являет нам Бога вблизи, как помощника, кладущего руку свою в нашу руку. Итак, из того, что земные блага имеют для нас свое достоинство только Богом, следует, что эти блага должны быть достойны Бога. Его недостойные или пред Ним исчезают, или Его заставляют для нас исчезнуть. От этого всякий предмет нашей любви становится Его достойным, когда эта любовь освящена любовью к Нему; а любовь к Нему не уничтожает в нас нашей земной, достойной Его любви, она только дает ей надлежащую прочность, сделавшись ее основанием и опорой. Таким образом, и предметы нашей любви, опираясь

466

на нашу любовь к Богу, становятся непод-
верженными утрате: они или в Нем для нас
утрачиваются, или Он становится их заменой,
и тогда мы, теряя их, только меняем худшее
на лучшее. Тратя здоровье, богатство, поче-
сти, мы выигрываем терпение; тратя своих
милых, мы только их передаем лучшему; за
них мы радуемся, за себя плачем, но плачем
на груди Отца Небесного, Который, обле-
кая лице их гробовым покровом, тем самым
разоблачает для нас отеческое лице Свое.
В этом нет равнодушия к тому, что нам мило,
и любовь к Богу не только не требует такого
равнодушия; она производит обратное. Лю-
бовь к Богу не потому благодетельна, что
она будто бы мешает нам плакать о наших
милых, а потому что заставляет нас смотреть
на нашу скорбь с высшей точки зрения, пото-
му что крики скорби превращает в молитву,
именующую и изъясняющую Бога.

Пока мы сами еще не испытали никакой
болезненной утраты, мы с умилением слу-
шаем голос Спасителя, исходящий нам из
Евангелия, и можем мыслью постигать вели-
кое значение человеческой жизни. Но когда
над нами самими совершается удар свыше,
сколь более делается тогда понятен сердцу
этот евангельский голос; уже не в листах
книги мы ищем тогда Спасителя, Он Сам нас
находит. Он Сам становится с нами лицом к
лицу; ценой бедствия покупаем мы лицезре-

ние Бога. Но дорога ли эта цена в сравнении с тем сокровищем, которое мы за нее приобретаем? Все это я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом. Я видел и слышал отца в ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца-христианина. Но здесь всего проще повторить его слова, сказанные им своей семье в первую минуту горькой утраты: «Великое дело милости Божией над нами совершилось; вы своими глазами видели, как наша милая дочь перешла к Небесному Отцу своему; она принесла Ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с Ним примиренную душу. И теперь мы знаем, что ей дано все то, чего бы никакой силой нашей любви мы не могли ни дать, ни сохранить ей в здешней жизни. Мы знаем, что это данное навсегда ей останется, что превратности жизни для нее миновали, что для нее уже нет ничего неверного: ни страха в настоящем, ни тревоги за будущее. Мы можем только благодарить и славить. И, после такого ясного узнания милости неизреченной, не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята, ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смиренны и, чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости, за себя будем покорны, за нее радостны и благодарны». Таково земное бедствие в присутствии христианства; без него оно разда-

468

вило бы душу, при нем человеческий мрак обращается в утешительный свет Божий.

Я читал описание несчастья, случившегося с ребенком. Он прыгал с копны сена; внизу в сене торчали вилы; ребенок их не заметил, прыгнул и наткнулся на вилы, которые прокололи его внутренности. Спасти его было нельзя, ибо зубцы вил нельзя было вынуть из тела, он был с заворотом наподобие острия удочки; ребенок был должен умереть в жесточайшем мучении. Как объяснить это ужасное событие в смысле Провидения? Для ребенка оно положительное зло, без всяких благих последствий; он должен был проработать несколько часов, а может быть, и несколько дней, и все тут; и жизнь его закончилась вдруг страдальческим перерывом. Как согласовать это с мыслью, что беды житейские должны быть нам в пользу? Кому здесь польза от этого страшного мучения, обратившего минуты в годы и постигнувшего душу, не имеющую ни сил для его перенесения, ни способности — для извлечения из него высокой нравственной пользы? Где же благодать Промысла? Можно ли обрести ее в этом страдании, посланном на создание непорочное без видимой цели и пользы, на создание, бессильное благословлять в нем Того, Кем оно послано? Ответ на все это простой. Мы должны не по событиям судить Промысл Божий, а события

по Промыслу Божию. В одних Он нам является во всей Своей благодати, в других мы не видим своими слепыми глазами этой благодати. В обоих случаях, как и во всем, мы должны смиряться. Но живой Бог существует; он действует самобытно и вполне во всякое мгновение времени, во всяком атоме и для всякого атома в пространстве, действует без раздела, вполне, всевластно, следовательно, во благо; следовательно, во всем должны мы видеть благо, не потому, что это благо нам явно, а потому, что все истекает от Бога — и явное благо, называемое нами добром, и неявное, которое кажется злом.

Счастливы тот, кому Господь пошлет рано, а не поздно, тяжкие испытания. Он заранее узнает свои силы и свое бессилие; и в обоих случаях окрепнет, научась опытом действовать по воле Божией. Единственное, чему мы должны и чему можем в совершенстве здесь научиться, есть добровольное повиновение. В этом добровольном повиновении заключается все человеческое достоинство и вся его свобода. Мы сами никакого добра себе дать и никакого добра творить не можем: всякое добро нам дается; но быть покорными Богу, Творцу, источнику и подателю добра во всякое время, с блаженным ли чувством любви, или без ощущения этого блаженства, по влечению ли воли, или против влечения воли, нам возможно, это наше. Счастливы тот, кого

470

жизнь заранее приучила к покорности, кто в младенчестве получил привычку принимать с благоговением волю родителей и ей предаваться безусловно, кто мало-помалу мог понять все благо ее спасительной строгости и кто из детских лет перенес в юношеские годы эту привычку — признавать неотрицаемость верховной власти, которая из образовательной, приготовительной, отеческой обращается в спасительную, искупительную, Божию, в то время, когда он вступит на дорогу самостоятельной деятельной жизни, для страшных встреч и тяжелых борений. И вдвое счастлив он, если эти встречи и борения начнутся для него в начале дороги, когда еще его силы свежи и когда еще не укоренилось в нем никаких вредных насчет самого себя заблуждений, а не в конце дороги, когда силы иссякли и когда так ужасно, так бесполезно вдруг очнуться из заблуждений, столь усыпительно его баловавших во все продолжение ленивой, никакими тревогами не приводимой в движение жизни.

Если мы терпим только в надежде, что будущее принесет нам отраду, и если только одна эта надежда дает нам силы для терпения, то наша подпора не верна. Можем ли мы опираться на ломкую тростинку, ожидая этой перемены на лучшее, которое равно может быть и не быть. Надежда на Бога — другое дело. Но об этой надежде надлежит

иметь ясное понятие, дабы иметь в ней твердую опору. Она есть не что иное, как безусловная покорность Его воле, что бы ни возложила на нас эта воля: крест ли страдания, или крест счастья. Кто дошел до высокого убеждения и в ком это убеждение обратится в смиренное, беспрестанное присутственное чувство, до убеждения, что нет никакого земного блага выше этой покорности, тот утвердил здание своей жизни на граните непоколебимом. Будет ли младенец судить и осуждать своего отца, который подвергает его трудному лишению и строго наказывает? Со слезами приняв наказание, младенец через минуту ласкается к отцу своему и, не мысля о наказании, вдвое чувствует к нему привязанность, тайно понимая его всегдашнюю любовь в его минутной строгости.

Младенец знает одну настоящую минуту своей беспечной жизни; отец знает его будущее. Мы — младенцы в колыбели земной жизни, мы плачем от всего горького, что постигает нас в ее быструю минуту; но Отец Небесный знает, что мы — для вечности, и готовит нас для вечности.

В неизбежности Его власти и в необходимости ей покориться заключается великая сила души нашей. Древний фатум есть ужасное чудовище; необходимость ему покоряться и его неизбежность было безотрадным бедствием. Наш испытатель есть живой Бог;

472

и сколько бы ни были непонятны для нас и тяжки Его испытания — для их разъяснения Он имеет для нас вечность. И это разъяснение уже дано нам предварительно ниспосланным для нас искуплением. Все здесь написанное есть неоспоримая истина, и ум мой ее принимает. Но кто передаст ее сердцу? Кто из мертвого, умственного убеждения сделает теплую молитву и животворящую веру? Один Бог. И что Его милосердие медлит выбить из камня души животекущую воду — это есть самое тяжелое из всех Его испытаний. Но и оно должно иметь свое благотворное последствие. Мы должны терпеть и бедствие собственного, внутреннего нашего недостойнства с тем же смирением, с той же верой и надеждой, как всякое другое бедствие, на нас извне нападающее.

В.А. Жуковский. Собрание сочинений. Изд. 6-е.
1869. Т. 6. С. 498–503.

«СТЕРПЕТЬ УДАР СЕЙ НЕСТЕРПИМЫЙ!»

Иван Иванович Козлов — талантливый поэт пушкинской эпохи. Родился в Москве 11-го апреля 1779 года; по происхождению принадлежал к высшему московскому обществу. В 1818 году с Козловым случилось несчастье, перевернувшее всю его жизнь и спо-

собствовавшее тому, то он сделался поэтом; паралич лишил его ног, а затем стало ухудшаться зрение, и в 1821 году он окончательно ослеп. Но Козлов не впал в безысходное отчаяние, он нашел в себе силы примириться с несчастьем. Козлов, по свидетельству Жуковского, переносил бедственную свою участь с терпением удивительным — и Божий Промысл, пославший ему тяжкое испытание, даровал ему в то же время и великую отраду: поразив его болезнью, разлучившей его навсегда с внешним миром и со всеми его радостями, столь нам изменяющими, открыл Он помраченному взору его весь внутренний, разнообразный и неизменчивый мир поэзии, озаренный верой, очищенный страданием. Жизнь его была разделена между религией и поэзией.

К другу В.А. Жуковскому

О, друг! Поверь, Единый Бог,
В судьбах Своих непостижимый,
Лишь Он, Всесильный, мне помог
Стерпеть удар сей нестерпимый!..
Уже я духом упадал,
Уже в отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзал,
Но, ах, и уповать страшился!
Уже в печали дикой сей

Мои все мысли затмевались:
И жизнь, и смерть в судьбе моей
Равно ужасными казались.
Но вдруг... хвала Тебе, Творец! —
Ты не забыл Свое творенье!
Ты видишь глубину сердец,
Ты слышишь тайное моление.
Хвала Тебе, мой страх исчез!
Как Ангел мирный, благодатный,
Как вестник милости небес,
Незримый, тайный, но понятный.
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадней глас ловила, —
И вера, огненной струей,
Страдальцу сердце оживила.
Мне мнится стало, что и я
Еще дышать любовью смею,
Что тяжкой участью моею
Он — мой Отец, не Судия —
Дает мне способ с умилением
Его о детях умолять
И им купить, моим терпением,
Его святую благодать!
И с ней, надеждою бесценной,
Мне сила крест нести дана;
И с ней в душе моей смятенной
Опять родилась тишина

.....
Изведал я, что убивать
Не могут грозные страданья,
Пока мы будем сохранять

Любви чистейшей упования.
И здесь ли, друг, всему конец?
Взгляни... над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их Творец!

К нему же

При теплой вере — горя нет:
Она дружит нас с небесами.
В страданиях, в радости Бог с нами,
Во всем печать его щедрот...

Княгиня Н.Б. Долгорукая

.....
Так Бог велел; пред Ним смирись,
Прими с любовью крест тяжелый,
Терпи, надейся и молись:
Он Сам носил венец терновый;
Не унывай, не смей роптать,
Терпи — в страданьи благодать!

.....
Не бойся волю дать слезам;
Но только, слезы проливая,
Стреми взор грустный к небесам;
Кто плачет здесь, утешен там, —
Сказал Господь.

Моя молитва

О ты, кого хвалить не смею,
Творец всего, Спаситель мой;
Но ты, к Кому я пламенею
Моим всем сердцем, всей душой! —
Кто, по своей небесной воле,
Грехи любовью первовозмог,
Приник страдальцев к бедной доле,
Как друг и брат, Отец и Бог;
Кто солнца яркими лучами
Сияет мне в красе денной
И огнезвездными зорями всегда горит
 в тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто нас спасает от сетей,
И ставит против тьмы греховной
Всю бездну благодати Своей! —
Услышь, Христос, мое моленье,
Мой дух Собою озари
и сердца бурного волнение,
Как зыбь морскую, умири;
Прими меня в Свою обитель, —
Я блудный сын, Отец Ты мой, —
И, как над Лазарем, Спаситель,
О, прослезися надо мной!
Меня не крест мой ужасает, —
Страданье верою цветет,
Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает:
Тебе во след идти готовый,

Молю, чтоб дух мой подкрепил,
Хочу носить венец терновый, —
Ты Сам, Христос, его носил.
Но в мрачном, горестном уделе
Хоть я без ног и без очей, —
Еще горит в убитом теле пожар
бунтующих страстей;
В Тебе одном моя надежда,
Ты радость, свет и тишина:
Да будет брачная одежда
Рабу строптивому дана.
Тревожной совести угрозы,
О, милосердный, успокой,
Ты видишь покаянья слезы, —
Молю, не вниди в суд со мной.
Ты Всемогущ, а я бессильный,
Ты Царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты, — я прах могильный,
Я здесь на миг, — Ты вечный Бог!
О, дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей,
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упования
Всегда мне в сердце проникал
Чтоб помнил я благодеянья,
Чтобы обиды забывал!
И на Тебя я уповаю;
Как сладко мне любить Тебя!
Твоей я благодати вверяю
Жену, детей, всего себя!

О, искупя невинной кровью
Виновный, грешный мир земной, —
Пребуди Божественной любовью
Везде, всегда, во мне, со мной!

Молитва

Прости мне, Боже, прегрешенья,
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.
Не страшны мне мои страдания:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;
Дай мне донести венец мой тленный,
Под игом тяжкого креста,
К ногам Спасителя Христа.

(Из книги «Смысл страданий». М., 1911)

ЗНАЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

...Силы мои слабеют ежеминутно, но не дух. Никогда еще телесные недуги не были так изнурительны. Часто бывает так тяжело, так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, как

Бог знает чему, когда, наконец, оканчивается день, и доберешься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: «Боже! Где же, наконец, берег всего?» Но потом, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь — ничего уже не издает душа, кроме одних слез и благодарения. О, как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, укажу вам только на одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть. Не говорю уже о том, что само здоровье, которое беспрестанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей. Притом ныне, в мои свежие минуты, которые дает мне милость небесная и среди самых страданий, иногда приходят ко мне мысли, несравненно лучшие прежних, и я вижу сам, что теперь все, что ни выйдет из-под пера моего, будет значительнее прежнего. Не будь тяжелых болезненных страданий, куда бы я теперь ни занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить вдруг тот труд мой, на котором основана вся моя значительность, и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном

бессильном желании, а не в исполнении, и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осужден, как последний из преступников, — слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла. («Избранные места из переписки Н.В. Гоголя с друзьями». Из письма к гр. А.П. Т...му.)

«Принимайте покорно все, что ниспосылается вам Тем, Кто нас создал и знает лучше нас, что нам нужно. Именем Бога говорю вам: все обратится в добро... Все, что ни делалось со мною, было спасительно для меня: все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким Провидением на мое воспитание». (Из письма Н.В. Гоголя к Аксакову.)

МОЛИТВЕННОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВО БЛАГО БОЛЕЗНЕЙ

1.

Господи, благий и добрый во всем и столь милостивый, что не только благоденствие, но и самые несчастья, посылаемые избранным

Твоим, истекают из Твоего милосердия, — благоволи научить меня, чтобы не действовать мне подобно язычнику в положении, назначенном мне Твоим правосудием! Да признаю в Тебе, как истинный христианин, Отца моего и Бога, в каком бы состоянии я ни находился, ибо изменение в моем положении никакой перемены в Тебе не производит. Ты неизменен, когда я подвержен превратностям. Посылая огорчение или кару, как и даруя утешение и прощение, Ты — все тот же Бог.

2.

Ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Теперь Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня; не допусти же меня прогневать Тебя моим нетерпением. Я злоупотребил своим здоровьем, и Ты справедливо покарал меня. Помоги мне извлечь должную пользу из Твоего наказания. Раствление моей природы так велико, что обращает во вред мне Твои милости. Молю, Боже мой, чтобы Твоя всемогущая благодать преложила казнь Твою во спасение мое. Если сердце мое было полно привязанности к миру, пока в нем была некоторая сила, — уничтожь эту силу для моего блага и сделай меня неспособным наслаждаться миром: ослабив ли мое тело, или возбудив во мне пыл любви к ближним, чтобы наслаждаться мне одним Тобою.

3.

Господи, так как в минуту смерти моей я окажусь в разлуке с миром, лишенным всего, одиноким в Твоем присутствии, и должен буду отвечать пред судом Твоим за все движения моего сердца, сделай так, чтобы в этой болезни я смотрел на себя, как бы на подвергнувшегося некоторого рода смерти, отделенного от мира, лишенного всех предметов моих привязанностей, одинокого перед Тобою, умоляющего Твое милосердие об обращении моего сердца, и чтобы таким образом я мог вполне утешиться в посылаемом мне теперь Тобою подобии смерти, как появлению Твоего милосердия, прежде чем пошлешь мне настоящую смерть для совершения Своего суда. Молю Тебя, Боже мой: как Ты предупредил меня о моей смерти, так да предварю я строгость Твоего приговора и испытаю себя прежде Твоего суда, чтобы обрести Твое милосердие, когда буду пред лицом Твоим.

4.

Господи, до сих пор я всегда был глух к Твоим внушениям, пренебрегал Твоим глаголом, судил вопреки Твоему суждению, противоречил святым правилам, которые Ты принес в мир от вечного Отца Твоего и по которым Ты будешь судить этот мир. Ты говоришь: «Блаженны плачущие, и горе утешенным!» Я же сказал: «Несчастливы скорбящие,

и пресчастливы утешившиеся!» Я сказал: «Блаженны пользующиеся богатством, громким именем и цветущим здоровьем!» А почему считал я их счастливыми, как не потому, что эти преимущества доставляли им широкую возможность пользоваться тварями, то есть оскорблять Тебя? Да, Господи, каюсь, что считал здоровье благом не потому, что оно облегчает обязанность должным образом служить Тебе, обращать больше забот и времени на это служение и на помощь ближнему, но потому, что на его счет я мог свободнее предаться наслаждениям жизни и полнее вкусить от ее губительных удовольствий. Яви мне, Господи, милость, преобрази мой поврежденный разум и приведи в согласие мои чувства с Твоими. Да в печалях своих буду полагать свое счастье, и лишением меня способности к внешним действиям очисти настолько мои чувства, чтобы они не сопротивлялись Тебе, чтобы, таким образом, я обрел Тебя внутри себя и, по слабости своей, не был в состоянии искать Тебя во вне! Ибо, Господи, царство Твое среди верных Твоих, и я обрету его в себе самом, если буду исполнен Твоего духа и Твоих чувств.

5.

Господи, приложи милосердно утешения Твои к моим страданиям, дабы страдал я как подобает христианину. Не прошу избавить

484

меня от скорбей, ибо такова награда святых, но молю не предоставлять меня недугам природы без утешений Твоего Духа, ибо таково проклятие иудеев и язычников. Не прошу полноты утешения без всякого страдания, ибо такова жизнь славы; но и не прошу полноты мучений без отрады, ибо таково состояние иудейства. Молю же, Господи, дать мне испытать одновременно и муки природы за грехи мои, и утешения Твоего Духа по Твоей благодати, ибо таково истинное состояние христианина. Да не испытаю болезней без утешения, но то и другое совместно, чтобы, наконец, чувствовать мне только Твое утешение без всякой боли. Ты, Господи, предоставил мир неутешным страданиям естества до пришествия Твоего Единородного Сына: ныне же Ты утешаешь и облегчаешь страдания Твоих верных благодатью Твоего Единородного Сына и преизбытком чистейшего блаженства одаришь святых Твоих в царстве Твоего Единородного Сына. Таковы чудесные ступени в последовательности дел Твоих! Ты извел меня из первого состояния, помоги мне пройти вторым, чтобы достигнуть третьего; Господи, молю послать мне благодать Твою!

6.

Не прошу у Тебя, Господи, ни здоровья, ни болезни, ни жизни, ни смерти; но чтобы Ты располагал моим здоровьем и недугами, моей

жизнью и смертью в Твою славу, на мое спасение и на пользу Церкви и святых Твоих, в доле которых уповаю принять некоторое участие по Твоей благодати. Ты один ведаешь мою потребу. Ты — Владыка всяческих, и да будет воля Твоя. Приложи мне или отними у меня по своему изволению, но согласи мою волю с Твоей. Пусть, в совершенной и смиренной покорности и с блаженным упованием, я буду расположен принимать повеления Твоего вечного Промысла и одинаково буду поклоняться всему, что от Тебя исходит.

7.

Даруй мне, Господи, силу одинаково относиться ко всем событиям, ибо мы не знаем, чего просить нам и чего желать, не впадая в самонадеянность и не становясь судьей и ответчиком за последствия, кои Твоей премудрости, по всей справедливости, угодно было сокрыть от нас. Господи, знаю, что мне известно только одно: что хорошо Тебе повиноваться и дурно согрешать пред Тобой. А затем, я уже не могу судить ни о чем, что хорошо или что дурно; не знаю, что может быть полезно для меня, здоровье или болезнь, богатство или бедность, или что бы то ни было в мире. Суждение об этом превышает силы человеческие и ангельские; оно сокрыто в тайнах Твоего Промысла, которому поклоняюсь, не дерзая проникать в него.

8.

Даруй же, Господи, чтобы во всяком положении воля моя согласовалась с Твоей, чтобы испытывая болезнь, я прославлял Тебя в своих страданиях. Без них я не могу достигнуть славы. И Сам Ты, Спаситель мой, только ими восхотел войти в славу Свою. По знакам страданий Твоих был Ты узан учениками Твоими, и по страданиям Ты Сам узнаешь учеников Твоих. Признай же меня за Твоего ученика в муках телесных и духовных, переносимых мной за содеянные мной согрешения. И так как ничто не угодно Богу, что приносится Ему не через Тебя, то соедини мою волю с Твоей, приобщи мои страдания к Своим. Сделай мои мучения Твоими. Соедини меня с Собой, исполни меня Собой и Духом Святым. Войди в мою душу и мое сердце, чтобы принять там мое бремя мучений и выстрадать то, что останется Тебе вынести из Твоих страданий, завершаемых Тобой в Твоих членах до окончательного восполнения тела Твоего, для того, чтобы, исполнившись Тебя, жил и страдал уже не я, а жил и страдал во мне Ты, Спаситель мой! И чтобы, допуская меня принимать хотя малейшее участие в Твоих страданиях, Ты всецело исполнил меня приобретенной путем их славой, в которой и пребываешь Ты с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

(Из книги «Смысл страданий». М., 1911)

МОЛИТВА СЯТТЕЛЯ ИГНАТЯ БРЯНЧАНИНОВА

Благодарю Тебя, Господь и Бог мой, за все совершившееся надо мною! Благодарю Тебя за все скорби и искушения, которые посылаи Ты мне для очищения оскверненных грехами, для исцеления изъязвленных грехами моих души и тела!

Помилуй и спаси те орудия, которые Ты употреблял для моего врачевания: тех людей, которые наносили мне оскорбления. Благослови их в этом и будущем веке! Вмени им в добродетели то, что они делали для меня! Назначь им из вечных Твоих сокровищ обильныя награды.

Что же я приносил Тебе? Какие благоугодныя жертвы? Я приносил одни грехи, одни нарушения Твоих Божественных заповеда-ний. Прости меня, Господи, прости виновнаго пред Тобою и пред человеками! Прости безответнаго! Даруй мне увериться и искренно сознаться, что я грешник! Даруй мне отвергнуть лукавыя оправдания! Даруй мне покаяние! Даруй мне сокрушение сердца! Даруй мне кротость и смирение! Даруй любовь к ближним, любовь непорочную, одинаковую ко всем — и утешающим, и оскорбляющим меня! Даруй мне терпение во всех скорбях моих! Умертви меня для мира! Отыми от меня мою греховную волю и насади в сердце мое

488

Твою святую волю, да творю ее единую и делами, и словами, и помышлениями, и чувствованиями моими.

Тебе за все подобает слава! Тебе единому принадлежит слава! Мое единственное достояние — стыдение лица и молчание уст. Предстоя страшному суду Твоему в убогой молитве моей, не обретаю в себе ни единого доброго дела, ни единого достоинства и предстою, лишь объятый отвсюду бесчисленным множеством грехов моих, как бы густым облаком и мглою, с единым утешением в душе моей: с упованием на неограниченную милость и благодать Твою. Аминь.

Глава 7

КАК БОГ НАПРАВЛЯЕТ ЖИЗНЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СУДЬБА?

«Сын Человеческий идет, как писано о Нем».
(Мф. 26, 24)

Так сказал Господь наш Иисус Христос, когда шел на крестные страдания, и тем засвидетельствовал, что эти страдания предопределены были Его Отцом Небесным. Христос — «Агнец, закланный от создания мира» (Откр. 13, 8). А потому, когда ревностный ученик Христов, не понимая путей Промысла Божия, бросился с мечом защищать своего Учителя, Он остановил его и сказал: «Возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели

490

двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Мф. 26, 52–54). А еще раньше Он всем ученикам Своим сказал: «Должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу» (Лк. 22, 37). И вот «собрались Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой» (Деян. 4, 28). «Сие же все было, да сбудутся писания пророков» (Мф. 26, 56).

Так ясно и определенно учит Слово Божие, что великая голгофская жертва совершилась по предвечному предопределению Божию. А кто изучал Слово Божие, тот знает, что и вся земная жизнь Спасителя нашего не только была предопределена, но и предречена ветхозаветными пророками даже в деталях своих. Со стороны же Самого Богочеловека жизнь Его была непрерывным выполнением воли Пославшего Его. Сын Божий, по слову св. апостола, еще входя в мир, говорит: «Вот, иду исполнить волю Твою, Боже» (Евр. 10, 9). И Сам Христос неоднократно свидетельствовал: «Не ищущу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца» (Ин. 5, 30). И вот, когда настало время, Богом предопределенное, покорно шел Господь наш на страдания: «Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец предстригущим его безгласен, так Он не отверзал

уст Своих» (Ис. 53, 7). «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42), — вот последние слова Его молитвы ко Отцу Своему!

Христос Спаситель, как сказал св. апостол, «пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2, 21). А потому и каждый из нас должен быть всегда убежден, что и в его жизни все совершается по определению Божию, все — великое и малое, радостное и печальное, желательное и нежелательное: Господь ведь не только сотворил мир, но и управляет им, так что все в мире, даже в мире свободных тварей — в жизни людей, совершается только по Его Божественной воле. Он «произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Деян. 17, 26). Им «цари царствуют и повелители узаконяют правду» (Притч. 8, 15). Он «дает мудрость мудрым и разумение разумным» (Дан. 2, 21). А о каждом из нас, грешных, Сам Господь Иисус Христос сказал: «А у вас и волосы на голове все сочтены». А потому: «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? Потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6, 30–32).

Если так всецело жизнь наша определяется Промыслом Божиим, то возникает вопрос: что же требуется от нас самих, — одно ли

492

беспрекословное повиновение воле Божьей, или нужна и самодеятельность, личная инициатива, забота, труд над устройением своей жизни, телесной и духовной?

Уже давно, еще до пришествия Христа Спасителя на землю, появилось среди людей учение о судьбе. Каждому будто бы предназначена Богом определенная, неизменная участь на земле: одному — болезни; одному — слава, другому — бесчестье; одному — радости и наслаждения, а другому — несчастья, скорби и слезы. Так и после смерти: одни будто бы предопределены к блаженству, а другие — к мучению. Существуют целые религиозные и философские системы, которые придерживаются такого учения. У язычников, греков и римлян, было даже особое божество — Рок, Судьба или Фатум, которое определяло неизменную участь не только людей, но и богов. Учение о судьбе, фатуме сохранилось и до сих пор не только у многих нехристианских народов, но даже и среди христиан. Да, немало и среди нас в некотором роде фаталистов. Мы все так привыкли думать и говорить: «Такая уж судьба!», «От судьбы не уйдешь!». Следы такого фатализма можно видеть в суеверной боязни многих из нас перед разными приметами: один боится будто бы несчастных дней, или чисел, или часов; другой боится встреч с некоторыми людьми, а то и животными! А в последнее время даже некоторые ученые-

статистики стали доказывать справедливость учения фаталистов, причем то, что язычники приписывали судьбе, они приписывают неизбежному стечению обстоятельств, которыми будто бы решительно определяется вся жизнь каждого человека. Некоторые же спешат доказать, что такое учение о предопределении согласно и со словом Божиим, и ссылаются на слова св. ап. Павла: «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего... А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8, 29–30). Значит, говорят, действительно одни предопределены Богом ко спасению, а другие — к осуждению на вечные мучения.

Нам кажется, нет нужды особенно пространно доказывать, насколько фатализм противоречит здравому понятию и о человеке, и о Боге. Если Слово Божие и говорит о безусловном подчинении человека воле Божией, то оно же не менее ясно и настойчиво говорит и о свободе воли человека. Ведь человек создан по образу и подобию Божию, а одно из основных свойств Божиих это свобода. Ведь Сам Господь ясно говорит, что поведение человека зависит не от Бога, а от его, человека, воли: «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас» (Ис. 1, 19–20). Противоречит уче-

494

ние фаталистов и здравому понятию о Боге как существе разумном, святом и справедливом: если образ жизни, деятельность, все поступки человека зависят не от него самого, а от предопределения Божия, то было бы крайней непоследовательностью и несправедливостью со стороны Бога награждать одних из людей за содеянные по принуждению угодные Богу дела вечным блаженством, а других за невольные проступки осуждать на вечные мучения. Без личной свободы человека недопустимо мздовоздаяние. Наконец, неизбежные следствия фатализма в жизни каждого человека и в жизни целых народов так ужасны, что заставляют с содроганием решительно отказаться от этого нелепого учения. Фатализм ведь отнимает у человека всякую энергию, охоту к деятельности как в житейском, так и в духовном отношении, ибо какой же смысл человеку бороться, например, со злом физическим или нравственным, если он все равно судьбы своей не избегнет. Жизнь человека поэтому должна быть сплошным безотрадным прозябанием, тупым, ленивым, покорным несением своей участи. А так как у большинства эта участь бывает горькой, то отсюда должен развиваться безнадежный пессимизм. С другой стороны, так как не у каждого найдутся силы нести свою горькую участь, то отсюда вытекает как естественная необходимость — или духовно умереть, по-

грузившись в нирвану, или насильственно прекратить свою жизнь, коль скоро она не может быть изменена в лучшую сторону. Вот почему у тех народов, где религия проповедует фатализм, невозможно никакое развитие, никакой прогресс — ни внешний, ни внутренний. Целая половина мира — Восток, как известно, именно вследствие того, что там религия и философия проповедуют фатализм, коснеет и до сих пор в невежестве, не поддается просвещению, насаждаемому даже большими усилиями культурных народов. Народы Востока застыли в древнейших формах своей жизни, целые тысячелетия остаются без развития и не смогут быть приобщены к культуре, пока не проснутся от тысячелетней спячки как страшного результата фатализма! Нет, не такие должны быть результаты истинного учения о благом Промысле Божиим! Не о фатализме говорит нам Христос и Своим примером, и учением Своим!

Сам Господь наш Иисус Христос если и покорялся всецело воле Отца Своего Небесного, то и со Своей стороны прибегал, однако, к различным средствам борьбы с врагами Его учения, с опасностями, Ему угрожавшими, с различными препятствиями до самого последнего момента, когда, наконец, пришло время Его страданий. Он, например, ушел от разъяренной толпы назаретян, хотевших низринуть Его со скалы (Лк. 4, 29–30), ибо

496

не пришел еще час Его страданий. Он ушел также и из Галилеи, когда узнал, что Ирод ищет Его, чтобы убить. Он даже пред самыми голгофскими страданиями пережил великое, непостижимейшее для разума человеческого Гефсиманское борение, когда в великой скорби, туге душевной Он взывал к Отцу: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26, 39). Он и апостолам Своим заповедал, посылая на проповедь: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10, 23). Да и в последней Своей беседе с учениками Он сказал им, что они и сами должны заботиться о себе и о деле проповеди, прибегая ко всем законным средствам самосохранения, запасаясь и сумой, и мешком, и мечом. Мало того, Он всех Своих последователей призывает к постоянной энергичной деятельности: Господь, по слову Христа Спасителя, дает таланты «каждому по его силе» и каждому говорит: «употребляйте их, пока я возвращусь» (Лк. 19, 13); и горе лукавому рабу, который закопает свой талант в землю по лености, нерадению и злой воле своей! Тому, кто благодаря своей энергии имеет много, дано будет, а от неимущего по лености своей и то, что он имеет, отнято будет (Лк. 19, 26). «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). И эти усилия должны быть упорными и неизменными: «Никто, воз-

ложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62). О труде же житейском апостол прямо говорит: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10). Так Слово Божие устами и примером Самого Христа Спасителя, уча о предопределении, призывает нас к постоянной энергичной деятельности, к личному труду над устройением земной и небесной своей участи. Только «побеждающему, — говорит Господь, — дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его» (Откр. 3, 21).

Но и на этом правом пути нашего отношения к промыслу Божию возможны уклонения в крайность, опасные и весьма вредные заблуждения. Если человек начнет чрезмерно преувеличивать значение своих собственных трудов, усилий и энергии в деле устройства своей жизни телесной или духовной, то от этого обычно происходит великое и весьма опасное зло. Преувеличивая значение своих сил, человек постепенно привыкает надеяться только на себя самого, особенно если его труды и усилия увенчиваются успехом, начинает гордиться своими успехами, забывает о помощи благодати Божией, все реже и реже вспоминает о Боге и, наконец, совсем забывает о Нем и, впадая в сатанинскую гордость, становится даже врагом Божиим. С другой стороны, человек, возгордившийся

498

своими силами, забывая Бога, постепенно подпадает под власть мира, во зле лежащего, и становится несчастным, жалким рабом своих страстей. Все это можно видеть не только на отдельных людях, но и на целых народах и даже на целых многовековых цивилизациях. Цивилизация на Западе шла до сих пор именно этим путем. Западная католическая церковь, уклонившись от истины, уже давно стала придавать личным усилиям человека чрезмерное значение даже в очах Божиих, признав, что человек может совершать даже так называемые сверхдолжные дела. Современный же европейский человек, всецело положившись только на свои собственные силы, впал в такую гордость, что стал совсем забывать Бога, поставив себя самого на Его место, и предался исключительно заботам об устройстве своего земного благополучия. Это привело к умножению потребностей, к развитию страстей, к крайней суетности, многозаботливости. Весь Запад обратился как бы в фабрику, где человек, подобно машинному колесу, должен день и ночь вращаться в суетном тяжком труде. Правда, там чрезвычайно умножились удобства жизни, но покоя, счастья человек и в них не нашел. Никакие удобства не могут удовлетворить беспредельно расширяющиеся потребности и страсти человека; труд поэтому там безгранично же умножается, растут потому все

больше и больше неудовлетворенность, недовольство, разочарованность, тоска, туга душевная, умножаются преступления, самоубийства... Как ярко сбывается на этой гордой западной культуре слово Христа Спасителя о богаче: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 20). Нет, не к такой многозаботливости, суетности призывает нас Господь. Своим повелением «употребляйте их в оборот, пока я возвращусь» требует отчет в данных нам талантах! Еще в ветхозаветном Писании мы слышим оценку этой многозаботливости: «Суета сует, суета сует, — все суета, все — суета и томление духа! (Еккл. 1, 2, 14). А Св. Евангелие еще яснее говорит нам о ничтожной ценности такой многозаботливости. Вспомните, например, чудную поэтическую картину беседы Христа Спасителя в доме Марфы и Марии и слова Господа: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10, 41–42). Личный труд, заботливость об устройстве своей жизни имеют с точки зрения Слова Божия громадное значение, но при одном условии — если они не вредят духовным интересам, если они не удаляют человека от Бога, если они не потворствуют греху и страстям.

Таковы главные заблуждения Востока и Запада по вопросу о Промысле и о Предопределении Божиим. Где же истина? Истина, как видим, как и всегда, — посередине между двумя, взаимно исключающими себя крайностями. Жизнь человека устраивается Промыслом Божиим, но через личные свободные труды и усилия самого человека. Сущность промыслительных действий Господа состоит в том, что всякое благое дело Господь поддерживает Своей благодатью, а всякое зло, попускаемое Им ввиду дарованной человеку свободы, направляет к благим последствиям. Если же Слово Божие говорит о предопределении Божиим, то этим нисколько не утверждается учение фаталистов, что будто каждый заранее предназначается насильственно или к оправданию, или к осуждению, ибо предопределение Божие основывается на предвидении Господнем. «Поскольку Бог предвидел, — говорят восточные патриархи в своем послании, — что одни хорошо будут пользоваться своей свободной волей, а другие худо, то потому Он одних предопределил к славе, а других осудил». Значит, имея свободную волю, мы должны свою деятельность всячески подчинять воле Божией, чтобы Божественная благодать укрепляла слабые наши силы в устройении нашей жизни. Значит, вполне правильным будет наше отношение к Промыслу Божию только тогда, когда

воля наша, вся энергия нашей души сольется с волей Божией, когда человек вместе с апостолом может дерзновенно воскликнуть: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Такое настроение человека есть уже начало райского блаженства, начало вечной жизни уже здесь, на земле. А потому такое настроение имеет громаднейшее значение в жизни каждого человека.

При таком настроении человек, помня, что полученные от Господа таланты нужно приумножать и что Царство Божие только усилием берется, будет чудным, самым дорогим работником на всяком месте, во всяком деле. Он знает завет св. апостола: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 Кор. 7, 20), и потому, какое бы положение он ни занимал в обществе, он будет этим доволен, видя в этом волю Божию, а со своей стороны будет употреблять все усилия, работая «не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души... зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал» (Еф. 6, 6, 8). Если он начальник, он будет помнить сказанное Господом: «Больший из вас да будет вам слуга» (Мф. 23, 11). Если он в подчинении, он будет верным слугой своего долга, повинуюсь начальникам не только благим и кротким, но и строптивым (1 Пет. 2, 18), не за гнев только, но и за со-

502

весть (Рим. 13, 5). Словом, на каждом месте он будет трудиться, работать, не покладая рук своих, но не ради только своих личных выгод, не для своего только удовольствия, а ради славы Божией. Ест ли он, пьет ли, или иное что делает, все он делает во славу Божию (1 Кор. 10, 31). А потому нет таких обстоятельств, среди которых нарушился бы душевный мир, равновесие у такого человека. Если Бог благословляет его труды, умножает богатство, возвышает его в почестях, прославляет его на земле, он не себе самому приписывает все эти успехи, а Господу Богу, о себе же самым словами Господа говорит: раб я ничего не стоящий, потому что сделал только то, что должен был сделать. (Лк. 17, 10). Постигнут ли его несчастья: болезни, лишения, унижение, гонения, поношения, и здесь он не забудет, что все это есть Господа Бога, благого и любящего, а потому не малодушие явит он в этом случае, не отчаяние, не ропот, а полную покорность воле Божией. «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1, 21). «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим», — воскликнет он с Псалмопевцем (Пс. 118, 71). Он постарается увидеть в этих скорбях или испытание, от Господа посланное, или наказание за грехи свои. По примеру св. апостола он будет радоваться в страданиях своих (Кол. 1, 24). Он будет про-

свить себе скорбей, ибо знает, что «кого любит Господь, того наказывает» (Притч. 3, 12). Придет ли к нему страшный час смертный, о! Он, всю жизнь свою стремившийся ко Христу, с величайшей радостью переселится к Нему, уже давно желая, по апостолу, «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1, 23), ибо смерть для него — приобретение. Да, счастлив тот человек, кто сочетал свою волю с волей Божией, свою жизнь — с Божественным промыслом!

Но дело такого сочетания, как будто простое на словах, бывает очень трудным на практике, в самой жизни. Иной решился всегда подчиняться воле Божией, всегда следовать Промыслу Божию, но как ему узнать, в чем заключается воля Божия в каждом отдельном случае его жизни? Ведь так легко свою волю счесть за волю Божию. Конечно, если бы каждый из нас в таких случаях решительно знал, какой его шаг будет согласен с волей Божией, редко кто из нас не последовал бы ей. Но ведь часто бывает, что мы беремся за дело, будучи уверены, что оно согласно с волей Божией, а потом оказывается, что нет на нем благословения Божия. Как же узнать волю Божию на частные случаи жизни нашей?

Трудное это дело, но крайне вместе с тем и необходимое для каждого христианина. «Не будьте нерассудительны, но познавайте, что

504

есть воля Божия», — говорит нам св. апостол (Еф. 5, 17). Если твоя совесть не помрачена грехом, страстями, если она легко различает добро от зла, для чего она и дана нам, то ты, руководствуясь словом Божиим и законами церковными, с помощью Божией легко всегда определишь, что в твоей жизни угодно Богу, а что нет. Если твоя совесть покойна, если она не укоряет, а одобряет тебя, то смело иди на это дело. Такая совесть будет разбираться даже в тех случаях, где сталкиваются наши обязанности к себе, к ближним и к Богу. Бог не попустит такому человеку заблудиться на пути угождения и служения Ему. «Кто есть человек, боящийся Господа? Ему укажет Он путь, который избрать» (Пс. 24, 12). Но, конечно, мало у кого из нас совесть вполне и всегда свободна от посторонних влияний, а потому в затруднительных случаях мы должны, подобно прп. Давиду, взывать к Господу в горячей молитве: «Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою» (Пс. 142, 8). «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим. Направь меня на истину Твою и научи меня» (Пс. 24, 4–5). Кроме того, у каждого из нас есть свой духовник, которому Сам Господь поручил руководить нас на пути к спасению, а потому в затруднительных случаях нашей жизни мы должны к нему, нашему духовнику, обратиться за советом, и что он скажет, то и делать

надо. Господь по нашей вере и горячей молитве даже устами малодостойного духовника скажет нам Свою волю и направит путь наш на стезю правды. Если же и после этого мы не увидим благословения Божия на делах наших, предпринятых по совету даже духовника, то и этим не нужно смущаться: значит, Господу угодно было послать нам испытание. Ведь Господь и зло направляет к благим последствиям. Ведь часто ошибка в незначительном чем-нибудь предохраняет нас от больших преступлений и несчастий, а потому Господь иногда попускает и праведному человеку впасть в искушения. Сила Божия в немощах совершается (2 Кор. 12, 9)!

Итак, крестные страдания Христа Спасителя нашего, ныне нами благочестно воспоминаемые и прославляемые, убеждая нас в бытии Промысла Божия, учат нас подчинять свою волю воле Божией, видеть во всем волю Божию благую, ведущую нас ко спасению. А потому с готовностью, с радостью, «с терпением будем проходить подлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса» (Евр. 12, 1). Если и испытания пошлет нам Господь, с радостью будем нести крест свой. «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов 2, 10). «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Как дорого ныне такое назидание у креста

506

Господня: у кого теперь нет горя, где теперь нет слез! Сколько страданий переносят наши отцы, братья и сыновья на поле брани! Сколько слез проливается в их осиротелых семьях! А сколько, быть может, горя еще впереди ждет нас! Но «да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога» (Ин. 14, 1), в его благой Промысл веруйте! Если Сам Господь наш, «будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному» (1 Пет. 2, 23), то нам тем более надлежит безропотно нести страдания за грехи наши. Одного будем бояться, «только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое» (1 Пет. 4, 15). А если мы будем терпеливо нести невинные страдания, то наше терпение увенчается величайшей наградой, — «если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). «Если терпим, то с Ним и царствовать будем» (2 Тим. 2, 12). Аминь.

Архимандрит Тихон. Слово о Промысле и предопределении Божиим. Киев, 1915.

О ПРОМЫСЛЕ И СВОБОДЕ ВОЛИ

Человеку, созданному по образу и подобию Божию, дарована свободная воля. Он — не только частица вещества, организованная

в живое существо и подчиненная, как все в вещественном мире, закону причинности. Он — носитель того таинственного и непостижимого начала свободы, которая делает его волю первопричиною тех или иных действий, ничем иным, кроме этой свободной воли, не обусловленных. Поступки человека не механические явления физического мира. Они не есть автоматические следствия какой-то причины, вне воли заключенной, и не являются простым следствием физико-химических процессов в самом человеке, они определяются его собственной волей, ибо воля его как начало свободное является в причинном ряду явлений причиной в себе. Сам человек определяет тот или иной ряд явлений и несет нравственную ответственность за свои поступки, потому что поступить так или иначе, хорошо или плохо зависит от его собственной воли, он всегда выбирает сам. И не по формальному своему определению, а по существу, свобода — это одно из свойств души человеческой, которая, являясь единой по существу, как подобие существа Божия имеет и подобие ипостасей, в существе своем оставаясь единой и неделимой.

Господь дал человеку свободу. И не механическим путем, превращая человека в автомат и тем лишая все его поступки морального содержания, ведет его Господь ко спасению. Господь дал человеку свободу для того, что-

508

бы он сам избрал себе путь спасения, и этим бы сделалось возможным его свободное соединение с Божеством в вечной жизни. И если человек избирает путь зла, то есть отхождения от Бога, — это не есть активное выражение Божественной воли.

Божественная воля попускает быть этому отхождению. Своей силой его не пресекает, и потому мы утверждаем истину: «все делается по воле Божией». В каждом самом злом поступке человека участвует воля Божия, поскольку она не препятствует его совершению.

Возьмем пример с разбойником. Разбойник напал на твой дом и совершил злодеяние. Была ли здесь воля Божия? Да, была, но не в том, что разбойник решил напасть на твой дом, а в том, что Господь попустил совершиться его злой воле и не приостановил ее действия.

Человеческая жизнь складывается не только из его поступков, но и из поступков окружающих людей. Ты не только сам своей волей определяешь свою жизнь, но гораздо в большей степени ее определяют тебя окружающие люди. Разбойник, напавший на тебя, может совершенно изменить внешние условия твоей жизни, вся жизнь твоя от этого события может пойти в другом направлении. И если представить себе, что окружающие тебя люди являются носителями свободной воли,

ясно, что и все эти изменения в твоей жизни, происшедшие от злых поступков, не могут рассматриваться как активное проявление Божественной воли. Возьми эпоху мученичества. Святых распинали и бросали диким зверям. Что же, и это была активно действующая воля Божия? Нет, это была злая воля людей. А где же тогда «все по воле Божией»? Ответ и здесь тот же: все события, зависящие от свободной воли окружающих нас людей, не являются активным выражением Божественной воли. Но так как каждое свободное действие человека Господь может пресечь, то каждое без исключения проявление свободной человеческой воли в отношении нас зависит от воли Божественной. Господь его попускает, не пресекает Своей высшей волей.

И пассивно попуская, и активно действуя, воля Божия в одинаковой мере является промыслительной в нашей жизни.

Господь не пресекает всех злых поступков человека, потому что это было бы лишением его свободы воли и превращало бы его поступки в причинно-обусловленные явления, где этой причиной являлась бы сила Божия. А этим бы уничтожался всякий смысл созданной Богом жизни. Ибо этот смысл лежит в свободном самоопределении человека к добру и соединении его с Богом как следствию этого самоопределения. Но это совершенно не значит, что промыслительное попечение

о злых людях исчерпывается только предоставлением им полной свободы, а попечение о людях, в отношении которых совершается зло, — «попущением» этого зла. Тогда действительно люди были бы оставлены Богом и предоставлены только самим себе.

В чем же выражается Божественный Промысл при попущении Богом злых деяний? В том, что Господь промыслительно содействует пережить их во благо нашего спасения.

Когда человек делает нам зло, мы понимаем под этим злом лишь его душевное состояние, те побуждения, которые руководили им. Разбойник, напавший на дом, сделал зло, потому что им руководила злая его воля. Но для тебя — не с точки зрения мирской, а с точки зрения христианской, — это может быть злом и не злом, в зависимости о того, как ты это переживаешь и что это дает для твоей внутренней жизни. И ограбление, и избиение, и бесчестие может быть для тебя источником озлобления и разорения душевной жизни. И тогда злодеяние разбойника будет для тебя злом. Но то же ограбление, и избиение, и бесчестие — хотя они и злые деяния, взятые сами по себе и в отношении злой воли, их совершившей, но для тебя они могут быть источником великого блага, коль скоро ты переживаешь их во благо своего спасения, с терпением, неосуждением, всепрощением... Тебя обманули, оклеветали, оскорбили — это

поступки злые, но ты можешь сделать их для себя источником добра. Вот почему святые мученики говорили: «Вы можете убивать нас, но не можете сделать нам зла». Тюрьма — страшное зло, но скольких людей привела она к Богу. Истязание — страшное зло, но сколько людей стали через него святыми. Ни в чем так не ясно это, как в промыслительной заботе Господа о Святой Церкви. Сколько зла было сделано Церкви ее гонителями в эпоху мученичества. Господь до срока не пресекал этого зла. Но Церковь, пережив все во благо, стала Церковью святых мучеников, и руками ее врагов, проливших святую кровь по действию Божественного Промысла, созидалось величие Церкви. Много было испытаний в Церкви, и часто смущались верующие долготерпению Господа. Невольно вставал вопрос у них в сердцах: доколе, Господи? Почему попускаешь торжествовать злу? Почему не приостановишь его Своей всемогущей волей? Но ответ на этот вопрос полностью содержится в учении о Промысле: какое бы зло ни делалось в отношении Церкви — оно всегда ведет к ее благу, всегда очищает и возвеличивает ее. И самые злые ее враги по действию Божественного Промысла не могут сделать для нее ничего, кроме блага. Ибо Господь созидает Церковь Свою не только непосредственным действием Божественной силы, но и руками врагов, попуская злу, которое Цер-

512

ковь переживает во благо. Вот в чем Промыслительный смысл попускаемого Богом зла. Он — в сохранении человеческой свободы и нравственной задаче для каждого человека всякое совершающееся в отношении его зло превратить в источник нравственного совершенства и духовного устройства.

Божественная воля активно помогает нам в исполнении этой нравственной задачи. Дабы не лишить человека свободы, Господь не пресекает воли совершающего зло, но тем, в отношении кого зло совершается, Господь помогает пережить его во благо. И здесь Господь оставляет решающее слово за самим человеком, чтобы не лишить его свободы, не решает нравственной задачи за него, но содействует ее решению.

Пути разнообразны. Их не перечесть. Через все Господь посылает ему помощь. Ведь нельзя Промысл Божий понимать только в смысле отрицательном. Господь не только предоставляет человеку свободу и не только требует от него исполнения определенных нравственных задач. По учению Церкви, Господь соблюдает каждую человеческую душу. Каждое движение его, каждую его мысль, чувство, намерение — все видит Господь и все, что возможно сделать, не лишая его свободы, для его спасения, делает по неизреченной Своей любви и милости. Нам не ведомы все пути, которыми ведет Господь че-

ловека ко спасению. Но многое нам известно из Слова Божия, из жития святых и из опыта Церкви. Вся жизнь человека исполнена иногда явного для него самого, иногда более прикровенного попечения. Нас не должно смущать, что не пресекает Он всегда злой воли и не делает добра за нас Своей всемогущей волей. И здесь Его милость. И здесь Его любовь. Ибо в противном случае жизнь перестала бы быть жизнью. Но, не отнимая свободы, Он помогает нашему доброму произволению, вразумляя, показывая, просвещая. На нашу жизнь невидимо действуют в этом отношении потусторонние силы, ибо у каждой души есть Ангел-Хранитель, который бережно ведет душу ко спасению, есть помощь угодников Божиих, заступничество и ходатайство Матери Божией. Господь Своей волей ставит нас в такие жизненные положения, которые помогают нам идти по надлежащему пути. Он действует на нашу душу и таинственными, неведомыми путями, и через Святую Церковь, и через определенных людей, которых посылает на нашем пути. И милость Божия к нам, недостойным, столь безмерна, что удостаивает иных и непосредственного воздействия в форме знамений, видений и чудес.

По церковному учению, активная Божественная воля, попускающая зло, всегда пресекает действие на нас злой воли, через

которое создается непосильное искушение. Божественный Промысл попускает зло только потому, что оно может быть пережито во благо нашего спасения, и потому не допускает зла «непосильного». Если зло попущено Богом — это всегда значит, что оно для нашей жизни, для нравственной задачи сильно. А потому и каждый человек, не переживший его во благо, согрешает, и сам за это несет ответственность перед Богом. Церковь не знает «непосильных искушений». В слове Божиим говорится прямо: «...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил...» (1 Кор. 10, 13).

Промысл — это забота о спасении. В чем же выражается эта забота в отношении людей, совершающих зло? В том же, в чем она выражается и в отношении тех, кому делается зло. Господь всем хочет спасения. И никого не лишает свободы. Не добрых только, но и злых Он ведет ко спасению, и все, что я говорил об активном значении Божественной силы в деле нашего спасения, относится одинаково и к добрым, и ко злым. Он и злым помогает освободиться от рабства греху, помогает и их доброму произволению, вразумляя, наказывая и просвещая. Каждому давая потребное.

Бог превращается в Отца почти в земном смысле, но у которого миллиарды детей и который разбирается во всех мелочах повседневной их жизни.

Мы стремимся облечь все в земные образы, и косное земное так заслоняет от нас высшее Божественное, что мы начинаем видеть только внешнюю, вещественную, окружающую тебя жизнь. Но мы должны судить о жизни по духу. Посмотреть на все изнутри. Забудьте о том, что мир — только вещество и душевная жизнь только физико-химические процессы. Пусть все переживаемое нами в течение нашего земного бытия не будет для нас лишь бессмысленным чередованием ничем не связанных между собой фактов. Вспомним, что тот иной мир — как в тумане за образом здешнего мира, и душевная жизнь — лишь отблеск жизни иной, и вся она объемлется силой Божией. Мы поймем тогда, что, подобно тому, как Божественная воля в неизменно действующих законах природы участвует в каждом, самом ничтожном процессе физической жизни, так же и сила Божия, действующая в Промысле Божиим, участвует и содержит каждый шаг жизни человеческой. Ведь мы не спрашиваем, каким образом каждый камешек притягивает к себе земля, хотя камней на земле бесчисленное множество. И не спрашиваем, каким образом каждая частица воды, нагретая солнцем, превращается в пар, хотя невозможно измерить все превратившиеся в пар частицы воды, потому что для этого не хватит никаких сил. Мы не спрашиваем об этом, потому что здесь воля Божия действует в физических,

516

неизменных законах, так не спрашивай, каким образом Сила Божия объемлет в промыслительном попечении каждое движение человеческой жизни, потому что людей — «миллиарды». Воля Божия все содержит и потому во всем действует, а раз во всем, то нет для измерения ее ни числа, ни меры.

Это не только можно принять, но без этого нельзя по-настоящему жить, ибо вера в Промысл дает истинное и твердое основание всей нашей жизни. Не имея в сердце своем чувства Божественного попечения о нас, человек отдается во власть слепого хаоса без основы, без порядка, без смысла. Он — просто песчинка, которая кружится в каком-то вихре слепых сил и бессильна осмыслить или изменить свое движение. Совсем иное, когда сердце озарено чувствованием Божественного Промысла. Тогда над собой человек ощущает твердое основание. Он знает, что жизнь его в руках Божиих и что эта всемогущая рука ведет его ко спасению. Он идет по жизненному пути спокойно, радостно, с твердым упованием, что милосердный Господь видит каждый шаг его жизни, все, что ни совершается с ним, все к «лучшему», все имеет высший смысл, все не «случайно», а разумно, ибо во всем, всегда и везде действует Божественная воля и сохраняет Его Божественное Промышление.

Протоиерей Валентин Свенцицкий.

Диалоги. М., 1995.

ОТКРЫТИЕ ДУХОВНЫХ ОЧЕЙ НА НЕПРЕСТАННОЕ О НАС ПРОМЫШЛЕНИЕ БОЖИЕ

Что нужно для укрепления веры?

Для укрепления веры от человека требуются:

1) Хожение в простоте

Сохрани в себе веру и смирение, потому что ими обрешь милость, и помощь, и слова, изрекаемые в сердце Богом хранителю, сокровенно и явно с тобою пребывающему. Желаешь ли приобрести это, т. е. причастие жизни? Ходи пред Богом в простоте, а не в знании. Простоте сопутствует вера; а за утонченностью и изворотливостью помыслов следует сомнение; за сомнением же — удаление от Бога.

Когда предстанешь в молитве пред Богом, соделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявкой и как бы ребенком лепечущим. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к нему и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого Промышления, какое отцы имеют о детях своих, младенцах. Сказано: «хранит младенцев Господь» (Пс. 114, 5). Младенец подходит к змее, берет ее за шею, и она не делает ему вреда. Нагим ходит

младенец целую зиму, когда другие одеты и укрыты, и холод входит во все члены его: а он — нагой сидит в холод, зимнюю стужу и изморозь и не болеет. Ибо тело простоты его иным, невидимым, одеянием покрывает сокровенный Промысл, соблюдающий нежные члены его, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред.

Верить ли теперь, что есть некий сокровенный Промысл, Которым нежное тело, склонное по своей нежности и слабому сложению тотчас принять в себя всякий вред, охраняется среди супротивного ему и не преодолевается тем? Сказано: «хранит младенцев Господь», и не только этих малых телом, но и тех мудрых в мире, которые оставляют ведение свое, опираются на вседовлеющую Премудрость, волей своей уподобляются младенцам и потом уже учатся такой мудрости, которую невозможно научиться ощущать. И прекрасно сказал богомудрый Павел: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3, 18).

2) Молитва

Впрочем, проси у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение ею, то не трудно сказать мне при том, что нечему уже отворотить тебя от Христа. И не трудно тебе каждый час быть от-

водимым в плен далеко от земного и укрыться от этого немощного мира и от воспоминаний о том, что в мире. Об этом молись не ленись, этого испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим усердием, пока не получишь. И еще молись, чтобы не изнемочь. Сподобишься же этого, если прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога и свою попечительность заменишь Его Промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе эту волю, что со всей чистотой мысль доверился ты Самому Богу более, нежели себе самому, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою: тогда вселится в тебя другая неведомая сила, и ощутительно почувствуешь, что с тобой несомненно сила, — та сила, которую ощутив в себе многие идут в огонь, и не боятся, и ходят по водам, не колеблются в промысле своем опасением утонуть; потому что вера укрепляет душевные чувства, и человек ощущает в себе то, что как будто нечто невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных и не взирать на видение, превосходящее чувства.

3) Добрая жизнь

В какой мере человек будет пренебрегать миром этим и ревновать о страхе Божиим, в такой приближается к нему Божий Промысл, и втайне ощущает человек заступление Промысла, и к пониманию его даются ему чистые

помыслы. И если кто добровольно лишится мирских благ, то в какой мере лишается он их, в такой же сопровождает его Божие милосердие и поддерживает его Божие человеколюбие. Слава Спасающему нас десными и шуими, и всем этим Доставляющему нам случай к обретению жизни нашей! Ибо и души тех, которые слишком слабы, чтобы по своей воле приобрести себе жизнь, скорбями невольными приводит Он к добродетели. И тот же нищий Лазарь не по воле своей лишен был благ мира, и тело его поражено было язвами, и терпел он два горьких страдания, из которых каждое было хуже другого, однако же после почтен был на лоне Авраамовом. Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если кого и подвергает Он иногда телесным лишениям и иным скорбям, то претерпение этого обращает нам в помощь, как и врач в тяжелой болезни восстанавливает здоровье сечением членов. К душе же скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно тяжести страданий в скорби его.

4) Предание себя Богу

Если однажды вверил ты себя Господу, вседовлеющему для охранения твоего и смотрения о тебе, и если пойдешь во след Его, то не заботься опять о чем-либо таковом, но скажи душе своей: «На всякое дело довле-

ет для меня Того, кому единожды я предал душу свою. Меня здесь нет; Он это знает». Тогда на деле увидишь чудеса Божии: увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает их, хотя и невидим. Но потому, что невидим телесными очами Хранитель оный, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться относительно Его, будто бы Его нет: ибо нередко открывается Он телесным очам, чтобы тебе иметь дерзновение.

Познание непрестанного о нас Промышления Божия

Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду и с верою и чистым сердцем пойдет во след Богу: тотчас последует за ним благодать и откроет ему силу свою в различных вспоможениях. Сперва открывает — в этом явном, касающемся тела, и оказывает ему помощь Промышлением о нем, так что в этом всего более может он ощутить силу Божьего Промысла о нем. И чрез познание Промышления в явном уверится и в сокровенном, как и свойственно младенчеству его мыслей и житию его. Ибо как иначе приготавливается необходимое для него, когда о том и не заботился? Многие удары, приближающиеся к нему, часто исполненные опасностей, проходят мимо, когда человек о них и не помышлял: между

тем благодать неощутимо и весьма чудесно отражает от него это и хранит его, как питающая чад своих птица, которая простирает над ними крылья свои, чтобы не приблизился к ним от чего-либо вред. Благодать дает ему видеть очами своими, как близка была к нему гибель его и как остался он невредимым. Так обучает его и в отношении сокровенного, открывает пред ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных, непостижимых. И легко отыскивается человеком понимание их, взаимная между ними связь, и прелесть (обольщение, ложь) их, и к которому из этих помыслов прилеплен человек, как они рождаются один от другого, и губят душу. И благодать посрамляет пред очами его всю злокозненность демонов и обиталище помыслов их, влагает в него разум узреть будущее; в простоте его воссияет сокровенный свет, чтобы вполне ощущать и силу мыслей в тонких помыслах, и как бы перстом указывает ему, что потерпел бы он, если бы не узнал этого. И тогда рождается у него такая мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего.

Душа, однажды с верой предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связывается изумлением и молчанием и не имеет возможности снова возвратиться к способам

своего ведения и употреблять их в дело, чтобы иначе, при их противлении, не лишиться Божьего Промышления, которое втайне неусыпно надзирает над душой, печется о ней и непрестанно следует за ней всеми способами, — не лишиться же потому, что душа обезумела, возмечтав, будто бы сама достаточно может промышлять о себе силой своего ведения. Ибо те, в которых воссияет свет веры, не доходят уже до такого бесстыдства, чтобы снова им испрашивать у Бога в молитвах: «дай нам это» или: «возьми у нас то», и нимало не заботятся они о себе самих, потому что духовными очами веры ежечасно видят Отеческий Промысл, каким озаряет их Тот истинный Отец, Который безмерно великой любовью Своей превосходит всякую отеческую любовь, больше всех может и имеет силу содействовать нам до преизбытка, в большей мере, нежели как мы просим, помышляем и представляем себе.

Не испытав явственного покровительства Божия, сердце не в состоянии надеяться на Бога.

Разумная и безрассудная надежда на Промысл Божий

Бывает надежда на Бога при сердечной вере, и она прекрасна, соединена с рассудительностью и ведением; и бывает другая, отличная от той надежды, следствие безза-

кония, и она есть ложная. Человек, который вовсе не имеет заботы о вещах тленных, но всецело, днем и ночью, вверяет себя Господу, не заботится ни о чем мирском, по великой своей рачительности о добродетелях, все свое время употребляет на занятия Божественным и потому не радеет о приготовлении себе яств и одежде, о приготовлении места жительства телу и обо всем прочем. Такой человек прекрасно и разумно надеется на Господа: потому что Господь приготовит для него необходимое. И это — подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо такому (человеку) надеяться на Бога, потому что сделался рабом Его, и рачителен к делу Его, не предается нерадению по какой бы то ни было причине. Такой достоин, чтобы на нем особенным образом показал Бог Свою попечительность; потому что сохранил он заповедь Божию, которая говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33); «и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13, 14). Ибо при таком нашем устройении мир, как раб какой, приготовит нам все, без сомнения будет подчиняться нам, как владыкам, не воспротивится словам нашим и воле нашей. Такой человек, чтобы не прерывать ему непрестанного предстояния Богу, не предаётся заботам о необходимой потребности тела и, по страху Божию, ни

о чем другом не печется, кроме того одного, чтобы свободным ему быть от всякой такой, малой и великой, заботы, имеющей целью удовольствие и рассеянность ума; и однако же, чудесным образом получает это, не трудившись и не заботившись об этом.

Но человек, у которого сердце совершенно погребено в земном, который всегда ест со змием персть [пыль, прах, землю], никогда не печется о благоугодном Богу, но утомлен и расслаблен всем телесным, не совершает ни одной добродетели по причине всегдашних сношений с людьми и разъяснения в наслаждениях и представляет какие-либо к тому предлоги (находит некоторые предлоги к оправданию себя), — такой человек действительно, по этой лености и праздности, отпал от доброго. И когда будет стесняем скудостью в чем-нибудь или смертью и подавлен плодами беззаконий своих, тогда и он, может быть, скажет: «Возложу упование на Бога, и сделает меня без заботы, и даст мне послабление». До этого часа не вспоминал ты, безумный, о Боге, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя, как написано, хулимо было язычниками (Рим. 2, 24); и ныне ли осмеливаешься говорить отверстыми устами: «На Него возложу упование, Он поможет мне и попечется обо мне!» Не обольщайся, безумный. Надежду на Бога предваряют труд для Бога и пролитый в

526

делании пот. Если веруешь в Бога, то хорошо делаешь, но вера эта требует и дел, и надежда на Бога является от злострадания за добродетели. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих и всемогущ? Да сопровождает веру твою подобающее делание, и тогда услышит тебя Бог. Не старайся горстью своею удерживать ветер, т. е. веру без дел. Да не обольщает себя таковой, да не забывает, какова жизнь его, и да не говорит, что надеется он на Бога: ибо будет наказан, потому что нет у него ни одного дела веры.

Хвала благодати Божией

Будь проповедником благодати Божией, потому что Бог окормляет тебя, недостойного, и потому что много ты должен Ему, а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздает Он тебе великим. Не называй Бога правосудным, ибо правосудие Его не познается на твоих делах... Где же правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер?.. Возлюби Его, как обязан ты любить Его, и не за то, что даст тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем мире, сотворенном ради нас. Ибо кто в состоянии воздать Ему? Где воздаяние Его за дела наши? Кто побудил его в начале привести нас в бытие? Кто умоляет Его о нас, когда мы не вспоминаем о Нем? Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это

тело наше? И еще, откуда мысль ведения за-
падает в персть? О, как дивно милосердие
Божие! О, как изумительна благодать Бога
и Творца нашего! Какая сила, довлеющая на
все! Какая безмерная благость, по которой
Он естество нас, грешных, снова возводит к
воссозданию! У кого достанет сил прославить
Его? Преступника и хулителя Своего восстав-
ляет, неразумную персть обновляет, делает
ее разумною и словесною, ум рассеянный и
бесчувственный и чувства расточенные де-
лает Он природою разумною и достойною Бо-
жественной мысли! Грешник не в состоянии
и представить себе благодать воскресения
своего. Где геенна, которая могла бы опе-
чалить нас? Где мучение, многообразно нас
устрашающее и побеждающее радость люби-
ви Его! И что такое геенна пред благодатью
воскресения Его, когда восставит нас из ада,
соделает, что тленное сие облечется в нетле-
ние, и падшего в ад восставит в славе?

Придите, рассудительные, и удивляйтесь!
Кто, имея ум мудрый и чудный, достойно по-
дивится милости Создателя нашего? Есть
воздание грешникам, и вместо воздаяния
праведного воздает Он им воскресением; и
вместо тления тел, поправших закон Его, об-
лекает их в совершенную славу нетления.
Эта милость — воскресить нас после того,
как мы согрешили, — выше милости приве-
сти нас в бытие, когда мы не существовали.

Слава, Господи, безмерной благодати Твоей! Вот, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и всякая мысль во мне умолкла, побежденная благодарностью к Тебе! Какими устами прославим Тебя, Царь благий, любящий жизнь нашу? Слава Тебе за эти два мира, которые создал Ты к возрастанию и наслаждению нашему, возводя нас от всего, созданного Тобою, к ведению славы Твоей! Слава Тебе отныне и до века, аминь.

Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические.
Сергиев Посад, 1911.

КАК УВИДЕТЬ В СВОЕЙ ЖИЗНИ СЛЕДЫ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ?

Святой Давид находился некогда в одном из тех злополучных состояний, за которые удостоился быть не только вдохновенным провозвестником, но и одушевленным прообразом Божественного Страдальца — Господа Иисуса. Лютые враги (так он сам описывал свои бедствия) окружили его, как пчелы сот; стрелы бедствий проникали до души его; он сделался предметом поношения для всех знаемых; силы его истощились; Сам Господь, благодеевший Давиду, удалился от него: состояние ужасное!

Но праведник не изнемогает! Не находя утешения в настоящем, он обращается к про-

шедшему; приводит себе на память различные события, с ним случившиеся; проходит мыслью все возрасты своей жизни; восходит к ее началу; ищет Господа, от него удалившегося, по всем следам бытия своего.

И вот мрак рассеивается! Промысл, незримый в настоящем, открывается в прошедшем; верующий страдалец видит, что Господь не раз подвергал его великим и лютым бедам, но всегда спасал от них; что чем горше бывала чаша искушений, тем большей всегда вознаграждалась сладостью, видит и, прошедшей помощью уверяясь в будущем избавлении, восклицает: «Господи Боже, упование мое от юности моей. На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; Тебе хвала моя не престанет» (Пс. 70, 6).

Бог Давидов, братья, есть вместе наш Бог и Господь. И естественная вера учит нас, что Промысл управляет жизнью каждого человека; а Евангелие уверяет, что без воли Отца Небесного не может упасть с головы нашей ни одного волоса. Но много ли людей, которые подобно ему могли бы находить в ней утешительные следы Промысла, им благоденствующего? Напротив, между христианами есть немало даже таких, для которых собственная жизнь служит источником сомнений о Провидении. Почему же не находят многие в своей жизни Промысла Божия, когда Он, по

530

истинному учению веры и разума, управляет жизнью каждого?

Предмет этот, братья, стоит, как сами видите, самого внимательного исследования; ибо, не умея находить в своей жизни следов Промысла, мы через это самое лишаем себя величайшего утешения среди страданий и произвольно подвергаемся унынию, а иногда и отчаянию. Итак, посвятим настоящие минуты на размышление о путях Промысла Божия в своей жизни.

Пути Божии, братья, вообще таинственны: «ибо отстоят от путей наших как небо от земли» (Ис. 55, 9); но особенно непостижимы пути Промысла о роде человеческом. Поскольку человек создан свободным, предназначен действовать сам по себе, то Творец Премудрый, чтобы не нарушить этого преимущества, управляет судьбой нашей невидимо и неприметно. С нами в этом отношении происходит то же, что с малыми детьми, от которых воспитатели скрывают иногда свое присутствие, дабы дать им полную свободу действовать по своей воле.

Свойство нашей жизни весьма много благоприятствует такой сокровенности Промысла. Ибо что есть жизнь наша? Это непрестанно развивающийся свиток, наполненный множеством букв, одна часть которого всегда сокрыта. Мы часто не в состоянии точно понять смысла букв, нами же начертанных; тем

менее способны замечать те, так сказать, поправки, которые делаются в ней невидимой рукой Промысла.

Что есть жизнь наша? Это непрестанно увеличивающаяся ткань, в состав которой входит бесчисленное множество разнородных нитей, поверхность которой видна всякому, а основание — никому. Для нас трудно определить, каким образом эти нити при всей их разнородности сочетаются в один состав; тем труднее узнать, как невидимый перст всемирного Художника производит в такой ткани новые изображения и виды.

Что есть жизнь наша? Это совокупность бесчисленных и разнородных явлений, которые, подобно одушевленным теням, движутся вокруг нашего сознания, поражают чувства, занимают воображение, питают рассудок, радуют или печалят сердце и вскоре исчезают, оставляя слабый след в памяти. Все мы зрители и участники этого зрелища; но еще ни один мудрец не открыл, как оно происходит.

При такой таинственности собственной нашей жизни что необходимо требуется от тех, которые желают видеть в своей жизни следы Промысла? Требуется, во-первых, постоянное и строгое внимание к своей жизни и Промыслу Божию, во-вторых — верный и чистый взгляд на жизнь и на Промысл. Это главные и необходимые условия: ибо и тот, кто мало смотрит, и тот, кто плохо смотрит, равно или

ничего не видят, или видят весьма мало или превратно. Эти необходимые условия чаще всего и остаются без исполнения.

В самом деле, сколько живет людей, которые совершенно невнимательны к своей жизни! Подобно беспечным плователям, они довольны, что корабль их жизни плывет по бурному потоку времени, не утруждая себя знанием о том, как он изменяет свое направление, какими пользуется ветрами, в какие должен заходить пристани, не угрожает ли ему опасность, нет ли где повреждения. Можно было бы подумать, что эти люди во всем положились на Промысл, как плователи полагаются на опытного кормчего, и оттого так беспечны. Нет, они нимало не думают о Боге, не думают даже и о самих себе: механическое исполнение известных дел, увеселения, связи, игры — вот их занятия! Пример, привычка, пристрастие, своенравие — вот их правила! Знание понаслышке некоторых истин веры, присутствие, по случаю или необходимости, при совершении небольшого числа священных обрядов — вот их религия! Судите сами: можно ли ожидать, чтобы такие люди находили в своей жизни следы Промысла?

Дабы видеть, что может произвести подобная невнимательность, стоит только вспомнить о язычниках. Пред ними, как и пред нами, был весь великолепный мир Божий, в

котором все возвещает о премудрости Творца. Кроме всего, премудрость эта употребляла, по свидетельству апостола, особенные многие и различные средства для их вразумления о себе. Однако же язычники не осознали в творении Творца, преклонили колена пред идолами, говоря дереву: «ты мой отец», и камню: «ты родил меня» (Иер. 2, 27). Если же язычники от невнимательности своей не обрели Бога в целом мире, то удивительно ли, когда многие, по той же языческой невнимательности, не находят Его в своей жизни; ибо что наша жизнь пред жизнью целой вселенной?

В некоторых людях происходит, по видимому, противоположное, но в самом деле то же: то есть в них отмечается великая внимательность к своей жизни, но зато недостает внимания к Промыслу. Для таких людей размышление о собственной жизни служит любимым предметом занятия; они не оставляют без внимания ни одного случая; вникают в начала и последствия всех перемен, с ними происходящих; из всего извлекают правила для своего поведения; знают искусство жить во всех его тайнах, могут рассказать и объяснить историю свою от самого младенчества. Это их совершенства. Но вот и недостатки: они никогда не рассматривали этой истории по отношению к Промыслу Божию и удивились бы, услышав, что без него

534

столь же мало можно объяснить жизнь каждого человека, как и бытие мира. По мнению этих людей, все, происходящее с ними, есть или плод их благоразумия, или дело внезапности и случая; признание невозможности разъяснить что-либо этими причинами для них кажется постыдной слабостью ума. Судите сами, можно ли ожидать, чтобы и эти люди, недоверчивые и боящиеся Промысла, находили его в своей жизни?

Дабы видеть, что может производить и эта, так сказать, внимательная невнимательность к своей жизни, обратимся опять к язычникам, но уже не простым, а философам. Каких трудов не поднимали они в исследовании природы! Некоторых из них можно назвать мучениками их науки. И однако же, были философы (жаль, что для этого нет другого имени), которые во всем мире видели один случай. Отчего? Оттого, что не хотели Провидения, желали обойтись без Творца, воображали сами, так сказать, создать вселенную. Если же древние философы по невнимательности к Промыслу не находили его в целом мире, то удивительно ли, что потомки их (нравственные) по той же причине не находят его в своей жизни? Ибо опять скажем: что жизнь наша пред жизнью вселенной?

Нет, не так поступали святые Божии. Мы удивляемся, как они на всех путях жизни своей видели Господа, и думаем объяснить

это тем, что Промысл Божий особенным образом участвовал в приключениях их жизни. Не отвергая и этого — ибо Сам Господь называл их Своими друзьями (Ин. 15, 14), — можно сказать, что святые люди все были чрезвычайно внимательны к путям Божиим. Посмотрим на одного Давида. Как у царя сколько у него забот, предприятий, трудов, огорчений! Однако же о чем размышляет он на царственном ложе своем в ту пору, когда весь Израиль и вся природа безмолвствует и покоится? Он размышляет о судьбах правды Божией, о том, как Господь вознес его от стада на престол Израильский. «В полночь вставал, — говорит он к Богу, — славословить Тебя за праведные суды Твои» (Пс. 118, 62). И восстанет в полунощи тогда, когда, по его словам, уже «семикратно в день прославлял Тебя за суды правды Твоей» (ст. 164). Вот пример, которому надо подражать, вот правило, которому необходимо следовать! Надобно возлюбить пути Господни, и они сделаются для нас приметными. «Дай любящего, — говорит Блаженный Августин, — и откроется любимый». Если бы мы постоянно наблюдали за своей жизнью, имели детское доверие к той спасительной истине, что без воли Божией действительно не падает с головы нашей ни одного волоса, то сколько раз при размышлении о нашей судьбе тот же самый рассудок наш, который теперь не понимает, теряется

в догадках, не знает, что делать, сколько бы раз он сам остановил наше внимание, говоря: «Смотри, это рука Божия! Это Она, всемогущая, отклонила от тебя то или другое бедствие, низложила пред тобою ту или другую преграду, спасла от тех зол, которые отяготели над тысячами подобных тебе! Это Она, премудрая, провела тебя невредимым сквозь столько опасностей и затруднений, поставила в таком месте, где можешь не только сам быть покоен и счастлив, но и назидать счастье других! Это Она, всеблагая, ниспослала тебе столько неожиданных радостей, столько незаслуженных даров, вознаградила столько, по-видимому, невознаградимых потерь, согревала и питала твое младенчество, обуздывала и исправляла юность, благословляла и осеняла мужество».

Но есть, скажет кто-либо, люди весьма внимательные, которые со всем усердием детей желали бы видеть и лобызать отеческую десницу Промысла, однако же лишены такого счастья. Действительно, братья, есть такие люди; но в отношении к ним существуют и другие причины: можно сказать утвердительно, что в таких людях недостает благовременного, верного и чистого взгляда на Провидение.

И, во-первых, когда большей частью обращаются к путям Промысла и ищут в них утешения? Когда поражены каким-либо бед-

ствием, когда ни в ком и ни в чем на земле не находят отрады, когда ум смущен, чувства помрачены, сердце подавлено скорбью, то есть в те минуты, в которые нередко забывают самих себя, в которые не способны к размышлению о вещах обыкновенных, те самые минуты избирают для размышления о путях Промысла! Справедливо, что во время скорби для нас нужнее, нежели когда-либо, утешительная уверенность в Провидении; но столько же несомненно и то, что мы тогда бываем менее всего способны идти по следам Провидения. Много ли Давидов, которые, находясь среди огня искушений, сохранили бы всю веру, могли бы оставаться спокойными созерцателями отеческой любви Божией и тогда, когда она скрывается под видом гнева и вражды? Святое искусство это есть плод долговременной опытности; мы не имеем его и между тем отваживаемся на то, что возможно и полезно для одних опытных.

Нет! Заблаговременно должны приучить себя находить утешение в Промысле. Когда ум светел, чувства легки, сердце мирно — тогда надобно размышлять о своей жизни и научиться из нее судьбам правды Божией. Таковые минуты большей частью и следуют за усердной молитвой; потому она должна служить, так сказать, приступом к таким размышлениям. Кто приобретает в этом святом деле навык, тот, подобно Давиду, не пада-

538

ет и среди искушений. А без этого, во время бедствий, лучше искать утешения от других, нежели полагаться на собственное размышление о Боге и Его Промысле.

Каким образом еще желают видеть действие Промысла в своей жизни? Обыкновенно более или менее чудесным. Все естественное, простое, всеобщее предварительно исключают из круга этих действий, как будто бы область Провидения небесного состояла из одних чудес и чрезвычайностей! Как будто бы то, что для нас кажется необыкновенным и редким, было таковым же и для Самого Бога! В этом случае мы не походим сами на себя: обыкновенно мы любим все объяснять, а здесь хотим видеть необъяснимое; мы огорчаемся, если не видим причины чего-нибудь, а здесь недовольны, что видим ее! И какая разница, каким образом оказана нам помощь: послан ли с неба Ангел или человек-благотворитель? Довольно, если мы спасены. Израильтяне, умиравшие от жажды, неужели бы не должны были благодарить Бога, если бы Он, не изводя из камней воду, указал им ее среди камней? В птицах небесных, в лилиях полевых — все естественно; однако же Спаситель представляет их разительным примером отеческого попечения Божия о тварях и человеке (Мф. 6, 28).

Нет, желая видеть в своей жизни следы этого попечения, мы должны предварительно

освободить себя от пристрастия к чудесному; иначе и о нас может быть сказано: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему» (Мф. 12, 39). Подобно израильским старцам (Исх. 24, 10), если нам дано будет увидеть в приключениях нашей жизни хотя бы малые следы Бога, нам благовещающего, беседовать с Ним лицом к лицу предоставим Моисеям и Давидам. Господь и так сотворил для всех нас много чудес, извлек нас из ничтожества, искупил кровью Сына Своего, освятил Духом Святым; и за эти чудеса мы еще ничем не заплатили. Одно только чудо, которого мы должны ожидать в жизни от Господа и которого Он ожидает, может быть, от нас, — это исправление нашего сердца, обновление нашей жизни, духовное воскресение. Вот такого чуда если не найдет кто в своей жизни — то горе ему, горе!

В каких еще приключениях ищут больше следов Промысла: в счастливых или несчастных? Но что и спрашивать! Несчастья вообще представляются чем-то мрачным и ужасным, о чем всего лучше не говорить и не мыслить. Хорошо, если почитают их действием правосудия Божия, наказывающего за наши неправды; а чтобы они могли составлять дар любви Божией, это не приходит и на ум. Правда, что Отцу Небесному, который есть сама Благодать, всего приличнее было бы открывать Промысл Свой одними благо-

540

деяниями. Но что делать, когда мы все поражены лютым недугом? Милосердный Врач, по самой любви Своей, употребляет горькие вещества. Что делать, когда мы своевольны, стремимся часто на собственную погибель? Мудрый Пестун, по самому усердию к нашему благу, сдерживает шаги безрассудных детей, дабы не пали в бездну. Посмотрим на вселенную: в ней не только солнце, луна и звезды поведают славу Божию, но и «огонь и град, снег и туман, бурный ветер» (Пс. 148, 8), по замечанию св. Давида, прославляют имя Божие. То же и в нашей жизни: что нам кажется тяжким, прискорбным, то самое может быть прямым действием Промысла Божия о нас, орудием славы Его в нас и нашего благоденствия. Ах, братья, прошло то время, когда мы все были созданы для одних радостей! Засеяв сами тернами путь к блаженству, мы не должны роптать, если Промысл ведет нас этим путем; слава Ему и благо нам, если по крайней мере мы не совращаемся с него. Пусть стопы наши обливаются кровью: это путь нашего Спасителя, он ведет к небесному отечеству. Сердце наше настолько огрубело, что на нем не иначе может быть снова начертан закон истины и правды, как среди бурь и громов (Исх. 19, 16–18). Будем внимательны к этим грозным гласам, и мы, подобно древним израильтянам, услышим в них глас Господа Бога нашего, Бога отцов наших, наказываю-

щего нас в малом, дабы помиловать милостью великой; увидим, что несчастные случаи, от которых некогда стеноло сердце наше, обратились потом к величайшему благу для нас и для ближних наших; что исполнение многих желаний, которые мы всеми силами, но без успеха, старались привести в действие, было бы для нас злом и повлекло бы за собой пагубные последствия; что то самое, о чем мы молились, чего просили, над чем трудились напрасно, содержало в себе для нас гибель, а то, от чего мы отвращались, на что смотрели как на вред и наказание, было истинным благословением, сказавшимся в перемене нашего образа мыслей, в исправлении нашего поведения; увидим — и возблагодарим пред Промыслом, нам благодеевшим!

Каким еще недостаткам подвергаются ищущие в своей жизни следов Промысла? Большой частью ограничивают его действие одним собой, а в себе — современными выгодами, телесной жизнью. Такие люди думают так: «В чем польза, если наше бедствие было весьма поучительно для других, и некоторые, воспользовавшись нашим опытом, обратились на путь правый? Если мы сами не ощутили от него значительной пользы, то этого уже достаточно, чтобы в нем не усматривать Промысла. Какое дело, что некоторые горестные случаи были для души нашей истинным врачевством, раздвинули пред

очами нашими завесу, за которой скрывалась наша душевная гибель, возвратили нам добродетель, давно потерянную? Если от них расстроилось наше внешнее состояние, если урок, ими преподанный, сопряжен с ущербом нашего здоровья или чести, то случаи эти не от Бога, они постигли нас без Промысла». Таковы правила суждения у нашего самолюбия, у нашего внимания ко благу ближних и к собственному благу души нашей! Неужели и Промысл Божий должен сообразовываться с ним? Неужели потому, что глаз наш завистлив (Мф. 20, 15), и ему надобно перестать быть благим? Нет, довольно того, что мы все ограничиваем собой, не смотрим на нужды и пользу других, хотели бы себя поставить сосредоточением и концом всего рода человеческого и всех событий в мире. Любовь Божия выше всех нас, потому объемлет собою всех братьев наших, через бедствия одного научит других, счастьем некоторых назидает всех нас, которые непрестанно разрывают союз единства. Довольно того, что мы сами печемся более о теле, нежели о душе, прилепляемся без ума к временному и не помышляем о вечном. Промысл вечен и свят; и потому во всех своих судьбах о нас имеет в виду не столько блаженство временное, сколько вечное, не столько благоденствие по телу, сколько благосостояние по духу. Пусть поражается наш внешний человек, пусть страдает

плоть хотя бы так, как она страдала у Иова: если дух оживает, если «сокровенный сердца человек в нетленной [красоте] кроткого и молчаливого духа» (1 Пет. 3, 4) цел и растет, то мы благоденствуем. Вот образ суждения о нас Промысла! Многие в жизни нашей, если не все, представлялось бы нам совершенно иным, если бы мы постоянно прилагали такой святой образ суждений! Сколько раз, рассматривая жизнь нашу, мы вынуждены были бы сказать самим себе: «Так этому надлежало быть, ибо мы созданы не для земли, а для неба! Так премудрость Божия не должна была попустить этого, ибо она печется не о мне только, но и обо всех!»

При столь многих причинах, препятствующих нам видеть в своей жизни следы Промысла Божия, удивительно ли, что многие не видят, потому что не знают хорошо своей жизни, невнимательны к самим себе; не видят, так как останавливаются на поверхности событий, не проникают до основания их, где сокрыта рука Промысла; не видят, ибо хотят видеть тогда, когда взор помрачен, не там, где должно, не в том виде, в каком Промысл являет себя; не видят, наконец, ибо суждением о путях Промысла управляют самолюбие и страсти. Освободим себя, братья, от этих недостатков, будем в суждении о путях Божиих неуклонно следовать правилам противоположным — и мы вскоре опытно узнаем, что

544

Господь недалек (Деян. 17, 27) от каждого из нас.

И как ему быть далеким! Разве Он не вездесущ? Разве премудрость и всемогущество Его могут где-либо оставаться без действия? Только языческие боги были праздными зрителями судьбы человеческой: наш Отец Небесный «доныне делает» (Ин. 5, 17). Только Ваалы и Веельфегоры¹ могли спать: наш Промыслитель «не дремлет и не спит хранящий Израиля» (Пс. 120, 4)! Как Ему быть далеким от нас! Разве не Он наш Творец? Не Он наш Отец? Так ли мы помним Творца, что забываем Того, о котором «живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 28)? Так ли знаем Отца, что сомневаемся в Его попечениях о детях? Земные отцы не дают, однако же, чадам вместо хлеба камни (Лк. 11, 11). Сделает ли это Отец Небесный, Тот, который может «из камней воздвигнуть детей» (Мф. 3, 9)? Как ему быть далеким от нас, когда Он излил и изливает на нас столько благ? Чего не дал Он нам в залог Своего попечения о нас? Земли? Человек сначала еще поставлен царем ее. Неба? Оно давно обещано в последние дни верным чадам. Ангелов? Они служат нашему спасению, будем требовать чего угодно: все получим! Нужно ли, чтобы для уверения нас

¹ Ваалы – боги древних семитов, боги естественных сил природы. Веельфегор – моавитское божество. (Примеч. составителя.)

сошел Он сам с Неба, жил с нами, даже умер за нас? И это сделано! Сын Божий сходил с Неба, обитал между людьми и из любви к нам положил за всех нас душу Свою. После этого кто может сомневаться в попечении о себе Промысла?

С такой верой в Промысл Божий и с этим расположением видеть его в приключениях своей жизни желаем, братья, твердо верить, что Господь Сам не замедлит явить следы Своего отеческого Промысла тем из вас, которые, не закрывая очей своих сомнениями, будут всегда готовы лобызать с благоговением мудрую десницу Его, как бы она ни обнаружила своего присутствия: явно или тайно, согласно ожиданию или против его, дарами любви или лишением и ударами враждебными. Аминь.

Иннокентий, архиепископ Херсонский
и Таврический. О путях Промысла Божия
в жизни человеческой. М., 1894.

ЧУВСТВОВАНИЯ ВЕЗДЕСУЩЕЙ ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ

Боже великий, Творец Всеблагой, Свете присносущный! Просвети дух, сотворенный Тобой к познанию Тебя, ищущий в Тебе своего просвещения и блаженства, рассей

546

мглу, меня окружающую и скрывающую от меня Тебя, Который везде сый. Единый луч, Боже мой! Один только луч Твоей светлости ниспошли в душу мою, да познание тайных путей Твоих приблизит меня к цели моего назначения.

Что есть дух смертного человека, когда он в удалении от света Твоего бродит в тени смертной?

Он ищет существа, а объемлет тень одну; цепляется за мечты своего разума и достигнуть верха земной мудрости недомысливает. О сокровенный Боже, которого все твари ищут! Коль превознесен Ты над всяким понятием, над всяким чувством нашим! От Тебя только изливаются лучи Великого света истины на все земные и небесные твари! Солнце вечности! Озари первобытную нашу тьму в благодатное мерцание, да познаем бытие Твое. Боже наш, и за это малое прозрение будет препрославлено имя Твое вовеки! Ибо без него все пути Твои были бы для нас не познаваемы. Ему должны мы и этим слабым созерцанием славы Твоей. Он укрепляет слабые взоры, к Тебе возводимые, освещает стези к понятиям о совершенстве Твоем, оживляет в нас надежду будущего чистейшего прозрения и утешительное чувство еще отдаленного, но истинного просвещения.

Святой, Пресвятой, таинств исполненный. Везде сый! Исполни мой дух той непрехо-

дящей мудростью, которая в безднах Твоей вечности, в удаленнейших глубинах Божества Твоего обретает всегда Тебя. Ты начало и венец всех существ! Тщетно обольщаемый мечтами умствователь ищет в творении Твоём действий без благого намерения, чудес — без Всемогущества, всемогущества — без Премудрости. Тщетно ищет он в хаосе случая, который бы произвел столь стройные грани. Тщетно силится он не признать Тебя, сидящего на Небесах, проповедуемого всеми существами, жизнедательствующего последнему червю и одушевляющего к бессмертию самого отрицателя Твоего. Самосущный Боже! Прости рабу слабому Твоему чувственную гордость, затмевающую его разум, заграждающую свету вход в его душу, возносящую учение безумия в достоинство мудрости. Прости ослепленному самоумию, стремящемуся по ложным и зыбким подмосткам к Премудрости и уничтожающему Истину; это самоумие довольствуется тварями и забывает Тебя, Творца своего и всех.

Какое благодарение принесу Тебе, Боже мой! Тебе, Которым живу, за то, что Ты образовал душу мою к познанию Тебя. Тебе единому обязан я этим немерцающим светом, сияние которого сопровождает взор мой далеко в вечность. Я спал в вечной ночи, доколе Ты не возбудил меня к познанию самого себя и к бессмертию. Без Тебя я был бы

погребен в моем ничтожестве. Ты даровал мне этот удел в Твоей вселенной; Ты воззвал меня в это чудесное просвещение, в котором я поклоняюсь Тебе. Ты — все наполняющий! Наполняешь и меня уверения в Тебе и чувствованиями Твоего влияния в мое случайное бытие. О Царь всех миров, духов и вселенных! Коль поздно я познал Тебя! Коль поздно наслаждаюсь я этим небесным светом, что могу находить тебя в творении! Мое ничтожество провело годы, прежде нежели я научился знать Тебя, поклоняться Тебе и предаваться Тебе. Бытие мое, жизнь моя, силы существа моего и радость моя о Твоем присутствии — есть дары Твой благодати. Боже Предвечный! Солнце обязано Тебе сиянием своим, планеты — своим существованием. Откуда солнце это, освещающее и согревающее меня? Откуда оно, если не Ты его создатель? Кто возжег эти звезды, сверкающие надо мной в тихую полночь и рассыпающие лучи свои по этому голубому неизмеримому пространству? Кто поддерживает этот носящийся земной шар, вращающийся в непрерывном порядке вокруг солнца своего? Самосущный! Ты один держишь его со всеми его тварями. Ты повелеваешь ему протекать свободно и беспрепятственно пути, сменяющие времена года, возобновляющие нашу деятельность, производящие воздушные явления, возвещающие Твое всемогущество и

творящие это многообразное плодородие, поддерживающее жизнь тварей!

Ты Господь сил! Ты был от века! Ты вла-
дычествуешь в Твоем творении и пребудешь
навсегда началом, жизнью и блаженством
тварей Твоих. И мне, Всемогущий! И мне
творческий Твой перст указал путь в мире,
исполненном чудес Твоих. Ты сотворил меня
от земли, повелел тлению смешаться с мыс-
лями о Тебе и озариться чувствованиями Бо-
жества Твоего. О! Прими благодарение мое!
Прими безмолвствующее слово червя, чув-
ство которого слишком слабо для выражения
Твоей благодати. И слишком ограничено для
Твоей бесконечности. Без этого дара жизни
глаза мои не узрели бы ни света солнца, ни
сияния звезд, проповедующих Тебя, ни мира
Твоего, исполненного порядка и мудрости.
Восхитительные песни соловья, бальзамиче-
ский запах розы, живительный дух гвоздики,
нежный весенний воздух, величественный
глас грома — все эти чудеса творения Тво-
его были бы вечно от меня сокрыты. Когда
миллионы существ, принявших бытие от руки
Твоей, познавали бы Тебя и поклонялись бы
Тебе, тогда я один оставался бы безгласен и
бесчувственен к хвале Твоей; мое ничто не
дало бы никогда бытия моему поклонению.
Кто я? Что я был, прежде нежели Ты сотво-
рил меня? Где скрывался я, прежде нежели
Ты воззвал меня к бытию? В Твоей самосуц-

550

ной всемогущей силе скрывалось основание возможности моей быть. Из Тебя, источника неиссякаемого, истек я в этот видимый мир несчетных существ; сделался тварью, дабы познать Тебя, Творца, и свою зависимость от Тебя. Творя меня, Ты сотворил душу мою способной мыслить, способной чувствовать и вознес ее над бесчисленными рядами нижних тварей, которых Твоя Премудрость к другим целям назначила. Эти два существенных украшения душ человеческих связал Ты со впечатлением Твоей красоты, с ощущением Твоего порядка, со склонностью к добродетели, с любовью ко всему небесному и Божественному. Этот сотворенный образ Твоего несотворенного совершенства одел Ты прелестной красотой чувственной; сотворил нас свободными в себе. Таинств исполненный Боже! Сколько целей открываем мы в Твоих действиях! В самом даже споре духа с чувственностью.

Что бы то была за добродетель, если бы нас влекла к ней беспрепятственная склонность естества нашего? В чем бы состояла свобода духа, если бы свойство существа нашего делало нам применение порядка невозможным? Где бы нашли мы благость Истины и Добродетели, если бы внутренняя боль от ран сокровенных не понуждала нас часто искать в них целительного бальзама, который один может утолить боль эту? Где бы нашли

мы правило мудрости, если бы мы сами не отравляли радостей жизни, коль скоро переступив меру наслаждения? Боже! Достопоклоняемый в благодеяниях Твоих ко тварям Твоим! Достопоклоняемый в самом кажущемся зле, которое существует по неисповедимой Твоей воле, с которым Ты связал судьбы их! Твоя Премудрость положила пределы естественному познанию нашему, содержащие нас на степени назначения нашего. По святым намерениям утаил Ты от нас при сотворении нашем то, за что мы, как обновленные твари, благословим Тебя. Слабость умов умножила благотворное озарение Твоих откровений, и природная наша немощь умножила чудодейственную силу нашего обновления, Трои́дный, неисследимый Боже! Крепи в вере душу мою в благоговейной тишине поклоняться судьбам Твоим! Научи меня со святым трепетом помышлять о тайне обновления нашего!

Чистым и непорочным сотворил Ты прародителя рода человеческого. Предуготованный к бессмертию, получил он от Тебя все, что могло его сделать благоугодным Тебе. Дух его украсил Ты разумом и свободой, сердце исполнил стремлением к совершенству и таким образом приучил его слышать повелительный глас познанной истины. Эти излитые в него законы блаженства должны были быть ему руководством в делах его и целью его желаний. Но как глубоко пал к блаженству

созданный, когда он, ослепясь наружным блеском чувственности, оставил закон Твой! Льстящее заблуждение убивает в нем разум, заводит в лабиринт диких побуждений и увлекает к собственной его и всего его потомства гибели. Так пал тот, который восхотел превознестись над самим собой, который восстал против Твоего веления, и безумная его любознательность затмила чистый образ Твой в сердце его. Горе первому человеку, гордый разум которого сделался жертвой заблуждения! Он перестал быть благоугодным в очах Творца своего; мучение и тоска загорелись в душе его, к кротчайшим чувствованиям образованной. Это чувство внутреннего своего повреждения глубоко запечатлелось в сердце его, и отравы эта губительно распростерлась на все нерожденное еще его потомство. О, вечный, дыхание которого есть жизнь! Велики и преславны дела Твоего Всемогущества; но еще славнее чудеса Твоего милосердия! По благодати своей не истребил ты червя, дерзнувшего нарушить порядок Твой; в Твоей деснице пламя к сожжению его; в Твоей руке молнии к поражению его, и бездны у Тебя в деснице к поглощению его. Но Ты пощадил грешника, переступившего благодетельность закона Твоего, помиловал немощную тварь, против себя самой рассвирепевшую, и удержал безумного на краю бездны.

О Ты, вечный взор которого объемлет миллионы миров! Ты предвидел все до события и попустил бытие такое. Прости, бесконечное Существо, слабости человеческой, измеряющей Тебя мерой тварной и полагающей исследовать судьбы Твои! Тщетно возносятся к Тебе тусклые наши взоры, к Тебе, закрывающемуся тайной непроницаемой. Уставы Твои всегда святы: но никто из смертных не исследит путей Твоих. Наказующая правда Твоя есть также свидетельница Твоей благодати. Праотец людей не познал цены свободы и употребил во зло благодать Твою, по Твоей Премудрости наказание праотца учинилось спасительным учением для нас, его потомков. Мы все терпим от его заблуждения, дабы непрестанно памятовать, какая казнь непременно следует за злоупотреблением свободой. С потерей первой невинности потеряли мы часть совершенства, к которому в этом блаженном состоянии назначены были. Но Ты не оставил нас и дал еще довольно сил и в этом отечестве зла возноситься к Тебе, Святейшее Существо! Очищать оскверненные души наши небесным огнем благодати и образовать их в подобие Твое.

Прежде еще нежели Ты положил основания земли, прежде нежели возжег Ты солнце прежде век, всемогущество Твое родило Законоположника для народов, Искупителя для сынов Адамовых. Эти твари, склонность

554

которых ко греху тщетно поражал посланный тобой губительный потоп, и после этого люди оставались всегда предметом Твоего милосердия. Ты посылал мужей, долженствовавших явить земнородным благодатную будущность, возвестить грядущего Мессию, и ходившие во свете Твоем в кротком уповании благоговейно ожидали исполнения Твоих обетований; а язычники испытывали достоверность предсказаний пророков, просвещенных духом Твоим. Наконец протекли дни ожидания, продлившиеся за нетерпение верующих и за дух прекословия неверных. Одно пророчество сбывалось за другим, и Ты, вечная неизменяемая Истина, Исполнил их все.

Из книги «Окончательные вопросы действительной вечно бессмертной жизни человека за гробом», М., 1889.

РАЗГОВОР БОГА С ДУШОЙ

«От Меня это было»

Думал ли ты когда-либо, что все, касающееся тебя, касается и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы ока Моего.

Ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, и поэтому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя.

Когда искушения восстанут на тебя и враг придет, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что От Меня это Было, что твоя немощь нуждается в Моей силе и что безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность защитить тебя.

Находишься ли ты в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, не считаются с тем, что тебе приятно, которые отстраняют тебя, — От Меня это было.

Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами, и не случайно ты оказался на своем месте — это то самое место, которое Я тебе назначил.

Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению? Так вот смотри, Я поставил тебя именно в ту среду, в ту школу, где этот урок изучается. Твоя среда и живущие с тобою только выполняют Мою волю.

Находишься ли ты в денежном затруднении, трудно тебе сводить концы с концами, знай, что От Меня это было.

Ибо Я располагаю твоими материальными средствами и хочу, чтобы ты прибегал ко Мне и знал бы, что ты в зависимости от Меня. Мои запасы неистощимы.

Я хочу, чтобы ты убеждался в верности Моей и Моих обетований. Да не будет того, чтобы тебе могли сказать в нужде твоей: «Вы не верили Господу Богу вашему».

Переживаешь ли ты ночь скорбей, разлучен

ли ты с близкими и дорогими сердцу твоему —
От Меня это послано тебе.

Я — муж скорбей, изведавший болезни,
Я допустил это, чтобы ты обратился ко Мне и
во Мне мог найти утешение вечное.

Обманулся ли ты в друге своем, в ком-
нибудь, кому открывал сердце свое, — От
Меня это было.

Я допустил этому разочарованию коснуться
тебя, чтобы познал ты, что лучший твой друг
есть Господь. Я хочу, чтобы ты все приносил
ко Мне и говорил Мне.

Наклеветал ли кто на тебя, предоставь
это Мне и прильни ближе ко Мне, убежищу
твоему, душою твоею, чтобы укрыться от
«пререкания языков», Я изведу, как свет,
правду твою и судьбу твою, яко полудне.

Разрушились ли планы твои, поник ты
душою и устал — От Меня это было.

Ты создавал себе свои планы, имел свои
намерения и принес их Мне, чтобы Я благо-
словил их. Но Я хочу, чтобы ты предоставил
Мне распоряжаться и руководить обстоятель-
ствами жизни твоей, и тогда ответственность
за все будет на Мне, ибо слишком тяжело
для тебя это, и ты один не можешь справиться
с ними, так как ты — только орудие, а не
действующее лицо...

Постигли ли тебя неожиданные неудачи
житейские и уныние охватило сердце твое,
знай — От Меня это было.

Ибо Я хочу, чтобы сердце твое и душа твоя были всегда пламенеющими пред очами Моими и побеждали бы именем Моим всякое малодушие.

Не получаешь ты долго известий от близких, дорогих тебе людей и по малодушию твоему и маловерию впадаешь в ропот и отчаяние, знай — От Меня это было.

Ибо этим томлением духа твоего испытую Я крепость веры твоей в непреложность обетований и силу дерзновения твоей молитвы о сих близких твоих, ибо не ты ли возлагал заботы о них на Мою промыслительную любовь? Не ты ли и ныне вручаешь их Покрову Матери Моея Пречистыя?

Постигла ли тебя тяжкая болезнь, временная или неисцелимая, и ты оказался прикованным к одру своему, — От Меня это было.

Ибо Я хочу, чтобы ты познал Меня еще глубже в немощах своих телесных и не роптал бы за сие ниспосылаемое тебе испытание и чтобы ты не старался проникнуть в Мои планы спасения душ человеческих различными путями, а безропотно и покорно преклонил бы главу твою под благодать Мою к тебе.

Мечтал ли ты сотворить какое-либо особенное дело для Меня и вместо этого сам слег на одр болезни и немощи — От Меня это было.

Ибо тогда ты был бы погружен в дела свои, и Я не мог бы привлечь мысли твои к Себе, а

Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям, что ты на службе у Меня. Я хочу научить тебя сознавать, что ты — ничто без Меня.

Некоторые из лучших сынов Моих суть те, которые отрезаны от живой деятельности, чтобы им научиться владеть оружием непрестанной молитвы.

Призван ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение, иди, полагаясь на Меня. Я вверяю тебе эти трудности, ибо за это благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, на всех путях твоих. Во всем, что будет делаться твоими руками, Руководителем и Наставником твоим будет Господь Бог твой.

В сей день Я даю в руки твои этот сосуд священного елея, пользуйся им свободно, дитя Мое. Помни всегда, что каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая напраслина и осуждение, каждая помеха в твоей работе, которая могла бы вызвать чувство досады, разочарования, каждое откровение твоей немощи и неспособности пусть будет помазано этим елеем — От Меня это было.

Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце свое слово, которое Я объявил тебе в сей день, — От Меня это было.

Храни их, знай и помни всегда, где бы ты ни был, что всякое жало притупится, когда

ты научишься во всем видеть Меня. Все послано Мною для совершенствования души твоей — все от Меня это было.

«Духовное завещание иеросхимонаха Серафима Вырицкого» из книги «Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий», издательство Братства святителя Алексия. 1996. С. 136.

Избранные места из дневника митрополита Мануила (Лемешевского)

Ни один твой вопль, ни одно твое стенание, ни один твой тяжкий вздох, ни одна капля слез — ничто, что в тебе страдало и трепетно билось в усталом сердце твоём, Я не оставил втуне.

Мои милости окружали тебя именно в такие минуты жизни твоей, когда ты этого не ожидал и поэтому не замечал по грехам своим. Они порой и явно свидетельствовали о заботе Моей о тебе.

Когда скорби и уныние начнут терзать душу твою, вспомни, сколько радостей давал Я тебе в дни детства и отрочества.

Сейчас Я не взираю на мерзкие дела твои, но слышу вопли и слезные стенания покаяния твоего — и они Мне дороги, потому что они теперь искренни и своевременны.

Ты дорог Мне и дороги все страдания твои, как искренно тобою пережитые.

Ты дорог Мне, и потому Я так часто помо-

560

гал тебе, отвращал тебя от смерти, пагубы и разных потрясений жизненных.

Ты дорог Мне, потому что образ искреннего покаяния не оставляет тебя и желание исправиться крепнет в сознании и сердце твоём.

Малодушный! Как ты не замечал в мрачные минуты, что рука Моя, водящая тебя, всегда укрепляла тебя; помощь Моя, хотя и в последнюю минуту (когда как будто неоткуда было ожидать ее), приходила к тебе. Ибо все это от Меня было. Ибо на мгновение гнев Мой, но на всю жизнь благоволение Мое. Ибо вечером водворится плач, а на утро радость (Пс. 29, 6).

Помни, что все эти переживания и настроения не должны быть тебе присущи, ибо ты идешь путем самоограничения и беспощадности к себе. Ты не должен допускать их до себя, вспоминая в такие тоскливые минуты о тех радостях, которыми Я вел тебя к новой жизни в годы твоего богоискательства.

Ободришь, усталый путник!

Положись на Мою заботливую руку о тебе!

Ты видишь, что разными путями веду Я каждую душу христианскую ко спасению. И тебя тоже, даже в одиннадцатый час жизни твоей, веду Я особым путем.

Следуй за Мною.

Я хотел видеть тебя надежным человеком для Меня, каким ты был когда-то. Так не ко-

леблясь следуй за Мною. Ты должен поэтому быть свят во всем, во всех своих поступках, во всех своих помыслах, чтобы не оскорблять Мою святыню.

Победи — говорит в тебе внутренний голос. Победи все нехорошее в себе — повторяет он. Так победи и докажи, что ты бесповоротно отошел от греха.

Будь человеком, не стыдящимся оказывать внимание маленьким, бедным, незаметным людям, в большинстве своем беззащитным, оказывая снисхождение к их немощам.

Будь человеком, у которого всегда можно найти поддержку, поэтому в обращении с людьми не позволяй себе проявлять черствость и нечуткость, чем ты столькраты согрешал в прежние годы.

Ты одинок, но не забывай и помни всегда, что Я с тобою. Нелегко переживать чувство острой тоски и одиночества, но это неизбежный путь всех людей с обостренной интуицией и чувствительных к чужому горю.

Я хочу, чтобы ты уже сейчас начал оправдывать доверие, которое Я вложил в сердце твое.

Я имею право требовать от тебя всего этого, ибо Я слишком много дал тебе.

Сколько предупреждений делал Я тебе об исправлении и покаянии!

Я жду от тебя ответа искреннего, согретого порывом души твоей.

Что тебе сейчас остается?

Стремиться к глубинной тишине, какая бывает на дне озер или в колодцах и глубоких хранилищах, и почаще замыкаться в пустыне сердца своего, не впадая в дремотную тишину.

Я хочу, чтобы ты был хозяином своих мыслей. Заметь, какие они бывают... Когда работа идет точно, легко — мысли бывают свежи и свободны, они приходят короткие, прозрачные, текучие. Тебе надо только организовать их, ясно и точно обобщить. И надо много, много думать над ними, отбрасывая ненужные и чуждые из них.

Я хочу, чтобы, работая над ними, ты соделал в сердце своем сокровищницу для творения непрестанной Иисусовой молитвы.

Ты дорог Мне и потому, что ты возлюбил со всею ревностью Пречистую Матерь Мою и в простоте сердца своего обращаешься к Ней, как к Родимой Матушке.

Ты дорог Мне, и потому недреманное око Мое везде сопутствует тебе. Разве не замечал ты в жизни своей и среди окружающих тебя, искренне или лицемерно и лицепрятно заботящихся об облегчении твоей горькой участи и страданиях твоих, — разве не замечал ты заботы Моей о тебе?

Я хочу, чтобы ты был человеком с добрым характером, чтобы тебя никогда не покидало чувство справедливости, чтобы ты всегда по-

ступал как надо, т.е. как повелевает тебе совесть твоя, чтобы от тебя люди учились благородству, обдуманности, рассудительности, великодушию и зрелости каждого поступка и слова.

Я хочу, чтобы все знающие и окружающие тебя могли бы всегда сказать о тебе: вот человек, на которого во всем и везде можно положиться и которому можно довериться.

Я хочу, чтобы ты был чутким к окружающим, к горю и несчастью ближних своих.

Я хочу, чтобы ты всегда и больше давал, но не просил для себя.

Я хочу, чтобы ты укрепил в себе точность в работе, целеустремленность — как главный стимул *modus vivendi*.

Я хочу, чтобы у тебя мысли и дела не расходились.

К этому стремись, ибо Я хочу, чтобы ты был человеком с сильным характером, чтобы тебя никогда не покидала сила духа, исполнительность и способность отдавать всего себя тому делу, к которому ты призван и которое ты делаешь. Такой человек никогда не останавливается на половине, и это — основная черта его характера.

Помни, что все случающееся с тобою промыслительно, и поэтому всякие мысли и попытки с твоей стороны ускорить движение дел твоих недостойны тебя и преступны. Верь, что все совершается по воле Моей, и раньше

своего срока ничего на свете, и тем более с тобой, не случается. Поэтому тем мужественнее переживай все страдания, связанные с испытанием временем, неведением и ожиданием, зная, что все это от Меня было.

Мануил (Лемешевский Виктор Викторович)
(1884–1968), митрополит Куйбышевский
и Сызранский.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В евангельском повествовании об исцелении десяти прокаженных поражает то обстоятельство, что девять из них не воздали хвалы Богу... Не знаешь, чему более удивляться: то ли что спасенные от проказы как будто не видят чуда в своем исцелении, или тому, что они не благодарят Чудотворца, продлившего им жизнь и избавившего их от горькой доли отверженных обществом людей... Поразительно и то, и другое, и одно с другим в связи: не благодарят Бога, потому что не видят чуда в своем исцелении и не хотят признать благое попечение Божие о себе. Нас возмущает такая закослелость сердца, такая неблагодарность. Нам кажется, что мы, на месте исцеленных, поступили бы иначе; мы готовы уверять как угодно, что в их положении мы возблагодарили бы Господа Бога и вместе с самарянином пали бы ниц пред Тем, Кто беспримерно изливал неземную силу Свою на страждущих.

Хвала Богу и за то, что так думаем и уверяем. Но мысли наши и слова — еще не дела. Благodeяния Божии, животворящая сила Его, чудесно проявляемая и теперь, как всегда, не перестают изливаться на человека: и в наши дни, как во дни земной жизни Господа Иисуса Христа, совершаются чудеса. Но что ж, разве нет теперь людей, которые подобно девяти прокаженным закрывают глаза свои от благодеяний Божиих, не признают Промысла Божия, отрицают чудеса и не умеют или не хотят благодарить Бога, дающего благо всем? Много ли таких, которые подобно исцеленному самарянину признают благое попечение Божие о человеке, милосердие Творца к твари и благодарят Бога... И странное дело: постигнет несчастье, каждый вспомнит Бога и, как евангельские прокаженные, взывает: «Господи, спаси! Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Но миновала беда, и моливший Бога забывает о Нем; а другие (иногда и сам помилованный) с поразительным легкомыслием заявляют, что никакой тут помощи от Бога не было, но все произошло само собой, случайно. Уже одна мысль эта есть неблагодарность Богу, от Которого всякое даяние благое и самая жизнь наша, без воли Которого всякое даяние благое и самая жизнь наша, без воли Которого не падает и волос с головы человека. Как будто бы в жизни человека что-либо случайно происходит и само собой проходит! Нет, в нашей

жизни, как и во всем мире, ничего нет случайного, ничего нет такого, для чего не было бы достаточной причины в прошедшем и разумной цели в будущем. А если не так, тогда весь мир, с человеком вместе, есть бесконечный ряд случайностей, явлений без причины и жизней без цели, другими словами, тогда нет самой жизни или она непрерывный обман и злой призрак. Но кто же решится утверждать это? Или кто удовлетворится такой жизнью, без просвета в прошедшем, без радостей в настоящем и без надежды на будущее? Неужели жить в мире без надзора отеческого легче, чем жить с убеждением, что человек не одинок в мире, что с ним всегда и везде Милосердный Отец Небесный, Который смотрит на него день и ночь, избавляет от напастей, врачует немощи и страдания попускает для благих целей. С мыслями, противными этим, не мирится наше сердце; против них вопиет разум, располагающий явления жизни в порядке причин и следствий, усматривающий в них разумные цели и все приводящий к Единому Началу, Творцу и Промыслителю мира. Порочный разум, гордое сердце и растленная воля могут отвергать это; но как отвергать это христианину, для которого весь Ветхий и Новый Завет есть история домостроительства Божия, многообразное обнаружение Промысла Божия о человеке, благого Попечителя Творца о тварях. Пусть каждый оглянется и на свою

собственную жизнь, не увидит ли и в ней этих путей Промысла Божия? Пусть припомнит, как он когда-то строил различные планы, мечтал создать на них свое благополучие, силился направить жизнь свою по тому или другому пути; но она устроилась как-то иначе, иногда совершенно вразрез с его желаниями, усилиями и планами — и всегда к лучшему. Разве это не доказательство Промысла Божия о человеке, разве это не благая воля Всемогущего Бога, устраивающего жизнь нашу не так, как мерещится нашему близорукому самолюбию, а как-то лучше? Тут не случай и не слепая сила; ибо случай ничего собой не объясняет и доказывает лишь нашу ограниченность, наше незнание настоящей причины; слепая сила может только разрушать, но не созидать.

Потому не ослепляйте себя мудрствованиями тех, кто говорит, что Бог и мир разобщены, что Бог не промышляет о человеке и не творит для него чудес. Если нет Промысла Божия и чудес, тогда должно быть отвергнуто и само христианство: ибо оно от воплощения Сына Божия и до второго пришествия Его на землю есть непрерывное чудо; должно быть отвергнуто и существование мира — ибо он с чуда начался, чудом держится, чудом и окончится. А история христианства на протяжении многих веков, его распространение и утверждение среди враждебных сил мира чем может быть объяснено, как не чудом, чем оно побе-

дило мир, как не сверхъестественной силой Божией? Наконец, по какому праву мы будем отвергать то, что засвидетельствовано лучшими представителями христианской религии, избранниками Божиими, которых «весь мир не был достоин», — сонмом апостолов, святителей и мучеников, которые свидетельство свое утвердили и запечатлели высокой жизнью, самоотвержением и подвигами для блага ближнего и кровью своей? Неужели потому только, что не хотим видеть Бога в жизни человека, или потому, что чудо превышает человеческие силы и понимание!.. Но первое — не основание, а лишь дурной повод для людей, которым лучше, чтобы Бога не было, потому что живут они не по-Божьему, дела их злы. Второе доказывает лишь ограниченность наших сил и в то же время безграничное киченье человека — его гордое притязание на то, чтобы мир устроен был по его пониманию, — и ничего более... Да разве только евангельские чудеса превышают естественные силы человека и не подлежат его исследованиям и научному пониманию? А в окружающей нас действительности разве все нам понятно и подлежит научному или другому какому исследованию? Зерно вырастает в былинку или дерево — какой же мудрец открыл и постигнул силу, производящую подобное превращение? Внешние условия выращивания понятны, но внутренняя сила его неуловима. А жизнь

570

человека, от зачатия до последнего вздоха, не есть ли еще большая тайна для ума! И всякая другая жизнь в глубочайшем основании своем, в сокровеннейшей сущности превышает понимание и силы человека, однако, никто на этом основании их не отвергает. Происхождение жизни, ее возрастание и умирание отнюдь не менее чудесны, чем чудеса евангельские — исцеление прокаженных, расслабленных, укрощение бури и др. Разница лишь в том, что в природе чудеса постоянны, к ним привыкли, а евангельские — исключительны и потому более поражают. Но те и другие творит одна сила, сила Божия, творит для блага человека и по любви к нему.

Воистину Господь любит человека и по бесконечному милосердию Своему непрестанно печется о нем: творит для него чудеса, врачует немощи, отверзает щедрую руку Свою для всякого даяния благого. Не нам, христианам, сомневаться в этом. Веруйте, братья, что Господь всегда и везде с нами и за нас: могуществу Его и милости к нам — нет конца. Утешайтесь этим: в бедствиях и несчастье молитесь Ему о помощи и спасении, а в радости благодарите Его за великие и богатые милости.

Свящ. Г. Проворов. Поучительное чтение.
Киев, 1895.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖИЯ В МИРЕ	7
Случайны ли «случайные» события?	7
Великая загадка жизни	17
Понятие о Промысле Божиим	49
Глава 2. В МИРЕ НЕТ НИЧЕГО СЛУЧАЙНОГО	59
Все происходит по воле Божией	59
Промышление Божие о наших нуждах	73
О том, почему происходят несчастья и бедствия	85
Почему Бог попускает бедствия и грехи? ..	101
Непостижимость судов Божиих	113
Глава 3. ДЕЙСТВИЕ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ	129
Необычные происшествия	129
Жизнь человека — цепь различных действий Промысла Божия	140

Чудеса на каждом шагу	178
Печаль ваша — в радость	183
Старец Паисий о Промысле Божиим	190
Как святой Ефрем Сирийский пришел к убеждению в бытии Промысла Божия	203
Необъяснимые чудесные спасения	205
Промысл Божий по учению Исаака Сирина	217
Промысл Божий в жизни человека	227

Глава 4. ДЕЙСТВИЕ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ОБРАЩЕНИИ ГРЕШНИКОВ

Как действует Бог в направлении грешника на путь истины	242
Примеры чудесных обращений грешников	249
О том, что препятствует благодати Божией проникнуть в сердце грешника	272
Почему покаяние, проникнувшее в сердце грешника, может остаться безуспешным? ..	282

Глава 5. ТАЙНЫ ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ КАК БОГ УПРАВЛЯЕТ МИРОМ

Промыслительное действие Бога в природе	307
Промысл Божий в истории	318
Необъяснимые совпадения в летописи истории	333
Тайны высшего домостроительства в исторических судьбах человечества	374
О том, почему попускаются бедствия и войны	393
Промысл Божий и Великая Отечественная война	396
Невидимое действие премудрой силы	408

Глава 6. О ТОМ, ПОЧЕМУ СТРАДАЮТ ЛЮДИ	424
Смысл страданий	424
Страдание и вера в Промысл Божий	462
«Стерпеть удар сей нестерпимый!»	473
Значение болезней	479
Молитвенное размышление об обращении во благо болезней	481
Молитва святителя Игнатия Брянчанинова	488

Глава 7. КАК БОГ НАПРАВЛЯЕТ ЖИЗНЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА	490
Существует ли судьба?	490
О Промысле и свободе воли	507
Открытие духовных очей на непрестанное о нас Промышление Божие	518
Как увидеть в своей жизни следы Промысла Божия?	529
Чувствования вездесущей Премудрости Божией	546
Разговор Бога с душой	555
Послесловие	566

О ТОМ, ПОЧЕМУ С НАМИ ПРОИСХОДЯТ «СЛУЧАЙНЫЕ» СОБЫТИЯ.

**ТАИНСТВЕННОЕ И НЕПОСТИЖИМОЕ ДЕЙСТВИЕ
ПРОМЫСЛА БОЖИЯ В ОКРУЖАЮЩЕМ НАС МИРЕ
И В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА**

© Фомин А.В. Составитель, 2008.

© ООО «Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2008.

**т. 8-916-915-83-65
novm@bk.ru**

© Верстка, оформление, обложка —
ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ»

В статье «Необъяснимые случайности» использован
фрагмент книги протопресвитера Михаила
Помазанского «Апологетические заметки»
(Миссионерские Листки 84b и 82b.
Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы.
Copyright © 1998 and Published by Holy Protection
Russian Orthodox Church).

Полное или частичное воспроизведение настоящего
издания каким-либо способом, включая электронные,
механические или магнитные носители,
в т.ч. фотокопирование, допускается только
с письменного разрешения
ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права на издание и название защищены.
Переиздание возможно только с письменного
разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Формат 70x100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 10000 экз. Заказ № 8641

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОВАЯ МЫСЛЬ»

КАК СПАСАТЬСЯ В МИРУ

Сейчас труднее, чем когда-либо, спасаться христианину из-за безмерно умножившихся соблазнов, расслабляющих душу столь тонко и незаметно, что путь креста и самоотвержения для христианина становится все более трудным. Но именно этот путь крестоношения заповедан Богом.

Книга о немощах современных мирян, о том, как нас уведят от Бога, о том, как бесы «работают» с душой человека, о том, что можно, а что нельзя православному христианину, приведены советы святых отцов и подвижников о спасении души и о том, как преодолеть искушения и соблазны современного мира.

КОГДА УМЕРШИЕ ПРИХОДЯТ ВО СНЕ. РАССКАЗЫ О ЯВЛЕНИЯХ УСОПШИХ СВОИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Очень многим людям снятся сны о близких или родственниках, покинувших уже этот мир. Во сне и те, и другие о чем-то говорят, обнимаются, как в реальной жизни. Затем, пробудившись, тот, кто видел такой сон, долго пребывает в раздумьях: что бы это значило? Пытается усмотреть в этом какой-то знак или предзнаменование. Есть ли смысл во всем этом? Книга о том, что происходит с человеком после того, как он умирает, и о том, как нужны ему наши молитвы, почему православные христиане молятся за умерших, и как помочь ушедшим от нас нашим родным и близким.

В нашей жизни есть масса событий, которые или остаются незамеченными, или приписываются случаю, но которые, при сколько-нибудь внимательном взгляде, носят на себе явную печать особенного Промысла, и всецело принадлежат к разряду таких явлений, в которых разумное соглашение средств с целью, всегда для нас спасительной, совершается вне нас самих и вне нашей воли.

Едва ли не у каждого из нас есть в прошлом факты, говорящие о связи с духовным миром, материалистически не объяснимые, ясно свидетельствующие, что над нами есть Недремлющее Око. Только многие люди закрывают глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать. Но чаще бывает, что люди помнят такие факты, да не в силах согласовать с их голосом свою жизнь. В минуты раздумья или задушевной беседы всплывает наверх это таинственное, чтобы потом снова уйти в тайники памяти.

О том, почему с нами происходят «случайные» события, о таинственном и непостижимом действии Промысла Божия в окружающем нас мире и в жизни каждого человека расскажет эта книга.

